

Ассессорский Институт Юридических Наук
Министерства Юстиции СССР

КУРС
СОВЕТСКОГО
ГРАЖДАНСКОГО
ПРАВА

МОСКВА 1950

Проф. И. Б. НОВИЦКИЙ
Проф. А. А. ЛУНЦ

347.4
Н-735

Проверено 1957 г.

ОБЩЕЕ УЧЕНИЕ
ОБ
ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕ

128055

код экземпляра 33434

Проверено 1968 г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

020.2
H73

В настоящем томе курса первая часть (главы I—V) написана проф. И. Б. Новицким, вторая часть (главы VI—VII) написана проф. Л. А. Лунцем.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Очерк развития советского обязательственного права

При изучении исторических процессов развития Советского государства и любой отрасли советского права следует исходить из учения товарища Сталина о двух главных фазах развития Советского государства. «Первая фаза — это период от Октябрьской революции до ликвидации эксплуататорских классов. Основная задача этого периода состояла в подавлении сопротивления свергнутых классов, в организации обороны страны от нападения интервентов, в восстановлении промышленности и сельского хозяйства, в подготовке условий для ликвидации капиталистических элементов. . . Вторая фаза — это период от ликвидации капиталистических элементов города и деревни до полной победы социалистической системы хозяйства и принятия новой Конституции. Основная задача этого периода — организация социалистического хозяйства по всей стране и ликвидация последних остатков капиталистических элементов, организация культурной революции, организация вполне современной армии для обороны страны»¹.

Социалистическая революция, уничтожив политические и социально-экономические основы царской России, смела и старую правовую надстройку.

Революция открыла новые горизонты, перспективы развития гражданского, в частности обязательственного, права на новой социалистической базе. С первых же дней революции земля перешла в собственность государства. Затем в течение 1917—1918 гг. к государству перешли и другие важнейшие средства и орудия производства — крупнейшие фабрики и заводы, а также банки, железные дороги, строения, внешняя торговля.

Национализация основных средств и орудий производства сильно укрепила молодую советскую власть в ее борьбе с классовым врагом — буржуазией, оказавшейся в значительной мере разоруженной, облегчила оборону Советского государства от многочисленных внутренних и внешних врагов. Вступали в жизнь социалистические предприятия, взаимоотношения которых требо-

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е стр. 605—606.

вали определенного урегулирования на основах нового, социалистического права. Рождались новые формы отношений и между гражданами на основе трудовой собственности, и эти особенности также должны были получить свое отражение в обязательном праве.

Но регулирование всех этих новых отношений было еще делом будущего. В самом начале развития Советского государства и права, в период становления Советского государства (от октября 1917 года до издания первой советской Конституции — июля 1918 года) не только не могло сложиться новое обязательственное право в мало-мальски законченном виде, с ответами на вопросы новой экономики и нового быта, но и сами эти вопросы еще не получили четкой формулировки. В первые месяцы революции внимание законодательной власти сосредотачивается на крупнейших вопросах, как декреты о земле, о национализации промышленности, внешней торговли, об едином суде, об актах гражданского состояния и др.; венцом и заключительным аккордом первого периода развития явилась Конституция РСФСР, имеющая огромное значение для всех вообще отраслей права.

В течение первого года революции задача законодательства сводилась по преимуществу к выкорчевыванию корней старого дореволюционного права.

Наряду с этим, поскольку менее значительные промышленные и торговые предприятия еще оставались в руках частных собственников, поскольку внутри страны еще не была проведена монополия хлебной торговли, постольку в какой-то мере еще сохранялся частный оборот. В 1918 году в работе «Очередные задачи советской власти» Ленин писал: «...руководя буржуазными элементами, используя их, делая известные частные уступки им, мы создаем условия для такого движения вперед, которое будет более медленнее, чем мы первоначально полагали, но вместе с тем более прочно, с более солидным обеспечением базы и коммунистической линии, с лучшим укреплением завоевываемых позиций»¹. Но для развертывания широкого имущественного оборота благоприятных условий не было, а потому и обязательственное право не могло иметь особенно большого значения.

Национализированные орудия и средства производства не могли быть предметом каких-либо гражданско-правовых сделок в старом понимании этого термина. Вместе с тем, государство принимает ряд мер, которые должны были подготовить переход от торговли к системе социалистического учета и распределения. Правда, эти мероприятия еще не были тогда проведены доста-

точно широко и последовательно, но самая постановка этого вопроса на очередь уже приводила к существенному умалению значения обязательственного права.

Что касается обязательств внедоговорных, в особенности обязательств из причинения вреда, то каких-либо законодательных актов в этой области отметить нельзя; решающее значение имело революционное правосознание. В условиях классовой борьбы судебная практика при решении вопросов об обязательствах из правонарушений нередко исходила не из принципа виновного причинителя, а из сопоставления социально-экономического положения причинителя вреда и потерпевшего.

Нормативный материал, относящийся к обязательственному праву первого периода советской истории, вообще чрезвычайно скуден. Но им, конечно, не охватывается вся система обязательственных отношений, какие в то время имели место в действительности. Несомненно, и в это время все-таки складывались различные отношения, какие подсказывались экономикой момента. В судебной практике шла большая работа по нащупыванию на основе судейского революционного правосознания новых норм. Но эта правотворческая работа за первый период почти не зафиксирована в каких-либо сборниках решений и т. п. Документальный материал этого рода относится, главным образом, к следующим периодам развития Советского государства и права¹.

«...Весной 1918 года начался переход... от экспроприации экспроприаторов» к организационному закреплению одержанных побед, к строительству советского народного хозяйства»².

В ряду очередных задач, стоявших тогда перед Советским государством, были: во-первых, довести до конца начатую и в значительной мере уже проведенную национализацию основных орудий и средств производства, то-есть обращение их в собственность Советской республики, в общенародное достояние трудящихся, и затем — хозяйственное освоение национализированных предприятий (по словам Ленина — «...обобществить производство на деле»³); во-вторых, в области распределения продолжать взятый еще в течение первого года революции курс на постепенную замену торговли планомерным, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов.

¹ В частности, издававшиеся НКЮ сборники под заглавием «Материалы НКЮ» также в основном относятся к следующему периоду истории Советского государства и права.

² История ВКП(б), Краткий курс, стр. 210.

³ Ленин, Очередные задачи советской власти, Сов. изд. 1-е, т. 23, стр. 213.

Осуществление этих задач осложнилось иностранной военной интервенцией и гражданской войной. Начавшая советской властью гигантская освободительная работа, имевшая целью уничтожение капитализма и построение социалистического хозяйства, встретила сопротивление свергнутых классов внутри страны и противодействие со стороны зарубежных капиталистов. В качестве первоочередной выступила задача — подавить сопротивление внутренней контрреволюции и защитить завоевания революции от внешних интервентов.

Страна была объявлена военным лагерем; вся хозяйственная и культурно-политическая жизнь была перестроена на военный лад, под лозунгом «все для фронта». При таких условиях усиливается применение административно-правового метода регулирования имущественных отношений. Была введена государственная монополия хлебной торговли, в связи с чем частная торговля хлебом была воспрещена; установлена система продовольственных разверсток, являвшаяся одним из основных принципов экономической политики этого периода. «... Без всеобщего, государственного учета и контроля за производством и распределением продуктов, — писал Ленин в «Очередных задачах советской власти», — власть трудящихся, свобода трудящихся удержаться не может, возврат под иго капитализма неизбежен»¹. Система продовольственных разверсток поставила отношения между производителями хлеба и других сельскохозяйственных продуктов и государством под действие административных актов (главным образом, органов Народного комиссариата продовольствия) и закрыла пути для развития в этой сфере отношений гражданского оборота. Рядом с этим, снабжение граждан важнейшими предметами было построено на принципах нормирования и распределения, а также оформлялось в порядке административно-правовых мероприятий со стороны государственных и кооперативных распределительных органов и не давало простора для развития договорных отношений.

Аналогичное явление наблюдается и в области промышленности. Следом за крупной промышленностью, национализированной еще в предыдущем периоде, национализируется ряд предприятий средней промышленности. Другие предприятия средней промышленности и мелкая промышленность ставятся под контроль государственной власти. Снабжение предприятий необходимыми материалами и сбыт их продукции проводятся также в административно-правовом порядке. Возникшие «центральные» и «главные» комитеты, управления и т. п. («центры» и «главки»), в которых стали сосредоточиваться национализированные и секвестрованные предприятия, распределяют в порядке нарядов

¹ Ленин, Соч. изд. 4-е, т. 27, стр. 225.

строго учитываемую продукцию (система «главкизма») и полностью или в значительной мере исключают применение гражданско-правовых обязательственных договоров.

В деле планирования распределения материальных ресурсов страны между наркоматами и главными управлениями имела большое значение «Комиссия использования», состоявшая в ведении Высшего Совета Народного Хозяйства (в позднее, с 17 марта 1921 г., — Совета Труда и Оборона).

Таким образом, в этот второй период советской истории — период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.) — круг обязательственных отношений, значительно сузившийся уже в первый год революции, продолжал сокращаться в связи с новыми социально-экономическими условиями. При этом так называемый гражданский оборот сохранился не только в отношениях между гражданами, но по существу его не было и между госорганами. Высшая арбитражная комиссия при СТО уже в последующие годы, касаясь снабженческих операций государственных предприятий за годы гражданской войны, характеризует их так: сфера применения договора купли-продажи в отношении государственных организаций была сильно ограничена ввиду того, что широко практиковалось плановое снабжение государственных потребителей той или иной продукции в порядке нарядов, а операции в таком порядке должны рассматриваться, как административные распоряжения по соответствующей отрасли промышленности¹.

В дополнение к этой характеристике следует отметить, что в положениях о «центрах» и «главках» нередко предусматривается право этих органов запрещать в случае надобности продажу продукции предприятий, входивших в данную систему².

Все это не означает, что в период гражданской войны для гражданских обязательств не осталось места и они вышли со сцены. Договор сохранил значение в области снабжения ненормированными товарами, в отношении которых не было административно-планового распределения. Кроме того, и договор купли-продажи и другие основные обязательственные договоры (имущественный наем, подряд и др.) сохраняли немалое значение в быту, в отношениях между гражданами.

С окончанием гражданской войны Советское государство получило возможность шире развернуть планомерное хозяйственное строительство. Годы войны, с начала империалистической, а

¹ Сборник решений Высшей Арбитражной Комиссии при СТО, III, 1924 г. № 107.

² См. например, постановление ВСНХ от 17 октября 1918 г. «О главных комитетах крахмало-паточной промышленности при ВСНХ» (СУ 1918 г. № 36, ст. 915); постановление ВСНХ от 30 января 1919 г. «О Главном и губернских комитетах кожевенной промышленности» (СУ 1919 г. № 2, ст. 41) и др.

затем — гражданской, потрясли и корню все народное хозяйство, и нужно было, прежде всего, направить усилия на то, чтобы залечить раны, нанесенные народному хозяйству, и подготовить условия для ликвидации капиталистических элементов в стране.

Учитывая значение мелкоотварного единоличного крестьянского хозяйства и мелкособственнические настроения среднего крестьянства, Партия и Правительство признали необходимым допустить в известной мере частную хозяйственную инициативу, индивидиуальный товарообмен. Тем самым имелось в виду положить хозяйственную основу под союз рабочего класса и крестьянства, установить рыночные формы смычки рабочего класса со средним крестьянством, без союза с которым нельзя было обеспечить завоевания революции.

Х съездом партии, состоявшимся 8—16 марта 1921 г., было принято решение о переходе к новой экономической политике. Этот же вопрос был центральным на IX Всероссийском съезде Советов 23—28 декабря 1921 г. Переход к новой экономической политике должен был привести к некоторому оживлению капитализма: допущению частной торговли, разрешению мелких частных промышленных предприятий; но при сложившейся обстановке иначе нельзя было преодолеть хозяйственную разруху.

Естественно, что эти положения новой экономической политики привели к расширению сферы применения обязательственного права. Однако частная торговля и частная промышленность были допущены лишь в известных рамках. Советское обязательственное право ни в какой мере не утрачивало своего социалистического характера. Советское право и в период зпа оставалось чуждо так называемым частно-правовым началам. Крайние рубежи, до которых было признано возможным допустить «частную стихию», были с достаточной определенностью очерчены в двух важнейших законодательных актах этого периода: в декрете «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР» от 22 мая 1922 г. и в Гражданском кодексе РСФСР и других союзных республик. Кроме того, этот третий период советской истории не сводился только к накоплению сил для будущего решительного социалистического наступления. Это — период «перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства». В период зпа были достигнуты решающие успехи в восстановлении народного хозяйства, так что стал возможен переход к новому периоду — к социалистической индустриализации страны. Социалистическое

¹ См. История ВКП(б). Краткий курс, стр. 237.

строительство успешно развивалось; а эта перестройка базиса не могла не отразиться и на правовой надстройке: формировалось социалистическое право.

Тем самым поставленный в экономике вопрос «кто кого» сам собой встал и в области права, и частности, в области обязательственного права. Дальнейшие годы показали, что Гражданский кодекс РСФСР (и аналогичные с ним кодексы других союзных республик) оказались удачными с точки зрения тех задач, которые стояли перед ними: использовать в необходимых размерах частную инициативу в целях скорейшего восстановления народного хозяйства, но вместе с тем обеспечить дальнейшее социалистическое строительство. По мере роста социалистического строительства оказалось возможным, сохраняя в основном постановления Гражданского кодекса, регулировать договоры граждан, проявлять организующее влияние на условия рынка, суживать пределы, отведенные для «частной» деятельности, ширить и укреплять социалистические отношения.

Создав все необходимые условия для развития производительных сил и оживления товарообмена, допустив при этом в известных пределах к промышленной и торговой деятельности также частную инициативу, государство, однако, сохранило за собой командные хозяйственные высоты. Это дало возможность обеспечить за государством руководство хозяйственной жизнью и направление классово-борьбы, которая должна была разгореться в новых условиях хозяйственной жизни.

В первые годы после издания Гражданского кодекса встречались как за рубежом, так и внутри страны утверждения, будто советский Гражданский кодекс есть не больше, как сколок с западноевропейских кодексов. Такие утверждения в лучшем случае свидетельствовали о полном непонимании характера и направленности Гражданского кодекса, а чаще — носили злобный, клеветнический характер. Содержание Гражданского кодекса вообще, раздела обязательственного права в частности, напротив, показывает социалистическую природу кодекса, удачно ответившего на требования экономики момента и, вместе с тем, не только не препятствовавшего, но положительно содействовавшего дальнейшему социалистическому строительству.

Гражданские кодексы, изданные в других союзных республиках, в основном совпадали с Гражданским кодексом РСФСР. В последующем в них вносились изменения и дополнения и по собственной инициативе законодательства данной республики, и путем использования, в качестве образца, новелл, принятых в Гражданском кодексе РСФСР или других союзных республик, и в связи с изданием общесоюзных постановлений¹. Но вообще

¹ Х. Э. Бахтиярсаицев, К истории гражданского законодательства союзных социалистических республик, 1948, стр. 74.

принципиальное сходство в сходство ряда отдельных норм во всех гражданских кодексах союзных республик сохранились.

Постановления Гражданского кодекса позволили судебной и арбитражной практике учесть значение договора и в сфере, отведенной для применения частной инициативы в целях восстановления народного хозяйства, и в новой области договорных отношений на почве применения хозрасчетного метода управления промышленностью. Особенно ценным было то, что оказалось возможным внести единство конечных целей в регулирование договорных отношений и в той и в другой области. Сохраняя за государственной властью руководящую роль в экономической борьбе, Гражданский кодекс оказался в руках государства отличным оружием в этой борьбе, способствовавшим конечной победе социализма.

Для характеристики применения обязательственного права в сфере отношений между государственными предприятиями необходимо учесть, что с переходом на мирную хозяйственную работу одним из основных начал в построении и деятельности советских хозяйственных органов стал хозяйственный расчет. При этом первоначально имелось в виду, что снабжение государственных предприятий будет производиться в централизованном порядке от государства, а сбыт продукции предприятий будет, в основном, вестись в порядке организованного обмена на продукцию сельского хозяйства. Однако эти правовые формы деятельности хозрасчетного предприятия (централизованное снабжение, организованный товарообмен) в то время не внедрили в жизнь в связи с общими социально-экономическими условиями начала восстановительного периода. А в соответствии с этим вскоре изменилось понимание хозяйственного расчета, изменились и правовые формы деятельности хозрасчетных предприятий. Новое понимание хозяйственного (коммерческого) расчета нашло правовое выражение в первом Положении о трестах 10 апреля 1923 г.¹ Это Положение переходит от начала самокупаемости предприятий (характеризовавшей хозрасчет в первоначальном понимании) к хозяйственному (коммерческому) расчету в новом понимании; перед хозрасчетным предприятием ставится также цель извлечения прибыли. Такое изменение в понимании хозрасчета было вызвано необходимостью укрепить государственные предприятия, чтобы они могли успешнее бороться с частным капиталом, чтобы были созданы для них условия, при которых они могли бы постепенно вытеснить капиталистов. Организованный в 1918—1919 гг. прямой товарообмен оказывался преждевременным: государственными предприятиями необхо-

димо было научиться торговать, необходимо было перебраться из «значительной степени на коммерческие основания»¹.

В соответствии с новым пониманием хозяйственного расчета основной правовой формой реализации продукции предприятий, объединяемых трестами, стал договор (как заключаемый трестом самостоятельно, так и по предложению внешних органов). При этом оперативная работа трестов находилась под плановым воздействием государственной власти в разных отношениях. На оперативной работе треста отразилась политика цен (регулирующие цены), проводимая под углом зрения стимулирования отдельных отраслей промышленности и перераспределения государственных средств из одной отрасли в другую, в связи с развитием производительных сил и необходимостью смычки города с деревней; плановое регулирование направлено было и на то, чтобы производственные планы промышленных предприятий строились в соответствии с потребностями страны и т. д.

Плановое начало нашло выражение в занаряживании продукции государственных предприятий для удовлетворения потребности бюджетных органов (ст. 49 Декрета о трестах от 10 апреля 1923 г., СУ 1923 г. № 29, ст. 336)², в объединении промышленного снабжения и сбыта в руках государственных синдикатов³, в создании в 1923 г. («Вестник ЦИК и СНК и СТО СССР» 1923 г. № 8, ст. ст. 248 и 256) Комитета государственных заказов (который составлял подлежащий утверждению Советом Труда и Обороне план государственных заказов военного ведомства, НКПС и других — металлургической, каменноугольной, нефтяной и другим отраслям промышленности), в регулировании завоза промышленных товаров прежде всего в районы хлебных и сырьевых заготовок и т. д.

Проведение хозяйственного расчета, как основного метода работы государственных предприятий, и поставленная в порядке дня задача проведения планового начала, перехода к последовательному социалистическому плановому строительству укрепляли значение договора, которому предстояло в плановом хозяйстве служить наилучшим средством сочетания хозрасчета и плана, и тем самым занять видное место в гражданском праве. С другой стороны, допущение в известных пределах частной инициативы, частной предпринимательской деятельности также усиливало значение договора, как основания возникновения обязательств в прежнем значении.

¹ Ленин, Соч., т. XXVII, стр. 148.

² Это имело большое значение в деле обеспечения железных дорог паровозами, вагонами и т. д.

³ Первым был учрежден (в начале 1922 г.) Всероссийский государственный синдикат.

Часть первая

В практике арбитражных комиссий постоянно подчеркивается важность устойчивости договорных отношений между органами государственного хозяйства заключенных договоров. «В интересах охраны договоров хозяйства важнее соблюдать общий принцип, ведущий к планомерному развитию хозяйства в целом, чем в отдельном случае освободить сторону от исполнения ею невыполнимого договора»¹.

Арбитражные комиссии много сделали в том направлении, чтобы добиться от госорганов понимания значения договора, систематического оформления договоров их взаимных хозяйственных связей и уважения заключенных договоров.

В период новой экономической политики крестьянам было предоставлено право свободной торговли продуктами сельского хозяйства, остающимися у них после выполнения натурального налога. Кустари и мелкие промышленники получили право продажи своих изделий. Гражданский кодекс (ст. 5) предоставил гражданам право организовывать торговые предприятия. С другой стороны, государственным предприятиям, снятым со всех видов государственного снабжения, предоставлено право реализации их продукции на рынке².

Таким образом, в период нэпа сфера действия обязательственного права становится весьма широкой.

Напряженная борьба с классовым врагом, идущая в течение всего этого периода и переходящая в следующий период, все больше обостряясь и углубляясь, имела своим последствием перемещение центра тяжести в области договорных отношений. Помещение центра тяжести в области договорных отношений над бедою советской государственной и кооперативной торговли над частной торговлей, вытеснение государственным и кооперативными предприятиями частного из области промышленности должны были сократить поле применения договора в отношениях частных торговцев и предпринимателей. В то же время усиление планового начала в деятельности хозорганов сопровождалось увеличением удельного веса договора, как средства претворения плана в жизнь.

Первые же годы борьбы за восстановление народного хозяйства дали значительные результаты. В области сельского хозяйства из года в год стала увеличиваться площадь засева и расти сельскохозяйственная продукция. Промышленность и транспорт восстанавливались и крепли. К 1925 году Партия и Правительство добились поднятия народного хозяйства до его довоенного уровня.

¹ Сборник решений Высшей Арбитражной Комиссии при ГТО, I (У), 1925 г. № 486.

² Декрет СНК РСФСР от 27 октября 1921 г. (СЗ 1921 г. № 72, ст. 577).

XIV съездом партии была выдвинута, в качестве очередной, задача борьбы за социалистическую индустриализацию страны. Период борьбы за социалистическую индустриализацию страны (1926—1929 гг.) характеризуется одновременно также переходом к широкой коллективизации сельского хозяйства на строго добровольных началах и к созданию системы крупного государственного социалистического сельскохозяйственного производства. Решительный переход к коллективизации сельского хозяйства предвещал необходимость решительного наступления на кулачество, всемерно противодействовавшего процессу коллективизации. Наступление на кулачество привело в дальнейшем к ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации сельского хозяйства.

Вместе с тем усилилось наступление на капиталистические элементы города. Все это подготовило окончательную победу социалистической системы хозяйства.

Эти процессы в области политики и экономики отразились и на обязательственном праве этого периода. Договор все больше внедряется в сферу социалистического хозяйства; в форме и на основе договоров складываются взаимные отношения хозорганов, в которые они вступают между собой на почве выполнения своих промфинпланов. Договор проникает в плановое социалистическое хозяйство, но взаимно и принцип планирования отражается на понимании договора; плановое начало пронизывает собой смысл и содержание договорных отношений.

В этом периоде идет энергичная работа судов и органов арбитража по применению норм Гражданского кодекса в новых условиях экономики, и особенно в целях регулирования отношений государственных и кооперативных организаций.

Обязательства из причинения вреда (внедоговорные) регламентируются по принципу вины. Впрочем, от потерпевшего не требуется доказательства виновности причинителя: его вина презюмируется, и если причинитель утверждает, что он не виновен, он должен это доказать (ст. 403 ГК). Вред, причиненный источником повышенной опасности (железные дороги, трамвай и т. д.), возмещается независимо от вины лиц и предприятий, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих; за вред в этих случаях нет ответственности только тогда, если доказана непреодолимая сила, либо умысел или грубая небрежность самого потерпевшего (ст. 404 ГК). Наконец, в исключительных случаях суд может обязать причинителя вреда, не обязанного по изложенным правилам его возмещать, возместить вред в зависимости от имущественного положения причинителя и потерпевшего (ст. 406 ГК).

В конце 1929 года, в связи с ростом колхозов и совхозов, советская власть переходит от политики ограничения кулачества

элементов и политике ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации.

Товарищ Сталин в речи на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. указывал, что нельзя в продолжение более или менее долгого периода времени базировать советскую власть на социалистическое строительство на двух разных основах — на основе самой крупной и объединенной социалистической промышленности и на основе самого раздробленного и отсталого мелкотоварного крестьянского хозяйства и что выход в том, чтобы укрупнить сельское хозяйство, причем с советским хозяйством совместим, конечно, не капиталистический, а социалистический путь укрупнения¹.

В Кратком курсе истории партии ликвидация кулачества как класса характеризуется в качестве глубочайшего революционного переворота, равнозначного по своим последствиям революционному перевороту 1917 года².

Ликвидацией эксплуататорских классов закончилась первая фаза развития Советского государства и началась вторая фаза его развития.

Параллельно с успешной борьбой за коллективизацию сельского хозяйства (1930—1934 гг.) были достигнуты дальнейшие крупные результаты в области социалистической индустриализации. Из страны аграрной СССР превратился в страну индустриальную, из страны мелкого единоличного сельского хозяйства стал страной коллективного крупного механизированного сельского хозяйства.

На XVII съезде партии товарищ Сталин сказал: «Факты говорят, что мы уже построили фундамент социалистического общества в СССР и нам остается лишь увенчать его надстройками...»³.

Построение социализма означало господство планового начала, а по мере усиления планового начала в народном хозяйстве усиливалось и значение хозрасчета, так как последовательное проведение хозрасчета в социалистическом предприятии есть одно из основных условий выполнения и перевыполнения плана. Необходимость внедрения хозрасчета указывается в числе исторических «шести условий» развития промышленности, выдвинутых товарищем Сталиным в его речи на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. Значение хозрасчета подчеркивается в любом законодательном акте мало-мальски общего характера, изданном за этот период. Вместе с ростом значения хозрасчета

¹ См. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 277—278.

² См. История ВКП(б), Краткий курс, стр. 291.

³ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 451.

усиливается и значение договора, как наилучшей формы сочетания плана и хозрасчета.

На необходимость для хозорганов оформлять свои отношения договорами неустанно указывается в законодательстве: постановление СНК СССР от 20 марта 1931 г., постановление ЦИК и СНК СССР от 18 февраля 1931 г., постановление СНК СССР от 3 января 1933 г., постановление СНК СССР от 19 декабря 1933 г. и др. Два последних из названных постановлений принадлежат к числу ежегодно издававшихся законов о договорных компаниях. Эти постановления приобрели значение одного из основных источников договорного права данного периода и сохранили значение до настоящего времени; в них получены разрешения вопросы и об общих формах договорных связей и о конкретном содержании договоров, а также подчеркнуто важное оперативное значение договора, как орудия борьбы за план.

Достигнутые успехи социалистического строительства создают твердую базу для дальнейшего укрепления планового начала и предъявляют ко всем хозяйственным организациям повышенные требования в смысле установления строгой плановой дисциплины и ответственности за выполнение заключенных договоров. Большую роль в деле укрепления договорной дисциплины сыграла арбитражная практика. Развиваются плановые договоры, в особенности, поставка и подряд в области капитального строительства.

В связи с ростом производства промышленных товаров и увеличением продукции зерна разворачивается колхозная торговля. В постановлениях СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 6 мая 1932 г. о плане хлебных заготовок из урожая 1932 года и о развертывании колхозной торговли хлебом и от 10 мая 1932 г. о плане ското-заготовок и о мясной торговле колхозов, колхозников и единоличных трудящихся крестьян, а также в постановлении ЦИК и СНК СССР от 20 мая 1932 г. о порядке производства колхозной торговли (СЗ СССР 1932 г. № 38, ст. 233) проведена установка на сочетание двух методов в области снабжения: государственных заготовок и колхозной торговли. Тем же постановлением от 20 мая 1932 г. частным лицам запрещено заниматься торговлей.

Введением колхозной торговли расширялась база товарооборота между городом и деревней и улучшалось снабжение города сельскохозяйственными продуктами, а крестьян — городскими изделиями. Одновременное запрещение частной торговли имело в виду искоренение перекупщиков и спекулянтов, борьбу с остатками капиталистических элементов. Именно господствующее положение государственной кооперативной колхозной торговли дало возможность (как говорится в постановлении ЦИК СССР от 15 января 1933 г. о народнохозяйственном плане СССР на 1933 год — СЗ СССР 1933 г. № 6, ст. 13) развернуть борьбу за

полное искоренение спекулянтско-капиталистических элементов в товарообороте.

Огромное значение в области развития обязательственного права имела кредитная реформа. Достигнутый уровень экономики потребовал сосредоточения всего дела кредитования в руках банка с полной ликвидацией так называемого коммерческого кредитования (непосредственно одним предприятием другого), как нарушающего планирование. Одной из основных задач, имевшихся в виду при проведении кредитной реформы, было: внедрить установленные партией и Правительством принципы хозяйственного расчета и устранить прямое кредитование одним госорганом другого в какой бы то ни было форме. Банковское кредитование стало единственной формой кредитования. Госорган не вправе отзывать другому госоргану товары в кредит, не вправе, следовательно, равнодушно относиться к взысканию его счетов; с другой стороны, оплата счетов до отгрузки товаров также представляет собой неотъемлемое явление с точки зрения кредитной реформы. Государственным органам, кооперативным организациям и смешанным акционерным обществам (без участия иностранного капитала) воспрещено отзывать друг другу товары или оказывать услуги в кредит, а также выдавать друг другу авансы и задатки (за немногочисленными исключениями).

В 1936 году Чрезвычайным VIII Всесоюзным съездом Советов принята новая Конституция СССР. «К 1936 году совершенно изменилась экономика СССР. К этому времени полностью были ликвидированы капиталистические элементы, — победила социалистическая система во всех областях народного хозяйства»¹. «Главную основу... новой Конституции СССР составляют принципы социализма, его основные устои, уже завоеванные и осуществленные: социалистическая собственность на землю, леса, фабрики, заводы и прочие орудия и средства производства; ликвидация эксплуатации и эксплуататорских классов; ликвидация привилегий большинства и роскоши меньшинства; ликвидация безработицы...»². На основе этого важнейшего законодательного акта нашей эпохи идет все дальнейшее развитие права. В стране победившего социализма перед законодательством стоит задача не только полно и четко отразить экономику социалистического общества, но и активно содействовать дальнейшему развитию социалистического строительства на путях постепенного перехода от социализма к коммунизму, все шире и глубже проводить социалистическую систему хозяйства, социалистическое планирование.

В области обязательственного права имеет существенное значение, что в хозяйственной деятельности социалистических предприятий все тверже и последовательнее проводится хозяйственный расчет в соответствии с народнохозяйственным планом. Отношения между хозяйственными органами оформляются путем договоров, которые являются лучшим средством сочетания плана и хозяйственного расчета.

Наряду с все увеличивавшимся значением договора в социалистическом хозяйстве в данном периоде развивается практика установления обязательственных отношений между социалистическими организациями путем административных актов без заключения договоров. 7 апреля 1935 г. издано постановление СТО (СЗ СССР 1935 г. № 21, ст. 167), по которому заводы, производящие автомашины, обязаны их сдавать социалистическим организациям, согласно утвержденному правительством плану распределения, без оформления договорами отношений с покупателями. На таких же началах построена сдача совхозами своей продукции государству. Такое бездоговорное возникновение обязательств между социалистическими организациями непосредственно из административного акта планирования в конце 30-х годов получило довольно широкое применение. Так, постановлением Экономсовета при СНК СССР от 29 ноября 1939 г. «Об утверждении «Общих условий поставки металлопродукции» был установлен порядок (просуществовавший до издания постановления Совета Министров СССР от 21 апреля 1949 г., СП СССР 1949 г. № 9, ст. 68), по которому обязательства по поставке черных металлов возникают без заключения договоров между поставщиком и покупателем; взаимные права и обязанности сторон регламентируются в этих случаях «Основными условиями поставки».

Отпала договорная форма также в некоторой сфере отношений между экспортными объединениями и наркоматами-поставщиками относительно поставок товаров для экспорта. Если раньше эти отношения определялись заключаемыми между этими организациями договорами, то утвержденными в 1940 году условиями поставки на экспорт (СП СССР 1940 г. № 27, ст. 636) установлено, что фондируемые и регулируемые товары выделяются для экспорта наркоматами-поставщиками по постановлениям и распоряжениям Экономического Совета при СНК СССР, с одновременным указанием источников покрытия выделяемой для экспорта продукции. Экспортные объединения выдают наркоматам-поставщикам заказы-наряды; товар должен сдаваться по этим заказам-нарядам в указанные в них сроки. (Постановлением Совета Министров СССР от 21 апреля 1949 г. бездоговорное установление обязательств социалистических предприятий признано снижающим ответственность поставщика.

¹ История ВКЛ(б), Краткий курс, стр. 327.

² Сталин, О проекте Конституции Союза ССР, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 515—516.

ослабляющим дисциплину в выполнении обязательств и т. д. Ввиду этого круг безоговорочных обязательств в настоящее время сокращен до минимума).

В разработке договорных обязательств немалую роль сыграла практика судебная и арбитражная, способствовавшая выяснению и правильному применению законодательства. Суды и органы арбитража развивают энергичную борьбу за последовательное проведение хозрасчета и за договорную, плановую, финансовую дисциплину, в качестве одного из условий хозрасчета.

Во время Великой Отечественной войны возник ряд новых отношений, которые требовали регулирования, но которые не могли быть прямо предусмотрены довоенным правом. В особенности эвакуация и перебазирование ряда предприятий требовали тех или иных дополнений или разъяснений законодательства.

Изменения, внесенные под влиянием войны в советское гражданское право, в частности, в обязательственное право, не имели характера радикальной ломки или переработки предвоенного гражданского законодательства.

Это, с одной стороны, свидетельствует о жизнеспособности советского социально-экономического строя и того законодательства, которое было выработано до войны. С другой стороны, это объясняется тем, что благодаря мудрой политике Партии и Правительства и проявленному населением патристическому подъему оказалось возможным уже в ходе самой войны не только приступить к заживлению ран, нанесенных войной, но и не прерывать дальнейшего социалистического строительства во всех отраслях народнохозяйственной жизни. Таким образом, общий характер социально-экономических отношений, обусловивший предвоенное обязательственное право, в значительной мере сохранился и в военные годы. Это обстоятельство дало себя знать и в области правовой надстройки; в частности, осталось возможным сохранить, в основном, довоенное обязательственное право и ограничиться отдельными частными поправками¹.

Применение права военного периода характеризуется строжайшим соблюдением социалистической законности. В связи с этим поднимается значение принципа ненарушимости договора.

Вместе с тем, отмеченная выше практика установления обязательственных отношений между социалистическими организа-

¹ Применительно к обязательствам поставки товаров З. И. Шкундия («Обязательство поставки товаров в советском праве», стр. 55) правильно замечает, что специфические запросы и нужды военного времени были разрешены путем усиления планового руководства и повышения гибкости, оперативности и конкретности плановых заданий и что эти особенности планирования в условиях военного времени раскрываются... в конкретном содержании плановых актов и лишь частично находят отражение в изменениях действующего законодательства». Это замечание справедливо и для ряда других обязательственно-правовых отношений.

циям непосредственно из административных актов, без оформления договорами, продолжается и в эти годы. На этой почве в некоторых отраслях промышленности особенно возрастает значение издаваемых центральными правительственными органами «Основных условий поставки». Так, например, отношения Главснабгтя при СНК СССР и Главнефтеснаба при СНК СССР с потребителями их продукции стали регулироваться основными условиями поставки и нарядами-заказами без заключения договоров (постановление СНК СССР от 17 декабря 1942 г. — СП СССР 1942 г. № 11, ст. 191; с изданием постановлением Совета Министров СССР от 21 апреля 1949 г. для поставок угля и нефтепродуктов опять восстановлено договорное оформление).

Победоносно закончив войну, Советский союз снова вступил в период мирного социалистического строительства. «Успешно начав еще в ходе Отечественной войны восстановление разрушенного хозяйства районов, подвергавшихся оккупации, Советский Союз в послевоенный период продолжает восстановление и дальнейшее развитие народного хозяйства на основе государственных перспективных планов, определяющих и направляющих хозяйственную жизнь СССР»¹. Эта колоссальная работа открывает широчайшие перспективы для развития обязательственного права.

Подытоживая обзор развития обязательств в советском праве, можно сказать, что в истории советского обязательственного, в частности договорного права, отчетливо намечаются две основных линии. С одной стороны, наблюдается внутреннее преобразование понятий обязательства и договора, в которых отразились основные этапы развития советской экономики: национализация основных средств и орудий производства, выкорчевывание корней старого эксплуататорского строя, восстановление и социалистическая реконструкция всего народного хозяйства, широкое социалистическое строительство, имевшее результатом достижение первой фазы коммунизма — социалистического строя и, наконец, напряженная и успешная работа, направленная на переход к высшей фазе — коммунизму. Выработались новые социалистические понятия обязательства и договора. С другой стороны, наблюдается рост применения обязательств как в отношениях между социалистическими организациями, так и в тех отношениях, где на одной или на обеих сторонах стоят граждане.

¹ Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 гг.

Гигантские перспективы, открывшиеся на основе успешного выполнения пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 гг., позволяют предсказать и укрепление и развитие в ближайшем будущем обязательственного права. В пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 гг. поставлены, наряду с другими, также следующие задачи: развернуть массовый производственный оборот предметов широкого потребления, увеличить производство предметов широкого потребления, укрепить денежное обращение и кредитные отношения в народном хозяйстве; поднять значение прибыли и хозяйственного расчета в народном хозяйстве, как дополнительного стимула роста производства. Эти задачи при своем осуществлении вызывают неизбежно увеличение удельного веса договора, как наиболее удобного и испытанного средства правового оформления отношений, которые складываются и будут развиваться в ближайшее время. Эта перспектива получила уже выражение в постановлении Совета Министров СССР от 21 апреля 1949 г. «О заключении хозяйственных договоров». В этом нормативном акте ярко подчеркнуто важное значение договора, как орудия борьбы за план, показаны отрицательные черты бездоговорных поставок (вследствие чего сфера применения бездоговорных поставок резко сокращена), восстановлена широкая практика применения генеральных и локальных договоров, усилено значение «основных (общих) условий» поставки и пр.

Социалистическое обязательственное право вступило в период роста и развития в связи с ростом и развитием хозяйственной жизни.

§ 2. Действующее советское законодательство об обязательствах

Основной нормативный материал действующего советского обязательственного права содержится в Гражданском кодексе РСФСР и в гражданских кодексах других союзных республик. Гражданский кодекс РСФСР (в дальнейшем изложении называемый ГК) был принят 4-й сессией ВЦИК IX созыва 31 октября 1922 г. и введен в действие с 1 января 1923 г. (история дальнейших изменений гражданских кодексов как РСФСР, так и других союзных республик дана в очень обстоятельной работе Х. Э. Бахаревича «К истории гражданских кодексов советских социалистических республик», 1948 г.). Не все советское обязательственное право содержится в Гражданском кодексе. За пределами кодекса урегулированы многие существенные институты обязательственного права; наряду с этим, некоторые институты, урегулированные в Гражданском кодексе, регулируются, кроме того, еще и другими нормативными актами.

Согласно Сталинской Конституции, подлежит изданию Гражданский кодекс СССР; гражданское право должно стать единым для всего Советского Союза (конечно, этим не исключается и республиканское гражданское законодательство, целью которого будет урегулирование тех отношений, которые отличаются некоторым своеобразием в различных союзных республиках). Проект Гражданского кодекса СССР разрабатывается. Но и в настоящее время многие вопросы гражданского права разрешены именно союзным законодательством; значение этого источника растет с каждым годом.

Невозможно и нет надобности давать здесь перечень всех нормативных актов, относящихся к обязательственному праву; необходимо назвать лишь основные из них.

1. Прежде всего и в области обязательственного права (как и других разделов права) исключительно важное значение имеет Сталинская Конституция, именно главы I и X.

2. Ряд важных нормативных актов регулирует специально обязательственные отношения между социалистическими организациями. К числу таких актов относятся следующие: постановление ЦИК и СНК СССР от 18 февраля 1931 г. «Об ответственности за невыполнение заказов и поставок по договорам для обобществленного сектора народного хозяйства» (СЗ СССР 1931 г. № 10, ст. 109); постановление СНК СССР от 3 января 1933 г. «О заключении договоров на 1933 год» (СЗ СССР 1933 г. № 1, ст. 4); постановление СНК СССР от 19 декабря 1933 г. «О заключении договоров на 1934 год» (СЗ СССР 1934 г. № 73, ст. 445); постановление СНК СССР от 14 декабря 1934 г. «О заключении договоров на 1935 год» (СЗ СССР 1934 г. № 63, ст. 456); постановление СНК СССР от 15 января 1936 г. «О заключении договоров на 1936 год» (СЗ СССР 1936 г. № 3, ст. 27); постановление СНК СССР от 29 ноября 1938 г. «О заключении договоров на 1938 год» (СП СССР 1938 г. № 53, ст. 302); постановление Совета Министров СССР от 21 апреля 1949 г. «О заключении хозяйственных договоров» (СП СССР 1949 г. № 9, ст. 68); ряд инструкций Госарбитража СССР, утвержденных СНК СССР, и др.

3. Гражданский кодекс не дает норм, специально посвященных перевозке. Отношения по перевозке регулируются отдельными актами. Наиболее крупными из них являются: Кодекс торгового мореплавания СССР, утвержденный ЦИК и СНК СССР 14 июня 1929 г. (СЗ СССР 1929 г. № 41, ст. 366), Устав железных дорог СССР, утвержденный СНК СССР 10 февраля 1935 г. (СЗ СССР 1935 г. № 9, ст. 73), Устав внутреннего водного транспорта, утвержденный СНК СССР 24 октября 1930 г. (СЗ СССР 1930 г. № 33, ст. 582), Воздушный кодекс СССР, утвержденный ЦИК и СНК СССР 7 августа 1935 г. (СЗ СССР 1935 г. № 43, ст. 359).

4. В Гражданском кодексе, кроме норм о договоре займа и некоторых отдельных правил (например, ст. ст. 255, 257), нет положений, специально регулирующих кредитно-расчетные отношения. Большинство норм, посвященных этой проблеме, находятся вне Гражданского кодекса. Важнейшими актами в этой области являются: постановление ЦИК и СНК СССР от 30 января 1930 г. о кредитной реформе (СЗ СССР 1930 г. № 8, ст. 98), постановление СНК СССР от 14 января 1931 г. о мерах улучшения практики кредитной реформы (СЗ СССР 1931 г. № 4, ст. 52), постановление СНК СССР от 20 марта 1931 г. об изменении в системе кредитования, укреплении кредитной работы и обеспечении хоарасчета во всех хозорганах (СЗ СССР 1931 г. № 18, ст. 116), постановление СНК СССР от 11 октября 1934 г. об упорядочении практики банковских расчетов между хозорганами (СЗ СССР 1934 г. № 48, ст. 376), постановления СНК СССР от 4 июня 1936 г. и от 5 августа 1936 г. об изменении кредитования товарооборота (СЗ СССР 1936 г. № 31, ст. 278 и № 44, ст. 380) и изданные на основании этих постановлений инструкции Государственного Банка СССР.

Кроме того, ряд обязательственно-правовых норм содержится в Уставе Государственного Банка и в Уставе государственных трудовых сберегательных касс СССР. Наконец, сюда же относятся: Положение о переводном и простом векселе (СЗ СССР 1937 г. № 52, ст. 221), Положение о чеках (СЗ СССР 1929 г. № 73, ст. 697), постановление ЦИК и СНК СССР о договоре контокоррента (СЗ СССР 1930 г. № 38, ст. 409).

5. Многочисленные нормы, относящиеся к обязательственному праву, содержатся в живом законодательстве.

6. Довольно много материала по обязательственному праву находится в законодательстве по авторскому праву и об изобретениях. См. постановление ЦИК и СНК СССР от 16 мая 1928 г. об основах авторского права (СЗ СССР 1928 г. № 27, ст. 246), постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 ноября 1928 г. об авторском праве (СУ РСФСР 1928 г. № 132, ст. 861), типовой издательский договор, утвержденный Наркомпросом и Наркомторгом РСФСР («Еженедельник Наркомпроса» 1929 г. № 16/17), Положение об изобретениях и технических усовершенствованиях, утвержденное СНК СССР 5 марта 1941 г. (СП СССР 1941 г. № 9, ст. 150) и инструкция СНК СССР от 27 ноября 1942 г. «О вознаграждении за изобретения, технические усовершенствования и рационализаторские предложения» (СП СССР 1942 г. № 10, ст. 178).

7. Ряд норм обязательственного права (алиментные обязательства) содержится в ЕЗобСО.

8. Имеют большое практическое значение различные ведомственные инструкции, а также специальные правила (Гоструйсберхассы, Госстраха, Министерства торговли и др.).

§ 3. Состояние научной разработки советского обязательственного права

1. Академик А. Я. Вышинский в своей работе «К положению на фронте правовой теории»¹ говорил о том, что советское право является могучим оружием революционной борьбы за социализм. Это замечание справедливо также и в отношении советского гражданского права, которое опосредствует экономику социалистического общества. В советском гражданском праве отражаются основные черты экономики социалистического общества и закономерности ее развития. Но здесь необходимо иметь в виду взаимосвязь экономики и права. Если производственные отношения являются основой, определяющей в конечном счете все развитие общества, то идеологические надстройки, в частности право, способны проявлять обратное воздействие на экономический базис.

«Надстройка порождается базисом, но это вовсе не значит, что она только отражает базис, что она пассивна, нейтральна, безразлично относится к судьбе своего базиса, к судьбе классов, к характеру строя. Наоборот, появившись на свет, она становится величайшей активной силой, активно содействует своему базису оформиться и укрепиться, принимает все меры к тому, чтобы помочь новому строю доконать и ликвидировать старый базис и старые классы»².

Так и в советском гражданском праве имеет место не простое пассивное отражение экономики. В руках социалистического государства гражданское право является важным орудием сознательного воздействия на экономику в целях ее скорейшего развития на основе осознанных закономерностей этого развития; оно послужило одним из орудий для построения социалистического общества и в настоящее время должно способствовать постепенному переходу от социализма к коммунизму. В частности, в разделе обязательственного права гражданское право непосредственно способствует успешному проведению принципа планирования, укрепляя договорную, финансовую, кредитную, плановую (в широком смысле) дисциплину. В соответствии с этим не маловажна и та роль, которая выпадает на долю науки советского граждан-

¹ См. А. Я. Вышинский, К положению на фронте правовой теории, 1937, стр. 3.

² Сталин, Относительно марксизма в экономике, изд. «Прогресс», 1950, стр. 5.

ского (в частности обязательственного) права, ибо советская наука должна развиваться в непосредственной связи с социалистическим строительством, содействовать этому строительству, чтобы не было того «разрыва между практическими успехами и развитием теоретической мысли», который был подчеркнут в отношении экономической науки в выступлении товарища Сталина на конференции аграрников-марксистов в 1929 году.

Единственно научный метод — метод диалектический, единственно научная теория — теория марксизма-ленинизма позволяет познать законы общественного развития, дает возможность предвидения, обеспечивает правильность правового регулирования общественных отношений.

Представляется небезынтересным оглянуться на путь, пройденный советской наукой в этой специальной отрасли, чтобы судить о том, что сделано советской наукой в отношении теоретической разработки важнейших проблем обязательственного права. Такой обзор состояния научной разработки советского обязательственного права должен конкретно выявить и ближайшие задачи, которые должны быть разрешены советской цивилистической наукой в этой специальной области.

2. Марксистско-ленинская разработка всех вообще институтов советского гражданского права, в том числе и относящихся к разделу обязательственного права, шла и идет в процессе борьбы с различного рода извращениями на теоретическом фронте и с пережитками буржуазной идеологии в сознании теоретиков права.

В течение первых лет существования Советского государства и советской науки вопросам обязательственного права не уделялось большого внимания; появилось лишь несколько журнальных статей.

С изданием Гражданского кодекса вопросы советского обязательственного права разрабатываются в ряде научно-практических комментариев. Увеличивается число статей в журналах «Еженедельник Советской Юстиции» (Москва), «Вестник Советской Юстиции» (Харьков), «Советское право» (Москва), «Техника, экономика и право» (Киев), «Хозяйство Украины» (Харьков) и др. Но все статьи, печатавшиеся в этих журналах в те годы, можно признать марксистски выдержанными и представляющими научную ценность.

Стали выходить научные сборники, ученые записки и тому подобные издания, в которых появлялись иногда ценные научные труды; так, в Известиях Экономического факультета Ленинградского политехнического института, 1928 г., в I (XXV), напечатана статья Райхера, Абсолютные и относительные права.

Появляются несколько монографий по обязательственному праву: М. М. Агарков, Учение о ценных бумагах, 1927;

М. М. Агарков, Основы банковского права, 1929; А. В. Введенков, Договорная дисциплина в промышленности, 1935; М. В. Зимелева, Поклада в товарных складах, 1927; А. А. Каравайкин, Исполнение договоров, 1934; Л. А. Лукиц, Деньги и денежные обязательства, 1927; В. И. Серебровский, Страхование право, 1927; А. С. Эльяссон, Чековое право, 1927 и др.

В большинстве этих работ уже можно найти, если и не законченную, выдержанную марксистскую разработку соответствующих институтов обязательственного права, то, во всяком случае, серьезную попытку подойти к изучению этих институтов с позиций марксизма-ленинизма.

Но, наряду с этим, в отдельных цивилистических работах проявлено немало догматизма и формалистического освящения изучаемых вопросов. Вместе с тем, в конце двадцатых — первой половине тридцатых годов в советском гражданском праве (как и во многих других отраслях наук) имело место немало извращений сущности советского права и даже прямого вредительства.

Как метко определил акад. Вышинский в своем докладе на I Совещании по вопросам науки советского права и государства 16 июля 1938 г., «одна из целей подвизавшихся на теоретическом участке в области права и государства врагов народа состояла в разоружении пролетариата по части права и законности путем дискредитации советского права и советского закона, путем культивирования нигилистического отношения к советскому праву, советскому государству и к советскому закону»¹.

В период извращения в области науки советского гражданского (в частности обязательственного) права выразились в том, что советский Гражданский кодекс трактовался не как кодекс нового типа, не как кодекс социалистического права, а как однородный с буржуазными кодексами. Коренная противоположность между советским и буржуазным гражданским правом, основывающаяся на совершенно различном классовом характере того и другого права, или не понималась или игнорировалась.

Проникло в область обязательственного права и прямое вредительство. Дело в том, что одним из основных вопросов, на которые были направлены и замыслы прямых вредителей в извращении авторов, не понимавших сущности социалистического права, был вопрос о соотношении между правом и социалистическим планированием. Авторы, о которых идет речь, резко противопоставляли социалистическое планирование праву, рассматривая планирование, как форму голого администрирования, вытесняющую «экономическую» отдельных собственников. С этой несоветской точки зрения

¹ А. Я. Вышинский, Основные задачи науки советского социалистического права, 1938, стр. 17.

ние получалось, что с плановым социалистическим хозяйством гражданское право несовместимо (Шретер).

Другие (Пашуканис) проводили ту точку зрения, что советское гражданское право есть отмирающее буржуазное право, как право рыночных отношений. В этом опять выражается та же мысль, что дан убивает право. Но вредитель Пашуканис ставил свой антисоветский вывод и шире и глубже: по его «учению» регулирование дает результат тем больше, чем слабее роль закона и вообще правовой надстройки. Эти вредительские идеи привели к «учению» о двухсекторности гражданского права, различающему сектор социалистический и (отмирающий) частный сектор. В связи с отмиранием частного сектора решили гражданское право ликвидировать и заменить «хозяйственным правом». Эти антисоветские положения нашли свое полное выражение в двухтомном «Курсе хозяйственного права», под редакцией Пашуканиса, Гинсбурга и Доценко. Отношения в социалистическом секторе характеризовались некоторыми, как организационно-техническими, а не правовыми. Отдельные авторы восприняли эту же вредительскую установку в виде «учения», что планирование ограничивается отношениями хозяйственных организаций, составляющих социалистический сектор (это — отношения «регулируемые»); по отношению граждан, на частный сектор, с этой точки зрения, плановое руководство со стороны пролетарского государства не распространяется (это — отношения «автономные»).

Вопросы планирования, сочетания плана и хозрасчета непосредственно затрагивают область обязательственного права, и потому изложенные «теории» губительно отразились на его разработке.

Проникла в советскую литературу и точка зрения «социальных функций» («дюгизм», по имени французского буржуазного автора Дюги). Эта точка зрения, превращавшая граждан из субъектов прав в субъектов обязанностей (в объект регулирования), приодналась нацистам, чтобы завуалировать эксплуатацию трудящихся монополистическим капиталом мыслью о классовой солидарности при капитализме и изобразить свою «деятельность», как направленную на благо общества. «Дюгизм» пытался пересаживать в советское право в духе крайнего правового нигилизма (по утверждению Гойхбарга, одного из сторонников этого направления, право — наиболее отравляющий и одурманивающий яд для народа). Тем самым антисоветский характер этого направления еще более усугублялся.

Понятно, что такой взгляд на право вообще, гражданское право в особенности, имел (хотя и в прикром виде) глубоко буржуазное содержание, а потому не только не мог дать никаких положительных результатов для разработки советского обязательственного права, но оказал прямо вредное влияние.

Не соответствовал марксистско-ленинскому учению о праве и взгляд Стучки, с точки зрения которого право совпадает с самими производственными отношениями. Надо признать, что классовое чутье старого большевика позволяло П. И. Стучке предохранить судебную практику от провинковения в нее чуждой советскому строю идеологии и направить судебную практику в надлежащее русло. Но в теоретических своих работах Стучка стал на неправильную позицию. По его воззрению, Гражданский кодекс есть кодекс хозяйственных отношений, рецепирующий буржуазное гражданское право (по словам Стучки, советский Гражданский кодекс такой же автомат для опосредствования спроса и предложения, каким является буржуазный гражданский кодекс). Насколько такая характеристика Гражданского кодекса не соответствует действительности, видно из записки В. И. Ленина 1922 года на имя наркома юстиции Курского: «Идет подготовка нового гражданского законодательства. НКЮСТ «плывет по течению», — я это вижу. А он обязан бороться против течения. Не перенимать (вернее, не дать себя надуть тупоумным и буржуазным юристам, кои перенимают) старое буржуазное понятие о гражданском праве, а создать новое... гражданское право» (цитируется по Вышинскому, К положению на фронте правовой теории, 1937 г., стр. 17).

Советское гражданское право, по мнению Стучки, рассчитано только на период новой экономической политики. По мере того, как будет побеждать социалистическая форма хозяйства, гражданское право должно будет уступить место хозяйственно-административному, которое является правом социалистического сектора. Пределы действия хозяйственно-административного права очерчиваются Стучкой так, что под него подпадают все отношения внутри социалистического сектора, регулируемые в порядке подчинения и плановости, отношения, споры из-за которых не входят в компетенцию суда: договор, хозрасчет и т. п. Стучка считает формами, навязанными социалистическим предприятиям извне, частью-товарными отношениями. Эти последние составляют право частного сектора, или гражданское, отмирающее по мере роста хозяйственно-административного права, сектора социалистического. Как правильно указал акад. А. Я. Вышинский, «гордо провозглашенная т. Стучка «новая, революционно-диалектическая концепция» свелась к противопоставлению интересов социалистического хозяйства интересам социалистического человека, к недооценке гражданского права как права, регулирующего, утверждающего и охраняющего личные и имущественные интересы

трудящихся граждан СССР, строителей социализма». Акад. Вышинский по этому поводу справедливо замечает: «это — грубое извращение учения Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина о социализме, о месте и роли личности в социалистическом обществе»¹.

Государство этих и подобных им антимарксистских взглядов приводило в конечном счете к тому, что изучению подвергались организационно-структурные вопросы управления советским хозяйством, а подлинные гражданско-правовые отношения социалистического общества оставались без внимания, в стороне от научной разработки. В частности, не изучались по-настоящему и обязательства.

Договоры рассматривались в качестве лишь организационно-структурных определений и отношений, как учение об организации хозяйственных связей.

По поводу этой последней теории А. Я. Вышинский в свое время писал: «Подмена гражданского права так называемым «хозяйственным правом» — ценная услуга врагам коммунизма, клеветникам, рассказывающим небывшие о коммунизме, якобы подавляющей личность и не признающей никаких иных категорий, кроме как: общество, хозяйство, производство»¹.

В борьбе со всякого рода извращениями и вредительством огромную роль сыграло I Всесоюзное совещание научных работников права, происходившее в 1937 году и открывшее собой новый этап в развитии советской юридической науки. На этом совещании было выработано марксистское определение права, а также основные положения, на которых должна строиться система советского права. В связи с этим совещанием появились две небольшие по объему, но охватывающих различные отрасли права (в том числе гражданское право), работы акад. А. Я. Вышинского «К положению на фронте правовой теории» (1937 г.) и «Основные задачи науки советского социалистического права» (1938 г., доклад на I Всесоюзном совещании научных работников). В этих работах Вышинский выступает против всевозможных извращений марксизма-ленинизма, за чистоту марксистско-ленинско-сталинского учения о государстве и праве.

А. Я. Вышинский подверг острой и очень убедительной критике высказывавшийся некоторыми взгляд, будто Гражданский кодекс является, в основном, тождественным по содержанию с буржуазными кодексами. И действительно, по всему кодексу красной нитью проведен принцип, что предоставление частным лицам и их объединением известной хозяйственной самостоятельности и инициативы отнюдь не обозначает пересаживание на советскую почву положений капиталистического права относительно «священного и неприкосновенного» характера права частной собственности,

¹ А. Я. Вышинский, Против антимарксистских теорий права, «Правда» 9 апреля 1937 г.

«свободы договора» в буржуазном понимании этого слова и пр. Вышинский показал, что Гражданский кодекс (как и другие советские кодексы) направлен не на развязывание мелкобуржуазной стихии, а на укрепление социализма.

4. Первой крупной работой (после ликвидации вредительства на правовом фронте), в которой подверглись разработке вопросы обязательственного права, был Учебник гражданского права для юридических высших учебных заведений, 1938 (а затем Учебник гражданского права для юридических школ, 1940). В этих учебниках были даны правильные марксистские определения основных понятий, но, конечно, как всякий учебник, и эти учебники не содержали монографического исследования отдельных вопросов обязательственного права.

В 1940 году в области советского обязательственного права появилась монография проф. М. М. Агаркова «Обязательство по советскому гражданскому праву», 1940. Названная работа проф. Агаркова страдает серьезными недостатками: в книге немало страниц, написанных формально-догматическим методом; слишком подробно и нередко объективистски излагаются буржуазные теории (например, стр. 22, 32 и сл., 44, 58—59, 62—63, 68 и сл. и др.); мало внимания уделено судебной практике и т. д. Но в отдельных местах работы все-таки вскрываются классовые корни буржуазных учений и разоблачается их эксплуататорский характер. Книга Агаркова богато насыщена содержанием и изобилует ценными мыслями по ряду вопросов, так или иначе связанных с непосредственной темой исследования автора (понятие и основания возникновения обязательств).

В ближайшие затем пять лет, отчасти в связи с условиями военного времени, не появилось ни одной монографии из области обязательственного права. Но в 1944 году появилась солидная работа по гражданскому праву, это — новый учебник советского гражданского права для юридических институтов, 2 тома. Общее учение об обязательстве в этом учебнике принадлежит перу того же проф. Агаркова. Отмеченные выше недостатки монографии этого автора сильно повторились в соответствующих разделах учебника.

5 октября 1946 г. состоялось историческое постановление ЦК ВКП(б), которым установлено недопустимое отставание в области юридической науки и крупные недостатки в юридическом образовании. Постановление 5 октября 1946 г. выдвинуло перед работниками в области юридической науки несколько важнейших очередных задач — активизировать тематику научных работ, дать учащимся марксистские учебники по тем юридическим дисциплинам, по которым их еще не имеется, усилить монографическую разработку наиболее актуальных вопросов теории государства и права.

Это постановление ЦК ВКП(б) является переломным этапом в истории всей советской юридической науки и каждого отдельного ее участника, в том числе обязательственного права. Вместе с другими решениями партии по идеологическим вопросам и предложениями в 1947—1948 гг. дискуссиями о положении на философском фронте, в области литературы и искусства, по вопросам биологической науки октябрьское постановление 1946 года оказало мощное влияние и на поднятие юридической науки в смысле ее идейного уровня и актуальности тематики и на количественный рост работ по вопросам права в целях ликвидации отставания, в целях скорейшего заполнения имеющихся пробелов в этой области.

В том же направлении борьбы за подлинную марксистско-ленинско-сталинскую науку весьма важную роль сыграли прошедшие весной 1949 года заседания ученых советов юридических научно-исследовательских институтов и высших юридических учебных заведений по вопросу о борьбе с космополитизмом и буржуазными влияниями в юридической литературе. На этих заседаниях был подвергнут острой партийной критике ряд работ советских юристов, в том числе и работ цивилистических. Но было бы недопустимой самоуспокоенностью и отсутствием критичности и самокритичности, если бы из этого факта мы сделали вывод, что другие цивилистические работы, в частности работы по обязательственному праву, свободны от тех же пороков (космополитизма, объективизма, формализма и всякого рода буржуазных влияний). Отмеченные пороки имеют место в большинстве цивилистических работ, и задачей советской критики является выявление этих пороков.

Таким образом, борьба за подлинную марксистско-ленинско-сталинскую теорию в области советского гражданского, в частности обязательственного права, не только не закончена, но в самом основном еще впереди. Борьба за партийность науки советского гражданского права, за полное и исключительное господство в ней марксистско-ленинско-сталинского метода составляет важнейшую очередную задачу.

Глава I

ПОНЯТИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

§ 4. Определение обязательства. Обязательственное право в системе имущественных прав

1. В политическом отчете Центрального Комитета XVI Съезду ВКП(б) товарищ Сталин, характеризуя советскую систему хозяйства (в противоположность капиталистической системе), указал, что при советской системе хозяйства «... развитие производства подчинено не принципу конкуренции и обеспечения капиталистической прибыли, а принципу планового руководства и систематического подъема материального и культурного уровня трудящихся»¹.

Характеристика советской системы хозяйства выражена в статьях 4 и 11 Сталинской Конституции: «Экономическую основу СССР составляет социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства, утвердившаяся в результате ликвидации капиталистической системы хозяйства, отмены частной собственности на орудия и средства производства и уничтожения эксплуатации человека человеком» (ст. 4 Конституции СССР). «Хозяйственная жизнь СССР определяется и направляется государственным народно-хозяйственным планом в интересах увеличения общественного богатства, неуклонного подъема материального и культурного уровня трудящихся, укрепления независимости СССР и усиления его обороноспособности» (ст. 11 Конституции СССР).

Государственный народнохозяйственный план создается под непосредственным руководством Партии и Правительства, при живом участии широчайших масс трудящихся, проявляющих в этом деле свою творческую инициативу. Утвержденный план является законом, при исполнении которого также имеет очень важное значение творческая самоотверженная работа трудящихся под непосредственным руководством Партии и Правительства.

Грандиозные успехи в области социалистического строительства давали и дают Советскому государству возможность активно воздействовать на экономику, направлять ее развитие в соответ-

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 397.

ствия с основной задачей постепенного перехода от социализма к коммунизму.

С победой социалистической системы хозяйства получила полное развитие функция хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной работы государственных органов.

Советское государство не только имеет всю полноту политической власти, оно является и собственником основных средств производства. Партия и Правительство, при активнейшем участии широких масс трудящихся, в плановом порядке направляют развитие экономики страны на основе познанных экономических законов социализма.

Основным методом хозяйствования является хозяйственный расчет, в котором получает выражение сочетание личных интересов трудящихся с общественными интересами, материальной заинтересованности работника и социалистического отношения к труду.

Еще 23 июня 1931 г. товарищ И. В. Сталин в речи на совещании хозяйственников «Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства» указал, что требуется «уничтожение бесхозяйственности, мобилизация внутренних ресурсов промышленности, внедрение и укрепление хозрасчета во всех наших предприятиях, систематическое снижение себестоимости, усиление внутрипромышленного накопления во всех без исключения отраслях промышленности... И так, внедрить и укрепить хозрасчет, поднять внутрипромышленное накопление — такова задача»¹. Это указание товарища Сталина о необходимости внедрения и укрепления хозрасчета сохраняет всю свою силу и значение и до настоящего времени. Хозрасчет есть основной метод хозяйственной деятельности, метод планового управления, борьбы за выполнение плана, за социалистическое накопление. Проведение хозрасчета приводит, с одной стороны, к хозяйственной самостоятельности отдельных государственных органов, которые наделяются необходимыми оборотными средствами, и каждый госорган в отведенной ему сфере деятельности самостоятельно добивается выполнения и перевыполнения своего плана и создает социалистическое накопление. С другой стороны, отдельные госорганы не стоят обособленно и разрозненно. Их объединяет единая общая цель — выполнение государственного народнохозяйственного плана; становится возможным контроль хозорганами друг друга по выполнению плана и стимулирование его выполнения.

На почве деятельности госорганов, направленной на выполнение народнохозяйственного плана, между ними складываются правоотношения, завязываются связи, содержание которых заклю-

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 347.

чается в том, что один госорган оказывается обязанным или передать другому госоргану какие-то материальные ценности или иным образом содействовать выполнению плана другого госоргана. Как правило, эти связи выливаются в форму договора, который (по известному определению товарища В. М. Молотова) есть наилучшая форма сочетания хозрасчета и плана. В договоре выражается и самостоятельность заключившего его хозоргана и ответственность этого хозоргана за выполнение плана. Договор — важнейшая форма установления такого рода связей между органами (лишь в отдельных исключительных случаях обязанности госоргана что-то передать другому госоргану или что-то для него исполнить возникают, помимо договоров, непосредственно на основании самого плана, см. § 10).

Советские граждане приобретают необходимые продовольственные и промышленные товары в социалистических торговых предприятиях; другие социалистические предприятия берут на себя исполнение необходимых действий для граждан (шить пальто, покрасить платье, починить ботинки и т. д.), а граждане, обращающиеся в эти ателье, комбинаты бытового обслуживания и т. п., обязаны получать услуги оплачивать.

Наконец, и отдельные граждане в своих взаимных отношениях также оказываются нередко обязанными к совершению тех или иных действий; такие отношения возникают, например, при покупке на колхозном рынке овощей, фруктов и т. п.

Обязанность совершения известных действий может возникнуть также из причинения вреда одним лицом (гражданином или юридическим) другому лицу; например, владелец автомобиля, налетевшего на пешехода, обязан возместить вред потерпевшему; лицо, неосторожно разбившее чужую вещь, обязано уплатить собственнику стоимость разбитой вещи, и т. д.

Во всех названных случаях говорят об обязательственных отношениях, или короче, — об обязательствах.

2. Обязательство есть разновидность гражданских правоотношений. Содержание всякого гражданского правоотношения включает в себя право (в данном случае — право требования) и соответствующую ему обязанность, или права и обязанности на стороне каждого участника правоотношения; например, права и обязанности поставщика и покупателя, подрядчика и заказчика, и т. п.

Лицо, которому принадлежит в обязательственном отношении право (требовать совершения или несобoreния известного действия), называется кредитором; лицо, на котором лежит обязанность (совершить или не совершать действия), называется должником.

Обязательственное правоотношение, или *обязательство*, характеризуется в ст. 107 ГК РСФСР (и соответствующих статьях гражданских кодексов других союзных республик) следующими признаками:

«В силу обязательства одно лицо (кредитор) имеет право требовать от другого (должника) определенного действия, в частности, передачи вещей или уплаты денег, либо воздержания от действия».

Праву требования кредитора соответствует обязанность должника к совершению известного действия или к воздержанию от действия.

Примеры. Фабрика принимает на себя *обязательство* сдать универсально определенное количество швейных изделий, а университет — принять и оплатить полученный товар.

Ремонтно-строительная контора *обязывается* произвести ремонт жилых помещений, а жилищное управление — принять и оплатить работу.

Пассажир получил увечье при крушении поезда; в силу этого у него возникает право требовать от железной дороги возмещения за понесенный вред, а для железной дороги возникает обязанность возместить вред.

А. подписал с издательством договор на издание его книги; тем самым А. уступил на определенный срок издательству *исключительное право на издание своей книги и, следовательно, обязался* не передавать рукопись этой книги никакому другому издательству для размножения и опубликования и имеет право *требовать вознаграждения и издания его книги*; издательство же *обязывается* уплатить автору вознаграждение, издать книгу, принять меры к ее распространению и имеет право *требовать* от А., чтобы он не размножал своей работы ни через какое другое издательство.

3. В Гражданском кодексе раздел «Обязательственных прав» (ст.ст. 106—415) помещен после раздела «Вещных прав» (ст.ст. 52—105 п.), регулирующих право собственности, право застройки (для РСФСР отмененное Указом Президиума Верховного Совета РСФСР 1 февраля 1949 г., для УССР — Указом Президиума Верховного Совета УССР 21 марта 1949 г.) и залог имущества. Таким образом, Гражданский кодекс различает среди имущественных прав *вещные права и обязательственные права*. Спрашивается: по какому признаку проводится это деление имущественных прав на вещные и обязательственные права, и нужно ли такое деление?

На эти вопросы в советской цивилистической литературе нет единого ответа. Ряд советских авторов отрицает целесообразность и даже возможность проведения этой классификации.

Так, проф. В. К. Райхер в статье «Абсолютные и относительные права», появившейся в 1928 г.¹, выражает такую точку зрения, что категория «вещных прав», которой противопоставляется «обязательственное право», не имеет научного значения. Прежде всего, определение вещного права, как права на вещь, в смысле непосредственного господства лица над вещью, по мнению В. К. Райхера, *неправильно* потому, что такое определение ведет к признанию правоотношения между лицом и вещью, а это не верно. Кроме того, категория «вещных прав» не представляет собой единого, однородного целого. Исторически в эту категорию попали права, между собой разнородные, причем эти разнородные права не объединены даже признаком абсолютности защиты (в смысле защиты против любого нарушителя права). Так, из трех вещных прав, известных Гражданскому кодексу, только право собственности отличается этим признаком абсолютности защиты; для двух других вещных прав, упоминаемых в Гражданском кодексе (права застройки и залогового права), имеет решающее значение договор, как отношение между двумя определенными субъектами. В отношении права застройки и залогового права договор имеет значение не только для установления, но и для осуществления отношений застройки и залога, т. е. имеет длительное значение. Эти права не являются абсолютными и вещными, так как по своему субъектному составу, по структуре, по характеру оформляемых ими социальных связей они принадлежат к совершенно другому типу, — к типу относительных по защите прав (т. е. таких, в которых обязанными являются одно или несколько определенных лиц, против которых только и может даваться судебная защита). Наряду с этим, некоторые бесспорно абсолютные права, как, например, право авторское, изобретательское, не попадают в разряд вещных прав. Деление прав на абсолютные и относительные, по мнению В. К. Райхера, является *правильным и должно быть сохранено, однако, с некоторыми изменениями*. Именно, проф. Райхер считает необходимым подчеркнуть, что всякое право, в том числе и относительное, *обязательно для всех и действует против всех*; различие же между абсолютными и относительными правами заключается в характере связи, соединяющей управомоченное лицо с другими лицами. Это различие связи поясняется автором образно так: относительное правоотношение представляет собой связь по типу прямых проводов, протянутых между определенными точками пространства; правовая энергия струится в этом случае лишь по данному проводу, хотя и рассеивается вместе с тем

¹ «Известия Экономического факультета Ленинградского государственного института», в. I (XXV), 1928, стр. 273—306.

в окружающем пространстве (косвенное, отраженное действие по адресу третьих лиц). При абсолютном правоотношении связь устанавливается по типу беспроводной, соединяющей данную точку с абсолютно-неопределенным числом всех прочих точек; в этом случае право излучает энергию из одной точки полно-образно, непосредственно во все стороны социальной среды. Круг абсолютных прав В. К. Райхер считает подлежащим пересмотру в целях сокращения, так как за некоторыми правами, ныне причисляемыми к абсолютным правам, этого характера признать нельзя (право застройки, залог)¹.

Классификация имущественных прав на вещные и обязательственные по признаку объекта тех и других прав стала особенно спорной ввиду острой критики, которой подверглось само понятие «объекта» права (правоотношения). В числе важнейших опубликованных работ, исследующих этот вопрос, надо назвать (в хронологическом порядке) следующие: монографию М. М. Агаркова «Обязательство по советскому праву» 1940 г.; Учебник гражданского права для юридических институтов, т. I, 1944 г. (глава 4-я — Гражданское правоотношение); работу Н. Г. Александрова «Юридическая норма и правоотношение», 1947 г.; статью О. С. Иоффе «О некоторых теоретических вопросах науки гражданского права», Вестник Ленинградского Университета 1949 г., № 3; монографию О. С. Иоффе «Правоотношение по советскому гражданскому праву», 1949 г.; Учебник теории государства и права (Института права АН СССР, 1949 г.); Учебник теории государства и права А. И. Денисова, 1949 г.

В некоторых из названных работ подвергается сомнению и даже отрицается за объектом правоотношения, так сказать, право на существование, в качестве одного из элементов правоотношения. Так, в учебнике гражданского права (для юридических институтов, 1944 г.) вопрос ставится следующим образом. Общепринятый взгляд, по которому понятие правоотношения включает в себе, в качестве существенного элемента (наряду с субъектами и содержанием правоотношения), также и объект правоотношения, является, по мнению авторов учебника, следствием известного предрассудка. Произвольным считают авторы учебника

принимасное, в качестве как бы разумеющегося самого по себе тезиса, то положение, что раз есть право, есть его носитель, субъект, то должен быть и предмет, или объект, на котором сосредоточивается право субъекта. Это положение представляется авторам необоснованным: ниоткуда не следует, что объект является необходимым элементом правоотношения. Объект — не элемент правоотношения, а только его предпосылка. При этом в отношении вещных прав вещь является обязательной предпосылкой; при обязательственных правах объект является только возможной предпосылкой; в ряде случаев (обязательство полтера натереть полы, обязательство балерины или певицы выступить в концерте и т. д.) ни о каком объекте правоотношения вообще речи быть не может, а можно говорить только о содержании обязательства. Но и в вещных правах объект (вещь) не составляет элемента правоотношения, так как право собственности (и всякое другое вещное право) не есть отношение лица к вещи, а отношение между лицами по поводу вещи; таким образом, объект (вещь) является лишь тем, по поводу чего правоотношение возникает, т. е. предпосылкой правоотношения.

Близко к этой точке зрения стоит проф. Н. Г. Александров в своей работе «Юридическая норма и правоотношение», 1947 г. Автор этой работы полагает (стр. 20—22), что правоотношение в элементарном виде, т. е. в смысле одного конкретного правомочия лица и соответствующей обязанности другого лица, нельзя разложить на какие-либо элементы; элементами же сложного правоотношения являются отдельные элементарные правоотношения.

Что касается специально объекта права, как элемента правоотношения, то Н. Г. Александров замечает: «Конечно, всякое правоотношение имеет свой объект в смысле выражаемого им материального отношения. Но в юриспруденции говорят об объекте в двух других смыслах — в смысле действий обязанного лица и в смысле того предмета, по поводу которого должны быть совершены эти действия». Далее, Н. Г. Александров продолжает: «Представляется совершенно лишним всякого смысла применять термин «объект права» для обозначения действий обязанного субъекта. Действия обязанного субъекта, которых вправе от него требовать уполномоченный субъект, составляют содержание соответствующей обязанности... Представляется разумным признать, что в тех случаях, когда правоотношение между лицами возникает по поводу вещи (или объективированного продукта «духовного» производства), то для такого правоотношения соответствующая вещь и будет служить объектом правоотношения (именно объектом правоотношения, т. е. объектом не только права, но обязанности). Но в таком смысле, замечает Н. Г. Александров, объект есть именно объект, а не элемент правоотношения, скла-

¹ В. К. Райхер (Абсолютные и относительные права, «Известия Экономического факультета Ленинградского политехнического института», т. I (XXV), 1938, стр. 204) обращает внимание, что в относительное правоотношение не включаются в своем действии исключительно равными взаимоотношения между двумя индивидуальными участниками, но действует и по адресу всех третьих лиц, потому не только в косвенно, отраженно (ввиду социального характера всякого правоотношения). Эта мысль правильна (например, право кредитора не обязательно ограничено на предмет его собственных кредиторов в смысле исключительности реализации этих прав). Но все же обязательными субъектами в правоотношении являются всегда одно или несколько опре-

Диагностируется из допущенствований и соответствующих возможностей.

Таким образом, точка зрения проф. Александрова сводится к тому, что: 1) не всякое правоотношение имеет объект, 2) если и имеет, то объект не является элементом правоотношения.

Отвергается принципиально понятие объекта прав и в работе проф. Агаркова «Обязательство по советскому гражданскому праву». Однако, наряду с этим, автор замечает (стр. 22—23): «по убеждению пуганницы лучше было бы рационализировать терминологию и считать объектом права то, на что направлено поведение обязанного лица, прежде всего — вещь... поведение же обязанного лица, характеризующее теми или иными признаками (передача вещи, уплата денег, производство определенной работы, воздержание от посягательства на вещь, воздержание от издания чужого литературного произведения и т. д.) называть содержанием правоотношения». И дальше (на той же стр. 23) проф. Агарков пишет: «отвергая взгляд на вещь как на господство над вещью и на обязательственное право как на господство над поведением должника (или над самим должником), неправильно упускать из виду вопрос о том, какое значение объект (в предложении выше значении слова), в частности вещь, имеет как в вещных, так и в обязательственных отношениях». Наконец, на стр. 28 проф. Агарков пишет: «Вещь мы можем противопоставить в качестве объекта субъектам правоотношения потому, что на нее должно быть направлено поведение обязанного лица (действие или воздержание от действия)», а на стр. 31 предлагает заменить термины «субъект, объект права» терминами «субъект, объект правоотношения».

Далее, в названных работах т. Иоффе (1948 г. и 1949 г.) проводится следующая точка зрения. Поведение обязанного лица, действия, совершения или несовершения которых может требоваться от него управомоченное лицо, нельзя рассматривать, как содержание правоотношения. Поскольку «действия», «поведение» обязанного лица получают реальное существование только по их осуществлению, причем с этого времени, как правило, прекращается существование правоотношения, то признание этих действий в качестве содержания правоотношения приводит к тому, что, согласно марксистско-ленинскому учению о неразрывном диалектическом единстве формы и содержания, правоотношение оказывается формой без содержания. Со своей стороны т. Иоффе считает содержанием правоотношения заключающиеся в нем правомочия и обязанности; по характеру правомочий и обязанностей различаются и отдельные виды правоотношений.

Собственно является т. Иоффе в качестве необходимого элемента правоотношения и понимается как «то, на что право воздействует». Но так как рассуждает далее т. Иоффе, к реактированию

на это воздействие не способны ни вещи, ни так называемые нематериальные блага, то их и нельзя признавать объектами правоотношения. К реактированию на воздействие, оказываемое субъективным правом и правовой обязанностью, способны только человеческое поведение. Поэтому в качестве объекта правоотношения может быть только поведение людей, их действия. Действия же людей, в свою очередь, направляются на те объекты внешнего мира, при помощи которых могут быть удовлетворены потребности советских граждан и социалистического общества в целом.

В учебнике «Теория государства и права» Института права АН СССР, 1949 г., объект права определяется, как «все то, по поводу чего субъекты права выступают в правоотношение и что является предметом их взаимных прав и обязанностей». К числу объектов прав в правоотношения имущественного характера в этом учебнике относятся вещи, предметы, ценности; в правоотношениях неимущественного характера объектом права являются определяемые действия, поведение» (стр. 467).

В учебнике «Теория государства и права» проф. А. И. Денисова объекты права классифицируются следующим образом: 1) результаты действия или бездействия, 2) вещи, 3) некоторые продукты духовного производства и 4) личные блага.

4. Необходимо ответить на следующие вопросы: 1) является ли объект одним из элементов правоотношения; 2) что является объектом правоотношений, именуемых вещными, и что является объектом правоотношений обязательственных; 3) можно ли провести различие вещных и обязательственных правоотношений (прав) по их объекту; 4) независимо от этого, нужна ли вообще классификация имущественных прав, и если нужна — то по какому признаку она должна проводиться?

Обращаясь к первому из поставленных вопросов, нельзя, прежде всего, считать, что тот, кто субъекту права противопоставляет объект права, как один из элементов правоотношения, «отказывается тем самым на буржуазную точку зрения о возможности правоотношения между лицом и вещью. Сделать такой вывод значило бы, по известной поговорке, вместе с грязной водой выбросить из ванны и ребенка. Правоотношение есть социальное (общественное) отношение, урегулированное нормами права. А всякое общественное отношение есть отношение между людьми. Правоотношение может существовать по поводу вещей, но в тогда оно есть отношение между лицами. Но из этого бессмысленного положения вовсе не вытекает недопустимость признания объекта одним из элементов правоотношения и противопоставления субъекту объекта. Буржуазную точку зрения о возможности правоотношения между лицом и вещью, конечно, необходимо отбросить. Но с этой «грязной водой» нет никакого основания выбрасывать и «ребенка», т. е. исключать из числа элементов

правоотношения его объект, одним тем, что правоотношение между лицом и вещью невозможно, еще не доказывает, что в число элементов правоотношения объект не входит. Правоотношение всегда имеет место между лицами, но, вместе с тем, всегда по поводу чего-то такого, что соответствует интересу управомоченного лица и на что направлено его право.

Второе положение, которое необходимо установить, заключается в том, что безобъектных правоотношений в действительной жизни вообще не бывает. Ведь если безобъектно правоотношение, то оно не может быть и правом, в нем содержащемся. Но это означало бы, что право, ни на что не направленное, не имеющее никакого определенного значения. Безобъектные права — категория жизненная, но и то лишь в качестве временного положения; например, ст. 430 ГК предоставляет отсутствующему наследнику шестимесячный срок на принятие открывшегося ему наследства; в этом случае, пока наследник ничем не выразил своей воли принять наследство, наследственное имущество остается безобъектным, но это состояние продолжается не более шести месяцев; по истечении этого срока имущество получит субъект или в лице призванного к наследству, или (за его отказом) следующего очередного наследника, или (за отсутствием такового) в лице государства, к которому наследство перейдет, как выморочное. Когда закон указывает, что имущество не следует, что объект является необходимым элементом правоотношения, то на это можно ответить, что во всяком случае наличие объекта следует из самого существа дела. Безобъектное право — категория не жизненная, не реальная. В самом деле, если из правоотношения исключить объект, в качестве того элемента, который определяет, к чему же относится право данного субъекта, на что направлены права и обязанности лиц, участвующих в правоотношении, то все понятие правоотношения утрачивает реальный, конкретный характер. Правоотношение, если исключить понятие объекта, сведется к правам и обязанностям, неизвестно к чему прилагаясь; а если право ни на что не направлено, оно не может иметь жизненного значения, и даже можно сказать, оно не есть право.

Против этого можно, казалось бы, возразить, что на вопрос: на что направлены права и обязанности лиц, состоящих в правоотношении, ответ дает «содержание правоотношения». Однако, содержание правоотношения не заменит собой объекта правоотношения. Это совсем очевидно в праве собственности: определим ли мы содержание права собственности старой формулой, как право владеть, пользоваться, распоряжаться вещью, или определим право собственности через сочетание элемента воли, т. е. признанной властью за собственником власти, и элемента интереса — интереса класса, группы, отдельного лица (проф. А. В. Венедиктов, Государственная социали-

стическая собственность, стр. 36), или примем какое-либо другое определение, нам для конкретизации правоотношения не уйти от вопроса о том, о какой же вещи, о каком объекте идет речь. Но и в обязательстве содержание правоотношения, т. е. требование, принадлежащее управомоченному субъекту, и обязанность, воздерживаться от совершения действия (совершить известное действие), — опять-таки должно быть дополнено указанием, на что именно направлено это требование управомоченного лица и соответствующая праву требования обязанность одного или нескольких других лиц.

В необходимости знать (в целях конкретизации отношения), на чем сосредоточивается право субъекта и кроется объяснение того факта, что действительно считается само собой разумеющимся, что наряду с субъектами правоотношения есть и объект правоотношения. Не случайно, что когда хотят привести пример безобъектных прав, то называют такие, как право гражданства, право составления завещания и т. п., т. е. по существу не субъективные права, а элементы правоспособности. Безобъектных прав в природе нет.

Правоотношение превращается в скелет без живой ткани и утрачивает практическое значение, если из него исключается то, на что направлены права и обязанности, составляющие содержание правоотношения.

5. Поскольку мы приходим к выводу, что в каждом правоотношении имеется объект, возникает вопрос: что же является объектом правоотношения?

Для вещного права (прежде всего, для права собственности) ответ, казалось бы, не представляет никакого затруднения. На что направлено право собственника, на что воздействует собственник? Право собственности, как и всякое правоотношение, есть отношение между лицами; на всех и каждом лежит обязанность уважать право собственника. Но направлено это право (при его осуществлении) на вещь, состоящую в собственности данного лица. Поэтому объектом права собственности является вещь. Однако это положение не является бесспорным. В работе О. С. Иоффе «Правоотношение по советскому гражданскому праву» (стр. 80 и сл., а также в статье «О некоторых Ленинградских вопросах науки гражданского права», — «Вестник Ленинградского университета» 1948 г. № 3, стр. 83 и сл.) дана следующая точка зрения: «Объект» это — категория философская, которая в праве находит лишь специфическое применение. Во всякой науке, говорит Иоффе, под объектом понимают не то, по поводу чего явление существует, а то, на что данное явление оказывает или может оказать воздействие. Объект правоотношения это то, на что направлены право и обязанность, составляющие содержание правоотношения, то, на что право воздействует. Но вещь не сво-

объекта к реагированию на такое воздействие; воздействие возможно только на поведение людей. Отсюда т. Иоффе приходит к выводу, что вещь не является объектом правоотношения и что объектом гражданского правоотношения может быть только поведение людей. Этот вывод нельзя признать правильным. За ним, по-видимому, скрывается неправильное распространение бесспорного положения, что правоотношение возможно только между лицами, также и на понятие «воздействия». Между тем, «воздействие» есть отношение фактическое; «воздействовать» можно и на вещь (например, посредством использования, уничтожения вещи и т. д.).

Таким образом, вещь не только может быть объектом правоотношения, но это — всего чаще встречающийся и наиболее полный объект.

Тем самым вопрос об объекте вещного правоотношения получает разрешение: объектом такого правоотношения служит вещь.

Во многих обязательствах (купля-продажа, имущественный наем, заем, ссуда и т. д.) управомоченное лицо вправе требовать от обязанного лица передачи вещей. Наряду с такими обязательствами встречается множество обязательств, направленных на оказание различных услуг, на воздержание от совершения действий и т. д. Объектом обязательства следует поэтому признать те действия, совершение которых вправе требовать кредитор и которые обязан совершить должник (или от которых он должен воздерживаться). Такое понимание объекта обязательственного правоотношения может вызвать то возражение, что поскольку действие лица, еще не совершенное, но требуемое, не отделимо по сути дела от того лица, которое это действие должно совершить, то в какой-то мере и в каком-то смысле объектом обязательственного правоотношения оказывается тогда и сам должник. Однако признание «действия» лица объектом правоотношения не означает еще признания самого лица в качестве объекта; человеческое поведение и человеческая личность не одно и то же. Только благодаря этому в социалистическом гражданском праве возможно такое положение, что признается законным, имеющим юридическую силу правоотношение, по которому одно лицо имеет право требовать от другого определенного поведения, определенных действий. Связанность, создающаяся для должника вследствие признания за другим лицом права требовать от него совершения известных действий или воздержания от каких-либо действий, сама по себе насколько не противоречит социалистическому правосознанию. Праву присуща черта принудительности: «... право есть нечто без аппарата, способного принудить к соблюдению норм права». Право одного лица требовать от

другого лица совершения определенных действий отнюдь не означает, что это другое лицо превращается в объект права.

6. Подводя итог изложенному об объекте правоотношения вообще и обязательственного правоотношения в частности, приходим к следующим выводам:

а) всякое правоотношение является, бесспорно, отношением социальным, т. е. отношением между лицами. Это отнюдь не несомненное положение отнюдь не исключает возможности противопоставления субъектов правоотношения объекту правоотношения;

б) объект правоотношения является необходимым для всякого правоотношения в качестве одного из элементов: правоотношение превращается в скелет без живой ткани, если из него исключается то, на что направлены права и обязанности, составляющие содержание правоотношения;

в) во всяком правоотношении одно (или несколько) лиц (субъект права) правомочно требовать от другого определенного лица или от нескольких определенных лиц или от всех и каждого (субъект обязанности) какого-то поведения (совершения известных действий, допущения известных действий, воздержания от известных действий). Это правомочие требовать известного поведения (притязание) и соответствующая ему обязанность обязанного лица составляют содержание правоотношения.

г) то, на что направлено право субъекта и на что должно быть направлено поведение обязанного лица, есть объект правоотношения.

7. Объектом вещного правоотношения является вещь. Объектом обязательства является действие, совершение которого (или воздержания от которого) имеет право кредитор требовать от должника.

Как уже указывалось выше, деление имущественных прав на вещные и обязательственные положено в основу при размещении материала в гражданских кодексах союзных республик.

В соответствии с этим, различие вещных и обязательственных прав получило свое отражение и в судебно-арбитражной практике с первого же года применения Гражданского кодекса. Например, в определении Гражданской кассационной коллегии Верховного суда РСФСР от 24 октября 1923 г. по делу № 1614 («Еженедельник Советской Юстиции» 1923 г. № 44, стр. 1018) читаем: «запродажная, представляющая из себя предварительный договор, а не совершенный в установленном порядке акт о продаже, не состоявшийся за нарушением сторонами акта о запроезде, не создавала для С. вещных прав и не нарушала прав А.; указанная запродажная являлась необязательной для третьих лиц, в данном случае для истца А...»

составляла для С. право требовать по правилам, установленным для обязательства вообще, возмещения убытков от лиц, принимавших участие в совершении залоговой.

(Сравните решение Высшей Арбитражной Комиссии от 9 августа 1927 г. по иску Всероссийского Центрального Союза Потребительских Обществ к Всероссийскому соляному синдикату (сборник III, № 174): «... ответчик прав в том своем заявлении, что права истица на соль были не правами вещными, а лишь правами обязательственными в отношении бывших владельцев соли»).

Необходимо, однако, заметить, что категория вещных прав в советском праве в настоящее время по существу сводится почти исключительно к праву собственности. Дело в том, что Гражданский кодекс первоначально содержал три вида вещных прав: 1) право собственности, 2) право застройки, 3) залог имущества. Из этих трех разновидностей право застройки, имевшее в период нэпа довольно заметное применение, за последние годы стало сходять на нет, а в настоящее время статьи Гражданского кодекса, регулирующие право застройки, признаны утратившими силу (Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 1 февраля 1949 г. — «Ведомости Верховного Совета СССР» 1949 г. № 9). Таким образом, право застройки вообще отпало. Залог имущества, во-первых, не имеет большого практического значения; во-вторых, далеко не общепризнанной является его вещно-правовая природа¹.

Поэтому не было бы большой неточностью, если бы противопоставление прав вещных и обязательственных мы заменили противопоставлением права собственности и обязательства².

Право собственности обеспечивает носителю этого права непосредственное (без чьего-либо посредства) осуществление права лица на вещь в тех пределах, в каких оно предоставляется законом. Для того, чтобы получить от вещи экономические выгоды, какие она может дать собственнику, не приходится обращаться к какому-либо другому лицу за разрешением, содействием и т. д. Право собственности само по себе дает своему субъекту непосредственную возможность использовать вещь, конечно, в пределах, допустимых по смыслу советского законодательства.

Обязательственное же право, как правило, сводится к установленной только личной связи между кредитором и должником: кредитор имеет право требовать от должника (и ни от кого другого) предоставления, действия, воздержания от действия; долж-

ник обязан такое действие совершить (или не совершить). Но вещь, которую, быть может, рассчитывает получить кредитор, заключая обязательство, непосредственно, прямо все-таки в его распоряжении не находится. Он имеет право только в отношении должника — право требования.

Однако это различие практически значительно смягчается вследствие того, что в советском обязательственном праве установлен принцип реального исполнения обязательства или исполнения в натуре (см. ч. II, § 45). Между тем, большая часть обязательств имеет содержанием требование передачи вещей (и соответствующую обязанность должника); к этой группе обязательств относятся такие важные обязательства, как поставки товаров одними социалистическими предприятиями другим. Вследствие применения принципа реального исполнения обязательства, в этих случаях требование кредитора, при неудовлетворении должником, иногда (см. п. 8) мало чем отличается от истребования собственником его вещи. Равным образом, по ст. 120 ГК в случае неисполнения должником обязательства, предметом которого является предоставление в пользование другому лицу индивидуально определенной вещи, кредитор вправе требовать по суду отобрания вещи у должника и передачи ему, кредитор, а не простого только возмещения убытков, как можно было бы заключить из того, что обязательство сводится лишь к праву требовать от должника совершения или несовершения известного действия. Казалось бы, вещь, предоставления которой имеет право требовать кредитор, может быть им получена не иначе, как через посредство обязанного лица; поэтому, если лицо не совершает требуемого действия, можно было бы прийти к выводу, что остается только одно — требовать возмещения кредитору за тот ущерб, который он терпит от неисполнения обязательства. Ст. 120 ГК дает не такое формально-логическое построение, а обеспечивает кредитору исполнение обязательства в натуре и этим сближает обязательственное право с правом собственности.

8. **Право собственности и обязательственное право различаются между собой в следующем отношении.** Если завод обязался поставить торговому предприятию определенное количество изделий и этого обязательства не исполнил вследствие того, что другое предприятие, которое должно было поставить заводу материалы, необходимые для изготовления требуемых изделий, своего обязательства не исполнило, то торговое предприятие не может обратиться в арбитраж с заявлением о взыскании убытков с непосредственного виновника зла; торговое предприятие состоит в обязательстве с заводом, и только к нему и может обращаться свои претензии. Точно так же и в отношениях между гражданами: если А. обязался изготовить для Б. стою, пальто и т. д.,

¹ См., например, Райтер, цит. статья, стр. 304.

² К такой же классификации приходят в цитированных работах О. С. Ниффе, но по другим основаниям.

но только с А. и может Б. требовать исполнения этого обязательства. Если А. иголовак стоа, но передал его не первоначальному заказчику Б., а кому-то другому, то Б. не может истребовать стоа от этого третьего лица. Обязанным лицом является в обязательстве право определенным должник (или определенные должники, если их несколько). Лица, не причастные к данному обязательственному отношению, не обязаны перед кредитором, и поэтому последний по общему правилу не может направить прошение или каких-либо притязаний. Эти совершенно посторонние данному обязательству лица не могут нарушать прав кредитора.

Напротив, нарушителем права собственности может быть любой член общества, который посягает на вещь, составляющую объект права. Если, например, Х. имеет право собственности на палато, тем самым все другие члены обществия обязаны не нарушать этого права. По общему правилу всякий, кто посягает на это палато, будет отвечать перед Х., как нарушитель его права. Принципиально право собственности защищается против всякого нарушителя, или, как принято выражаться, против всякого третьего лица.

Субъект права собственности может требовать, чтобы никто не совершал таких действий (положительных и отрицательных), которые нарушают его права: праву собственника здесь соответствует обязанность всех и каждого воздерживаться от таких действий, которые противоречат праву данного собственника. В этом смысле право собственности признается абсолютным по защите (хотя из этого принципа абсолютной защиты и допускаются известные исключения), а право обязательственное — относительным по защите¹.

Противопоставляя право собственности в указанном отношении обязательственному праву, необходимо, однако, иметь в виду, что между этими двумя категориями нет какой-то непроходимой пропасти. Советское право содержит ряд норм, значительно смягчающих эту противоположность, несколько затуманивающих черту различия между правом собственности и обязательственным правом.

Так, советский закон не признает безусловной абсолютности защиты права собственности, и уже этим несколько сближает право собственности и обязательства. Именно, сохраняя в принципе за правом собственности абсолютную защиту, ст. 60 ГК в ряде случаев, когда вещь выходит из обладания собственника,

не дает последнему иска об истребовании вещи от фактического ее обладателя. Ст. 60 ограждает добросовестного приобретателя вещи, вышедшей из владения собственника (если это не государственное учреждение или предприятие) не в результате кражи или потери вещи, следовательно, когда вещь вышла из обладания собственника на основании акта его воли (отдача на хранение, в пользование и т. п.).

В отдельных случаях в обязательственное отношение впадают черты, в значительной мере сглаживающие различие между правом собственности и обязательственными правами. Примером может служить договор ипотечного займа. Именно, по ст. 169 ГК договор ипотечного займа обязателен не только для данного собственника, предоставившего имущество в пользование, но и для того, к кому потом перейдет право собственности на это имущество, хотя это последнее лицо не вступало в договорные отношения с ипотечником. Рядом с этим, по ст. 170 ГК ипотечник имеет право судебной защиты против всякого нарушителя его владения, в том числе и против собственника. Таким образом, ипотечник получает не только иск против своего контрагента об исполнении договора, но и против всякого нарушителя его владения (не исключая собственника).

Все это, однако, не доказывает, что в советском праве различие между правом собственности и обязательственным правом утратило всякое значение. Это различие не проводится теоретично, наоборот, при его применении учитываются практические потребности; краски с пограничной линией между этими двумя формами прав стерты, но для такого различия все же остается место. Особенно наглядно это различие проявляется тогда, когда обязательство сводится к передаче вещей, определенных только родовыми признаками. На такие вещи, пока они не индивидуализированы, невозможно право собственности и иск для защиты собственности, и поэтому обязательство в таких случаях отличается всеми обычными, характерными для него признаками. Так, например, если одно предприятие обязалось поставить другому определенное количество стандартной обуви, стандартных ящиков и т. п., и этого обязательства не исполняет, второе предприятие не вправе сосредоточить свое требование на определенных конкретных предметах. Ему правда, принадлежит право требовать исполнения обязательства в натуре; однако если предприятие-должник не выполнило своего плана, и исполнение в натуре данного обязательства привело бы к нарушению других обязательств этого предприятия, кредитор придется довольствоваться денежной компенсацией, возмещением ущерба, наступающего для него вследствие неисполнения обязательства.

Наконец, надо иметь в виду, что право требовать передачи вещи не является единственно возможным содержанием обяза-

¹ В. В. Черепаньяк. Приобретение права собственности по давности владения. «Советское государство и право», 1940, № 4; В. В. Черепаньяк. Индивидуализация вещи в вещном праве. Ученые записки Свердловского юридического института, 1945, к. 1.

действия; обязательство может состоять в требовании выполнения различного рода услуг, воздержания от действий, и тогда его отличие от права собственности выступает еще нагляднее.

Различие этих двух категорий прав сказывается также и в том, что право собственности имеет своим объектом всегда в том, что право собственности имеет своим объектом всегда конкретную, индивидуализированную вещь; пусть для данной категории вещей индивидуальные признаки, вообще говоря, не существуют (керосин, масло, бревно и т. д.), но в качестве объекта собственности вещи непременно должны быть индивидуализированы (путем наложения каких-то знаков на бревно, помещения керосина в бидон или иную тару и т. д.); нельзя быть помещением керосина, бревен и т. п. «вообще». Напротив, обязательство может быть направлено на предоставление как индивидуально определенной вещи, так и вещей, определенных родовыми признаками (а равно на получение услуг и т. п.).

9. Обязательственное правоотношение определяется, как уже указывалось, следующим образом: это — гражданское правоотношение, в силу которого одно лицо (или несколько лиц), именуемое кредитором, имеет право требовать от другого лица (или нескольких других лиц), именуемого должником, совершения какого-либо действия.

Необходимо, однако, сделать оговорку, что термин «обязательство» употребляется не только для обозначения всего обязательственного отношения в целом (т. е. права требования кредитора и соответствующей ему обязанности должника), но также и для обозначения обязанности должника в отдельности. Обязательство, рассматриваемое исключительно с этой стороны, нередко обозначается термином «долг». При этом следует иметь в виду, что в обязательствах, в особенности, в важнейшей области обязательств — в обязательствах между социалистическими организациями — элементы «право» и «обязанность» нельзя оторвать один от другого, ибо кредитор не только имеет право требовать исполнения, но и обязан принять надлежащим образом предложенное исполнение (подробнее — см. параграф о просрочке кредитора).

В бытовом языке термин «обязательство» употребляется и для обозначения документа, в котором записано содержание обязательства; например, вместо того, чтобы сказать, что подписан текст договора, расписки и т. п., говорят иногда о подписании обязательства. Обязательство как правоотношение, и обязательно в смысле права требования могут возникать одновременно, например, с заключением договора устанавливается определенное обязательственное правоотношение, между тем как требование может быть обусловлено сроком и возникает тогда лишь по наступлении срока.

Обязательства могут возникать также в связи и по поводу других прав: права собственности (например, обязательство владельца чужой вещи перед ее собственником, выражающееся в обязанности возместить ущерб, причиненный вещи, и обратная обязанность собственника по возмещению владельцу вещи понесенных на вещь затрат), семейных (например, по имущественным взаимоотношениям супругов), наследственных (например, обязательства по выплате так называемых отказов, или легатов) и пр. Но нельзя рассматривать в качестве обязательственных отношений требования собственника по так называемому взыскательному иску (об истреблении вещи из чужого владения) или так называемому негаторному иску (об устранении нарушений права собственности, не связанных с лишением собственника фактического владения вещью), хотя в обоих случаях требования собственника направлены против определенного лица (конкретного нарушителя). Дело в том, что необходимой предпосылкой этих требований является наличие права собственности в момент осуществления этого требования (недостаточно, что такое право было в момент нарушения). Следовательно, мы имеем в данном случае перед собой элементы права собственности, а не самостоятельные обязательства.

10. В буржуазной теории классификация вещных и обязательственных прав является почти общепризнаваемой, но не всеми одинаково понимаемой.

Среди буржуазных авторов есть немало таких (наиболее реакционных), которые рассматривают вещное право (типичной разновидностью которого является право собственности), как отношение между лицом и вещью, в противоположность обязательственному праву, как отношению между лицами. Эта точка зрения весьма удобна для господствующего класса капиталистических государств. В самом деле, если отношения, определяемые и регулируемые нормами о праве собственности, обозначить в качестве отношений между лицами, то при капиталистическом строе выступает во всей своей неприглядности эксплуататорский характер капиталистической собственности. Характеристикой капиталистического правоотношения в капиталистических странах, как отношения между лицами, был бы подчеркнут факт эксплуатации человека человеком, поскольку исключительное право капиталиста на орудия и средства производства предстало бы перед всеми в качестве отношения между собственником этих имуществ, капиталистом, и трудящимися, которые не имеют доступа к этим имуществам иначе, как закабалая себя на работу в предприятие собственника на условиях ему. Наоборот, формулировка права собственности, как отношения собственника к вещи, подчеркивает эксплуататорскую сущность права капиталиста, вуальрует, смягчает однозвучный характер этого права.

... монополия, создающаяся в некоторых отраслях промышленности, усиливает и обостряет хаотичность, следственную к всему капиталистическому производству в целом»¹.

Такому экономическому базису соответствует и правовая надстройка. В капиталистических странах гражданское право, в частности обязательственное право, имеет своей основой частную собственность на орудия и средства производства. Оно является правовой формой присвоения и реализации прибавочной стоимости владельцами средств и орудий производства и служит, таким образом, орудием эксплуатации человека человеком. Буржуазное обязательственное право отражает анархию капиталистического хозяйства. Гарантируя буржуазии, обладающей орудиями и средствами производства, реализацию и присвоение прибавочной стоимости, буржуазное обязательственное право, наряду с правом собственности и всем вообще гражданским правом, закабалает рабочий класс и других трудящихся, лишает их фактически возможности обладать и пользоваться формально признаваемыми гражданскими правами, обрекает их на постоянную неуверенность в возможности добыть средства к существованию, на безработицу и голод.

В беседе с г-ном Рой Говардом товарищ Сталин сказал: «Мне трудно представить себе, *какая может быть личная свобода у безработного, который ходит голодным и не находит применения своего труда. Настоящая свобода имеется только там, где уничтожена эксплуатация, где нет угнетения одних людей другими, где нет безработицы и нищеты, где человек не дрожит за то, что завтра может потерять работу, жилище, хлеб. Только в таком обществе возможна настоящая, а не бумажная, личная и всякая другая свобода*»². Гражданское, в частности обязательственное право, в буржуазном обществе служит в руках господствующего класса орудием угнетения человека человеком. Особенно резко этот эксплуататорский и угнетательский характер буржуазного гражданского права выступает в США. Американские монополии осуществляют эксплуатацию не только широких масс трудящихся своей страны, но и других стран. В порядке «обязательства» американскими монополиями закабалются целые страны; «обязательства» в связи с «маршаллизацией» фактически приводят ряд стран к утрате суверенитета, и обнищанию и т. п.

2. Содержание обязательства составляют право, правомочие кредитора требовать совершения (или несовершения) должником каких-либо действий и обязанность должника их совершить (или не совершать). Следовательно, «содержание

обязательства» отвечает на вопрос, к чему обязан должник по обязательству.

Таким образом, содержание обязанности должника сводится или к положительным действиям (что-либо дать, что-либо сделать) или к отрицательным (чего-либо не делать, от чего-либо воздержаться, что-либо терпеть, допускать и т. п.).

Например, обязательство завода сдать торговому предприятию определенное количество своих изделий; обязательство строительного треста возвести жилой дом; обязательство автора, подписавшего издательский договор, не передавать рукопись своего произведения никакому другому издательству для размножения и опубликования и т. д.

Обязательственное право является (наряду с правом собственности) одной из основных категорий имущественных прав. Поэтому содержанием обязательства, прежде всего, является право требовать (и соответствующая ему обязанность) совершения действия имущественного характера. В отношении самой важной сферы обязательственных отношений, обязательств социалистических организаций, и не приходится ставить вопрос об обязательствах, направленных на совершение действий неимущественного характера. Принципиально обязательства одних социалистических организаций по отношению к другим социалистическим организациям имеют имущественный характер.

Что касается отношений между гражданами, то вопрос о содержании обязательства сложнее. От обязательств в юридическом смысле необходимо отличать принимаемые на себя гражданами обязательства, имеющие нередко большое значение, но не снабжаемые юридическими санкциями, а также различные бытовые обещания. Именно, в жизни советского общества на почве социалистического соревнования и применения стахановских методов труда повседневно принимаются различного рода обязательства по повышению качества изготовляемых предметов, по перевыполнению количественных показателей плана, по досрочному выполнению плана и т. п. Все большее распространение получают обязательства на почве установленной связи науки с производством, на почве шефства отдельных организаций и коллективов трудящихся над другими организациями и т. д. Нередко встречаются обязательства между отдельными гражданами (о предоставлении вещей в пользование, об оказании услуг), принимаемые, однако, без намерения придать этим обязательствам юридический характер.

Грань между обязательствами в юридическом смысле, т. е. сопровождаемыми юридической санкцией, в смысле возможности применения принудительных мер государственной власти в случае неисполнения обязательства (ниже, § 7), и обязательствами (и обещаниями), не сопровождаемыми правовой санкцией, про-

¹ Ленин, Соч., т. 4-е, т. 22, стр. 196.

² Беседа товарища Сталина с председателем американского газетного объединения «Скряпс-Говард Никсвейлерс» г-ном Рой Говардом, Партиздат, 1936, стр. 19.

связи с характером интересов, по поводу которых возникает то или иное отношение. Иной раз отношение, хотя и имеет существенное, важное значение с точки зрения социалистического общества, однако не требует принудительной защиты от государства, так как вполне обеспечивается иными мерами (важные общественные интересы и т. п.). В других случаях (различные бытовые обещания) государство не усматривает необходимости защищать обещание принудительными мерами, считает излишним закреплять общественные интересы в качестве правоотношения ввиду малозначительности интереса с точки зрения задач социалистического общества.

Одним из признаков юридического характера обязательства является его возмездность: юридический характер обязательства явствует иногда из того, что лицо принимает на себя выполнение какой-то услуги за вознаграждение: эта черта платности сама по себе является показателем юридического характера отношения. При этом может и не быть прямого соглашения о вознаграждении; вознаграждение может подразумеваться ввиду того, что действие, которое берется совершить, относится к кругу его профессиональной деятельности; например, если обращаются к архитектору с просьбой приготовить план дачи, то предполагается, что эта работа должна быть оплачена. Эта подразумеваемая платность служит показателем делового, юридического характера действия.

Однако платность выполнения действия не является необходимым признаком юридического обязательства: можно назвать обязательством, которым придается юридическое значение, но которые устанавливаются то на началах возмездности, то на началах безвозмездности, в зависимости от воли сторон; например, обязательство предоставить другому лицу в пользование определенное имущество может сопровождаться обязанностью пользователя уплачивать за пользование определенную иеземную плату, а может быть и безвозмездным. С другой стороны, соглашение об услугах, обычно выполняемых в жизни за плату, может в конкретном случае иметь бесплатный характер ввиду особенностей общих отношений между данными лицами (например, соглашение относительно консультации и т. п. между бывшими школьными товарищами, близкими друзьями и т. п.). Поэтому для разграничения юридических обязательств и бытовых обещаний следует иметь в виду также дополнительный признак — намерение сторон.

Возможное содержание обязательства не исчерпывается правом требовать совершения исключительно действий имущественного характера (или воздержания от совершения таких действий); кредитор может иметь по обязательству право требовать также совершения действий немущественного характера. Этот вопрос является, однако, в советской цивилистической литературе

не бесспорным. Вследствие этого необходимо остановиться на нем подробнее.

Надо отметить, что не вызывает споров более широкий вопрос, а именно — ограничивается ли содержание обязательства исключительно действиями, направленными на удовлетворение и защиту имущественного интереса, или же обязательством может охватываться также удовлетворение и защита немущественных интересов.

Принципиальный вопрос о том, подлежат ли юридическому признанию обязательства, направленные на удовлетворение немущественных интересов в Советском Союзе, поднявшем личность и ее интересы на небывалую высоту, должен быть решен в положительном смысле.

Но обязательство может быть направлено на удовлетворение идеального, немущественного интереса и вместе с тем иметь имущественный характер ввиду того, что обязанность исполнения должником соответствующего действия оказывается так или иначе связанной с имущественной сферой (в форме ли имущественного эквивалента, предусмотренного за это действие, или путем установления неустойки и т. п.).

Спрашивается: может ли быть содержанием обязательства право требовать совершения всякого правомерного действия, лишь бы оно имело серьезное, деловое значение, или же оно должно быть так или иначе связано с имущественной сферой (хотя бы и имело целью удовлетворение немущественного интереса)?

При этом «имущественный характер» обязательства не следует отождествлять с «денежным характером» обязательства. Денежный характер обязательства может заключаться в том, что за кредитором признается право на получение определенной денежной суммы от должника. Характер обязательства может быть признан денежным также тогда, когда при неисполнении должником обязательства от кредитора потребуются затраты определенной денежной суммы для того, чтобы иным путем добиться того хозяйственного результата, к которому должно было привести исполнение обязательства (например, должник обязан передать кредитору вещь; он этого обязательства не выполняет, и кредитору приходится затратить столько-то рублей, чтобы получить вещь в другом месте).

Наконец, денежный характер обязательства выступает и тогда, когда должник за совершаемое им действие (или воздержанье от действия) получает от кредитора или денежную сумму или иное предоставление, для получения которого необходимо затратить какую-то денежную сумму. Ограничивать рамки содержания обязательства исключительно такими действиями, которые имеют денежный характер, во всяком случае нет основания, так

как содержание обязательства может не иметь денежного характера и все-таки быть имущественным. Такого сужения содержания обязательства в советской литературе никогда и не предлагалось. Таким образом, можно признать общепризнанным, что наличие денежного содержания обязательства не является необходимым элементом обязательства.

Но признание того положения, что наличие денежного интереса не является необходимым для действительности обязательства, не исчерпывает вопроса. «Денежный» характер содержания обязательства не покрывает понятия «имущественного» характера обязательства. Поэтому необходимо рассмотреть и дальнейший вопрос: не должно ли содержание обязательства быть все-таки связано так или иначе с имущественной сферой и в этом смысле иметь имущественный характер, или же такая связь содержания обязательства с имущественной сферой может в отдельных случаях и не иметь места?

Останавливаясь на этом вопросе, необходимо, в первую очередь, указать, что ни ст. 107 ГК, ни какая-либо другая советская норма не ограничивают содержания обязательства признаком имущественного характера этого содержания.

Далее, если обратиться к тем соображениям, которые приводились в советской литературе против признания юридической силы за обязательствами, содержание которых не относится к имущественной сфере, то основное соображение сводится к следующему¹. Если содержание обязательства не относится так или иначе к области имущества, то нелегитимно применение санкций в случае неисполнения обязательства. Даже если стороны предусмотрели бы в подобного рода отношении неимущественного характера неустойку на случай неисполнения, то в тождественности с этой точки зрения, нельзя было бы это соглашение о неустойке привести в действие: возмещение должником платить в этом случае неустойку явилось бы серьезным ограничением его свободы, не оправданным достаточно вескими основаниями. Это соображение нельзя признать убедительным.

Возьмем в качестве примера обязательства неимущественного характера: обязательство адвоката провести бесплатно защиту. Следует согласиться с тем, что в жизни соглашение подобного рода никогда не сопровождается установлением неустойки, но нельзя признать принципиально недопустимым обеспечение этого соглашения неустойкой. Таким образом, нельзя отрицать трудности определения убытков от нарушения обязательства неимущественного характера, но что убытки на этой почве все-таки установить можно, следует признать бесспорным.

¹ М. М. Агарков, Обязательство по советскому гражданскому праву, 1948, стр. 34 и сл.

В применении к подобного рода обязательствам санкции усматривают чрезмерное стеснение личной свободы. Конечно, оказание услуги вообще не может быть отождествлено с передачей вещи. В некоторых отношениях это различие весьма существенно; так, например, в вопросе о так называемом реальном исполнении обязательства (или исполнении в натуре) обязательство совершения услуг должно быть выделено, так как принуждение должника к совершению обещанной услуги, действительно, обозначило бы недопустимое ограничение его свободы. Но совсем другое дело — косвенное воздействие на должника посредством взыскания убытков или штрафа. Что в этом нет недопустимого ограничения личной свободы, видно из того, что если обязательство совершения личной услуги принимается лицом возмездно, то ни у кого не возникает сомнения о допустимости возмещения убытков, взыскания неустойки. Почему все должно подвергнуться переоценке, если услуга обещана безвозмездно? Давление на должника, оказываемое перспективой возмещения убытков или уплаты штрафа, остается все тем же, как и при возмездном обязательстве.

Таким образом, мы приходим к выводу, что содержание обязательства не ограничивается правом требовать совершения только таких действий, которые или направлены на передачу, приспособление и т. д. имущества, или вообще так или иначе связаны с имуществом (например, ввиду их возмездности). Содержание обязательства может быть право требовать совершения всякого вообще правомерного, имеющего серьезный характер, нуждающегося в защите и заслуживающего защиты действия лица (положительного или отрицательного).

Некоторые буржуазные юристы высказывают иногда такое соображение, что наша жизнь стала бы слишком ограниченной, неполноценной, если бы один мог обязываться перед другим лишь в таких отношениях, которые так или иначе соприкасаются с миром имущественных благ, имущественных ценностей, если бы обязательственное право совершенно исключало альтруистическую деятельность, заботу о благе других. В условиях буржуазного общества эти утверждения представляют собой, конечно, сплошное нагдое лицемерие. Но в советских условиях, когда ликвидирована эксплуатация человека человеком, действительно, нет основания приурочивать обязательство исключительно к таким отношениям, которые так или иначе связаны с имуществом.

В условиях социалистического общества нет никаких оснований ограничивать содержание обязательства только действиями, так или иначе относящимися к имуществу.

4. Признание юридической силы за обязательством, имеющим своим содержанием исполнение действий немущественного характера, практически означает, что нарушение такого обязательства должником дает кредитору право требовать от должника возмещения убытков, понесенных кредитором. Дело в том, что неисполнение обязательства немущественного характера может иметь последствием материальные потери для кредитора (например, ему пришлось возлучить то, что должен был исполнить должник, от другого лица за плату).

От этих случаев нужно отличать те, когда лицу причиняется вред немущественного характера; например, наносится оскорбление, пятнается репутация лица и т. п. Разумеется, обиженное лицо не должно оставаться беззащитным. Но эта защита никак не может заключаться в какой-то денежной компенсации переживаемых лицом огорчений. Такой перевод на деньги моральных переживаний (широко практикующийся в судебной практике многих буржуазных стран) приносил бы те самые немущественные интересы, защита которых тут имеется в виду. Воздействие рублем на нарушителя этих интересов, действительно, нередко является наилучшим средством борьбы; но это воздействие должно иметь характер уголовного наказания (штрафа) или административного взыскания, и уплачиваемая виновником сумма должна идти к государству, но не к потерпевшему, поскольку в данном случае речь идет не о возмещении вреда, а о наказании.

Не является исключением из этого общего положения и п. 3 ст. 142 ГК, согласно которому суд, снижая размер неустойки, должен принять во внимание «не только имущественный, но и всякий иной, заслуживающий уважения, интерес кредитора». В этом постановлении нет речи о возмещении немущественного вреда; ясный текст этой нормы подтверждает лишь то положение, что советское право признает и защищает не одни только имущественные, но также и немущественные интересы.

§ 6. Цель в обязательстве

Марксистско-ленинской теории обязательства чуждо изучение понятия обязательства в отрыве от конкретных жизненных отношений. Поэтому вопрос о цели обязательства приобретает в советском учении об обязательстве существенное значение.

Разумеется, и для буржуазного права цель обязательства не безразлична. Но эта цель или эти цели в капиталистическом обществе таковы, что классовая буржуазная «наука» старается не говорить о них открыто. Обязательственные отношения не представляют собой отдельного счастливого островка среди всего моря отношений капиталистического общества. Как все буржуаз-

ное право, так и обязательства в капиталистическом обществе служат цели реализации и присвоения прибавочной стоимости собственниками средств и орудий производства. Между отдельными категориями обязательств в буржуазном обществе можно установить лишь то различие, что в одной их группе указанная цель, характерная для буржуазного общества, выίζεται непосредственно; таковы, например, обязательства на почве снабжения капиталистического предприятия сырьем и материалами, на почве найма рабочей силы и т. п.

В других отношениях цель получения прибавочной стоимости сказывается косвенно или посредственно; таковы, например, обязательственные отношения, в которые вступает в капиталистическом обществе трудящийся, желающий, в той или иной, доступной для него, степени, обеспечить на свою скромную заработную плату удовлетворение наиболее острых и неотложных потребностей. Здесь обязательства, в которые вступают стороны, представляют собой одно из звеньев в общей цепи, которая протянута опять-таки от капиталиста и по которой к нему должна идти прибавочная стоимость.

Понятно, что буржуазные теоретики не могут откровенно сказать, что цель обязательства заключается в обеспечении капиталисту получения прибавочной стоимости. Поэтому они воздерживаются от социально-классового анализа цели в обязательстве и ограничиваются лишь некоторыми формально-логическими соображениями применительно к некоторым частным вопросам обязательственного права. Таково, например, учение о *causa* в сделке или о *causa* имущественного предоставления (особенно характерное для французской цивилистики). Еще более, пожалуй, формальный характер имеет исследование вопроса о цели обязательства, в такой плоскости, что исследование сводится к проблеме о том, направлено ли обязательство на совершение должником определенного действия или же на достижение определенного результата (германская цивилистика). Тот же формальный характер имеет и выраженное в буржуазной литературе учение о различии обязанностей, направленных на определенный результат, и других, имеющих целью соблюдение обязанным лицом достаточной осторожности и проявление им надлежащего внимания к чужим интересам.

Все эти и подобные «учения», вызванные необходимостью уйти от выяснения подлинных целей обязательства в буржуазном обществе и не показывать классовую сущность обязательства, не вскрывают по-настоящему проблемы цели обязательства. Эти формально-логические построения не представляют никакого интереса.

В социалистическом обществе, в котором нет эксплуататорских классов, в котором все основные орудия и средства произ-

важства находятся в руках государства, так что не может быть никакой речи об эксплуатации человека человеком, цели обязательств имеют совершенно иной характер. Их надо искать в общих целях советского общества, Советского государства и права.

Исходной точкой для определения этих целей должно служить то положение, что в основе всей хозяйственной жизни СССР лежит народнохозяйственный план. Но этот план не есть самоцель; он есть путь к достижению конкретных целей, которые обеспечиваются исполнением народнохозяйственного плана. Статья 11 Конституции СССР устанавливает, что хозяйственная жизнь СССР определяется и направляется государственным народнохозяйственным планом в интересах увеличения общественного богатства, неуклонного подъема материального и культурного уровня трудящихся, укрепления независимости СССР и усиления его обороноспособности.

И в самом деле, выполнение народнохозяйственного плана приводит к созданию новых предметов социалистической собственности, т. е. к увеличению общественного богатства, а это открывает возможность удовлетворения самых разнообразных потребностей и интересов, выдвигаемых жизнью. Вместе с тем, выполнение плана советской торговли, плана культурных мероприятий и т. д. имеет своим следствием неуклонный подъем материального и культурного уровня трудящихся.

Таким образом, во всех тех обязательствах, в которых сторонами или хотя бы одной из сторон является социалистическая организация, основной целью обязательства является выполнение народнохозяйственного плана, но это предопределяет достижение и конкретных целей — удовлетворение материальных и культурных потребностей населения. Если обязательство устанавливается между двумя социалистическими организациями, то удовлетворение потребностей населения есть обоснование содержания плана по существу и конечный результат выполнения плана, а прямой и непосредственной целью обязательства (например, обязательства поставки одним государственным предприятием известных предметов для другого предприятия) является само выполнение соответствующей части народнохозяйственного плана. Если же государственное предприятие вступает в обязательства с гражданами (например, красильня, ателье мод и т. д.), то целью этих обязательств, если к ним подходить с точки зрения интересов граждан, является прямое удовлетворение тех или иных потребностей этих граждан; предприятие и в этом случае, прежде всего, выполняет свой план, но, как уже сказано, это приводит опять-таки к удовлетворению конкретных потребностей граждан.

Если по обязательству гражданина с социалистической организацией гражданин принимает на себя выполнение какой-то работы для социалистической организации (например, по введению в порядок помещения и т. п.), то такое обязательство направлено на создание для этой организации условий обстановки, необходимых для ее работы, а следовательно, для исполнения ее плана.

В обязательственных отношениях, связываемых между гражданами, целью обязательств является удовлетворение тех или иных материальных или культурных потребностей.

Все эти разнообразные цели обязательств можно обобщить тем положением, что конкретной непосредственной целью обязательства в социалистическом обществе является удовлетворение материальных и культурных потребностей социалистического общества и его граждан.

В социалистическом обществе, не знающем угнетения и эксплуатации человека человеком, ликвидировавшем сами эксплуататорские классы, нет противоположности общественного и личного интересов; интересы граждан гармонически сочетаются с интересами государства (причем именно в силу этой причины интересы целого идут впереди, а интересы отдельных граждан сочетаются с ними). Так же гармонически сочетаются и цели обязательства в смысле разрешения общегосударственных задач и удовлетворения конкретных потребностей граждан.

Обязательства возникают также из таких оснований, как причинение вреда, так наз. неосновательное обогащение и т. д., а в этих случаях, в особенности в первом из них, казалось бы, никак нельзя сказать, что непосредственной конкретной целью установления обязательства является удовлетворение какой-либо потребности кредитора. Но здесь необходимо иметь в виду, что нередко целью обязательства является охрана социалистической собственности, а также имущественного положения граждан. В этой категории обязательств цель заключается не непосредственно в удовлетворении какой-либо потребности лица, а в обеспечении общей предпосылки удовлетворения потребностей, именно, в охране и обеспечении социалистической и личной собственности. К этой категории обязательств близко подходят и такие обязательства, как обязательства, вытекающие из трудовых отношений, и т. п. В этих случаях обязательство также направлено не непосредственно на удовлетворение той или иной потребности, а на создание предпосылки для этого, путем обеспечения такого имущественного положения лица, при котором возможно удовлетворение тех или иных материальных и культурных потребностей.

Личная собственность является производной от социалистической и должна рассматриваться не как противоположность социалистической собственности, а как такой вид собственности, для

которой социалистическая собственность является основным. Поэтому, и обязательства, имеют ли они целью охрану социалистической или личной собственности, либо непосредственное удовлетворение каких-либо материальных и культурных потребностей, могут быть сведены в своем многообразии целей к известному единству. И так как удовлетворение каждой материальной и культурной потребности теснейшим образом связано с общими условиями жизни страны, а характер этих условий непосредственно связан с выполнением народнохозяйственного плана, как это выражено в статье 11 Сталинской Конституции, то в качестве общей цели обязательств следует признать выполнение и перевыполнение народнохозяйственного плана. Если же учесть, что в пережитое нами время страна переходит от первой фазы коммунизма — социализма — к полному коммунизму, то конечную цель всего советского права, и в частности обязательствственного права, можно сформулировать, как охрану и закрепление общественных отношений первой фазы коммунизма и развитие их в направлении к высшей фазе коммунизма.

Эта единая общая цель раскрывается в множестве непосредственных конкретных целей отдельных обязательственных отношений, направленных на удовлетворение материальных и культурных потребностей всего народа в целом и отдельных граждан.

Поскольку цели важнейших обязательств, именно — обязательств социалистических предприятий, связаны с выполнением народнохозяйственного плана, они должны находить выражение в правах и обязанностях сторон по обязательству. Если строительный трест заключает договор с какой-нибудь машинопрокатной базой на предоставление ему в платное пользование (т. е. по договору имущественного найма) некоторых механизмов, то для признания вытекающего отсюда обязательства выполненным надлежащим образом недостаточно, чтобы база передала тресту механизмы, а трест исправно платил за них наемную плату. Необходимо еще, чтобы было осуществлено плановое задание, во исполнение которого установлено данное обязательство, т. е. чтобы механизмы были использованы нанимателем по назначению. Если же полученные трестом по договору механизмы пролежали у него без употребления, то обязательство было исполнено только с формальной стороны, а по существу обязательство осталось безрезультатным венду недостижения его цели. Только при условии использования того, что получено во исполнение обязательства в соответствии с планом, можно говорить о достижении цели обязательства.

В некоторых категориях обязательств специальными нормативными актами предусматривается обеспечение целевого использования предмета обязательства. Так, постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 февраля 1940 г. «О мерах по улучшению

сбора, переработки и использования лома черных металлов»¹ приемщикам Главвторчермета предоставлено право контроля за использованием лома на машиностроительных, металлообрабатывающих и металлургических заводах и пр. За Главвторчерметом этим постановлением признается право сокращать зароз лома на заводы-потребители при невыполнении заводами утвержденных планов по переработке лома. Выполнение этих задач осуществляется путем включения соответствующих пунктов в договоры по поставке лома и по заготовке лома.

Тот же принцип обязательности целевого использования получаемых предметов выражен в ряде других «Основных условий» поставки.

Если в других договорах социалистических предприятий таких оговорок не включается, это не значит, что в этих договорах достижение цели обязательства несущественно. Непосредственная цель обязательства вытекает из лежащего в его основе планового задания, и поскольку плановое задание должно быть исполнено, должна быть достигнута и цель обязательства.

§ 7. Санкция обязательства

1. «... Право есть ничто без аппарата, способного принудить к соблюдению норм права»². Эти слова Ленина о важном значении элемента принуждения в праве полностью применимы, и частности и в особенности, к праву обязательственному.

Содержание обязательства заключается в праве кредитора требовать совершения или несовершения определенных действий (и в соответствующей обязанности должника), а действие не отделимо от лица, которое должно его совершить; от воли этого лица зависит, будет ли действие совершено или нет, причем далеко не всегда можно добиться объекта обязательства помимо воли должника.

Ввиду этого важное значение приобретает вопрос, как, какими средствами добиться того, чтобы действие, составляющее предмет обязательства, было совершено и кредитор достиг бы цели, для которой обязательство установлено.

Основным средством для достижения этой цели является иск — возможность судебной защиты, принудительного воздействия на должника. Как закон (объективное право) «есть ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм права», так и обязательство в смысле субъективного права требования не достигало бы своей цели, если бы не было средств принудительного воздействия на должника.

¹ СП СССР 1940 г., № 4, ст. 124.

² Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 26, стр. 442.

Понятие обязательства было бы безжизненным, если бы не наступало никаких последствий в случае неисполнения обязательства, если бы не существовало ответственности за неисполнение обязательства. Последствия, которые наступают в случае неисполнения обязательства, можно назвать его санкцией. Санкция придает обязательству реальное значение, возможность для кредитора добиться известного практического результата. Для обязательства характерно состояние связанности одного лица в отношении другого. Связанность должника и имеет тот смысл, что на нем лежит ответственность за долг кредитору.

Если должник не исполняет обязательства добровольно, в распоряжение кредитора предоставляются средства принуждения: иск об исполнении, а затем обращение взыскания на имущество должника. Основным средством осуществить ответственность должника и добиться, чтобы санкция получила реальное, практическое значение, служит предоставляемый кредитору иск, с помощью которого кредитор и получает возможность добиваться удовлетворения помимо воли и даже против воли должника.

2. В связи с этим возникает, однако, вопрос: является ли иск кредитора необходимым атрибутом всякого вообще обязательства, или, другими словами, является ли исковая защита единственным видом санкции обязательства, или же возможны в советском праве также обязательства юридические, но несковые.

Вопрос о несковых обязательствах имеет значение для советского права ввиду того, что Гражданский кодекс содержит в ст. ст. 47 и 401 следующие постановления: «В случае исполнения обязательства должником по истечении давности он не вправе требовать обратно уплаченного, хотя бы в момент уплаты он и не знал об истечении давности» (ст. 47 ГК).

«Не вправе требовать возврата уплаченного исполнивший обязательство, хотя бы лишенное исковой силы, но не являющееся недействительным в силу закона» (ст. 401 ГК).

Из этих двух статей Гражданского кодекса можно вывести следующие два положения: 1) что мыслимо обязательство, не являющееся недействительным в силу закона, но лишенное исковой силы, т. е. лишение обязательства исковой силы еще не предвещает его недействительности; обязательство может быть неисковым и в то же время действительным, и 2) что платеж по такому несковому обязательству имеет юридическое значение; обратное истребование уплаченного по такому обязательству не допускается.

3. Несмотря на ясность и смысла и редакции приведенных ст. ст. 47 и 401 ГК, в советской цивилистической науке выражено мнение (проф. Агарков¹), что исковая защита является без-

¹ М. М. Агарков. Обязательство по советскому гражданскому праву. 1937, стр. 44—60.

условно необходимым признаком обязательства и что, следовательно, обязательства несковые не являются юридическими обязательствами.

Аргументация проф. Агаркова сводится к следующему.

Если обязательством называть то правоотношение, о котором идет речь в ст. 107, то нельзя признать обязательством правоотношение, о котором говорится в ст. 401, так как в этом случае ни одна сторона не может ничего требовать от другой стороны. Обязательство, как оно определено в ст. 107, снабжено санкциями; обязательство по ст. 401 никакими санкциями не наделено. Невозможность истребовать обратно уплаченное не есть санкция по обязательству. Ибо санкция, говорит М. М. Агарков, придается существующему, не погашенному обязательству, на случай его неисполнения. Между тем, по ст. 401 последствия обязательства наступают лишь после того, как добровольно произведено исполнение, т. е. тогда, когда обязательство погашено и нет надобности в санкции. Если, рассуждает М. М. Агарков, ст. 401 содержит санкцию, то это — не санкция обязательственного отношения, а санкция такого отношения между сторонами, которое отрицает наличие обязательственного отношения. Уплативший в силу ст. 401 не имеет обязательственного требования к получателю платежа.

Общее между отношением по ст. 107 и отношением по ст. 401 сводится лишь к тому, что имущество, переданное по исполнению по обязательству, не может быть истребовано обратно, что в этих случаях нет неосновательного обогащения. Никакого другого действия «обязательства, лишенных исковой силы» в советском законодательстве не предусмотрено: такое обязательство не может быть предъявлено к зачету, не может быть обеспечено залогом, так как оно не является «действительным требованием» в смысле ст. 88 ГК; обязательство, лишенное исковой силы, не может быть обеспечено поручительством (так как и поручительством можно обеспечить только действительное требование, ст. 237 ГК). По ст. 245 ГК поручитель вправе защищаться против требования кредитора всеми возражениями, которые мог бы предъявить сам должник; поручитель не теряет права на эти возражения, хотя бы сам должник от них отказался или признал свое обязательство. Таким образом, если по обязательству истек срок давности и оно потеряло исковую силу (по терминологии ст. 401), то поручитель все же мог бы сослаться на давность. И без ссылки поручителя суд должен был бы отказать в иске, так как советский суд сам, по собственной инициативе, должен применять постановления о давности. Обязательство, лишенное исковой силы, нельзя обеспечить неустойкой.

Основное проявление юридической силы нескового обязательства, а именно, возможность погашения посредством платежа

с юридической силой, иначе говоря, недопустимость истребования обратно (как неосновательного обогащения), уплаченного по обязательству, не порождающему иска, М. М. Агарков объясняет иначе. Он полагает, что юридическая сила платежа или исполнения по неискному обязательству еще не дает основания усматривать в этих случаях обязательство.

Сближение ст. ст. 401 и 107 заключается, якобы, не в том, что оба случая должны быть отнесены к обязательствам, а только в том, что в обоих случаях имеется достаточное основание для перехода имущества от одного лица к другому. Поэтому обязательство, по которому кредитор не предоставляется право иска, М. М. Агарков исключает из круга обязательств. Наличие достаточного основания перехода имущества, замечает М. М. Агарков, само по себе несколько не доказывает, что имущество переходит именно по обязательству; наследование, например, также является достаточным основанием для перехода имущества, однако наследование не есть обязательство. Обязательство, не снабженное исковой защитой, с этой точки зрения есть лишь одно из признанных законом оснований перехода имущества от одного лица к другому. Такие случаи, кроме указанного в ст. 47 ГК, возможны на почве статьи 130 Конституции СССР (об обязанности уважать права социалистического общества); например, содержание одним лицом другого, когда закон не устанавливает между данными лицами алиментного обязательства; переход имущества в этом случае обоснован правилами социалистического общества, и истребовать уплаченное обратно нельзя.

Нельзя призвать изложенную точку зрения правильной.

Все эти соображения недостаточны для объяснения ст. ст. 47 и 401 ГК РСФСР. Ссылка на такие примеры, как наследование (которое является достаточным основанием перехода имущества от одного лица к другому, не являясь, однако, обязательством), не попадает в цель. Когда мы имеем обязательство, по которому пропущен срок исковой давности, мы все-таки имеем перед собой обязательство. Так его называет закон (ст. 47 ГК): в случае исполнения обязательства должником по истечении давности он не вправе требовать обратно уплаченного, хотя бы в момент уплаты он и не знал об истечении давности. Содержание статьи не оставляет места ни для каких сомнений: по истечении давностного срока обязательство не пользуется исковой защитой, но добровольный платеж, добровольное исполнение является настоящим исполнением, и возврата уплаченного требовать нельзя (та же мысль в более общей форме выражена и в ст. 40) ГК).

Проф. Агарков пытается объяснить это правило так: обязательство прекратилось, но основание для перехода имущества от бывшего должника к бывшему кредитору осталось. Однако этим

не дается ответа на вопрос: почему же осталось основание для такого перехода имущества? На этот вопрос не может быть иного ответа, кроме того, что обязательство в рассматриваемом случае не совсем прекратилось; оно лишилось исковой защиты, но некоторую юридическую силу и некоторую защиту сохранило.

Поскольку закон признает в рассматриваемых случаях платеж настоящим (т. е. не подлежащим возврату) платежом, поскольку закон не разрешает передумавшему впоследствии должнику истребовать обратно то, что он предоставил во исполнение обязательства, постольку закон приводит к неизбежному заключению, что такое обязательство, по которому право на иск отпало за истечением давности, не является с точки зрения советского права чем-то безразличным. Погасить в юридическом смысле (с юридическими последствиями) можно только действительно существующее обязательство; если бы в данном случае вообще не было обязательства, оно не могло бы служить основанием для платежа.

Таким образом, ст. ст. 47 и 401 ГК РСФСР прямо признает возможность такого обязательства, по которому иска для осуществления санкции обязательства в распоряжении кредитора нет. Поэтому санкция в форме иска не является единственно возможной по советскому гражданскому праву. Возможна и более слабая форма санкции, в частности — признание юридической силы за произведенным по данному долгу исполнением.

Спрашивается, почему советское право допускает такие обязательственные отношения, которые не получают исковой защиты и, тем не менее, признаются в указанном выше смысле. Поскольку такие именно последствия связываются с обязательствами, по которым пропущен срок исковой давности, необходимо при ответе на поставленный вопрос исходить из того значения, которое имеет исковая давность, прежде всего — в области отношений между социалистическими организациями. Право на исковую защиту ограничивается определенным сроком исковой давности в отношении всех вообще лиц для того, чтобы обеспечить устойчивость хозяйственного положения отдельных лиц, предупредить запоздалые споры, которые могут сопровождаться чрезмерными трудностями доказывания соответствующих фактов и т. д. Применительно же к социалистическим организациям на первый план выступает задача наилучшего и наиболее полного соблюдения начала хозрасчета, договорной дисциплины, приедения баланса социалистических организаций в наибольшее соответствие с действительным положением вещей (реальность баланса) и т. д. Под этим углом зрения необходимо, чтобы социалистические организации не откладывали осуществление имеющихся претензий на какое-то неопределенное будущее, а обращались за содействием в суд или в органы арбитража в пред-

для определенных, установленных в законе, сроков. Поэтому иски, предъявляемые по истечении этих сроков, не удовлетворяются. Однако установлением сроков исковой давности вовсе не имеется в виду освободить обязанное лицо (физическое или юридическое) от лежащей на нем обязанности и этим как бы поощрить неисполнение обязанности, в расчете на возможность пропуска управомоченным лицом срока на предъявление иска. Поэтому, отказывая управомоченному лицу в активной защите его права исковым порядком, советский закон все же считается с самим (материальным) его правом и соответствующей обязанностью на другой стороне, и в случае добровольного исполнения этой обязанности по истечении срока давности — такое исполнение признается имеющим юридическую силу.

Поскольку обязательство снабжено хотя бы такого рода санкцией (более слабой, чем исковая защита), подобного рода отношение нельзя уже исключить из круга обязательств. Надо заметить, что для обозначения обязательств, по которому кредитор не предоставляется исковой защиты, употребляют иногда термин (заимствованный у буржуазных юристов) «натуральные обязательства». Этот термин «натуральные обязательства» должен быть отвергнут. Наименованием неисковых обязательств натуральными («естественными»), с одной стороны, проводится чисто идеалистическая концепция, будто обязательство происходит здесь из самой природы, из «натуры», «естественным порядком», как бы вне всякой зависимости от государства, от закона. С другой стороны, противопоставление исковым обязательствам натуральных производит впечатление, будто исковые обязательства какие-то ненатуральные, противоестественные. В советском праве поэтому не следует употреблять термин «натуральные обязательства», а говорить об обязательствах, снабженных ослабленной (или неполной) санкцией, об обязательствах с неполной санкцией, или просто об обязательствах, не защищаемых иском (неисковых).

Конечный вывод может быть выражен так. Санкция является необходимым атрибутом обязательства; важнейшей формой санкции является исковая защита обязательства; однако исковая защита — важнейшая форма санкции, но не единственная; возможны и такие обязательства, санкция которых выражается лишь в том, что исполнение по такому обязательству имеет юридическую силу (исполнение не может быть истребовано обратно).

Глава II

ОСНОВАНИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

§ 8. Классификация оснований возникновения обязательства

1. Юридические факты (и их комплексы), с наступлением которых советское право связывает возникновение обязательства, называются основаниями возникновения обязательства.

Обязательства возникают из самых разнообразных юридических фактов (оснований). По мере гигантского роста социалистического хозяйства число таких фактов (оснований) все увеличивается. Перед наукой стоит задача систематизации этих фактов, ибо научное знание есть знание систематическое; а правильная классификация в правовой науке имеет политическое значение.

2. В качестве отправного положения при систематизации различных оснований возникновения обязательства по советскому праву необходимо, на наш взгляд, взять отношение обязательства к народнохозяйственному плану. Согласно статье 11 Конституции СССР, хозяйственная жизнь определяется и направляется государственным народнохозяйственным планом. Выполнение государственного плана народного хозяйства имеет для социалистического государства совершенно исключительное значение.

Народнохозяйственный план является предпосылкой для многообразных имущественных отношений, складывающихся в нашей стране; исполнение плана предопределяет достижение и общегосударственных целей и разного рода индивидуальных целей, допустимых по советскому закону.

Выполнение плана является основной целью еще и потому, что конкретные конечные цели, преследуемые планированием в целом, непосредственно совпадают с другими целями, для достижения которых могут служить обязательственные отношения в СССР; например, выполнение планов внутренней торговли обозначает снабжение потребителей необходимыми товарами, т. е. одновременно удовлетворяет их индивидуальные интересы. Социалистическое планирование охватывает самые различные стороны жизни и является (прямо или косвенно) основанием возникновения наиболее важных обязательств.

Представляется поэтому целесообразным, прежде всего, разделить все обязательства (по источнику их возникновения) на

три основных группы. В одну группу должны войти все обязательства, возникающие на основе или в связи с народнохозяйственным планом; другую группу должны составить все обязательства, не охватываемые социалистическим планированием (при этом имеется в виду лишь отсутствие планирования путем юридических норм; косвенное воздействие со стороны государства методом экономического регулирования имеет место и в этой группе обязательств); третью группу должны составить обязательства, не принадлежащие ни к одной из двух первых групп, но способствующие правильному развитию отношений в каждой из двух основных групп; это — обязательства, направленные на восстановление нормального состояния имущественных сфер участников оборота, — состояния, нарушенного определенным фактом (например, причинением вреда имуществу другого лица).

Только что данная выше самая краткая обрисовка значения народнохозяйственного плана показывает связь народнохозяйственного плана со всеми сторонами жизни советской страны, значение выполнения плана для удовлетворения многообразных потребностей и интересов. Из этого видно, что разделение оснований возникновения обязательств на указанные три основных группы не является формально-логическим делением, но основывается на существовании соответствующих правоотношений.

В первую основную группу обязательств должны войти обязательства, возникающие из следующих фактических составов: а) обязательства, возникающие на основе актов планирования народного хозяйства и оформляемые договорами, обязательными в заключении между определенными (предуказанными актом планирования) социалистическими организациями; б) обязательства, также заключаемые на основе и во исполнение народнохозяйственного плана, также оформляемые договорами между социалистическими организациями, но так, что каждая сторона самостоятельно избирает себе контрагента, а равно и все условия договора (предмет и размер обязательства и пр.) самостоятельно устанавливаются сторонами; в) обязательства, возникающие из договоров социалистических организаций, заключаемых ими с гражданами на основании плана (в частности, издательские и тому подобные договоры); г) обязательства, возникающие непосредственно из актов планирования и регулирования народного хозяйства (не оформляемые договорами), наконец, сюда же включается д) категория, пограничная между первой и второй основной группой: обязательства, хотя и не основанные на плане, но способствующие его выполнению и потому находящиеся с ним

¹ См. Э. И. Шкувдел, Обязательство поставок товаров в советском праве, 1946, стр. 56.

в связи; это — открытые конкурсы (публичное обещание социалистическими организациями премий за выполнение тех или иных работ и т. п.). Между этими пятью видами обязательств, возникающих на основе или в связи с народнохозяйственным планом, проводится различие, исходя из особенностей фактического состава в каждом из этих случаев.

Вторая основная группа — обязательства, не охватываемые социалистическим планированием (в указанном выше смысле, т. е. посредством юридических норм), может быть (по такому же признаку) подразделена на обязательства, возникающие из договоров между гражданами, и обязательства, возникающие из односторонних актов (деятельность в интересах другого лица без его поручения; завещательные отказы). В эту же группу можно отнести в качестве особого вида обязательств — обязательства алиментирования.

К третьей группе надо отнести обязательства, способствующие как плановому, так и неплановому гражданскому обороту, путем устранения нарушений социалистической и личной собственности. Таковы: обязательства из причинения вреда личности или имуществу другого лица (поскольку советское гражданское право не возмещает неимущественного вреда, постольку даже в случае причинения вреда личности обязательство должника сводится или к восстановлению нарушенного состояния или к возмещению имущественных потерь); сюда же относятся обязательства, возникающие на почве неосновательного получения или сбережения имущества за счет другого лица. (См. таблицу на стр. 77.)

3. В советской литературе сделана интересная попытка (проф. Агарковым¹) провести классификацию оснований возникновения обязательств не по формальным признакам, а по существу, именно в связи с целями в области обязательственного права, которое направлено на регулирование динамики имущественных отношений в социалистическом хозяйстве — имущественного оборота. Эта попытка представляет интерес потому, что цель действительно является чрезвычайно существенным моментом для обязательства, определяющим содержание обязательства. Цель обязательства это — удовлетворение известного интереса, которым определяется содержание обязательства. Таким образом, когда классификация оснований возникновения обязательств ставится в связь с целью обязательств, эта классификация должна получить действительно жизненный характер.

Достижению каких целей должны служить в СССР обязательственные отношения?

Различные цели обязательств сводятся в этом предложении к следующим основным группам.

¹ М. М. Агарков, Обязательство по советскому праву, 1946, стр. 108.

На первом месте стоит выполнение государственного плана народного хозяйства.

План есть проведение воли трудящихся, выраженной в соответствующих постановлениях компетентных органов и направленной на определенное задание. Отсюда обязательственные отношения, имеющие непосредственной целью выполнение плана, возникают из волевых актов, направленных на создание подобного рода отношений, из актов юридических, понимаемая под ними как гражданско-правовые акты (договор, одностороннюю сделку), так и акты административные. Административные акты в одних случаях могут служить непосредственным источником обязательств, т. е. непосредственно создавать обязательства передачи каких-либо имущественных ценностей, исполнения определенных работ и т. п. В других случаях административные акты являются более отдаленным источником обязательств: эти акты не сами порождают конкретные обязательства по передаче ценностей, исполнению работ и т. п., а только устанавливают обязательство заключить сделку (чаще всего — договор), на основе которой уже возникает такое конкретное обязательство¹. Удовлетворение конкретных потребностей граждан также опосредствуется их договорами, заключаемыми как с социалистическими организациями, так и между собой.

Во вторую группу обязательственных отношений выделяются те, непосредственной целью которых является охрана и обеспечение имущества Советского государства, колхозных и других кооперативных и общественных организаций и имущества отдельных граждан. В процессе достижения этих целей (осуществляемых средствами не одного только гражданского, но и уголовного и административного права) возникают обязательства из привнесения вреда, из неосновательного обогащения и др. В этой группе обязательственных отношений уже не сделка является основанием возникновения обязательства (хотя бы косвенно сделка и имеет известное значение при возникновении обязательства). Тут в основе лежит не волеизъявление, направленное на образование обязательства, а наличие такого фактического состава, из которого вытекает необходимость охраны и обеспечения имущественного положения государственного хозяйства, кооперативных организаций, отдельных граждан.

Наконец, в третью группу выделяются те обязательства, которые возникают на почве и в связи с гарантированным Сталин-

¹ М. М. Агарков (там же, стр. 116) присоединяет к этим двум категориям административные акты еще третьей, в которых определяется задача, которую необходимо решить, каково предстоит совершить кооперативу. Мы считаем, что наличие равнозначности административных актов никак нельзя отнести к образованию возникновения обязательств.

свой Конституцией правом на труд, на материальное обеспечение по старости, болезни, инвалидности, в связи с гарантированной правовой интересами матери и ребенка. Известная часть дохода, получаемого социалистическим народным хозяйством, идет на достижение этих целей. На этой почве складываются отношения, в значительной мере выходящие за пределы гражданского права; но в известных случаях возникают и гражданско-правовые обязательства, например, по уплате алиментов, по оплате труда авторов литературных, научных, художественных, музыкальных произведений, по оплате труда изобретателей. Эта группа обязательств возникает и из сделок и из других оснований. В этой группе могут иметь место такие основания возникновения обязательств, как договор, произведенная творческая работа, брачные и семейные отношения (при наличии известных дополнительных фактических условий).

Эту попытку нельзя признать удавшейся именно в применении к классификации оснований возникновения обязательств.

Мысль связать построение системы оснований возникновения обязательств с отдельными целями, на которые обязательства направлены и которые охраняются в социалистическом обществе, диктуется тем, что благодаря сопоставлению возникновения обязательств с его целью вышло выступает принципиальное превосходство социалистического обязательственного права по сравнению с обязательственным правом стран капитализма. При таком построении бросается в глаза, что советское обязательственное право (как и все советское право) есть право страны, не знающей классового антагонизма, эксплуатации человека человеком, страны, где интересы личности гармонически сочетаются с интересами государства; и напротив, на обязательственном праве стран капитализма лежит печать непримиримого противоречия интересов монополистов, интересов, имеющих хождение под именем государственных, с одной стороны, и интересов широких народных масс, с другой стороны, — печать жесточайшей эксплуатации капиталистами экономически зависимых от них людей.

Однако предложенная проф. Агарковым классификация отчасти соединяет в одну группу обязательства, по существу весьма различные (договоры, обязательные к заключению на основании плана между определенными социалистическими организациями, и договоры, заключаемые между гражданами), отчасти разъединяет однородные обязательства (обязательства, возникающие по издательскому договору, по авторскому свидетельству изобретателя), непосредственно связанные (на одной стороне) с планированием, оказываются оторванными от обязательств, возникающих на основе народнохозяйственного плана, и включаются в третью группу, наряду с алиментными обязательствами, не имеющими с ними ничего общего.

Эти недостатки не позволяют принять классификацию проф. Агаркова и вынуждают нас остановиться на предлагаемой здесь классификации, при которой основное деление случаев возникновения обязательств проводится по характеру обязательств (подделение внутри каждой из этих основных категорий делается исходя из характера фактического состава, т. е. способа возникновения обязательств).

Предлагаемая классификация оснований возникновения обязательств имеет значение для постановки и решения ряда вопросов, излагаемых во второй части настоящего тома курса (невозможность исполнения, допустимость отмены и т. д.).

4. В самом законе (ст. 106 ГК) основания возникновения обязательств сгруппированы так: «Обязательства возникают из договоров и других указанных в законе оснований, в частности вследствие неосновательного обогащения и вследствие причинения другому лицу вреда». Гражданский кодекс был издан в начале периода нэпа; этим, в частности, объясняется, что среди оснований возникновения обязательств в нем не упомянуты акты планирования и регулирования народного хозяйства, в настоящее время являющиеся главным основанием возникновения обязательств.

Кроме того, в перечне ст. 106 ГК неопределенной (с точки зрения классификации) является ссылка на «другие указанные в законе основания»: к велению закона в конечном счете сводится любой случай обязательства. Однако практически обойтись без этой общей рубрики нельзя, так как дать в законе исчерпывающий перечень оснований возникновения обязательств невозможно, ввиду крайнего многообразия этих оснований.

5. Задача классификации оснований возникновения обязательств стояла и стоит также и перед буржуазными юристами. Но буржуазная «наука» не разрешила ее (для буржуазного права). Некоторые буржуазные теоретики даже не ставят вопроса о классификации оснований обязательств; другие буржуазные авторы, хотя и ставят данный вопрос, но по существу уклоняются от его разрешения (например, французский цивилист Пляньоль все основания возникновения обязательств, кроме договора, сводит к единому источнику — закону)¹. Но бесплод-

¹ С этой точки зрения нет оснований выделять даже и договор, ибо сам спор, выражающийся в договоре, не безусловно создает обязательство, а лишь при соответствии ее закону. Кроме того, закон не является единственным источником обязательств в специальном смысле: закон не есть «юридический факт» или «фактический состав», с которыми связывается возникновение того или иного обязательства. Закон не может быть поставлен рядом с договором, причинением вреда и т. д., он стоит над ними: фактически составы делаются юридическими фактами только потому, что закон связывает с этими фактическими составами определенное юридическое последствие.

Классификация оснований возникновения обязательств получает, таким образом, следующий вид:

А. Обязательства, возникающие на основе или в связи с народнохозяйственным планом

1. Обязательства, возникающие на основе актов планирования народного хозяйства, оформляемые договорами:

а) договоры, обязательные к исполнению между определенными (пред-указанными актом планирования) социалистическими организациями;

б) договоры, заключаемые на основании плана между социалистическими организациями, избарающими самостоятельно контрагентов, определяющими предмет и размер обязательства и пр.;

в) договоры социалистических организаций с гражданами (в частности, издательские и тому подобные договоры).

2. Обязательства, возникающие непосредственно из актов планирования и регулирования народного хозяйства (не оформляемые договорами).

3. Обязательства, содействующие выполнению народнохозяйственного плана: открытые конкурсы и т. п.

Б. Обязательства, не охватываемые социалистическим планированием

1. Обязательства, возникающие из договоров между гражданами.

2. Обязательства, возникающие из односторонних актов: (деятельность в интересах другого лица без его поручения; завещательные отказы).

3. Обязательства алиментирования.

В. Обязательства, способствующие нормальному развитию отношений в группах А и Б путем возмещения потерь и имущества, не обоснованных или вызванных неправомерными действиями

1. Обязательства из причинения вреда личности или имуществу другого лица.

2. Обязательства из неосновательного получения или сбережения имущества за счет другого лица.

ныши оказались и попытки тех буржуазных теоретиков, которые предлагали ту или другую схему оснований возникновения обязанности. Безуспешности этих попыток удивляться не приходится.

Дело в том, что буржуазные цивилисты ставят перед собой лишь формально-логическую задачу — разбить различные основания возникновения обязанности на рубрики. Будучи слугой господствующего класса капиталистов, буржуазный юрист далек от мысли дать социально-классовый анализ оснований возникновения обязанности. Такую задачу буржуазный юрист не может поставить перед собой, так как ему пришлось бы раскрывать такую подоплеку обязанности, которая обнажила бы звериное лицо капиталистов. Обязательственные отношения в капиталистическом государстве определяются частной собственностью на орудия и средства производства, господствующим положением монополистического капитала — эксплуататора и угнетателя народных масс. Буржуазный юрист понимает, что если он инкнет с социально-классовую природу обязанности, то неминуемо выявится антагонизм классов, непримиримые противоречия интересов государства и личности, хищническая эксплуатация миллионов трудового народа. Такой результат исследования был бы неприемлем для «хозяев». Поэтому буржуазные юристы ограничиваются формально-логическими классификациями оснований обязанности, ничто не дающими по существу.

§ 9. Обязательства на основе актов планирования и регулирования народного хозяйства, оформляемые договорами

1. Среди обязательств социалистических организаций занимают самое большое, самое видное место обязательства, возникающие на основе актов планирования и регулирования народного хозяйства. По общему правилу издаваемые управомоченными на то государственными органами акты планирования и регулирования народного хозяйства СССР не порождают обязательственных отношений непосредственно; обязательства возникают из договоров, заключаемых на основе актов планирования. Надо заметить, однако, что и сами акты планирования имеют в этих случаях юридическое (и весьма важное) значение.

¹ Например, Зивагерус в Курсе германского гражданского права (II, § 256) делит обязательства по основаниям возникновения на следующие группы: обязательства из сделок; из возмездных действий; из действий, хотя и не возмездных, но обязывающих к возмещению вреда; из различных оснований — юридических и фактических. Леонгард, Общая часть германского обязательственного права, 1929, стр. 259—260, различает обязательства по своему и своему из закона.

Достижение задач, предусмотренных статьей 11 Сталинской Конституции, предполагает реальность плана. План не может быть только программой деятельности, указывающей лишь общее направление этой деятельности, план должен иметь конкретное значение и строго проводиться в жизнь. В речи на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. («Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства») товарищ Сталин говорил: «Было бы глупо думать, что производственный план сводится к перечню цифр и заданий. На самом деле производственный план есть живая и практическая деятельность миллионов людей. Реальность нашего производственного плана — это миллионы трудящихся, творящие новую жизнь. Реальность нашей программы — это живые люди, это мы с вами, наша воля к труду, наша готовность работать по-новому, наша решимость выполнить план»¹. Провести план в жизнь — значит осуществить на деле те конкретные задания, которые планом устанавливаются. Достижение этой цели — проведение в жизнь народнохозяйственного плана — сочетается в советской стране с началом хозяйственного расчета социалистических предприятий, а средством сочетания планового начала и хозяйственного расчета служит, как известно, договор.

Поэтому хозяйственная деятельность социалистических предприятий по общему правилу оформляется договорами. Исключительно важное значение договора в деле обеспечения выполнения утвержденных Правительством народнохозяйственных планов и в деле снабжения народного хозяйства продукцией установленного ассортимента и качества ярко подчеркнуто в постановлении Совета Министров СССР от 21 апреля 1949 г. «О заключении хозяйственных договоров» (СП СССР 1949 г. № 9, ст. 68). В тех отраслях народного хозяйства, где особенно важно обеспечить точное, своевременное и полное осуществление народнохозяйственного плана, на соответствующие хозорганы путем специальных административных актов возлагается прямое обязательство заключать договоры, причем в административных актах предусматриваются и контрагенты и основные элементы содержания будущих договоров. В этих частях плана административные акты планирования и регулирования народного хозяйства одновременно и обязывают хозорганы заключить договоры и управомочивают их на это, поскольку при отсутствии соответствующего административного акта (наряда, фонда) хозорган не имеет права совершать договоры на сбыт данной продукции и т. п. Но при исполнении этого обязательства социалистическое предприятие продолжает оставаться как хозяйственный организация, самостоятельным в оперативном отношении. Отсюда вытекает право хоз-

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 349.

органа самостоятельно определять в заключаемых договорах частные сроки исполнения, порядок сдачи-приемки товара и другие вопросы, хотя и не основные, но все же весьма существенные для работы хозяйственного предприятия. Таким путем достигается действительная увязка планового, начала с началом хозяйственности и обеспечивается реальность плана.

3. Главнейший случай обязательств заключить договор на основании административного акта это — поставки фондируемой продукции (материалов, оборудования, топлива), когда договоры между хозорганами заключаются в обязательном порядке. Такой именно характер договоров, заключаемых в этих случаях, выражается, прежде всего, в том, что административным актом предопределяется, с каким хозорганом должен заключить договор данный хозорган. Постановлением Экономсовета при СНК СССР от 2 декабря 1938 г. «О порядке составления и утверждения годовых и квартальных балансов и планов снабжения народного хозяйства материалами, оборудованием и топливом» (СП СССР 1938 г. № 56, ст. 316; СП СССР 1939 г. № 9, ст. 69) установлен следующий порядок. СНК (ныне — Совет Министров) СССР утверждает годовые и квартальные планы снабжения этими видами продукции. На основании этих планов отдельное предприятие-потребитель получает определенный фонд, т. е. запланированное для него количество материалов, оборудования, топлива на данный плановый период. Фонду каждого предприятия-потребителя соответствует наряд предприятия-поставщика; этим нарядом предприятию-поставщику предлагается сдать такое-то количество продукции такому-то хозоргану. Таким образом, получается, что в этой сфере отношений ни поставщик, ни покупатель не выбирают себе контрагентов; самим планом (актом планирования) предпрешено, между какими хозорганами должен быть заключен договор в каждом отдельном случае. Далее, и фонд, и соответствующий ему наряд являются обязательными для хозоргана, которым они даны. Фондодержатель не только имеет право (в пределах установленного срока)¹ использовать предоставленный ему фонд, но он и обязан его использовать. Равным образом, предприятие-поставщик обязано исполнить данный ему наряд. Таким образом, на хозорганах в этом случае лежит обязательство заключить договор, вытекающее из административного акта — акта планирования. Объяснение этого явления заключается в значении для народного хозяйства социалистического общества

¹ До Великой Отечественной войны утверждалась на один вид фондируемой продукции только годовые балансы и планы снабжения, на другие виды — только квартальные балансы и планы. В военные годы, в связи с быстрым изменением условий, перешли к квартальным (и даже месячным) балансам. С 1947 г. установлена практика годовых балансов и планов и квартальной разбивки основных показателей плана).

утвержденного плана на определенный отрезок времени. Планом установлено, что именно должно быть добыто и произведено за данный период и как это добытое и произведенное должно быть распределено, по каким каналам и для каких целей должно быть использовано. Если бы фондодержатель мог оставить фонд без использования или предприятие-поставщик могло отказаться от сдачи ему продукции, несмотря на наличие фонда, то это означало бы, что в какой-то части народнохозяйственный план оказался бы измененным не теми планирующими органами, которые вправе такие вопросы ставить и разрешать, а совершенно случайно отдельными предприятиями, укловившимися от заключения между собой договора. Недопустимость такого нарушения плановой дисциплины самоочевидна. Но, конечно, обязывать поставщика к заключению договора на фондируемую продукцию можно лишь при наличии у покупателя выделенного и установленного порядка фонда¹.

Вопрос о юридической природе и значении предложения планового органа заключить договор (и следовательно — о соответствии плана и договора) представляет большие трудности и решается в нашей литературе неодинаково.

В работе проф. Н. Г. Александрова «К вопросу о роли договора и правовом регулировании общественных отношений»² договоры в советском праве различаются трех видов. Первый вид составляют те договоры, которые служат основанием возникновения обязательства, не определяя, однако, содержания возникшего обязательства. Другую разновидность договоров составляют договоры, которые не только служат основанием возникновения обязательства, но и определяют конкретные правомочия и обязанности сторон. Наконец, третий вид договоров составляют те, которые не могут считаться основанием возникновения правоотношения (обязательства), так как это правоотношение (обязательство) уже вызвано к жизни другим юридическим фактом, а именно административным актом; на долю договора в подобного рода случаях остается лишь конкретизация возникшего правоотношения.

Рассматриваемый случай обязательства, основывающегося на акте планирования народного хозяйства и подлежащего оформлению посредством договора, относится (при этой классификации договоров) к третьей группе.

В такой конструкции этих обязательств есть та положительная и очень ценная сторона, что эта конструкция очень рельефно отображает ту тесную связь, которая существует между планом

¹ «Арбитраж», 1936, № 1, стр. 23.

² Ученые записки Всесоюзного института юридических наук, вып. VI, 1947, стр. 60 и сл.

и договором. Этот тезис является бесспорным; план и договор должны представлять одно неразрывное целое. Однако такая конструкция чрезмерно снижает роль договора. Это происходит от того, что неправильно рисуется в этом построении характер взаимоотношения (обязательства), порождаемого в данном случае административным актом (плановым заданием). Плановое задание порождает обязательство заключить договор, создать условия, необходимые для выполнения будущего договора, но самого обязательства поставки не порождает. Это последнее возникает только из договора, который в данном случае не просто конкретизирует обязательство, возникшее из планового задания, но порождает новое обязательство (поставки), отличное от того обязательства, которое создано плановым заданием (обязательства заключить договор).

Другая точка зрения, выраженная в нашей литературе, принадлежит М. М. Агаркову и З. И. Шкундину¹. С этой точки зрения плановое задание, доведенное до непосредственных исполнителей, и договор, заключенный на его основе, образуют единый сложный фактический состав, порождающий взаимные обязательства сторон по поставке товаров. Задержка в заключении договора не снимает обязательства выполнить плановое задание; но лишь плановое задание вместе с договором влекут возникновение всей совокупности прав и обязанностей поставщика и покупателя по поставке товаров.

В основном, эта последняя конструкция представляется приемлемой и требует лишь некоторого уточнения в деталях.

Предложение планового органа само по себе еще не создает обязательства поставки в отношении какого-либо хозоргана. Юридическое значение акта планирования в данном случае сводится именно к тому, что этим актом устанавливается обязательное для данного хозоргана плановое задание, устанавливается обязательство заключить договор. Это обязательство хозоргана, получившего задание, есть, прежде всего, обязательство по отношению к государству, в лице планового органа, т. е. обязательство негражданского, а административного права, как общая обязанность подчиняться законным требованиям компетентных государственных органов. Содержание этого обязательства составляет содержание договора. При нарушении этого обязательства наступает административная ответственность хозоргана, не подчинившегося указанию планового органа. Исполнение указания планового органа приводит к заключению договора.

¹ М. М. Агарков, Обязательство по советскому гражданскому праву, 1961, стр. 221 и сл.; З. И. Шкундин, Обязательство поставки товаров в советском праве, 1948, стр. 162 и сл.

Но наряду с этим в данном отношении имеют место и элементы гражданско-правовые. Административный акт, обязывающий организацию-поставщика (перед государством) сдать известное количество фондируемой продукции такой-то организации-покупателю, адресуется и к этой последней организации. Устанавливаемый для этой организации определенный фонд не только создает для нее право получить определенное количество продукции, но и обязывает использовать предоставленный фонд. Таким образом, обязанность заключить договор ложится на обеих будущих контрагентов¹. Обязанность (перед государством) как хозоргана-поставщика, так и хозоргана-покупателя заключить договор, приводит к тому, что и между собой эти хозорганы оказываются взаимно обязанными, и если один из них уклонится от заключения договора, другой может обратиться в Арбитраж с иском (в порядке преддоговорного спора об обязанности другого хозоргана заключить договор, см. § 19). И этой точки зрения, действительно, держится и Государственный арбитраж. Госарбитраж неоднократно высказывался, что органы Госарбитража должны обязывать предприятие, указанное Наркоматом-поставщиком для исполнения данной поставки фондируемой продукции, к заключению договора².

Юридическое значение наряда, поступающего к хозоргану и обязывающего его к заключению договора поставки, очень своеобразно. В частности, в корне неправильным было бы проводить аналогию между нарядом и предварительным договором, поскольку последний заключается в советской действительности только между гражданами и, притом, является, хотя и предварительным, но все-таки договором.

Для характеристики наряда необходимо иметь в виду, что пока нет наряда у поставщика на сдачу известного количества продукции, он еще не знает, кому эта продукция предназначена; следовательно, пока нет наряда, у поставщика нет ни права, ни обязанности заключить договор с тем или иным хозорганом. Когда один хозорган получает фонд, а другой хозорган — соответствующий наряд, то возникают не только взаимные права и обязанности двух хозорганов; из них обоих лежит обязанность перед государством, заключающаяся в исполнении известной части народнохозяйственного плана. Поэтому не может быть речи о каком-либо соглашении сторон об освобождении друг друга от обязательства заключить договор; на хозоргане-поставщике лежит не зависящая от его воли обязанность сдать на основе

¹ См., например, циркуляр СНК РСФСР Госарбитража при СНК РСФСР от 5 марта 1935 г. № 634/409, «Владелец» Госарбитража РСФСР, 1935, № 3, стр. 27; также «Арбитраж», 1938, № 12/11 (слова Шкундина и Грайес).

² «Арбитраж», 1937, № 13, стр. 16.

предстоящего договора известное количество продукции такому-то хозоргану; и обратно, хозорган-покупатель имеет и право и обязанность получить известное количество продукции (использовать свой фонд). Стороны связаны не только в отношении друг друга, но и в отношении государства, а потому не вправе своим соглашением отменить обязательство заключить договор.

Содержание договора, заключаемого на основании планового задания, выраженного в акте планирования, в значительной мере зависит от содержания самого задания. Оно может свестись к простому распределению годового количества выпускаемой продукции между отдельными покупателями-хозорганами; а в некоторых случаях может быть снабжено различными оговорками и условиями, на которых должен быть заключен в конкретном случае договор. Во всяком случае соглашение сторон, хотя бы некоторые элементы договора были предпрешены, здесь имеет место.

Арбитражной практикой установлено (на основании принципов государственного планирования социалистического народного хозяйства), что акт планирования, создающий для хозоргана обязанность заключить договор с другим определенным хозорганом, возлагает тем самым на них обязанность сделать все необходимое для того, чтобы предстоящий договор мог действительно осуществиться. Задержка в заключении договора не должна срывать плана. Поэтому, если по какой-нибудь причине, в том числе, по вине одной из сторон, заключение договора задерживается, тем не менее стороны должны приступить к выполнению обязательств в соответствии с фондом и нарядом. Арбитраж до 1949 года взыскивал в таких случаях даже санкции за недопоставку. Арбитраж выводил это заключение из обязательности для сторон выдаваемых им нарядов и фондов. В настоящее время эта практика признана противоречащей постановлению Совета Министров СССР от 21 апреля 1949 г. и впредь не должна иметь места. Необходимо, впрочем, несколько конкретизировать и уточнить характеристику и прежней (до 1949 г.) арбитражной практики, а тем самым и значение обязательства заключить договор. Арбитраж обращал каждый раз внимание на то обстоятельство, находится ли спорный вопрос в действительной зависимости от договора, который обязаны заключить данные стороны, или этот вопрос является уже из того административного акта, которым установлено обязательство заключить договор. Так, если административный акт предусматривал не только сдачу продукции, но и сроки сдачи, то хотя бы стороны и не оформили своих отношений договором, Арбитраж взыскивал и санкции за несдачу продукции в срок. Но если спор касался такого вопроса, который не предусмотрен в административном акте, а должен быть урегулирован сторонами в договоре, то при незаконности договора Арбитраж отказывал в исках, направленных на осуществление

или разрешение этих спорных вопросов (например, в деле Государственного арбитража при СНК СССР № 5/584 — 1939 г. удовлетворение иска зависело от соглашения сторон о проценте скидки при поставке бутанола с пониженным процентом разгонки спирта: ввиду незаключения сторонами договора в иске было отказано; по делу № 5/558 — 1939 г. было отказано по той же причине в иске о штрафе за неосновательный отказ от акцепта счета и т. д.).

4. Обязательства поставки фондируемой продукции являются основным, но не единственным примером обязательства заключить договор, вытекающего из административного акта.

Случай такого рода обязательства был предусмотрен еще декретом о трестах от 10 апреля 1923 г. Согласно этому закону, постановлениями СТО через ВСНХ производилось занаряживание продукции треста (по ценам ниже рыночных, но не ниже себестоимости плюс средняя прибыль). Занаряживание осуществлялось путем обязания трестов заключать договоры с госорганами, в интересах которых даны наряды (если тресту, отпускающему продукцию в порядке занаряживания, не будет произведен платеж в один из установленных по договору сроков, то тресту предоставлялось право отказаться от дальнейшей поставки и взыскать убытки на общих основаниях).

Такое же обязательство предусматривается и ст. 39 действующего Положения о государственных промышленных трестах от 29 июня 1927 г. (СЗ СССР 1927 г. № 39, ст. 392; ср. ст. 13 Положения о торгах 1927 г.); наркомат (ныне — министерство), в ведении которого состоит трест, имеет право обязать трест заключить с государственным органом, в пользу которого дан наряд, соответствующий договор.

К этой же категории обязательств можно по внутренней структуре отношений отнести и отношения между железной дорогой и хозорганом-грузоотправителем. Но этот случай обязательства из акта планирования должен быть поставлен особо, ввиду того, что юридическая природа железнодорожной перевозки является в советской теории гражданского права спорной. Имеются сторонники той точки зрения, что в этом случае вообще никакого договора нет, — ни заключаемого по свободному соглашению сторон, ни в силу предписания каких-либо органов власти, но что обязательства в этих случаях вытекают непосредственно из Устава железных дорог и плана перевозок, без оформления договорами. В подтверждение этой конструкции приводятся следующие серьезные соображения¹. По ст. 1 Устава железных дорог «основной обязанностью железных дорог является выполнение государственного плана грузовых и пассажирских пере-

¹ М. М. Агарков, Обязательство по советскому гражданскому праву, 1940, стр. 128 и сл.

перевозки. План перевозки грузов по железной дороге не только складывается так же, как и общий план, обязательный для соответствующих хозяйств перед государством, но и устанавливает непосредственные обязанности железной дороги и грузоотправителя в отношении друг друга. Если Устав железных дорог говорит об обязательстве железной дороги подавать подвижной состав (в соответствии с планом) и об обязательстве клиента использовать этот состав, то, очевидно, тем самым устанавливается и обязательство перевозки, а следовательно, в заключении договора нет никакого смысла. Этот вывод, полагают сторонники этой точки зрения, становится особенно ясным, если вопрос о железнодорожной перевозке грузов рассматривать не изолированно от обязательственных правоотношений в промышленности, а в связи с этими последними правоотношениями.

Однако что же мы находим в промышленности? Установление обязательств непосредственно из акта планирования, без оформления договорами, и до 1949 года допускалось лишь в исключительных случаях, по особым постановлениям Правительства СССР, а позднее же постановления Совета Министров СССР от 21 апреля 1949 г. бездоговорные обязательства сохранили совсем незначительную сферу применения. Как правило, в промышленности отношения сторон оформляются договорами. На основании наряда, данного одной стороне, и фонда — другой стороне, заключается договор, содержание которого в основном предопределено плановым заданием. Следует признать, что между этим случаем и железнодорожной перевозкой может быть проведена аналогия. Хозорган, получивший от своего министерства наряд на поставку, не вправе отказаться от заключения договора с фондодержателем; да и основные элементы содержания договора предопределяются актом планирования; однако никто не отрицает договорной природы отношений, складывающихся между хозорганами на почве поставки так называемой фондируемой продукции. Таким образом, параллели с правоотношениями в области промышленности никак не могут служить в качестве материала против договорной природы железнодорожных перевозок.

Как существование наряда на поставку фондируемой продукции не делает несуществующим оформление отношений сторон договором, а, наоборот, предполагает непременно конкретизацию обязательств именно в форме договора, так и план железнодорожных перевозок конкретизируется и реализуется отдельными накладными, в форме которых заключаются договоры железнодорожной перевозки. Нарушение одной из сторон обязательства заключать договор порождает штрафные последствия в пользу другой стороны. Как железная дорога, не давшая в установленный срок планового количества подвижного состава, так и орга-

низация-грузоотправитель, не использовавшая предоставленного ей, в соответствии с планом, подвижного состава, платит друг другу штрафы, от которых освобождаются только при наличии исключительных, оправдывающих их обстоятельств (Устав железных дорог, ст. ст. 62—65). Эта взаимная ответственность по обязательству также лучше всего может быть понята при договорной конструкции перевозок.

Среди обязательств, оформляемых договорами на основе актов планирования, надо упомянуть отношения по договорам контрактиона и договорам машинно-тракторных станций с колхозами (хотя при этом необходимо иметь в виду, что оба эти договора имеют существенные особенности, не позволяющие ставить их в один ряд с гражданско-правовыми договорами).

Договоры контрактиона заключаются заготовительными организациями с колхозами, колхозными дворами, единоличными дворами (контрактантами) на основании плана заготовок. По такого рода договору контрактант принимает на себя обязательство, во исполнение утвержденного плана, произвести определенное количество сельскохозяйственной продукции определенных родов и сдать эту продукцию контрактирующей организации, а эта последняя принимает на себя обязательство принять и оплатить полученную продукцию, а также оказать контрактанту организационное содействие и материально-техническую помощь (средствами удобрения, семенами, предметами потребления и т. п.). Одновременно этим договором предусматривается, в интересах подъема сельского хозяйства, выполнение определенных агротехнических мероприятий, причем из этой задачи вытекают обязательства и для контрактирующей организации (руководство, агротехническая помощь) и для контрактанта (необходимость выполнить определенный план агрокультурных мероприятий).

Договор контрактиона вошел в советскую практику еще в период нэпа и сыграл большую роль в деле реконструкции сельского хозяйства; его применение в ту пору расширялось с каждым годом. В 1927 году товарищ Сталин охарактеризовал значение договора контрактиона следующим образом: «... этот путь есть прямой подход к коллективизации сельского хозяйства»¹.

С завершением процесса реорганизации сельского хозяйства контрактационный метод руководства колхозным сельским хозяйством и заготовок сельскохозяйственных продуктов уступает место другим методам. Область применения контрактации ограничивается. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19 января 1933 г. отменяется контрактационная система заготовки зерновых культур и устанавливаются для колхозов и единоличных хозяйств твердые обязательства (имеющие силу наряда) по сдаче

зерна поштучку по установленным государственным ценам. В постановлении от 19 января 1933 г. (СЗ СССР 1933 г. № 4, ст. 25) указывалось, что это мероприятие проводится «в целях дальнейшего увеличения урожайности и расширения посевных площадей зерновых культур, а также в целях своевременного определения твердых обязательств колхозов и единоличных хозяйств по сдаче (продаже) зерна государству». В дальнейшем система контрактации отменена (постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 8 апреля 1940 г. — СП СССР 1940 г. № 9, ст. 235) в отношении семян, семян масличных культур, семян трав, в отношении сена; по всем этим видам сельскохозяйственной продукции также стала проводиться система обязательных поставок государству. В 1942 году отменена контрактация махорки и табака. Контрактационные договоры обязательны к точному и безусловному исполнению; невыполнение контрактационных обязательств влечет за собой не только взыскание несыданной продукции, но (по некоторым культурам¹⁾ также и штрафные санкции.

Такой договор машино-тракторной станции с колхозом утверждается Советом Министров СССР и имеет силу закона, обязательного к точному и безусловному исполнению как колхозом, так и МТС. Договор МТС с колхозом имеет основной задачей обеспечить определенную урожайность на колхозных полях. Для успешного достижения этой цели как МТС, так и колхоз прививают на себя ряд обязательств по выполнению плана сельскохозяйственных работ и повышению урожайности колхозных полей (подробное изложение отношений между МТС и колхозом выходит за рамки обязательственного права).

Обязательство заключить договор может быть установлено и законодательно законом. Так, по ст. 26 жилищного закона от 17 октября 1937 г. гражданам, проживающим в домах местных Советов, государственных учреждений, предприятий и общественных организаций, а также в домах, принадлежащих отдельным гражданам, предоставлено преимущественное право на заключение договоров на занимаемое данным гражданином жилое помещение (и, так ст. 26). Тем самым жилищные управления, органы, жилищные жилища помещением предприятий, учреждений, организаций, жилищ, отдельные домовладельцы обязываются заключать договоры с такими гражданами. То же самое вытекает и из ст. 46 той же статьи, предоставляющей гражданам, выполняющим обязательства по договору и добросовестно относящимся к исполнению предоставленного им пользованию жилища, — преимущественное право возобновления договора по истечении

срока. Обязательство заключить договор в случаях, предусмотренных ст. 26, возлагается только на одну сторону (наймодателя); наймодателю принадлежит только право на заключение договора.

Возникает вопрос: можно ли в определенных случаях вообще говорить о договорном отношении? Не следует ли так прямо и строить жилищное отношение, что гражданин, выполняющий обязательства по договору и добросовестно относящийся к занимаемому помещению, имеет право на дальнейшее пользование помещением в силу норм закона и что подлинного договора в этих случаях нет? Такое утверждение было бы неправильным. Во-первых, закон не признает даже за названной категорией граждан безусловного права на продолжение пользования помещением (автоматическое продление договора найма как раз отменено законом 17 октября 1937 г.), а только дает преимущественное право на возобновление договора; следовательно, могут быть (хотя и совершенно исключительные) случаи, когда продолжение пользования окажется невозможным; заключение договора или отказ в заключении конкретизирует и уточняет право гражданина (причем гражданину принадлежит право обратиться в суд с просьбой обязать жилищный орган именно к заключению договора). Во-вторых, хотя на практике, как известно, жилищные договоры нередко не оформляются, а если и заключается письменный договор, то с совершенно трафаретным содержанием, однако по закону не исключена возможность включения каких-либо специфических оговорок в отдельный конкретный договор. Это показывает, что некоторые элементы подлинной двусторонней сделки имеются и в данном случае, несмотря на то, что для одной стороны вопрос о заключении договора предпринят в силу возложенного на нее самим законом обязательства заключить договор.

§ 10. Обязательства из актов планирования и регулирования народного хозяйства, не требующие оформления договорами

1. До 1949 года законом предусматривался ряд случаев, в которых обязательства между социалистическими организациями возникали из актов планирования и регулирования народного хозяйства, без оформления отношений сторон договорами (так называемые бездоговорные обязательства). В этих случаях издаваемые управомоченными на то государственными органами акты планирования непосредственно возлагали на социалистические организации обязательство передать другим социалистическим организациям определенные вещи либо совершить для других социалистических организаций иные действия. Подобного рода обязательства в некоторых случаях возникали из заказов-маршру-

¹⁾ Например, по постановлению Октябрьского СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19 января 1933 г. и постановлению Государственного производственного управления от 19 января 1933 г. № 1.

завязанных на основании акта планирования, но опять-таки без заключения договоров.

Постановлением Совета Министров СССР от 21 апреля 1949 г. «О заключении хозяйственных договоров» (СП СССР 1949 г. № 9, ст. 68) система бездоговорных обязательств (поставки) осуждена. «Практика бездоговорных поставок, — говорится в постановлении от 21 апреля 1949 г., — снижает ответственность поставщиков, нередко приводит к отпуску ненужной потребителю продукции, к нерациональным переделкам, к росту сверхнормативных остатков, к затариванию».

Названным постановлением прямо предусмотрено заключение договоров в таких отраслях народного хозяйства, в которых до издания этого постановления практиковались именно бездоговорные обязательства. Так, на основании постановления СНК СССР от 3 июня 1938 г. (СЗ СССР 1938 г. № 27, ст. 179) обязательства по поставке черных металлов возникали без заключения договоров между поставщиком и покупателем. Постановлением от 21 апреля 1949 г. предусматривает заключение договоров в этой отрасли хозяйства. Таким образом, в постановлении от 21 апреля 1949 г. предусматривается заключение договоров поставки каменного топлива и нефтепродуктов, тогда как по постановлению СНК СССР от 17 декабря 1942 г. № 1983 о хозяйственных договорах на 1943 г. (СП СССР 1942 г. № 11, ст. 191) поставки угля и нефтепродуктов регулировались основными условиями поставки и парками-заказами, без заключения договоров.

Постановление Совета Министров СССР от 21 апреля 1949 г. не упоминает о поставках автомаши. Согласно постановлению СТО от 7 апреля 1935 г. (СЗ СССР 1935 г. № 21, ст. 167) снабжение автомашинами государственных организаций производилось в таком порядке, что обязательства между автозаводами и их покупателями возникали непосредственно из актов планирования снабжения автомашинами, без заключения договоров.

В настоящее время и в этой области перешли на договорное оформление обязательств.

Таким образом, в настоящее время возникают конкретные обязательства по передаче вещей, выполнению работ и т. п. непосредственно из актов планирования и регулирования народного хозяйства имеет место лишь в весьма ограниченном круге случаев, а виде исключения из общего правила.

2. В группу обязательств, возникающих непосредственно из актов планирования и регулирования народного хозяйства, нужно отнести прежде всего обязательства, возникающие на почве передачи знаний, сооружений и предприятий от одного госоргана другому госоргану, а также от госоргана — кооперативной организации либо, наоборот, от кооперативной организации госоргану. Передача перечисленных государственных имуществ от

одного госоргана к другому происходит по особым правилам в связи с тем, что государственная собственность составляет единый фонд, использование которого производится в едином порядке. Отдельная государственная организация не является субъектом права собственности на то государственное имущество, которое у нее имеется, эта организация только управляет государственным имуществом, и если иногда им распоряжается, то лишь на том основании, что в порядке управления на нее возложены и эти функции. Основные средства — здания, сооружения, предприятия (с их оборудованием) находятся только во владении и пользовании той государственной организации, на которую возложено оперативное управление этими имуществами. Распоряжение же ими производится в особом порядке, предусмотренном постановлением ЦИК и СНК СССР от 29 апреля 1935 г. (СЗ СССР 1935 г. № 28, ст. 221) и постановлением СНК СССР от 15 февраля 1936 г. (СЗ СССР 1936 г. № 11, ст. 93). Никакого договора между госорганами в этом случае не совершается; постановление компетентного правительственного органа само по себе создает для данной государственной организации обязательство передать другой государственной организации предприятие, здание, сооружение. Передача этих имуществ от одного госоргана другому производится безвозмездно путем списания стоимости передаваемого имущества с баланса передающего госоргана на баланс принимающего.

Переход государственных предприятий, зданий и сооружений к кооперативным организациям, а равно переход от кооперативных организаций к государственным совершается также на основании акта правительства, во, поскольку в этих случаях имущество переходит к новому собственнику, передача имущества производится за вознаграждение. На почве расчетов за переданные имущества возникают между государственными и кооперативными организациями обязательства; основание возникновения подобного рода обязательства заключается в том акте правительственного органа, которым постановлено произвести передачу.

Аналогичного характера обязательства могут возникнуть также при перераспределении излишних материалов и оборудования согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 10 февраля 1941 г. «О запрещении продажи, обмена и отпуска на сторону оборудования и материалов и об ответственности по суду за эти незаконные действия».

3. В качестве другого примера такого же непосредственного возникновения обязательств из актов планирования и регулирования народного хозяйства можно привести сдачу социализма своей продукции государству. Планом сдачи сельскохозяйственной продукции предусматривается, что такой-то колхоз должен сдать такой-то заготовительной организации определенное количество

своей продукции. На эту систему установления бездоговорного обязательства на основании планового задания (административного акта) совхозы были переведены еще в 1934 году. Вслед за тем тот же режим был распространен на сдачу совхозами молока, мяса, шерсти.

Возникновение в этих случаях обязательства непосредственно из административного акта, без опосредствования отношений между совхозами и заготовительными организациями договорами, в дальнейшем неоднократно подтверждалось и применяется по настоящее время.

Распределение (разверстка) продукции, которая подлежит сдаче совхозами, производится в порядке актов управления. Плановое задание доводится до совхоза, причем совхоз прикрепляется к определенному пункту сдачи продукции. Такое распределение производится уполномоченным Министерством заготовок СССР совместно с республиканскими министерствами, трестами совхозов и заготовительными организациями (в некоторых случаях прикрепление к пункту сдачи производится в самом плановом задании).

Обязательство возникает в данном случае непосредственно из планового задания, доведенного до его исполнителя — совхоза и заготовительной организации. Планом устанавливаются существенные элементы обязательства (количество и ассортимент поставляемых продуктов, срок и место сдачи).

Министерство заготовок своими приказами определяет более детально порядок сдачи этой продукции и тем самым регулирует основные обязательства совхоза и заготовительной организации¹.

Возможные споры по вопросам, связанным с прикреплением к пункту сдачи, разрешаются не в органах Арбитража, а в вышестоящих органах данной системы. Сдача совхозами зерна и мясных культур сверх плана производится на тех же основаниях; сверхплановая сдача мяса предполагает соответствующее возмещение (сделку). Эта разница в сдаче сверхпланового количества зерна и мясородутов объясняется тем, что в отношении зерна установлена обязанность совхоза сдать излишки государству, а сдача мяса сверх плана производится добровольно².

Обязательство, возникающее в указанных случаях из акта управления, напоминает по содержанию обязательство из догово-

¹ См. З. Н. Шкундаев, Обязательства поставок товаров в советском праве, 1948, стр. 82.

² Если не специально приурочивать возникновение обязательства сверхплановой сдачи мясопродуктов к одностороннему возмещению совхоза за сверхплановую или опоздавшую З. Н. Шкундаев, Обязательства поставок товаров в советском праве, 1948, стр. 83). Поскольку административным актом обязательство сверх в этой части не установлено, необходимо обосновать наличие согласия и заготовительной организации для того, чтобы обязательство возникло и для ней и для другой стороны.

ра поставки. Подобно договору обязательству, оно связывается санкциями (неустойкой, обязанностью возместить убытки); споры, относящиеся к выполнению обязательства, подсудны органам Государственного арбитража.

4. В этой же связи можно упомянуть еще обязательства колхозов, единоличных хозяйств и хозяйств отдельных граждан по сдаче государству продуктов сельского хозяйства¹. Специальными инструкциями Министерства заготовок порядок оформления этого рода обязательств определен применительно к отдельным видам поставок. Так, в отношении поставок зерна и риса от районного уполномоченного Министерства заготовок каждому колхозу, единоличному хозяйству, хозяйствам отдельных граждан вручается документ (так называемое «обязательство»), в котором указывается количество продукции, подлежащей сдаче². Этим путем план доводится до каждого сдатчика.

В случае невыполнения сдатчиком в срок обязательных поставок применяются штрафные санкции и изъятие соответствующих продуктов в натуре. Таким образом, обязательство поставки сельскохозяйственных продуктов колхозами, единоличными хозяйствами и хозяйствами отдельных граждан устанавливается непосредственно плановым актом, без оформления договорами (зручение упомянутого выше документа есть своего рода наряд, но не может рассматриваться в качестве договора).

5. Утвержденным постановлением СНК СССР от 3 октября 1940 г. условиями поставки на экспорт (СП СССР 1940 г. № 27, ст. 636) установлено, что из всякого рода товары (так называемые фондируемые и регулируемые, а равно и прочие) выделяются контингенты для экспорта наромотами (ныне — министерствами) — поставщиками по постановлениям и распоряжениям Экономического Совета при Совете Министров СССР, с одновременным указанием источников покрытия выделяемой для экспорта продукции. Экспортные объединения выдают министерствам-поставщикам заказы-наряды; товар должен сдаваться по этим заказам-нарядам в указанные в них сроки. Основной плановый акт — выделение экспортных контингентов — сам по себе не порождает обязательств между экспортными организациями и поставщиками. Из этого акта возникает лишь право экспортного

¹ Обязательные поставки государству продуктов сельского хозяйства, в основном, являются институтом административного, а не гражданского права; формы и положения гражданского права применяются к этому институту лишь постольку, поскольку они не противоречат административным нормам об обязательных поставках.

² Ст. 28 инструкции Народного комиссариата заготовок от 3 июля 1940 г. о проведении обязательных поставок зерна и риса государству колхозами и единоличными хозяйствами, утвержденной Экономическим советом СНК СССР, — СП СССР 1940 г. № 18, стр. 459.

объединения выдавать поставщикам паряры-заказы на изготовление и отгрузку товаров для экспорта.

Наряд-заказ не нуждается в согласовании с поставщиком или в его подтверждении. Если наряд-заказ соответствует экспортному контракту, его условия обязательны для поставщика и не могут быть оспорены поставщиком в арбитражном порядке.

Таким образом, наряд-заказ, при условии, если он сделан на основе планового административного акта (выделения экспортных контингентов), приводит к установлению обязательственных отношений между экспортным объединением и поставщиком, без оформления обязательств договорами. Основанием возникновения обязательства в данном случае является сочетание акта планирования и наряда-заказа¹.

Экспортное объединение может односторонним волеизъявлением и изменить содержание наряда-заказа (если продукция еще не изготовлена и не сдана).

6. Возникновение обязательств непосредственно из административного акта (акта планирования) наглядно выявляет единство советского права, не утрачиваемое от того, что советское право делится на отдельные специальные области. В частности, эта категория обязательств показывает, что в советском праве нет резкой противоположности между правом административным и гражданским.

§ 11. Понятие о договоре

1. Ст. 26 ГК рассматривает договор, как разновидность сделок, именно, как сделку взаимную (или двустороннюю). Поскольку сделка есть разновидность юридических фактов, то и договор также оказывается одним из видов юридических фактов.

Всякая сделка содержит в себе выражение воли, направленной на установление, изменение или прекращение какого-либо правоотношения. Из такого понимания и исходит ст. 26 ГК, по которой сделка (а следовательно, и договор) есть действие, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей.

Сделка может содержать выражение воли одной стороны; например, завешание является совершенным, как только завещатель выразил в нем надлежащим образом свою волю; последующее выражение воли наследника принять наследство имеет свое

значение, но оно является новой сделкой, отдельной от завешания. Подобного рода сделки, содержащие выражение воли одной стороны, называются односторонними.

В других случаях в сделке выражается воля не одной, а двух сторон. При этом выражаемая каждой из сторон воля соответствует одной другой, так что можно признать, что в сделке выражается согласная воля сторон.

Сделка, содержащая выражение воли двух сторон, называется двусторонней, или договором.

В соответствии со ст. 26 ГК договор можно определить, как соглашение двух или нескольких (граждан или юридических) лиц об установлении, изменении или прекращении каких-либо прав и обязанностей, а так как право и соответствующая ему обязанность являются составными элементами правоотношения, то можно определить договор также и как соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении и прекращении какого-либо правоотношения.

Необходимо, однако, иметь в виду, что это определение договора не раскрывает всей специфики социалистического договора. Дело в том, что в наиболее важной области договорных отношений, в договорах между социалистическими организациями, эта правовая форма отличается весьма существенными особенностями.

Так, если договор между гражданами не может состояться до тех пор, пока стороны не признают взаимно для себя приемлемыми определенные условия договора, то заключение договора между социалистическими организациями при наличии разногласий сторон по тем или иным пунктам его содержания не откладывается до того времени, когда стороны придут к единому решению; пункты разногласия рассматриваются Арбитражем (в порядке так называемых преддоговорных споров, § 19); Арбитраж устанавливает определенную редакцию этих пунктов, которая является обязательной для обеих договаривающихся сторон. Далее, как будет указано подробнее ниже (п. 7), даже основной вопрос, заключать ли данный договор с данным контрагентом, в области отношений между социалистическими организациями нередко не зависит от сторон, которые могут вносить в договор по своему соглашению отдельные части содержания, но которые вовсе не заключить договора с данным контрагентом не имеют права. При исполнении договора социалистические организации должны проявлять особую дисциплинированность, распорядительность и т. д.

Эти существенные особенности договоров социалистических организаций являются следствием того, что такие договоры имеют своим назначением конкретизировать соответствующие части народнохозяйственного плана и обеспечить исполнение плана.

¹ З. И. Шкулидз, Паны и обязательственные отношения между организациями (сборник «Советское право в период Великой Отечественной войны», 1948 г. I т. III, стр. 96). Д. М. Гейка, Редакция на книгу З. И. Шкулидз, Обязательства поставок в советском праве, «Советское Государство» журнал, 1949, № 4.

Наряду с этим, бывают и такие договоры социалистических организаций, которые, хотя и связаны с выполнением планов этих организаций, однако, заключаются более свободно (с контрагентом, не предусмотренным плановым заданием).

2. В договорах чаще всего бывает так, что воля каждой стороны направлена к единой цели с противоположных точек. Например, выражение воли одной организации поставить определенные товары и выражение встречной воли другой организации получить эти товары, соединенное одно с другим, образуют договор поставки; выраженная лицом А. воля дать, Б. взаимы 100 руб. и выраженная Б. встречная воля взять у А. займы названную сумму приводят в своем сочетании к единой сделке займа и т. д. Подходя, так сказать, с противоположных концов к единой цели, стороны достигают единства, в чем-то соглашаются.

Но такой встречный характер намерений, какой наблюдается у продавца (намерение продать) и покупателя (намерение купить), у завхоза и заемщика и т. д., не является безусловно необходимым элементом соглашения. Если два или три колхоза желают на товарищеских началах воспользоваться электродвигателем, то подобного рода товарищеское объединение достигается выражением воли не встречного содержания (как в предыдущих примерах поставки, займа и т. п.), а выраженном, так сказать, параллельной воли участников товарищества, направленной к единой цели.

Все такие сделки, в которых выражена воля не одной стороны, а двух (а в последнем примере — товариществе — даже нескольких), причем эти выражения воли взаимно соответствуют, носят наименование двусторонних сделок, или договоров.

3. Договоры гражданского права должны быть отмежеваны от соглашений, которые могут иметь и имеют место в других областях советского права, например, в советском семейном праве. Брак не может быть свободным соглашением на него данной пары; тем не менее, это соглашение можно признать (да и то с некоторыми оговорками) облюбованным договором, разве лишь в буржуазном праве, где, по словам Коммунистического Манifesta, «буржуазия сорвала с семейных отношений их трогательно-романтический покров и свела их к чисто денежным отношениям». С точки зрения советского права брак никак нельзя признать договором, хотя бы в силу одного того, что целью брака является объединение всей жизни вступающих и него лиц (вплоть до смерти) в единое целое. Советское право регламентирует брак отдельно от гражданского кодекса. Соглашение в этом случае является лишь одним из элементов фактического состава, с которым связываются

1. См. также в Вильямс, Манифест Коммунистической Партии, Гостипиздат, 1952, стр. 51.

те или иные правовые последствия. Так и в других семейно-правовых отношениях, например, при усыновлении имеет место соглашение (по ст. 61 КЗоБСО — требуется согласие не лишены родительских прав родителей, опекунов или попечителей усыновляемого; по ст. 62 — согласие на усыновление со стороны супруга усыновителя; по ст. 63 — согласие усыновляемого, если он достиг 10-летнего возраста). Но это соглашение имеет специфическое значение: отношения между усыновителем и усыновленным устанавливаются определенным событием (актом усыновления), а соглашение — только один из элементов фактического состава. Не случайно при этом оказывается, что нормами объективного права точно устанавливаются специальные условия возникновения семейно-правовых отношений, обязательные (не подлежащие видоизменению по соглашению сторон) последствия, связанные с такими соглашениями, невозможность свободного соглашения сторон о прекращении возникших отношений; все эти моменты определяются императивными нормами, действие которых стороны устранить своим полюбовным соглашением иного содержания не вольны. Личный элемент настолько преобладает в семейно-правовых отношениях, что имеющие здесь место соглашения не получают самостоятельного значения, а во всяком случае должны быть резко отграничены от имущественных договоров гражданского права.

И по количеству встречающихся в жизни договоров и по их удельному весу основная область применения договора — право обязательственное. В этой области договор может быть направлен на установление обязательства (например, договор о предоставлении в пользование какой-либо вещи, об исполнении какой-нибудь работы и т. п.); он может быть направлен на изменение существующего обязательства (например, соглашение об отсрочке платежа по договору займа, соглашение об изменении пределов поручения, возложенного по договору на данное лицо и т. д.); наконец, договор может быть направлен на прекращение существующего обязательства (например, договор об освобождении должника от лежащего на нем обязательства выполнить определенное задание).

4. Плановые договоры социалистических предприятий представляют собой оформление плановых заданий, полученных каждым из контрагентов. Советский плановый договор есть форма связи между отдельными социалистическими предприятиями, направленная на наилучшее выполнение общего социалистического плана. Эта задача — выполнение народнохозяйственного плана — одинаково близка обоим контрагентам. Эта общность задачи обуславливает собой особого вида равенство социалистических предприятий в качестве сторон по договору. Оно отражается во всех нормативных актах, относящихся к договорам хозорганов

(в «Основных условиях», в «Типовых договорах», в системе преддоговорного арбитража, благодаря которой каждый из контрагентов может обратиться в Арбитраж с заявлением о неприемлемости предложенных контрагентом условий, и т. д.).

Общая задача — обеспечить выполнение народнохозяйственного плана — приводит к общей заинтересованности сторон в надлежащем исполнении обязательств. Этим объясняется, что в отдельных категориях обязательства одному из контрагентов предоставлено даже право взыскивать штрафные санкции с другого контрагента за неиспользование предмета исполнения надлежащим образом.

Таким образом, кредитор, получивший исполнение, признается обязанным не только перед государством, но и перед контрагентом использовать то, что предоставлено ему в качестве исполнения.

В отдельных категориях договоров равенство сторон сопровождается административными полномочиями по регулированию соответствующей отрасли хозяйственной деятельности, даже по руководству контрагента по договору (например, договор МТС с колхозами, некоторые контрактационные договоры и пр.).

Особенности социалистического уклада сказываются и в отношении договоров, заключаемых между гражданами. Социалистическое общество, устранив понятие конкуренции частных интересов, противоположность интересов государства и личности, сделало невозможным резкое противопоставление интересов сторон в договорах между гражданами.

Условия жизни в социалистическом обществе сближают контрагентов, превращают договор в некоторое единство, в котором каждая сторона, хотя и имеет свой отдельный интерес, но не может не считаться и с интересом другой стороны. «Взаимные отношения людей в процессе производства характеризуются здесь (т. е. при социалистическом строе. — Н. Н.), как отношения товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи свободных от эксплуатации работников»¹.

В условиях советского строя, при отсутствии эксплуатации человека человеком, общий принцип, что договор предполагает свободное соглашение сторон, не подлежит сомнению.

5. Договоры являются одним из важнейших оснований возникновения обязательств. Выше (§ 8—9) уже отмечалось, что сделка, и прежде всего договор, имеет огромное значение в сфере обязательственных отношений, имеющих непосредственной целью выполнение народнохозяйственного плана. В плане выражается воля трудящихся; эта воля выражается в постановлениях компетентных органов, направленных на определенные задания и пред-

ставляющих собой акты управления (акты планирования и регулирования народного хозяйства). На основе этих актов социалистические предприятия заключают между собой договоры.

В отношениях между социалистическими предприятиями договор является главным, почти единственным, основанием возникновения обязательства. Это значение договора связано с тем, что хозяйственная деятельность социалистических организаций ведется по методу хозяйственного расчета. «Хозрасчет выхлещет лицо предприятия, способствует рационализации производства, правильной организации сбыта и снабжения и вызывает вместе с тем противодействие элементам бюрократизма и волокиты»¹. При этом хозрасчет требует, чтобы «государственные, хозяйственные и кооперативные организации и предприятия в пределах плановых заданий устанавливали свои взаимоотношения по поставкам товаров, производству работ и оказанию услуг путем заключения договоров и дачи заказов»². Договор, по выражению В. М. Молотова, «... является лучшим средством сочетания хозяйственного плана и принципов хозрасчета...»³.

В особенности возрастает роль договоров в условиях колоссального роста товарооборота и планомерной и развернутой борьбы за рентабельность социалистических предприятий. Задача укрепления хозрасчета и поднятия планово-хозяйственной дисциплины во всех отраслях народного хозяйства была бы трудно разрешимой без оформления хозяйственных отношений договорами. Отсюда — рост значения договора. Это возрастающее значение договора получило выражение в постановлении Совета Министров СССР от 21 апреля 1949 г., восстановившем договорное оформление отношений между социалистическими организациями в таких отраслях, где в предыдущие годы заключение договоров признавалось излишним (поставки металла, угля, нефти). Разумеется, при этом имеется в виду не формальное отражение плана в ряде договоров; качество договоров должно быть таково, чтобы они могли обеспечить выполнение количественных и качественных показателей народнохозяйственного плана. «Практика бездоговорных поставок, — говорится в постановлении от 21 апреля 1949 г., — снижает ответственность поставщиков, нередко приводит к отгрузке ненужной потребителю продукции, к нерациональным перевозкам, к росту сверхнормативных остатков, к затовариванию. Отсутствие договоров и ослабление договорной дисци-

¹ Постановление ЦК ВКП(б) от 5 декабря 1929 г. «О реорганизации управления промышленности»; «Директивы ВКП(б) по хозяйственным вопросам», 1931, стр. 641—642.

² Постановление СНК СССР от 20 марта 1931 г. «Об изменениях в системе кредитования, укреплении кредитной работы и обеспечения хозрасчета во всех хозорганах» — СЗ СССР 1931 г. № 18, ст. 166.

³ В. Молотов, В борьбе за социализм, 1934, стр. 258.

⁴ История ВКП(б), Краткий курс, стр. 122.

планы способствовали тому, что некоторые предприятия-поставщики, перевыполняя свои производственные планы по валовой продукции за счет выпуска второстепенных изделий, не выполняли заданий по ряду важнейших видов продукции установленного качества и ассортимента, не учитывают спроса потребителей.

Договоры социалистических предприятий, являющиеся формой советского хозяйсчета и плана, представляют собой оформленные задания, полученные каждым из контрагентов. Эти договоры являются формой связи между отдельными звеньями единого социалистического хозяйства, направленной на наилучшее выполнение общего социалистического плана.

Договору, как основанию возникновения *обязательства*, принадлежит в советском праве значительное место и в отношении социалистических предприятий и гражданами. Доставка товаров и выполнение деятельности розничных магазинов, ателье, прачечных и множества других социалистических предприятий, постоянно вступающих в договоры с гражданами.

В отношениях между гражданами (например, покупка овощей на колхозном рынке, приглашение маляра побелить потолок и т. п.) договор, как основание возникновения *обязательства*, имеет весьма ограниченное применение.

С помощью договоров организуется социалистический оборот, взаимоотношения между социалистическими организациями, между социалистическими организациями и гражданами и между гражданами.

Роль договора все возрастает. Грандиозные перспективы, открывающиеся на основе четвертого пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства СССР, дают основания ожидать дальнейшего увеличения значения договора в будущем.

Границы допустимого содержания договора устанавливаются императивными, безусловно обязательными нормами; в этом смысле в числе *необходимых условий действительности* договора должна быть названа законность его содержания (см. ниже, § 13). Такие границы представляют собой ряд общих принципиальных положений, которые должны соблюдаться договаривающимися. В этих рамках стороны вольны вкладывать в договор то или иное содержание.

Гражданский кодекс регламентирует определенные *типы* договоров. Но в советском праве предусмотренные законом типы договоров не имеют значения исчерпывающего перечня. Закон предусматривает наиболее часто встречающиеся договоры; но стороны могут заключать и не предусмотренные законом договоры, лишь бы их содержание не противоречило общим принципиальным положениям советского права.

В судебной практике по этому вопросу можно наблюдать некоторые колебания. Временами находит выражение та точка зрения, что действительным можно признать только договор, который можно подвести под какой-нибудь из предусмотренных в законе типов.

Так, например, постановление Пленума Верховного суда РСФСР от 7 февраля 1927 г. (протокол № 1) выставляет в качестве одного из оснований применения ст. 30 ГК РСФСР (о недействительности сделок, противных закону) то обстоятельство, что хозяйка заключила с частным лицом договор, не предусмотренный ни Гражданским кодексом, ни специальными законами. В Сборнике разъяснений Верховного суда РСФСР (изд. 2-е, 1931, стр. 65) перед излагаемым постановлением стоит заголовок: «О недействительности договоров, не предусмотренных Гражданским кодексом». Отражение этого взгляда можно встретить и в судебной практике последних лет. Так, в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР 1944 г. (Сборник за 1944 г., стр. 225) дается указание в том смысле, что договор о пожизненном содержании, как не предусмотренный Гражданским кодексом, нужно приурочивать к наиболее подходящему договору (например, купле-продаже); если же по обстоятельствам дела это окажется невозможным, то следует возвращать стороны в первоначальное положение, обязав их вернуть друг другу все полученное на основании договора, т. е. признавать договор недействительным.

Эта точка зрения не может быть признана правильной¹. Рассматривать перечень договоров, предусмотренных Гражданским кодексом и специальными законами (Уставом железных дорог, Уставом внутреннего водного транспорта и пр.), в качестве исчерпывающего (наподобие того, как надо смотреть на перечень вещных прав в нашем Гражданском кодексе) нет оснований. Гражданский кодекс РСФСР не предусматривает, например, ни договора хранения, ни договора безвозмездного пользования (суды); однако эти договоры нельзя считать противоречащими закону, и суды никогда не отказывали в удовлетворении обоснованных претензий, возникавших из подобного рода договоров. Например, в названном Сборнике постановлений и определений Верховного суда СССР за 1944 г. (стр. 225—229) опубликован ряд определений Судебной коллегии по гражданским делам по делам о договоре хранения: №№ 543, 379, 575, 601 (также Сборник 1943 г., стр. 174 и др.).

¹ В конкретном деле, на почве которого состоялось приведенное постановление Пленума Верховного суда РСФСР, были обстоятельства, свидетельствующие о действии в обход закона, а потому конечный вывод Пленума (о противозаконности договора) оказался правильным.

Судебная коллегия признает эти договоры имеющими юридическое значение и предлагает судам по такого рода делам руководствоваться ст. ст. 130—151 ГК, т. е. общими положениями об обязательствах, возникающих из договора.

Общая дилита в практике Верховного суда СССР такова, что предусмотренным в Гражданском кодексе типам договоров не придается значение исчерпывающего перечня.

Следует признать допустимыми по советскому праву и так называемые смешанные договоры. Смешанным называется договор, который порождает обязательства, входящие в состав двух, либо нескольких урегулированных законом типичных договорных отношений. Например, договор, по которому одна сторона обязуется передать вещь в собственность, а другая — произвести за свой риск определенную работу, является смешанным договором: в нем соединены обязательства, урегулированные законом применительно к купле-продаже и к подряду. Разным образом смешанным договором будет такой договор, по которому одна сторона обязуется перед другой предоставить в пользование жилую площадь и, кроме того, оказывать определенные услуги и снабжать пищей (договор с домом отдыха, санаторием и т. п.). В первом примере обязанности, урегулированные законом применительно к разным типичным договорам, установлены смешанным договором отчасти на одной стороне, отчасти — на другой; во втором примере это комбинирование обязательств имеет место на одной стороне.

В судебной практике встречаются самые разнообразные смешанные договоры; например, по одному договору трест общественного питания обязался организовать питание рабочих завода и (по тому же договору) обеспечить охрану товароматериальных ценностей столовой, кладовых и прочих помещений завода в нерабочее время (Сборник постановлений и определений Верховного суда СССР за 1943 г., стр. 177).

В практике Ивановского областного госарбитража (за 1944 г.) было спорное дело, возникшее на почве следующего договора между Ивановским Горпримкомбинатом и Подгорной фабрикой: по этому договору Подгорная фабрика предоставляет свое помещение и оборудование для производства ваты в количестве 5 т в месяц, берет на себя техническое руководство производством ваты; Промкомбинат обязуется предоставить рабочую силу в количестве 20 человек на все время действия договора и наряды на сырье в потребном количестве.

Но нельзя принимать в качестве смешанного договор хранения картофеля с обязанностью хранителя производить за свой счет переработку картофеля (указанный сборник, стр. 190): последняя обязанность есть лишь уточнение обязанности по хранению. Соединение элементов различных договоров в один смешанный до-

говор возможно только при условии, что соединяются элементы, не противоречащие один другому; так, например, в судебной практике твердо проводится то положение, что договор дарения не терпит никаких имущественных предоставлений в пользу дарителя (Сборник постановлений и определений Верховного суда СССР за 1941 г., стр. 107, определение по делу № 33 — 1948 г. «Судебная практика Верховного суда СССР», 1948, вып. IV).

К договорам, не урегулированным законом и смешанным, применяются общие положения обязательственного права, и, кроме того, в соответствующих случаях и соответствующих частях могут быть применены нормы, установленные законом для типичных договоров. Наконец, вопросы, которые не могут быть разрешены такими способами, должны решаться на основании общих начал советского законодательства и общей политики рабоче-крестьянского правительства (ст. 4 ГПК).

7. Иногда в законе содержатся такие указания, которые: а) предопределяют некоторые условия договора как обязательные, или б) предудказывают для данной стороны контрагента, или в) предрешают вопрос о том, вступать или не вступать в обязательственное отношение.

Закон может вообще запретить договорные обязательства определенного содержания, например, постановление ЦИК и СНК СССР от 4 июня 1937 г. (СЗ СССР 1937 г. № 37, ст. 150) запретило аренду земель сельскохозяйственного значения. Но закон может воспретить отступать от соответствующих норм лишь в определенном направлении. Например, законами об авторском праве запрещены такие условия в издательском договоре, которые клонятся к ухудшению положения автора сравнительно с законом или типовым (нормальным) издательским договором.

В некоторых случаях лица, вступающие в договор, не могут свободно выбирать себе контрагента; контрагент может быть предопределен либо законом, либо государственным планом народного хозяйства, также являющимся законом. Например, непосредственно законом предопределяется контрагент в случае государственной монополии: так как страхователем в СССР является государственной монополией, то каждый желающий застраховать свое имущество или свою жизнь может иметь в качестве контрагента лишь Госстрах СССР. Примером предопределенности контрагента, основанной на государственном плане народного хозяйства, может служить тот случай, когда продукция данного предприятия предназначена для указанного в плане потребителя.

Этот последний случай одновременно является примером того, что иногда от стороны не зависит, вступить или не вступить в обязательственное отношение: если планом предусмотрена сдача продукции предприятия определенному потребителю, то

предприятие не может отказаться от заключения договора с этим потребителем (относительно обязанности заключить договор см. § 9 и 19).

Предсказуемость вопроса о контрагенте и вопроса о том, вступить или не вступить в обязательство, обычно бывает одновременно. Обязанность, вытекающая из плана, направить по договору продукции определенной организации неизбежно предполагает то и другое ограничение (нет выбора контрагента, нет возможности не заключать договор). С этим всегда связаны указания закона и в отношении условий договора (например, условия договора должны соответствовать плану).

§ 12. Договор в буржуазном праве

1. Договор имеет большое значение в буржуазном праве. Буржуазное обязательственное право — прежде всего договорное право. Однако там значение договора имеет совсем другие классовые корни, а потому и совсем иной смысл, чем в советском праве.

В период промышленного капитализма роль договора определялась тем, что капиталистическое хозяйство строилось на принципе конкуренции отдельных хозяйств. Капиталистическое хозяйство характеризуется анархией производства. Это сделало договор наиболее подходящей формой, в которой отображается конкурентная борьба между самими товаровладельцами.

Истинная природа отношений, которые в капиталистическом обществе отражаются в обязательственных договорах, вскрыта Марксом: «Чтобы данные вещи могли относиться друг к другу как товары, товаровладельцы должны относиться друг к другу как лица, воля которых распоряжается этими вещами; таким образом, один товаровладелец лишь по воле другого, следовательно каждый из них лишь при посредстве одного общего им обоим волевого акта, может присвоить себе чужой товар, отчуждая свой собственный»¹.

С другой стороны, договором оформляется и продажа трудящихся своей рабочей силой; на почве этих договорных отношений трудящиеся оказываются в кабале у капиталиста. Буржуазная теория провозглашает пресловутую «свободу договора», скрывающую эксплуатацию одной стороной в договоре другой стороны.

В буржуазном праве периода промышленного капитализма высказывается в качестве одного из основных, общезвестных принципов, что стороны волевым (в общих рамках закона) своим «свободным» соглашением вносят в договор любое содержание.

¹ Маркс, Капитал, т. I, 1849, стр. 91.

Буржуазные юристы, лакеи своего владыки-капитала, умалчивают о том, что эта «формально-юридическая свобода» на самом деле сопровождается тяжелым экономическим гнетом, которым один контрагент давит другого. Они не вскрывают того факта, что голод заставляет немущего идти на любые условия, диктуемые капиталистом. Эта подоплека договорной «свободы» не вскрывается буржуазными авторами. Ибо раскрытие этой подоплеку спутало бы все их карты: пришлось бы волевым путем внести какие-то омерзительные краски в розовую картину благополучия жизни буржуазного общества, на изображении которой буржуазный автор имеет социальный заказ. Действительное же положение в буржуазном обществе таково, что правильнее говорить не о свободе договора, а о свободе эксплуатации человека человеком.

В условиях эксплуататорского общества можно говорить лишь о так называемой «свободе договора», ибо только с формальной стороны контрагенты свободно решают там вопрос, заключать ли им договор, и если заключать, то какое вложить в него содержание. Фактически, ввиду экономической зависимости одного контрагента от другого, дело обстоит совершенно иначе.

2. В период монополистического капитализма (империализма) договор с внешней стороны сохраняет первое место среди всех оснований возникновения обязательства, но по существу он во многих отношениях хозяйственной жизни уступает место одностороннему выражению воли монополиста, отнимающего у своих контрагентов даже возможность участвовать в выработке условий договора и как-то влиять на его содержание. Эксплуатация, достигавшая огромных размеров при промышленном капитализме, еще более усилилась в период империализма, когда в практике монополистических предприятий получили исключительно широкое распространение так называемые «договоры присоединения» или «договоры посредством присоединения». Это — исключительно удобное для капиталистов средство безудержной эксплуатации трудящихся; это — форма легального выжимания соков капиталистами из слабых и зависимых людей. В этих договорах неравенство сторон доводится до такой крайней степени, что одна сторона (монополистическое предприятие) изготавливает заранее бланк, в котором односторонне устанавливает все условия заключаемого «договора». Эти условия не подлежат какому-либо обсуждению и изменению; другой стороне (трудящемуся) предлагается просто подписать бланк, не внося в него изменений. Эта другая сторона вынуждена беспрекословно принимать предлагаемые эксплуататором условия (поскольку обойтись без заключения договора для нее невозможно: достаточно указать, что в категорию «договоров присоединения» относятся наиболее жизненно-необходимые договоры, в том числе — договор труде-

того, знает, что намерения эти противоположны его собственным. Первым самостием этого является, с одной стороны, взаимное недоверие, с другой — оправдание этого недоверия, применение безразличных средств для достижения безразличных целей.¹

Доверие в государствах эксплуататорского типа является одной из основных правовых форм, с помощью которых представители господствующих классов выжимают соки из трудящихся.

3. Буржуазная «наука» не только не пытается вскрыть этот эксплуататорский характер договора в классовом обществе, но, напротив, буржуазные теоретики (причем не только юристы, но и философы) принесли со своей стороны посильную лепту такой теоретической разработки договора, при которой эксплуататорский характер договора и капиталистическом обществе остается завуалированным под прикрытием демагогической фразеологии.

Типичным является изложение учения о договоре в «Философии права» Гегеля. Разум делает необходимым, читаем в этом произведении², чтобы люди вступали между собою в договорные отношения, дарили, обменивались, торговали и т. д., — точно так же, как он делает необходимым, чтобы они обладали собственностью. Договор предполагает, что вступающие в него признают друг друга лицами и собственниками. В договоре, рассуждает Гегель, я обладаю собственностью посредством общей воли; разум именно заинтересован в том, чтобы субъективная воля сделалась всеобщей и поднялась до этого осуществленного. Определение д а н и о й воли остается, следовательно, и в договоре, но в общности с некоторой другой волей.

В этих словах непроницаемым занавесом закрыта экономическая действительность, заключающаяся в договоре капиталистического общества. В договоре в условиях буржуазного общества нет, конечно, общности двух волей; есть воля господствующая, диктующая свои условия другой стороне, которая экономически вынуждена соглашаться на эти условия. Слово «разум» (по сути дела заменяющее слово «частная собственность») скрывает за собой у Гегеля буржуазный строй. Принудительная сила буржуазного государства, охраняющего эксплуататора и их частную собственность, сорвана за фразой, будто «в договоре я обладаю собственностью посредством общей воли».

Для буржуазной идеологии в обрисовки положения договора в капиталистическом обществе характерно заявление проф. Нечеса³, что при определении исковой силы договора для юриста

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. II, стр. 297.

² Гегель, Соч., т. VII, Философия права, перевод Столпнера, 1934 (Философия философия Коммунистической Академии), стр. 36—37.

³ «Юридический Вестник», 1888, № 10, стр. 244.

не важно знать (разрядка наша. — И. Н.), представляет ли из себя договор, как форма человеческих отношений, едственно волю двух или более лиц или, наоборот, прикрытие разногласия их интересов. Буржуазный теоретик в этой фразе типично признает, что исповедуемая им «свобода договора» имеет исключительно формально-юридическое значение и что наружное едствие воли двух сторон может служить всего лишь прикрытием разногласия их интересов.

В подавляющей своей массе буржуазные юридические теории договора, несмотря на кажущееся их разнообразие, уверенно ведут к одной заветной цели — так «объяснить» буржуазный договор, чтобы не выявить его эксплуататорскую сущность. Так, например, существуют юридические теории договора, выводящие его силу из разума (главный представитель — Либс, по-ясняющий договор так: моя воля соединилась с фактом передачи имущества и потому, по началам разума, стала для меня обязательной), воли (главный представитель — Гнейст, считающий, что при договоре часть свободы воли одного контрагента сознательно переходит в сферу свободы воли другого контрагента), психологического момента цели, или основания (пред-ставитель — Бэр, считающий при этом, что цели определяются как волей, так и обстоятельствами, лежащими вне человека).

Нет надобности останавливаться на бесчисленных разновидностях буржуазных теорий договора. В основном буржуазные теоретики сходятся на том, что в их поле зрения остается формальная сторона. Классовая сущность договорного отношения, эксплуататорский характер договора, предрешаемый всеми социально-экономическими условиями жизни буржуазного общества, буржуазными теоретиками замалчивается.

§ 13. Содержание договора

А. Возможность и законность содержания

1. Одним из условий действительности договора является такое содержание, чтобы была возможность его исполнения. Если лицо принимает на себя обязательство исполнить действия явно невозможные, договор не может считаться имеющим юридическую силу. Так, например, не может считаться действительным договор, по которому должна быть передана индивидуальная вещь, заведомо для обеих сторон погибшая.

Невозможность исполнения договора может иметь место с самого его заключения, и тогда обязательство не возникает, в других случаях обязательство оказывается неисполнимым впоследствии, и тогда обязательство само по себе действительное или

прозрачается, или видоизменяется в своем содержании, в зависимости от причин, сделавших его исполнение невозможным¹.

В области договорных отношений социалистических организаций советское право предполагает возможность исполнения договора так называемые «объективные препятствия», на которые иной раз впрочем сослаться несправная сторона, арбитражем не признаются в качестве обстоятельств, снимающего с организации ответственность за неисполнение договора. На контрагенте по договору лежит определенное социалистическое задание, и он должен его во что бы то ни стало исполнить. Он должен помнить слова товарища Сталина (сказанные на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г.): «Реальна ли наша производственная программа? Безусловно, да! Она реальна хотя бы потому, что у нас есть сейчас все необходимые условия для ее осуществления. Она реальна хотя бы потому, что ее выполнение зависит теперь исключительно от нас самих, от нашего умения и нашего желания использовать имеющиеся у нас богатейшие возможности»².

2. Одним из основных условий действительности договора является законность его содержания.

Содержание договора следует признать законным во всех тех случаях, когда оно не противоречит ни конкретным повелительным (императивным, безусловно обязательным) нормам, ни общим принципиальным положениям советского права, в частности советского обязательственного права. Но требование законности содержания договора нельзя понимать так, чтобы призывать договор законным только тогда, когда он подходит под один из предусмотренных в законе типов договоров. Как уже было указано (§ 11), если стороны заключают договор без нарушения общих положений советского права и не выходят за пределы, установленные императивными нормами, договор должен считаться законным.

В общих рамках закона стороны самостоятельно вкладывают в договор то или иное содержание. Но наряду с возможным непосредственным регулированием отдельных элементов содержания (наше § 11, п. 7) государство иной раз влияет на содержание договора косвенно, в результате принимаемых им мер экономического регулирования отечественной (например, увеличивая контингент продовольственных товаров для предприятий государственной и кооперативной торговой сети, государство регулирует цены, складывающиеся на колхозном рынке, и т. п.).

3. В отношении граждан не установлено запрета заключить договор, не совместимый с ранее заключенным договором, и поему приводящий к нарушению предыдущего договора; например,

¹ См. в II главе работы.
² См. также, Вопросы Ленинизма, изд. II-е, стр. 349.

А, обязался передать вещь в пользование Б., а в действительности передает ее В. на основании позднее заключенного с ним договора. Договор А. с В. является формально действительным, хотя ни нарушается право Б., заключившего с А. договор, ни факт нарушения права Б. будет иметь своим последствием только предоставление Б. права искать с А. возмещения ущерба. Однако заключение нового договора, в нарушение другого, ранее заключенного договора, противоречит правилам социалистического общежития и социалистическому правосознанию. Гражданское право переходного к коммунизму периода должно вести борьбу с таким поведением граждан.

В отношении социалистических организаций этот вопрос решается так же: жилищное управление поступило бы противозаконно, если бы оно, выдав ордер на занятие жилого помещения одному гражданину и подписав с ним договор, ранее поташенный этого ордера и расторжения договора, выдало на то же самое помещение ордер другому гражданину и подписало с ним договор.

4. Незаконными и потому недействительными были признаны (постановлением Пленума Верховного суда СССР от 1 декабря 1944 г. № 17/11/У) сделки, заключенные советскими гражданами в период временной оккупации советской территории в противоречии с действовавшими в этот период советскими законами и в ущерб интересам Советского государства, а также сделки, заключенные по распоряжению или под давлением оккупационных властей; возникшие на основе этих сделок гражданские правоотношения судебной защите не подлежат. Такая квалификация указанных сделок является выводом из принципиального положения (установленного тем же постановлением Пленума Верховного суда СССР), что «при рассмотрении дел по искам, основанным на сделках, заключенных советскими гражданами во время нахождения их на временно оккупированной территории, суды должны исходить из того положения, что на временно оккупированной советской территории в течение всего времени оккупации действовали советские законы»¹.

В соответствии с этим принципом нет оснований признавать недействительными соглашения, заключаемые во время оккупации местности неприятелем, если эти соглашения направлены к равномерному распределению между населением бремени неприятельского погрома, поскольку такое соглашение не являлось актом какою-либо содействия оккупантам (например, при выполнении требований оккупантов о сдаче определенного числа коров посту-

¹ Сборник постановлений Пленума и определений Высшего Судебного Суда СССР за 1944 г., стр. 8—9; Сборник действующих постановлений Пленума Верховного суда СССР 1924—1944 гг., изд. 1946, стр. 182, см. также «Судебная практика», 1946, вып. II, стр. 29; 1948, вып. V, стр. 3.

или так, что от двух хозяйств сдавали одну корову с тем, чтобы октавшейся другой коровой совместно пользоваться обоим хозяйствам) (Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР за 1943 г., стр. 169).

5. Для обеспечения полного соответствия содержания некоторых категорий договоров требованиям социалистического права, народнохозяйственному плану, а также для наилучшего сочетания интересов граждан с интересами социалистического государства, советским правительством издаются для ряда отношений типовые договоры, в соответствии с которыми и на основе которых должны заключаться договоры между конкретными контрагентами. Некоторым из типовых договоров придана обязательная сила; например, договору машинно-тракторной станции с колхозами. Обязательную силу надо признать и за типовыми договорами подряда по капитальному строительству (утвержденными постановлением СНК СССР от 26 февраля 1938 г. «Об улучшении проектного и сметного дела и об упорядочении финансирования строительства» — СП СССР 1938 г. № 9, ст. 58).

Ряд типовых договоров утвержден не правительством, а министерствами (ведомствами), притом в одних случаях — по специальному поручению Совета Министров или Экономсовета (например, типовой подрядной договор на проектные и изыскательские работы, утвержденный 6. Комитетом по делам строительства при СНК СССР 31 марта 1939 г., — СП СССР 1939 г. № 21, ст. 134), в других случаях — самостоятельно, в пределах предоставленных министерству (ведомству) полномочий (например, типовой договор на сдачу в долгосрочную аренду государственным учреждениям, предприятиям и общественным организациям домов местных Советов, утвержденный Наркоматом коммунального хозяйства РСФСР 15 марта 1939 г., — «Бюллетень Наркомхоза» 1939 г. № 4). Такие типовые договоры также имеют обязательное значение, но (как и все распоряжения ведомств) ограниченное пределами данного ведомства.

Некоторые типовые договоры имеют характер только образцов, или примерных договоров, к которым стороны могут добавлять те или иные свои условия. Такое значение имеет, например, типовой договор найма жилого помещения.

Б. Определенность содержания договора

1. Для действительности договора необходимо, чтобы его содержание отличалось достаточной определенностью. Не всегда обязательная полная точность определения содержания обязательства, с другой стороны, не может получить юридической силы обязательство, страдающее полной неопределенностью (например, кредитная ссуда без указания сорта и количества и т. п.). Если

содержание договора страдает полной неопределенностью (стоит ли она в том, что вовсе не указано, что именно должен предоставить должник, или не определено количество, например, продан хлеб без указания сколько и т. д.), кредитор не может иметь обоснованного юридического требования, ибо неизвестно, чего же именно он вправе требовать от должника.

Договоры, заключаемые между социалистическими организациями, должны в особенности отличаться определенностью и даже точностью содержания. Как правило, эти договоры заключаются на основании и во исполнение плана. Содержание договора должно быть достаточно определенным и ясным для того, чтобы стороны могли исполнить договорное обязательство, а органы, привлеченные на проверку исполнения, могли бы действительно проверить, покрывают ли договоры данной организации ее план и исполняются ли принятые ею на себя обязательства. Это последнее обстоятельство, как подчеркнуто в постановлении Совета Министров СССР от 21 апреля 1949 г. (СП СССР 1949 г. № 9, ст. 68), имеет большое значение в обеспечении выполнения плана. В соответствии с большим значением договора Партия и Правительство требуют от всех социалистических организаций строжайшей договорной дисциплины, за нарушение которой эти социалистические организации несут имущественную ответственность, а проверить точное выполнение договора можно только тогда, если само содержание договорного обязательства ясно и не страдает расплывчатостью. В частности, в важнейшем договоре социалистических организаций — в договоре поставки — не допускается, например, указание ориентировочных цен. Цены по отчетной калькуляции («по себестоимости» с соответствующими начислениями) допускаются в виде исключения лишь в договорах поставки такой продукции, которая впервые осваивается в СССР (но и в этом случае должны быть указаны сроки и порядок установления окончательных, точно определенных цен).

В договорах между гражданами необязательно, чтобы с самого начала с полной ясностью и точностью было определено содержание отношения между кредитором и должником. Для признания договора действительным достаточно, чтобы в нем содержались достаточно ясные указания, с помощью которых можно выяснить предмет требования кредитора, или чтобы в договоре был дан какой-то масштаб, с помощью которого можно установить содержание обязательства.

Таким образом, содержание обязательства должно быть или определенным или, по крайней мере, определенным, т. е. допускающим определение.

Обязательства, содержание которых точно дано при их установлении, называются определенными (например, обязательство уплатить 500 руб.); обязательства, не содержащие точного опреде-

ления их предмета, а только дающие тот или иной критерий, с помощью которого можно определить предмет обязательства, являющегося обязательством только определенными (например, обязательство продать-купить строение за сумму предстоящей инвентаризационной оценки).

2. Советское право не предусматривает возможности пере- давать определение содержания договора на решение одной из сторон.

Иное дело, если определение содержания договорного обязательства предоставлено *независимому третьему лицу*. Таким третьим лицом может быть специалист-эксперт, будет ли то лицо юридическое (исследовательский институт, бюро, контора и т. п.) или лицо физическое, сведущее в данной отрасли, персонально привлекаемое сторонами для определения содержания обязательства. Практика обращения к заключению эксперта для определения того или иного элемента договора несколько не противоречит принципам советского права и в жизни имеет место. Можно представить себе, что в качестве *третьего лица*, от которого будет зависеть определение содержания договора, окажется не специалист, а просто гражданин, пользующийся доверием сторон и обладающий, по их мнению, достаточным жизненным опытом, добросовестностью и пр., для того чтобы правильно разрешить возложенную на него задачу.

В советских условиях этот вспомогательный критерий для определения содержания договора применяется как исключение. Даже при разрешении споров, возникающих из заключенных уже договоров, обращение к подобному роду посредникам в советской жизни встречается редко (взредка в области спорных вопросов авторского права и т. п.); передача на разрешение третьего лица уточнения содержания заключаемого договора — явление еще более редкое. Если бы в отдельном исключительном случае оказалась такая отсылка к мнению третьего лица, то единственной, во всяком случае, основной гарантией того, что содержание обязательства не будет определено совершенно произвольно, служит доверие, которое обе стороны проявили к третьему лицу, обратившись к его посредничеству.

Если указанное в договоре третье лицо вовсе отказалось исполнить посредническую функцию по определению содержания договора, приходится признать, что не осуществилось условие, под которым заключен договор.

3. В советской практике нередко отдельные элементы договора, а особенно цена, определяется с помощью *прейскуранта, тарифа, та же и пр.* Так, нередко в договорах поставки цены на поставляемые товары не приводятся, а делается отсылка к obowiązующему прейскуранту (прилагаемому к тексту договора) или к *судебному постановлению*.

В качестве другого примера, где «цена» определяется таким же способом, можно назвать договоры поручения, заключаемые как социалистическими организациями, так и гражданами — с юридическими консультациями. Конечно обращаясь в консультацию юридическое или физическое лицо, как правило, заинтересуется (до обращения в консультацию), какое придется ему уплатить вознаграждение за ведение передаваемого дела. Но бывают и такие случаи, когда организация (например, ввиду неожиданной болезни ее юрисконсульта) просит по телефону или по телеграфу консультацию направить в такой-то суд адвоката для ознакомления с делом и выступления в судебном заседании; тоже в случае письменного поручения выступить от имени иногородней организации и т. д. В этих и подобных случаях возни- граждение за ведение дела берется в размере, предусмотренном установленной таксой.

§ 14. Обязательства родовые и альтернативные

А. Родовые обязательства

1. Родовым называется такое обязательство, содержание которого (т. е. то, что должно быть исполнено должником) определено родовыми признаками, другими словами, признаками, характеризующими целую группу предметов, принадлежащих к одному и тому же роду, к одной и той же категории (например, обязательство поставить известное количество стандартных ящиков известного размера и т. д.). В этом — противоположность родового обязательства конкретному или индивидуальному обязательству, имеющему содержанием совершенно конкретный предмет, определенный индивидуально, т. е. присущими ему особыми признаками.

Индивидуализация или конкретизация содержания обязательства и, вместе с тем, предмета исполнения может быть сделана различными способами: точным наименованием (например, обязательство передать картину такого-то художника с таким-то названием), указанием места нахождения вещи, подлежащей передаче, и т. д. По индивидуальному обязательству только указанный в договоре конкретный предмет и может быть предметом исполнения; никакой другой предмет, хотя бы он был совершенно однороден и равноценен с данным, не может (без согласия кредитора) быть предоставлен во исполнение индивидуального обязательства. Родовое обязательство также рано или поздно сведется к предоставлению конкретного содержания; нельзя передать вещь, принадлежащую лишь к определенной категории, но не конкретную, а вещь «вообще»; предмет исполнения всегда — конкретная вещь, конкретная работа, конкретная услуга и т. п. Отличительная черта

индивидуального обязательства заключается в том, что оно с самого начала содержит конкретный предмет исполнения, который так именно и мыслится сторонами: никаких дополнительных действий во конкретизации содержания обязательства здесь не требуется: в качестве содержания обязательства выступает с самого начала право требовать (и обязанность исполнить) вполне определенное (а не только определенное) действие.

В противоположность этому, когда предмет обязательства определен родовыми признаками, при исполнении должник может предложить любой предмет, которому присущи те признаки, которыми определено содержание обязательства. В этом смысле всякая вещь, которая принадлежит к данной категории, может заменять другую такую же (типичнейший пример — денежные знаки; по выражению Судебной коллегии Верховного суда СССР они обесличиваются). Таким образом, когда мы имеем родовое обязательство, то нет конкретной вещи, которую можно было бы мыслить в качестве предмета долга; можно сказать, что предметом долга является одна из вещей определенной категории, но какая именно, заранее неизвестно.

Разумеется, предметом обязательства не может служить весь данный род вещей; например, нельзя обязать поставить пшеничную муку вообще, как бы всю существующую на земном шаре муку. Поэтому родовое обязательство нуждается в количественном ограничении путем указания числа, меры, веса. Один из таких количественных признаков вносит в родовое обязательство известную конкретизацию¹.

Нельзя говорить о родовом обязательстве, если его предметом служит хотя и такой предмет, который в деловой жизни принято обозначать только родовыми признаками (например, велосипед, стандартный стол и т. п.), но этот предмет у лица, принимающего на себя обязательство его передать, — единственный. Это положение предмета выделяет его из ряда однородных предметов, придает ему конкретность, делает его индивидуально определенным.

Право собственности имеет объектом всегда индивидуально определенную вещь. Если X имеет стандартный стол, то этот его стол тем самым приобретает уже характер индивидуальной вещи. Не может быть такого положения, чтобы кто-нибудь имел на праве собственности «стол вообще», «стол как родовую категорию». Всякая вещь, поступая в имущество данного

¹ Если же оказалось бы в исключительном случае возможным сделать предметом обязательства весь данный род вещей, — это не было бы уже обязательством родовым; это было бы обязательством, направленным на индивидуально определенный предмет; при таком обязательстве не приходило бы выбирать или отдавать какие-то предметы из общего количества, можно было бы при исполнении заменить один предмет другим и т. д.

собственника, тем самым индивидуализируется. Иначе обстоит дело с обязательствами. Действие, составляющее предмет обязательства, может быть обозначено так, что конкретизация предмета исполнения наступит лишь при исполнении, а само содержание обязательства определено только родовыми признаками. Неправильно поэтому делить вещи на индивидуальные и родовые: всякая вещь сама по себе конкретна, индивидуальна; напротив, обязательства (по степени определенности его содержания) делятся на родовые и конкретные или индивидуальные.

2. Различие обязательств родовых и индивидуальных (конкретных) имеет большое значение.

Самый распространенный и практически важный в обороте договор — это плановый договор поставки, по которому одно социалистическое предприятие обязуется поставить те или иные предметы другому социалистическому предприятию. Этот договор может служить наглядным примером родового обязательства. В таком договоре обычно указывается род поставляемого товара и его количество. Разумеется, определение рода товаров, в свою очередь, может быть то более, то менее конкретным. Мера, или степень конкретности обозначения, зависит прежде всего от самих сторон. Советская договорная практика выработала такие способы определения поставляемого товара, которые вносят большую ясность в содержание договора и помогают избегать бесконечных споров по поводу того, что именно обязан дать поставщик. Значение таких способов определения содержания договоров поставки имеют: стандарты, спецификации или кондиции, технические условия, образцы товаров, в известной мере — товарные марки.

3. Родовое обязательство потому и принадлежит к категории обязательств только определенных, что его предмет не вполне определен, не ограничен с полной точностью от всех других; дано лишь указание, к какой общей категории он должен принадлежать. Однако в пределах известной общей категории могут оказаться вещи более высокого и менее высокого качества. Поэтому возникает вопрос, в каких пределах может должник проявить свою волю при конкретизации предмета исполнения, в частности в праве ли он предоставить кредитору наилучшие предметы данной категории, и если нет, то до какой же границы признается за должником свободное усмотрение при выделении кредитору того или иного предмета.

По этому вопросу содержится в Гражданском кодексе РСФСР (и гражданских кодексах других союзных республик) ч. 1 ст. 108 следующего содержания: «Если предмет обязательства определен только родовыми признаками и право выбора не предоставлено законом или договором одной из сторон или третьему лицу, должник обязан доставить предмет не ниже среднего качества».

Такая норма была довольно естественной в то время, когда составлялся Гражданский кодекс РСФСР: то было начало эпохи, когда наша промышленность только восстанавливалась, и поэтому приходилось удовлетворяться средним качеством.

Но в настоящее время, когда построено социалистическое общество, социалистическое хозяйство, когда социалистическая промышленность осваивает по последнему слову техники, когда борьба за качество приобрела важнейшее значение в Советском государстве, норма ст. 108 ГК в отношении социалистических организаций становится уже неприемлемой. Родовые обязательства в основной своей массе — это поставки, выполняемые социалистическими предприятиями для других таких же предприятий. В то время, когда в социалистическом хозяйстве должны энергично и всемерно бороться за максимальное повышение качества выпускаемой продукции, было бы непоследовательным предоставлять этим предприятиям право при исполнении договорных обязательств равняться на некоторое среднее качество поставляемых предметов. Поэтому в отношениях между социалистическими предприятиями, а равно между социалистическими предприятиями и гражданами должник по родовому обязательству не может считаться имеющим право доставить предмет только не ниже среднего качества; исходить следует из необходимости сдавать предметы, отвечающие стандарту, а если стандарта нет, то предметы возможно более высокого качества (применительно к отношениям между гражданами такие высокие требования предъявить невозможно).

В одной из категорий родовых обязательств вопрос о качестве предоставляемых должником предметов во всяком случае решается иначе. Таким исключением является обязательство по договору займа. Здесь общее правило видоизменяется применительно к специфическим особенностям данного правоотношения. В самом деле, заемное обязательство возникает посредством передачи займодателем заемщику определенного количества вещей, определенных родовыми признаками, с тем, чтобы заемщик вернул равновеликое количество вещей того же рода. По характеру этого отношения естественно предъявить к заемщику требование вернуть вещи такого же качества, какого были переданные вещи при заключении договора (ст. 208 ГК); такое же правило применяется и при договоре хранения (так называемого иррегулярного), если стороны определяют вещи, сдаваемые на хранение, только родовыми признаками (числом, весом, мерой, сортом и т. п.).

4. Родовой характер обязательства, с одной стороны, расширяет возможности должника. Поскольку предмет обязательства не обладает конкретным, индивидуальным обозначением, должник

имеет возможность вступать в обязательство, даже не имея ни одного из тех предметов, какие он обязывается предоставлять кредитору: перед ним открыта возможность приобрести впоследствии предметы того рода, к какому относится содержание заключаемого обязательства, и исполнить обязательство. Но, с другой стороны, этот характер обязательства делает положение должника более тяжелым. Во исполнение родового обязательства должник может предоставить тот или иной предмет, относящийся к данному роду. Поэтому только тогда, когда исчезнет весь род, все вещи данного рода, можно говорить о прекращении обязательства, имеющего своим предметом вещи этого рода (например, прекращена выработка данных изделий, а старого запаса нет). Факт гибели всего запаса вещей, находившегося у должника, сам по себе не освобождает должника, хотя бы гибель наступила без всякой вины с его стороны; ибо он обязался предоставить не те именно вещи, какие у него были, а только определенное количество вещей этого рода. Это положение выражается нередко так, что риск случайной гибели вещей, определенных родовыми признаками, несет должник (или что вещи, определенные родовыми признаками, считаются не погибающими).

По иску Государственного Академического Большого театра к Тульской областной конторе Госбанка о 7000 руб., внесенных принадлежащим театру домом отдыха им. Поленова для зачисления на расчетный счет театра, контора Госбанка сослалась на то, что денежная сумма, которую ищет театр, находилась в негорючем шкафу Тарусского отделения Госбанка и была похищена захватившими Таруссу немецкими оккупантами. По этому поводу Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР отметила, что «в деле нет данных, которые могли бы служить доказательством тому, что похищена была именно та конкретная сумма, которая была внесена в Тарусское отделение Госбанка СССР домом отдыха им. Поленова, к тому же этого и не требуется, так как поступающие от клиентуры денежные знаки обезличиваются банком, который рассчитывается ими по другим своим обязательствам. Следовательно, факт разграбления кладовых Тарусского отделения Госбанка СССР немецко-фашистскими войсками сам по себе не мог оказать влияния на обязательства Госбанка СССР перед театром» (Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР за 1944 г., стр. 242).

Этот принцип выражен в ст. 119 ГК: «Во всяком случае невозможность исполнения не освобождает должника от ответственности: 1) если предмет обязательства определен родовыми признаками и доставление имущества того же рода не стало объективно невозможным». Вещи, отвечающие тем признакам, какие указаны в договоре, имеются в обороте: должник может их до-

стать, весь вопрос сводится только к деньгам; если же у должника нет необходимых денежных средств, это еще не есть невозможность исполнения. Такова основная мысль, заложенная в этом постановлении¹.

При применении изложенного принципа необходимо, однако, учитывать особенности социалистического хозяйства.

В советском социалистическом обороте договор является формой сочетания плана и хозяйсчета. Плановый характер деятельности советских предприятий не позволяет ставить дело так, что если, например, данная обувная фабрика обязана поставить торгующей организации 10 тыс. пар обуви, то при невозможности поставить это количество обуви своей продукции она должна приобрести такую обувь в других предприятиях и сдать своему заказчику. Такое толкование договора противоречило бы принципам плановости и хозяйсчета отдельных предприятий. В подобного рода отношениях для обеих сторон должно быть ясно, что поставщик, вступающий в обязательство, обязан сдать определенное количество вещей исключительно из собственной продукции (последней выработки или из запаса), т. е. здесь имеет место та форма родовых обязательств, когда общее количество предметов, из состава которого должник обязан исполнить обязательство, является ограниченным (в данном случае — производством данного предприятия).

5. Родовое обязательство отнюдь не является условным: условная сделка характерна тем, что или возникновение правовых последствий (при отлагательных условиях) или сохранение в силе уже возникших последствий (при отменительных условиях) является неизвестным до наступления условия. Этого нет при родовом обязательстве; в этом случае имеется полная определенность не только в вопросе о существовании обязательства, но и в вопросе об основном содержании обязательства. Неопределенность имеется лишь в том смысле, что неизвестны конкретные предметы, подлежащие передаче. Эта черта родового обязательства отпадает, когда из общего круга предметов, отвечающих указанным в договоре признакам, необходимое количество предметов будет индивидуализировано в качестве предметов исполнения, когда обязательство сконцентрируется на конкретных, точно определенных предметах. В чем должна выразиться такая концентрация или индивидуализация: достаточно ли, чтобы требуемое количество было отсчитано, измерено, взвешено и как-то выделено из общей массы вещей данного рода, так что предмет обязательства становится уже индивидуально определенным и конкретным, или этого мало, а необходимо, чтобы выделенные предметы были сданы, либо отправлены кредитору. — по этому

вопросу советское обязательственное право не содержит особых постановлений. Однако в разделе о собственности есть указание (ст. ст. 66, 67 ГК), что право собственности приобретателя в отношении вещей, определенных родовыми признаками (числом, мерой, весом), возникает в момент их передачи; передачей же признается вручение вещей приобретателю, а также вручение (отчужденных без обязательства доставки) вещей перевозчику или сдача их на почту для отправления приобретателю.

Таким образом, как только должник выделил определенный предмет данного рода и принял меры для вручения кредитору, обязательство конкретизировалось, специализировалось, и риск случайной гибели либо порчи предмета переходит на кредитора. Но наряду с этим положительным последствием для должника конкретизации предмета обязательства этот момент конкретизации имеет для должника и некоторое отрицательное значение. Произведенной конкретизацией должник себя в некоторой мере стесняет. С этого момента он не имеет права заменить выделенные предметы другими; он должен предоставить именно их. Даже если кредитор допустит просрочку, должник не вправе распорядиться выделенными предметами как-то иначе. Разумеется, необходимо учитывать конкретные особенности каждого случая: если кредитор не имеет серьезной заинтересованности именно в выделенном предмете, нельзя признавать за ним права отказываться от принятия другого, совершенно однородного и равноценного.

Интересы должника в достаточной мере ограждаются указанным выше ограничением права кредитора отказываться от предлагаемой вещи без серьезного основания и признанием за должником права и после индивидуализации предмета исполненной заменять этот предмет другим, если у кредитора нет серьезного, заслуживающего признания, интереса в том, чтобы не допускать такой замены.

6. Предыдущее изложение велось в предположении, что родовым характером обладает обязательство, имеющее содержанием право требовать (и обязанность) предоставления вещей. Но такой же характер может иметь обязательство, имеющее содержанием не передачу вещей, а совершение каких-то действий, оказание услуг и т. д. Например, можно договориться о том, что для ремонта мебели артель пришлет двоих рабочих на такой-то день; а можно договориться, что артель пришлет для этой цели определенных лиц — А. и Б., и т. п. Но, разумеется, чаще всего встречаются родовые обязательства, направленные на передачу вещей, определенных родовыми признаками. Поэтому законодательства обычно и регламентируют именно последнюю категорию обязательств.

¹ См. ч. II настоящей работы, § 45.

Б. Альтернативные обязательства

1. Встречаются обязательства, по которым на должнике лежит обязанность исполнить не какое-либо определенное действие, а одно из двух или нескольких заранее указанных действий (альтернативно) — по своему выбору или по выбору кредитора. Примером альтернативного обязательства с правом выбора на стороне кредитора может служить соглашение о неустойке, при котором кредитору предоставляется право требовать по своему усмотрению или возмещения убытков, причиненных неисполнением обязательства, или уплаты неустойки (ст. 141 ГК), а также предоставляемое инструкцией Госарбитража при СНК СССР от 29 августа 1939 г. право покупателя требовать или уценки (уменьшения цены) товара, признанного актом госэкспертизы некачественным, или исправления товара за счет поставщика.

Предмет исполнения определяется именно выбором одной из сторон, но не ставится в зависимость от какого-то обстоятельства: в этом отличие альтернативного обязательства от условного. Например, Иванов обязывается передать Петрову кушетку, а в случае, если бы Петров получил такую вещь в другом месте, — то диван: такое обязательство будет условным, но не альтернативным.

Отдельные действия, входящие в содержание альтернативного обязательства, могут различаться по предмету, по месту исполнения, по времени исполнения; эти отдельные предоставления могут быть и индивидуальными и родовыми.

Неточным было бы утверждение, что в альтернативном обязательстве предметом обязательства два или несколько, а предмет исполнения один из них. Если смотреть так, что с самого начала все предусмотренные в обязательстве действия составляют предмет обязательства, а потом будет произведен выбор и обязательство сосредоточится на этом единственном предоставлении, то альтернативное обязательство примет по существу характер обязательства с отменительным условием. Между тем, альтернативное обязательство, как уже отмечено, не является условным: здесь при установлении обязательства неизвестно, какое действие будет избрано (из числа возможных), но само обязательство существует безусловно. Предмет обязательства — один, но только еще не вполне определенный; пока определены только рамки, в пределах которых он может быть выбран.

Альтернативное обязательство — единое обязательство, с содержанием определенным, но еще не определенным. Неполая определенность заключается в том, что обязательством предусматривается несколько возможных предметов исполнения, но какая из этих возможностей осуществится, неизвестно.

Гражданский кодекс упоминает об альтернативных обязательствах в ч. 2 ст. 108: «Если предмет обязательства определен альтернативно, право выбора, при отсутствии в законе или договорных указаний, принадлежит должнику». Этим регламентируются альтернативных обязательств в советском праве исчерпывается. Таким образом, различные частные вопросы, какие могут возникнуть при альтернативных обязательствах, подлежат разрешению на основе общих постановлений Гражданского кодекса об обязательствах и, в частности, о договорных обязательствах.

2. Небезынтересно сопоставить альтернативные обязательства с обязательствами родовыми. Между теми и другими имеется сходство в ряде отношений.

а) Как родовое, так и альтернативное обязательства представляют собой одно единственное обязательство, несмотря на множественность предметов, из числа которых может быть избран предмет исполнения. Это очевидно в отношении родового обязательства: при покупке 3 кг картофеля это количество может быть в данном магазине выделено (из общего количества) во множестве комбинаций, но, тем не менее, обязательство устанавливается только одно. Но совершенно то же самое и при альтернативном обязательстве: если я покупаю у X или диван или кушетку, то, несмотря на то, что обязательство охватывает два предмета, оно — едино. Родовые и альтернативные обязательства сходны между собою в том, что и в тех и в других содержание обязательства очерчено в более широких рамках, чем имеется в виду его исполнять: не требуется предоставление всего того, что охватывается содержанием обязательства.

б) В момент установления обязательства и в том и в другом случае имеется только определенность содержания, но еще не полная определенность. Эта относительная неопределенность опять-таки в обоих случаях должна в дальнейшем отпасть путем более специального, конкретного определения предмета предоставления.

в) И при родовом и при альтернативном обязательстве гибель части предметов, из числа которых должно быть произведено исполнение, не влечет за собой непременно прекращения обязательства.

г) В обоих случаях, по крайней мере, для одного из контрагентов безразлично, какие конкретные предметы будут служить предметом исполнения. Это не может вызвать оmissions в отношении родового обязательства: покупая 1 кг риса определенного сорта, лицо не заинтересовано в том, из какого мешка ему отвесит это количество. Но по существу то же самое имеет место и при альтернативном обязательстве: пусть в приведенном выше примере лицу больше нравится кушетка, чем диван, но раз оно согласилось на то, что X обязуется ему дать по своему выбору или кушетку или диван, оно этим показало, что в конечном итоге

ему все равно, какой из этих двух предметов X даст. То же придется принять в отношении продавца, если право выбора принадлежит покупателю.

Несмотря, однако, на все эти черты сходства, неправильно было бы считать альтернативные и родовые обязательства одноковыми; и с принципиальной точки зрения и по практическим соображениям между теми и другими обязательствами необходимо провести отчетливую грань.

Отыскание этой грани, разграничение тех и других обязательств возможно произвести правильно лишь тогда, если подойти к этому с точки зрения характера хозяйственных отношений, оформляемых тем и другим типом обязательства, и целей, которые ставят себе стороны в обязательстве. Хозяйственные отношения, на основе которых устанавливается обязательство, интересы сторон, которым оно должно служить, приведут к тому, что в одном случае окажется более уместным и целесообразным альтернативное обязательство, в другом — родовое.

Вступая в альтернативное обязательство, сторона, имеющая право выбора, выговаривает себе право в дальнейшем решить, какой из нескольких предметов ей потребовать или предоставить. Сторона, которой принадлежит право выбора, имеет право установить окончательное содержание правоотношения. Сторона, имеющая право выбора, заинтересована в том, чтобы был предоставлен именно тот предмет, который она признает, осуществляя свое право выбора, наиболее отвечающим ее интересам и потребностям. Эта возможность стороны, за которой оставлено право выбора, определить путем выбора предмет, наиболее для нее желательный, составляет характерную черту альтернативного обязательства.

В случае родового обязательства по общему правилу и для кредитора и для должника важны лишь некоторые признаки, известные свойства предметов, но не их индивидуальность. В частности, для кредитора важно, чтобы предмет исполнения был из определенного комплекса (однородных предметов), но индивидуальность предмета, какой именно предмет из состава этого комплекса будет предоставлен, значения не имеет. Можно сказать, что здесь вообще нет выбора, а только выделение вещи из определенного комплекса.

Если альтернативное обязательство сопоставить с простым обязательством, направленным на конкретный индивидуальный предмет, то различия будет в том, что в последнем случае уже при самом возникновении обязательства сделав выбор, какой предмет должен быть предоставлен должником кредитору, тогда как при альтернативном обязательстве этот выбор осуществляется позднее, при исполнении; до этого момента связанность выражается в том,

что выбор может быть сделан только из числа предметов, предусмотренных в обязательстве.

Есть и более тонкое различие между альтернативным и родовым обязательством. Поскольку круг предметов, из числа которых должно быть сделано предоставление, по общему правилу при родовом обязательстве шире, чем при альтернативном, то можно сказать, что при альтернативном обязательстве предмет определеннее, чем при родовом. Но если исходить из качественной стороны дела, в смысле предназначения предмета обязательства для обслуживания той или иной потребности, то окажется, что родовое обязательство эту сторону дела разрешает определеннее, чем альтернативное.

В соответствии с этим можно сказать, что при альтернативном обязательстве степень связанности стороны больше, чем при родовом обязательстве: при альтернативном обязательстве имеется меньшее число возможностей, между которыми можно выбирать, чем при обязательстве родовом. Но зато значение выбора при альтернативном обязательстве больше, чем при родовом. Ибо в этом втором случае комплекс предметов, из числа которых должен быть предоставлен один или несколько, представляет собой единую категорию, причем не воля сторон сделала эту категорию единой, а однородность вещей. При альтернативном же обязательстве отдельные предметы могут не иметь между собой ничего общего; договор объединил их именно тем, что одной из сторон предоставлено право выбрать из числа этих разнородных предметов, вошедших в содержание обязательства, тот, который окажется более соответствующим потребностям стороны, имеющей право выбора.

При родовом обязательстве по существу имеет место (при исполнении) не выбор предмета (ибо все возможные предметы исполнения одинаковы), а только отделение или выделение из общей массы требуемого количества. При альтернативном обязательстве лицо, сообразуясь со своими потребностями, с качествами и стоимостью отдельных предметов и т. п., действительно осуществляет выбор, сосредоточивая его на том предмете, который лучше удовлетворяет его интересам.

3. Различение обязательств родовых и альтернативных имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Выше (§ 14, А, п. 3) было указано, что к родовым обязательствам применяется тот принцип, что предоставляемые вещи должны отвечать известным требованиям относительно качества. К альтернативному обязательству такая норма часто не применима, ибо здесь предмет исполнения составляет один из конкретных предметов, указанных в содержании обязательства и обозначенных притом по большей части индивидуальными признаками. Далее, в связи с тем, что при альтернативном обязательстве имеет место

подлинный выбор предмета, и этот выбор имеет немаловажное значение, приходится предусматривать те или иные меры против злоупотребления правом выбора (против несущественного выбора), ибо это может затронуть интересы другой стороны. Эти меры могут, например, состоять в ограничении или даже лишении стороны предоставления ей права выбора. При родовом обязательстве нет подлинного выбора, ибо в конце концов безразлична индивидуальность предметов, которые будут выделены в качестве предметов исполнения, поэтому здесь не нужны подобного рода правила. Если должник никакого выбора не делает, наступает обычная просрочка с обычными ее последствиями.

Неодинаковые последствия связываются с частичной гибелью предметов из того общего количества, которое охватывается обязательством. Если обязательство родовое, то гибель части предметов, какими бы причинами она ни была вызвана, приведет к сокращению круга предметов, из числа которых должник обязан представить предмет исполнения. Причина гибели предметов будет иметь значение лишь для решения вопроса о том, возмещает ли у собственника погибших предметов права на возмещение их стоимости. В случае альтернативного обязательства последствия наступают неодинаковые, в зависимости от двух моментов: а) кому — кредитору или должнику — принадлежит право выбора, б) какова причина гибели предмета. Если один из предметов, предусмотренных альтернативным обязательством, погибает по случайной причине, обязательство сосредоточивается на оставшемся (принято поэтому говорить, что риск случайной гибели одного из предметов альтернативного обязательства лежит на должнике); если так же случайно погибает и второй предмет, обязательство прекращается (в этом смысле риск случайной гибели второго предмета ложится на кредитора). Если один из предметов погибает по вине кредитора, имеющего право выбора, за ним признается право или требовать передачи оставшегося предмета, но с обязательством вознаградить за погибший предмет, или остановить свой выбор на погибшем предмете и таким образом ликвидировать обязательство. Если один из предметов погибает по вине должника, а право выбора принадлежит кредитору, последний вправе потребовать или оставшийся предмет или компенсацию за погибший. Если один из предметов погибает по вине должника, которому предоставлено и право выбора, то он вправе или передать кредитору оставшийся предмет или компенсировать за погибший предмет. Наконец, если предмет погибает по вине кредитора, а право выбора принадлежит должнику, последний может или остановить выбор на оставшемся предмете и этим прекратить обязательство, или передать кредитору оставшийся предмет, а с него взыскивать возмещение за погибший предмет (если предметов альтернативного обяза-

тельства не два, а больше — выражение «предоставить (требовать) оставшийся предмет» придется заменить словами: «один из оставшихся предметов»; принципиальных же изменений никаких не наступит).

4. Возможно одновременное сочетание и родового и альтернативного характера обязательства. Это бывает тогда, когда содержание обязательства определено альтернативно, причем каждый предмет обозначен только родовыми признаками. В этом случае сначала производится выбор между самими родовыми категориями; в этой стадии дела применяются правила об альтернативных обязательствах. Как и при всяком альтернативном обязательстве, право выбора принадлежит должнику, но норма и в этом специфическом случае имеет диспозитивный характер; по соглашению право выбора должника может быть чем-то обусловлено и, следовательно, ограничено или же предоставлено кредитору. Иногда сам закон передает право выбора кредитору: так, в случае соглашения о неустойке кредитор имеет право по своему усмотрению требовать или возмещения убытков, причиненных неисполнением, или уплаты неустойки (ст. 141 ГК). Осуществляется выбор посредством заявления по адресу другой стороны. Применяются общие правила альтернативных обязательств и при решении вопроса о том, какое влияние оказывает на обязательство невозможность предоставления предмета одной из альтернативно указанных родовых категорий. Поскольку каждый из предметов определен родовыми признаками, невозможность предоставления из состава одного из двух родов вещей должна быть полная, чтобы обязательство сосредоточилось на другом роде. Само собой разумеется, что невозможность должна быть объективная, субъективной невозможности недостаточно.

После того, как обязательство, в результате выбора или невозможности предоставления из одной родовой категории, сосредоточилось на другой родовой категории, применяются правила о родовых обязательствах.

5. Если право выбора принадлежит должнику, а он не осуществляет его, кредитор не может взять выбор на себя; он должен предъявлять иск альтернативно; альтернативно выносятся и решение суда. Но если должник и после этого не осуществляет права выбора и приходится приступать к принудительному взысканию, тогда кредитор уже имеет право обратить взыскание на тот или другой предмет по своему выбору. Однако и тогда должнику не поздно использовать свое право: пока кредитором еще ничего не получено, должник может предложить ему другой предмет обязательства.

Если право выбора принадлежит кредитору, а он его не осуществляет, несмотря на напоминание со стороны должника, кре-

зитор должен быть признан просрочившим. Непользование кредитором принадлежащего ему права выбора есть просрочка кредитора (ст. 122 ГК), ибо выбор это — лежащее на обязанности кредитора предварительное действие, без которого должник не может приступить к исполнению обязательства. Должник может в этом случае потребовать от кредитора сделать выбор в определенный срок, который должник ему назначит. Если кредитор в продолжение этого срока не осуществит выбора, право выбора переходит к должнику.

Альтернативность прекращается, если осуществлено право выбора той стороной, которой оно принадлежит, а также невозможностью одного из двух предоставлений, предусмотренных в договоре.

По вопросу о значении выбора предмета при альтернативном обязательстве возможны разные точки зрения. Можно рассматривать выбор как акт, превращающий альтернативное обязательство в простое и вполне определенное. Эту точку зрения можно выразить формулой: в результате выбора долг сосредоточивается на избранном предмете. При этом понимание права выбора является управомоченным о выборе правоотношение.

Другая точка зрения может быть выражена следующим образом: если право выбора принадлежит должнику, то можно считать обязательство и до осуществления выбора окончательно образованным, не подлежащим изменению путем заявления о выборе. Заявление имеет лишь то значение, что обязательно должно исполниться посредством того действия, которое указано в заявлении о выборе. При этой точке зрения одно заявление о выборе еще не прекращает альтернативности; только исполнением обязательства решается вопрос окончательно, одновременно прекращается и обязательство. При этой точке зрения не приходится собственно даже и говорить об особом праве выбора; все сводится к тому, что должнику предоставляется освободиться от обязательства, исполнив одно из указанных в нем действий. Поэтому предпочтительнее первая точка зрения.

Заявление о выборе есть одностороннее волеизъявление, направленные другой стороне и (если оно состоялось надлежащим, действительным образом) не подлежащее отмене. Заявление о выборе может быть сделано в любой форме (следовательно, и молчаливо или посредством конклюдентного действия, например, путем предложения со стороны должника одного из предметов обязательства полностью или в части, и принятия этого предложения со стороны кредитора).

Заявление о выборе должно быть окончательным, не включать в себя ни условия, ни срока.

В. От альтернативного обязательства следует отличать так

называемое альтернативное управомочие (или факультативное обязательство). В этом случае предмет обязательства один, и, следовательно, имеется полная определенность обязательства. Но за должником оставлено право замены предмета исполнения; должник может освободиться от обязательства, совершив, взамен предусмотренного договором, какое-то другое действие. От альтернативного обязательства такое альтернативное управомочие отличается единством предмета и вытекающей отсюда определенностью содержания. От предоставления чего-либо в抵代шение обязательства взамен предмета долга альтернативное управомочие отличается тем, что предоставление вместо платежа предполагает обоюдное согласие сторон, а при альтернативном управомочии должник односторонне может предоставить не то, что составляет предмет (единственный) обязательства, а нечто другое (но также указанное в договоре, а не по произволу должника).

Из этого принципиального различия вытекает ряд производных различий, поскольку при альтернативном управомочии предмет обязательства — единый, не может быть речи о праве выбора, о значении заявления о желании представить такой-то предмет и т. п.; должник освобождается или исполнением первого (основного) действия, или реальным использованием альтернативного управомочия, совершением второго действия, предусмотренного в договоре.

Далее, при альтернативном обязательстве, как указано выше, возникает ряд вопросов, если предоставление одного из предметов обязательства становится невозможным; при альтернативном управомочии этот вопрос значительно упрощается: предмет обязательства — единый, и, следовательно, применяются общие нормы о невозможности; невозможность того действия, которое может быть заменой, не касается существования долга.

§ 15. Договоры возмездные и безвозмездные, односторонние и двусторонние; договоры, порождающие обязательство только после передачи одним контрагентом другому вещи, и договоры, возникающие независимо от этого; договоры главные и придаточные

1. Договоры возмездные и безвозмездные. Возмездный договор можно определить как такой, в котором обе стороны имеют имущественный интерес. Типичными примерами возмездных договоров являются: купля-продажа, менa, имущественный наем и т. д. Здесь каждая сторона, вступая в обязательство, рассчитывает получить нечто от другой стороны. Можно сказать, что каждая сторона принимает на себя обязательство за какое-то имущественное благо. Договоры между

сволашественными организациями, за совершенно единичными вкладочными (например, договор о содействии подшефной организации), являются возмездными. В отношении хозяйственных организаций это вытекает из принципа хозрасчета, предполагающего строгое размежевание средств каждой организации. Но то же положение сохраняет силу и для учреждений, состоящих на государственном или местном бюджете: отдельные организации государственным или местным бюджетом (в широком смысле), не правомочны распорядиться средствами (в широком смысле), не принадлежащими к ее управлению, без всякого возмездия за передаваемые имущественные блага. Социалистическая организация должна или «благотворительно» за счет государства, или на платной основе передавать свои средства другой социалистической организации. Нельзя сказать, что всякий возмездный договор организации — договор двусторонний, т. е. такой, при котором обязательства возлагаются на обе стороны (ниже, п. 2). Например, простейшим возмездным договором является договор займа; у заемщика как обязательным по договору является только заемщик; у залогодателя — право требовать возврата предоставленной суммы, но обязательства на нем нет. Поэтому, нельзя определять возмездный договор как такой договор, который возлагает на каждую сторону обязанность что-то дать или сделать. Правильнее сказать, что возмездный договор такой, в котором каждая из вступающих в договор сторон имеет в виду удовлетворение известного имущественного интереса. Это определение подойдет и к процентному займу: например, Государственный банк, принимая деньги на текущий счет, увеличивает средства, находящиеся в народнохозяйственном обороте, а вкладчик получает некоторую сумму в виде процентов на свои сбережения.

Отсюда можно сделать вывод, что безвозмездным надо признавать договор, заключенный в интересе исключительно одной стороны, следовательно, одна из сторон вступает в обязательство, не имея в виду какой-либо хозяйственной выгоды. Типичным безвозмездным договором является договор дарения; но и этой же категории надо отнести также договор о бесплатном пользовании вещами (ссуды), как, например, договор библиотеки с абонентом, о беспроцентном займе, бесплатном хранении, бесплатном поручении. Дарение выделяется из всех этих сделок тем, что даритель не только не извлекает выгод из договора: договор так или иначе, в большей или меньшей мере, но уменьшает его имущество.

Практическое значение деления договоров на возмездные и безвозмездные заключается главным образом в различии порядка и определения размеров ответственности сторон по договору, самого характера и условий этой ответственности. Ответственность лица, не владеющего из договора никакой имущественной вещью, естественно должна быть менее строгой по

сравнению с ответственностью стороны, заключающей договор в своем интересе. Если кредитор по обязательству передает свое право требования другому лицу возмездно, то по ст. 202 ГК он отвечает за действительность требования или за действительное существование передаваемого права. Если уступка права требования производится безвозмездно, а затем оказывается, что переданное право недействительно, уступивший право, разумеется, нести ответственности за это не будет. Продавец вещи в ряде случаев, при наличии известных условий (ст. 195 и сл. ГК), отвечает перед покупателем, если проданная вещь оказалась ненадлежащего качества. Одаренный не может предъявлять какие-то претензии к дарителю на том основании, что подаренная вещь оказалась с недостатками, и т. д.

Если исключить договор дарения, безвозмездный характер которого не может вызвать сомнений, то надо признать, что разделить другие типы договоров на возмездные и безвозмездные трудно потому, что некоторые договоры заключаются то в качестве возмездных, то безвозмездных (например, поручение, заем, хранение и т. д.). К тому же договор, формально безвозмездный, может принести лицу, не получающему вознаграждения, вполне реальные выгоды, но лежащие за пределами договора. Таким образом, различие договоров возмездных и безвозмездных имеет весьма относительное значение.

2. Договоры односторонние и двусторонние. Всякий договор предполагает волеизъявление двух сторон и в этом смысле всегда является взаимной двусторонней сделкой (можно сказать, что в своем возникновении всякий договор является двусторонним). Будучи всегда двусторонней сделкой, договоры, однако, делятся на односторонние и двусторонние, в зависимости от того, порождаются ли ими обязательства только на одной стороне или на обеих (т. е. в своем действии, по своему эффекту, различаются договоры односторонние и двусторонние).

Односторонним называется договор, на основании которого только одна сторона признается обязанной к тому или иному (положительному или отрицательному) действию в пользу другой стороны, а эта другая сторона получает по договору право требования к первой стороне, не становясь, в свою очередь, обязанной перед первой стороной: обязательство возникает, с одной стороны, так что одна сторона становится по договору кредитором, другая сторона — должником. Так, например, договор займа. По договору займа заемщик обязан вернуть равнозначную полученной сумму денег или других заменимых вещей, а залогодатель получает право требовать от заемщика (в установленный срок или по востребованию) возврата полученной суммы.

Наоборот, двусторонним договором называется такой, по которому обе стороны принимают на себя обязательства относительно друг друга и из которого возникают обязательства на обеих сторонах. Два обязательства, возникающие из двустороннего договора, могут быть одинаково существенными для данного договора и в этом смысле эквивалентными; например, обязательство продавца предоставить покупателю вещь и обязательство покупателя уплатить за купленную вещь цену. Оба обязательства находятся тогда в отношении взаимной зависимости; каждое из них обуславливает собой другое.

В области договоров госорганизаций, к которым применяется фиксирование цен, эквивалентность следует понимать буквально, так как деформирование в условиях социалистического хозяйства обесценивает в максимальной степени эту эквивалентность. Но в договорах между гражданами эквивалентность двух предоставлений по двустороннему договору не означает непременно их объективной равноценности: не требуется, чтобы одно предоставление являлось эквивалентом другого в экономическом смысле; достаточно, чтобы встречное обязательство служило в глазах каждого из контрагентов достаточным основанием для вступления в обязательство. Даже в договорах между социалистическими организациями и гражданами равноценность взаимных предоставлений не является безусловно необходимой (например, определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР по делу № 539 — 1943 г. — Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР за 1943 г., стр. 170). В этом деле народный суд признал, что договор, по которому гражданин Д передал промышленной артели дом, стоящий 900 руб., а артель обязалась поставить для Д трехстенный прируб, на что нужно затратить 2300 руб., — является кабальным для артели. Гражданская коллегия Верховного суда СССР по этому поводу указала: «Неравноценность имущества, передаваемого сторонами друг другу по договору, не является достаточным основанием для признания сделки кабальной. В силу ст. 33 ГК кабальной считается сделка, которую, несмотря на ее явную невыгодность, сторона вынуждена была заключить под влиянием крайней нужды. В данном случае не только нет каких-либо признаков кабальности, но по конкретным условиям дела их и не могло быть».

Но могут быть и такие договоры, из которых хотя и возникают обязательства на обеих сторонах, но так, что одно является основным и непременно возникающим, а другое — второстепенным по своему значению и случайным, возникающим не безусловно, а лишь в зависимости от обстоятельств; например, при договоре о безвозмездном пользовании чужой вещью лицо, получающее чужую вещь в безвозмездное пользование, всегда обя-

зано по окончании срока пользования возвратить вещь и возмещать за ухудшение вещи (выходящее из рамок естественного износа вещи в процессе пользования); что же касается лица, предоставлявшего вещь в пользование, то оно только может оказаться также обязанным перед пользователем (например, в случае производства пользователем подлежащих возмещению затрат на вещь, предоставленную в его пользование, и пр.); обязательство этого лица в одном случае может возникнуть, а в ряде случаев (заключения такого договора) его может и не быть.

Деление договоров на односторонние и двусторонние не тождественно с делением договоров на безвозмездные и возмездные; обе классификации имеют в основе свой критерий различия, и потому не совпадают друг с другом. Например, договор займа может быть и процентным и беспроцентным; в первом случае — это возмездный договор, во втором — безвозмездный; однако в обоих случаях договор займа остается договором односторонним. Для двустороннего договора характерно, что предоставление каждой стороны как бы оплачивает предоставление другой, является платой за него. Если договор, обычно понимаемый в обороте как односторонний, заключается на таких условиях, что каждая сторона обещает действие за известное возмездие от другой стороны, договор приобретает характер двустороннего: так, договор поручительства, по которому поручитель принимает на себя ответственность за долг главного должника за обещанное ему предоставление кредита, — которое является такого рода «мздой» за предоставление поручителя, — превращается в двусторонний договор (процентный заем остается односторонним потому, что и основное обязательство и дополнительное о процентах лежат на одной и той же стороне).

Можно сказать, что не всякий возмездный договор является двусторонним, но всякий двусторонний договор является возмездным. В двустороннем договоре между социалистическими организациями имеют место не только право и обязанность на каждой стороне, но и само право на известное предоставление соединяется с обязанностью принять исполнение. Так, например, в договоре поставки заказчик не только имеет право требовать исполнения, но и обязан это исполнение принять; для обеспечения выполнения народнохозяйственного плана и укрепления имущественного оборота необходимо сотрудничество сторон. Стороны в договоре, относящемся к социалистическому обороту, имеют не антагонистические интересы, а общий конечный интерес — выполнение и перевыполнение народнохозяйственного плана.

Два обязательства, объединенные в двустороннем договоре, являются взаимно связанными и взаимно обуславливаемыми в различных смыслах.

Прежде всего — в отношении возникновения таких обязательств. Поскольку каждое из двух обязательств возникает в отношении другого, недействительность одного приводит к недействительности другого. Так, если обязательство одной стороны невозможно или противозаконно, не получает силы и встречное обязательство.

Второе проявление взаимной связи двух обязательств выражается в том, что хотя каждое из этих обязательств имеет самостоятельное существование, но его нельзя проводить в действие в полном объеме от встречного обязательства. Покупатель не может настаивать на передаче ему проданной вещи, если сам не исполнит своего обязательства уплатить покупную цену. Такое оторванное от взаимного предоставления от другой стороны требование предмета обязательства натолкнется на возмещение того содержания, что истец сам еще не исполнил своего обязательства. Арбитражная практика, применяя заложенную в этом законе мысль, установила, что при досрочной сдаче поставленных товаров организация-покупатель обязана немедленно уплатить только срочную партию (например, при сдаче покупателем в январе и январской и февральской нормы товара покупатель немедленно оплачивает январскую норму, а февральскую — лишь по наступлении срока сдачи этой второй партии товара).

Этот вопрос является производным от вопроса о том, в какой последовательности должны исполняться встречные обязательства, какая из сторон должна исполнять раньше.

На этот вопрос, вообще говоря, может быть несколько ответов. В отношении социалистических организаций последовательность исполнения встречных обязательств предписывается законом, являющимся при этом не диспозитивной нормой, а безусловно обязательной. Поскольку непосредственное кредитование одним органом другого (так называемое коммерческое кредитование) воспрещено законодательством о кредитной реформе, организации — заказчик или покупатель — не только не обязана оплачивать счет до получения товара (или работы), но даже и не имеет на то права (при ингородных расчетах). Расчеты за поставляемую продукцию (или за выполняемую работу) производятся после фактической отгрузки товаров (сдачи работы); так называемые бесплатные счета не должны направляться в банк и не подлежат оплате. Тем самым для поставщика устанавливается безусловная обязанность исполнять обязательство в первую очередь. Этим предостерегается перечисление сумм в целях коммерческого кредитования. Вместе с тем не нарушаются и интересы поставщиков-социалистических предприятий — безусловно надежные должники,

и потому для поставщика, отгружающего товар до получения покупной цены, нет опасности ничего не получить за него.

Очередность исполнения сторон устанавливается иногда законом и для договоров между гражданами или между социалистической организацией и гражданином. Так, ст. 166 ГК устанавливает, что квартирная плата вносится нанимателем ежемесячно и должна быть внесена не позднее десятого числа следующего месяца. Этой нормой, установленной в интересах трудящихся-нанимателей, закон предугадал, что при договоре жилищного найма сначала должен исполнить обязательство наймодатель, а уже затем исполняет свое обязательство (в части вноса квартирной платы) съемщик помещения. Таким образом, специальной нормой закона может быть установлена последовательность, очередность исполнения, может быть указано, какая из сторон должна исполнять первой, какая — второй.

Мыслимо установить очередность исполнения и самим договором: например, Иванов продает свой книжный шкаф Петрову, причем стороны условились, что шкаф передается немедленно, а покупная цена за него должна быть уплачена в течение недельного срока или, наоборот, покупная цена должна быть уплачена немедленно, а шкаф будет передан лишь через десять дней.

Иногда очередность исполнения вытекает из содержания обязательства; например, по договору литературного заказа обязательство автора сдать работу, очевидно, должно быть исполнено раньше, чем обязательство издателя опубликовать эту работу.

Если ни в законе, ни в договоре нет никаких указаний по вопросу о том, какая сторона должна исполнять обязательство первой, а какая исполняет лишь по наступлении исполнения первой стороны, ни та, ни другая сторона не обязана исполнять обязательство первой. Каждая сторона вправе заявить другой стороне требование об исполнении ее обязательства и, при неудовлетворении этого требования, предъявить иск. Но другой стороне нельзя отказать в праве выставить против этого иска возражение, что поскольку первая сторона не исполнила лежащего на ней обязательства и она исполнение задерживает. Это по существу и выражено в ст. 139 ГК: каждая из сторон в двустороннем договоре, т. е. в договоре, по которому обе стороны приняты на себя встречные обязательства, вправе отказывать другой стороне в удовлетворении (другими словами, воздержаться от исполнения), если другая сторона не исполняет лежащего на ней встречного обязательства, если только из закона или из договора не вытекает, что одна из сторон должна исполнить свое обязательство раньше другой.

Поскольку каждый из сторон может таким образом отказаться исполнять обязательство и первую очередь, получается вывод, что оба обязательства должны быть исполнены одновременно,

одно вместе с другим. Такое одновременное исполнение взаимных обязательств не при всех видах обязательств одинаково удобно.

Так, прежде всего, важен место исполнения. Если оба взаимных обязательства имеют одно и то же место исполнения, исполнение нормы (ст. 139 ГК) не представляет само по себе трудностей (например, продавец обязан передать проданную вещь в место жительства, т. е. на квартире, покупателя, и там же покупатель обязан заплатить покупную цену).

Но дело осложняется, если одна из взаимных обязанностей должна быть исполнена в одном месте, а другая — в другом. Во многих случаях одновременное исполнение таких обязательств физически невозможно, и одной из сторон волею-неволею приходится кредитовать другую, приступая к исполнению в первую очередь с тем, чтобы другая сторона исполнила свое обязательство.

В отношении граждан из нормы ст. 139 ГК вытекает, что если исполнитель в добровольном порядке не поступает и одной из сторон приходится предъявлять иск, то для успеха этого иска эта сторона должна быть в состоянии готовности исполнить свое встречное обязательство. Таким образом, если другая сторона сохнет против иска на свое право воздержаться от исполнения до того, как первая сторона (истец) исполнит свое обязательство, истец может немедленно занять о готовности исполнить одновременно с встречным исполнением.

Если обязательство предполагает не однократное действие данной стороны, а совершение периодических действий, то предоставление другой стороне эквивалента за одно из периодических действий контрагента дает этому последнему основание поддерживать дальнейшие очередные действия. Даже в отношении социалистических предприятий такое право контрагента признано постановлением Совета Труда и Оборона от 16 июня 1931 г. (СЗ СССР 1931 г. № 40, ст. 282). Согласно этому постановлению, в случае просрочки покупателя в оплате сданного товара, поставщик вправе приостановить отгрузку товара до оплаты покупателем своей задолженности. Постановление 16 июня 1931 г. дает поставщику право соответственно уменьшить количество поставки, другими словами, в соответствующей части отказать от своего обязательства¹. Это правило детализировано в «Основных условиях» поставки ряда продуктов 1950 г.

Недостаточно, если сторона, не исполнившая своего обязательства и требующая исполнения от другой стороны, представляет обеспечение своего обязательства: смысл изложенного в том, что при отсутствии специального указания в акте или до-

¹ См. п. 4 ст. 139 «Приручка должника».

говоре нет основания заставлять одну сторону кредитовать другую.

Принципиально дело не меняется и тогда, когда контрагент, предъявляющий требование, хотя и исполнил свое обязательство, но исполнил его ненадлежащим образом. Однако здесь нельзя шаблонизировать: если «ненадлежащий» характер исполнения выражается в пустяковых недочетах или незначительных и легко устранимых недостатках исполнения, то было бы чрезмерно формально, если бы стороне предоставили из-за этого задерживать свое исполнение. Самое большее, что можно в этих случаях признать, это — право требовать обеспечения, что недочетки и недостатки будут устранены¹.

3. Договоры, порождающие обязательства только после передачи одним контрагентом другому вещи, и договоры, возникающие независимо от этого. В ряде случаев содержание обязательства, возникающего из договора, сводится к праву кредитора требовать возврата тех или иных вещей. Таково, например, обязательство из договора займа (заемщик обязуется возвратить займодатцу полученную сумму денег или равно взятому займы количество вещей того же рода и качества — ст. 208 ГК); таково обязательство из договора хранения (взявший вещь на хранение обязан по окончании срока хранения вернуть ту вещь, которая была на хранении) и т. д. Так как обязанность «вернуть» предполагает предварительное получение, то в названных случаях обязательство из договора возникает не с момента, когда достигнуто соглашение сторон (в необходимых случаях — в требуемой законом форме), а лишь после передачи вещи (или вещей) от одной стороны к другой. Такие договоры нередко обозначают термином «реальный договор». Это название нельзя признать удачным потому, что оно толкает на бессмысленный вывод, будто другие договоры (не принадлежащие к данной категории) являются «нереальными». Правильнее поэтому говорить о договорах, для действительности которых требуется, наряду с соглашением сторон (без которого договора не может быть), еще передача вещи, и таких договорах, которые предварительной передачи вещи не предполагают, а возникают с момента соглашения сторон, — неформального или формального (в зависимости от требования закона, как, например, договор поставки, или от воли сторон).

4. Договоры главные и придаточные. В некоторых случаях договор является дополнением, придатком к другому договору, являющемуся основным, или главным. Такое дополнительное (придаточное) соглашение может быть включено в глав-

¹ См. ч. II извещаящей работы.

ной договор, без выделения в отдельный акт. Наиболее распространенным и важным случай такого дополнительного соглашения, включаемого в основной договор, имеет место в области покупки товаров социалистическими предприятиями на основании постановления СНК СССР от 19 декабря 1933 г. о заключении договоров на 1934 год (СЗ СССР 1933 г. № 73, ст. 445); в хозяйственных договорах, заключаемых социалистическими предприятиями, должны включаться соглашения о неустойке.

В других случаях дополнительное соглашение облекается в отдельный, придаточный договор. Например, заключается договор имущественного найма (снимается на летний сезон дача). Этот договор имеет самостоятельное юридическое значение; он не зависит ни от какого другого договора. Но к этому договору присоединено соглашение о неустойке. Это соглашение в отрыве от основного договора (в данном примере найма) не имеет смысла. Такой договор называется придаточным, или дополнительным. Его судьба тесно связана с главным договором; при недействительности главного договора отпадает и придаточный. Придаточный договор может возникнуть одновременно с главным, может возникнуть позже главного договора. Не исключена возможность установления придаточного договора даже раньше главного, но при условии, если этот главный договор будет действительно заключен. В Гражданском кодексе природа придаточного договора выявлена на договоре поручительства (ст. ст. 237, 249 и др.).

§ 16. Договоры в пользу третьего лица

Возможно заключение договора, в котором одна сторона договаривается от другой стороны представителем в пользу какого-то третьего лица, представителем которого эта сторона не является, причем третье лицо и само никак не участвует в заключении данного договора. Например, по договору страхования, согласно ст. 367 ГК, лицо, страхуя от огня свое имущество, договаривается, что Госстрах, в случае гибели имущества от огня, обязуется уплатить страховую сумму или самому застрахованному имуществу (технически именуемому «страхователем») или какому-то третьему лицу. При страховании жизни страховая сумма уплачивается в случае смерти страхователя, и потому право требовать эту сумму предоставляется третьему лицу.

Таким образом, договор в пользу третьего лица можно определить как договор, заключенный между двумя сторонами, но которому право требовать исполнения обязательства имеет не одна из сторон, так и указанное в договоре третье лицо (по отношению к которому кредитор не является представителем). Дру-

гой пример: лицо делает вклад в сберегательную кассу с тем, что в случае его смерти вклад должен быть выдан третьему лицу (так называемое завещание вклада).

По ст. 436 ГК вкладчикам, вносящим вклады (денежные или в ценных бумагах) в государственные трудовые сберегательные кассы (а также денежные вклады на срок до востребования или на простой текущий счет в Государственный банк СССР или в Банк для внешней торговли СССР), предоставляется право указывать лицо или лиц, которым этот вклад должен быть выдан в случае смерти вкладчика. Что в данном случае имеет место именно договор (между вкладчиком и сберкассой) в пользу третьего лица (которому должен быть выдан вклад), а не завещание (как это обозначается в лицевом счете вкладчика — «завещательное распоряжение»), видно из прямого указания той же ст. 436 ГК: во второй части этой статьи прямо указано, что такие вклады не входят в состав наследства, и правила главы Гражданского кодекса «Наследственное право» на них не распространяются¹. По той же причине вкладчик вправе, согласно ст. 436 ГК, сделать свое распоряжение в пользу любого лица, независимо от того, принадлежит ли это лицо к числу наследников вкладчика или нет. Надо попутно заметить, что изложенное правило ст. 436 ГК ни в коем случае не допускает распространительного толкования: всякие другие договоры о распоряжении имуществом на случай смерти являются недопустимыми, так как они оказались бы в противоречии со ст. ст. 416, 418, 422 ГК.

Другие наиболее частые примеры договоров в пользу третьего лица: договоры морской перевозки с предоставлением права требования грузополучателям, банковские операции по безналичным расчетам и др.

Стороны, заключающие договор, имеют иной раз и виду, не предоставляя третьему лицу права самостоятельного требования к должнику, только предоставить должнику право произвести исполнение обязательства третьему лицу.

Такого рода договоры принято называть «договорами об исполнении третьему лицу».

Только в тех случаях, когда договаривающиеся стороны имеют в виду предоставить третьему лицу право самостоятельного требования к должнику, договоры называются «договорами в пользу третьего лица».

Пленум Верховного суда СССР (15 марта 1934 г.) разъяснил, что, в частности, нельзя рассматривать в качестве договора в пользу третьего лица банковский перевод денежных сумм. В этом случае обязанность банка оплатить перевод возникает из

¹ В. И. Серебровский. Договор страхования жизни в пользу третьего лица. Ученые труды ВКДН, 1947, IX.

договора поручения (ст. 251 ГК) между перевододателем и банком или между данным банком и другим банком, давшим платежное поручение. Лицо, на имя которого сделан перевод, не приобретает права требовать платежа от кредитного учреждения. Переводимая сумма до выдачи получателю принадлежит отправителю перевода, который может перевод отозвать, переопределить перевод, который может перевод отозвать, переопределить, вообще распорядиться переводимой суммой как собственником. Иначе складываются правоотношения, если перевод производится в форме так называемого переводного билета и банк акцептует переводный билет, т. е. принимает его к платежу; это рассматривается как юридический платеж. С момента акцепта отправитель перевода тогда теряет право распоряжаться переводимой суммой, а переводополучатель приобретает право непосредственного требования к банку-плательщику¹.

Примером договора между гражданами об исполнении третьему лицу может служить следующее соглашение. Заключен договор купли-продажи, причем условлено, что покупатель может оплатить покупную цену не только продавцу (или даже не продавцу), но и третьему лицу X, за которым признается только право на получение платежа, но не право требовать платежа.

Из приведенных выше примеров можно видеть и социально-экономическое значение договоров в пользу третьего лица. В основном случае применения этой правовой фигуры — при договоре страхования — перед страхователем благодаря этой новой форме открывается возможность направить предстоящее страховое вознаграждение непосредственно в пользу желательных для страхователя лиц; таким образом, договор в пользу третьего лица расширяет для страхователя пределы возможного

В некоторых других случаях договор в пользу третьего лица представляет собой средство, в известной мере заменяющее представительство (разумеется, существенно отличаясь от него по своей юридической природе). Наконец, в одном случае договор в пользу третьего лица имеет в виду достижение цели, близкой к завещанию (вклад в сберкассу с указанием лица, которому он должен быть выдан в случае смерти вкладчика).

Советское право не содержит ограничений возможности применения договора в пользу третьего лица как каким-либо определенными категориями случаев². Статья 140 ГК содержит общую норму: по договору, заключенному в пользу третьего лица, полномочия обязательства могут требовать, если иное не устано-

¹ Сборник действующих постановлений Пленума Верховного суда СССР 1934—1944 г., изд. 1946, стр. 164.

² Советскому праву известны даже случаи обязательного заключения договора в пользу третьего лица, напр., ст. 164 ГК: паниматель государственного или кооперативного имущества обязан его страховать в пользу наследника.

влено договором, как сторона, возложившая обязательство на должника (т. е. кредитор), так и третье лицо, в пользу которого договор заключен. В том, чтобы должник исполнил обязательство в пользу третьего лица, может быть заинтересован косвенно и кредитор (например, полученное третьим лицом предоставление отразится на каких-то других взаимоотношениях между кредитором и третьим лицом). Вообще кредитор всегда имеет в этих случаях какой-то интерес в том, чтобы предоставление третьему лицу было сделано: без всякого основания и смысла вступать в договоры не вступает. Но материальная заинтересованность кредитора не является необходимой. Требуется только серьезное намерение установить обязательство в пользу третьего лица.

В договорах в пользу третьих лиц обращает на себя внимание то обстоятельство, что третье лицо, не участвовавшее в договоре ни лично, ни через представителя (кредитор заключает договор от собственного имени), приобретает самостоятельное право по договору. Закон не требует специального выражения воли третьего лица о присоединении к заключенному договору и т. п.; из этого следует, что третье лицо уже с момента заключения сторонами договора получает непосредственно из договора право требовать исполнения. Вместе с тем, третье лицо не обязано принимать выговоренное для него право; третье лицо может этим правом воспользоваться, может и отказаться от него. Следовательно, до выражения воли третьим лицом отношение не завершилось. Выражение третьим лицом намерения воспользоваться правом, предоставленным ему по договору, имеет существенное юридическое значение. Дело в том, что до того, как третье лицо выразило свое согласие воспользоваться выговоренным в его пользу правом, кредитор имеет право отменить договор или внести в него изменения, затрагивающие право третьего лица. За третьим лицом право закрепляется окончательно лишь с того времени, когда третье лицо выразило должнику намерение воспользоваться предоставленным ему по договору правом. До этого кредитор и должник вправе без согласия третьего лица отменить договор или внести в него изменения, затрагивающие право третьего лица. Но если за кредитором сохраняется право изменения и отмены договора до выражения третьим лицом намерения воспользоваться предоставленным ему по договору правом, то само право третьего лица возникает непосредственно из самого договора; как только лицо обязалось перед кредитором, третье лицо может самостоятельно предъявлять иск к должнику, а наряду с ним такое же право имеет и сам кредитор (в этом случае кредитор предъявляет требование об исполнении в пользу третьего лица).

Если третье лицо отказывается принять предоставленное ему по договору право, то, конечно, договор в отношении третьего

лица силы не получает. Возникает вопрос, сохраняет ли тогда договор значение в отношении заключивших его сторон, если в договоре нет никаких прямых указаний на случай отказа третьего лица. При ответе на этот вопрос нужно исходить из того, что отношение, существующее между кредитором по договору и третьим лицом, не имеет влияния на действительность договора. Оно лишь объясняет, почему именно договор заключается в пользу третьего лица; должника по договору оно не касается, а пользу третьего лица; должника по договору оно не касается, даже если сообщено ему. Получается, что интерес кредитора, заключающего договор в пользу третьего лица, есть обстоятельство внешнее, которое не служит показателем того или иного намерения сторон и договоре. Побудительная причина заключения договора в пользу третьего лица может быть различная: она может заключаться в существовавшем ранее обязательстве кредитора по данному договору в отношении третьего лица; кредитор может иметь желание совершить дарение третьему лицу; может быть, имеется в виду какое-то будущее отношение между кредитором и третьим лицом, и т. д. Поскольку должника не касается отношение между кредитором и третьим лицом, послужившее побудительной причиной для заключения договора в пользу третьего лица, придется сделать тот вывод, что по общему правилу обязательство в силу отказа третьего лица не должно прекращаться, но что право из договора может быть тогда осуществлено кредитором в свою пользу. Так и решает вопрос в виде общего правила ст. 140 ГК. Но, разумеется, могут быть такие случаи, когда по характеру договора можно заключить, что намерение сторон было иное, например, при продаже дома выговаривается право пользования третьим лицом одной комнатой; при нежелании третьего лица воспользоваться этим правом кредитор (продавец) не получает права на эту комнату, а просто отпадает ограничение, установленное для покупателя. Наконец, в некоторых случаях по смыслу договора контрагент вообще никогда не может сам воспользоваться правом из договора; например, при договоре страхования жизни. Поэтому ст. 140 ГК, устанавливающая (на случай отказа третьего лица от выговоренного в его пользу права) право стороны, выговорившей это право, самой воспользоваться им (для себя, в отличие от предоставленного этой стороне права по ст. 140 ГК), добавляет оговорку: «если только это не противоречит смыслу договора».

Со времени выражения согласия третьим лицом, это лицо окончательно приобретает самостоятельное право на предоставленную по договору выгоду, и против его воли отнять у него эту выгоду нельзя. Тем не менее, это право третьего лица имеет производный характер: оно приобретается третьим лицом в том виде, в каком это право возникло из договора, заключенного стороной, которая выговорила право в пользу третьего лица. По-

этому все те возражения, какие вытекают из договора против контрагента, должник вправе противопоставить и третьему лицу. Например, в отношении кредитора должник может сослаться на существенное заблуждение или (при двустороннем договоре) имеет возражение, что кредитор сам не исполнил еще обязательства и т. д.; все эти возражения должник может противопоставить и иску третьего лица. Разумеется, если против кредитора должник имеет возражение, вытекающее не из данного договора, а из какого-то другого отношения, в котором третье лицо не прямо, ни косвенно не участвовало, такое возражение против третьего лица недопустимо (например, возражение о зачете).

Изложенные постановления Гражданского кодекса имеют диспозитивный характер, и, следовательно, стороны могут своим договором видоизменить характер складывающихся в этом случае отношений, ввиду специфических особенностей отдельных случаев. Стороны могут выразить волю о том, чтобы право третьего лица на принятие выговоренного ему предоставления было поставлено в зависимость от прямо адресованного ему предложения и чтобы за сторонами было сохранено право изменить вплоть до этого момента личность выгодоприобретателя. Например, при страховании жизни выгодоприобретателю иногда сообщают о заключенном в его пользу договоре только после смерти застрахованного; до этого вполне закономерно изменение выгодоприобретателя (третьего лица). Как общее правило, исполнения по договору могут требовать и третье лицо, и кредитор, заключавший договор, но в отдельных случаях последний может и не иметь такого права; право третьего лица может возникать безусловно, а может быть обусловлено и наступлением какого-нибудь обстоятельства и т. д.

Следует отметить, что в буржуазном праве, в соответствии со всем характером эксплуататорского права, и эта правовая форма служит классовым целям капиталистов. Договор в пользу третьего лица позволяет капиталисту в нужных случаях прикрывать подлинного хозяина дела и под внешней оболочкой этого договора проводить всякого рода спекулятивные и хищнические махинации.

§ 17. Предварительный договор

1. Заключению договора может предшествовать так называемый предварительный договор, т. е. такой договор, по которому или обе стороны или одна из них принимают на себя обязательство заключить в будущем определенный договор.

Таким образом, термин «предварительный» в данном случае не обозначает неокончателности выражения воли сторон (как это слово употребляется, например, в выражении «предваритель-

ние переговоров), а только указывает на то, что за состоявшимся договором должен последовать другой окончательный договор. Следовательно, в этих случаях нужно различать два договора между сторонами. Один — уже заключенный; он устанавливает обязательство заключить в будущем другой, главный договор, которым стороны имеют в виду установить основное правоотношение; договор, который должен привести к достижению хозяйственной цели, ради которой завязываются юридические отношения; первым так называемым предварительным договором является только первый шаг в направлении этой цели. Другой — предстоящий в будущем основной договор, который, по существу стороны и имеют в виду.

Такое расчленение процесса установления договорных связей может быть вызвано разными обстоятельствами.

При договорах, предполагающих фактическую передачу вещей, немедленное заключение окончательного договора может оказаться невозможным, ввиду неимения в данный момент вещей, которые должны быть переданы; например, залогодатель не располагает в данный момент необходимой денежной суммой и рассчитывает ее иметь только через некоторый промежуток времени; для залогодателя важно как-то оформить и закрепить согласие залогодателя на предоставление займа просимой суммы. Так называемый предварительный договор и должен в этом случае служить средством для достижения этой цели.

При договорах, не предполагающих немедленной фактической передачи вещей, например, при купле-продаже, менее взгляда надобность в подобном рода предварительном договоре: достигнув соглашения по существенным элементам договора, стороны, казалось бы, могут всегда заключить сразу основной договор, а если они не желают, чтобы правовые последствия возникли немедленно, — в их распоряжении условия и сроки. Вызвалось даже сомнение в принципиальной возможности расчленить в этом случае «предварительный» и «основной» договоры: поскольку стороны установили существенные элементы того окончательного договора, который они имеют в виду, то предварительный договор, полагают некоторые, неминуемо сольется у них с основным. Нужно, однако, сказать, что то обстоятельство, что данный договор не предполагает передачу (в момент заключения) вещей, само по себе не служит препятствием для заключения предварительного договора. Быть может стороны имеют в виду в данный момент установить одностороннее обязательство (например, только для продавца) тем фактом, что они выражали волю заключить договор с двусторонним обязательством только в будущем, они наглядно показывают, что у них нет воли совершить в тот момент договора в настоящем. А между тем они хотели заключить договор; заключаемый ими договор и на-

стоящем при этих условиях и приобретает характер предварительного договора. В этом нет какого-либо внутреннего противоречия, ибо предварительный и основной договоры направлены не на одно и то же, они различаются по содержанию: предварительный договор направлен на заключение основного договора; главный договор направлен непосредственно на само предоставление.

Заключения предварительного договора перед договором, не требующим передачи (при его заключении) вещей, по общему правилу, можно избежать с помощью хотя бы включения в договор срока. Но стороны могут предпочесть заключение предварительного договора, например, потому, что в этом случае достаточно определить лишь самое основное содержание предстоящего договора, отложив установление более второстепенных пунктов договора на будущее время.

Отдельные детали, второстепенные моменты договора могут быть определены непосредственно в главном договоре. Возможно даже, что предварительным договором будет предоставлено в определенных пределах одному из контрагентов право односторонне установить при заключении главного договора то или иное условие. Можно прибегнуть к предварительному договору, например, при продаже строения наследником до оформления документов о праве наследования и т. п.

2. Понятие «предварительного договора» упоминается в Гражданском кодексе дважды, хотя в практике такой договор представляет собой крайне редкое явление. В ст. ст. 182-а, 182-б, 182-в ГК идет речь о предварительном договоре на заключение в будущем сделки купли-продажи строения (запродажная запись). В ст. ст. 218—219 ГК предусматривается предварительный договор дать другому займы. Эти статьи могли иметь какое-то значение при их введении (в отношении ипманов, желавших обезпечить себя кредитом в будущем), но в настоящее время, хотя ст. ст. 218—219 ГК не отменены и потому формально сохраняют силу, они фактически утратили в отношении граждан жизненное значение.

В области отношений между социалистическими организациями эта форма договорных связей применялась иногда в промысловой кооперации в отношениях между промысловым союзом и артелью.

Что касается запродажной записи, то ст. 182-а ГК, во-первых, требует нотариального удостоверения записи и, во-вторых, ограничивает ее действие шестимесячным сроком: поскольку это — предварительный договор, он должен или привести к заключению окончательного договора или утратить силу. Ст. 182-а при этом прямо говорит о предъявлении одной стороной иска к другой стороне о совершении купли-продажи. Гражданский кодекс ограничивает в этом случае предварительный и окончательный до-

товор и даже предусматривает средство добиться реального исполнения такого предварительного договора: если сторона, участвовавшая в продажной записи, уклоняется от совершения договора купли-продажи строения, то последствия этого нарушения предварительного договора могут быть двойные. Ст. 182-б возлагает на суд обязанность принять во внимание специальные условия продажной записи и в зависимости от этих обстоятельств признать предварительный договор расторгнутым с возложением на уклонившуюся от договора сторону возмещения убытков, или же, наоборот, признать договор купли-продажи совершенным и применить к такому случаю последствия нарушения заключенного договора купли-продажи (ст. ст. 189, 190 ГК).

3. Таким образом, предварительный договор по советскому праву есть своеобразная разновидность договоров. Необходимые признаки договора здесь налично: предварительный договор заключается только при наличии выраженной воли той и другой стороны. Содержание договора и здесь, как и в других случаях, стороны определяют своим соглашением в пределах дозволенного положительным правом. Но предварительный договор не есть дублирование основного договора, потому что с каждым из них связаны свои последствия: основной договор порождает те последствия, какие ему вообще присущи (с теми модификациями, какие стороны придадут договору, внося в него специальные условия); что же касается предварительного договора, то из него вытекает лишь обязательство заключить в будущем договор, который стороны имели в виду, заключая предварительный договор.

Это различие, между прочим, было формулировано в советской арбитражной практике еще в 1925 году: «Предварительное соглашение отличается от законченного договора тем, что неисполнение предварительного соглашения обязывает виновную в том сторону возместить ущерб, понесенный стороной от незаключения впоследствии основного договора, в то время как неисполнение основного договора влечет ответственность за убытки, последовавшие от этого невыполнения» (решение ВАРКОСО РСФСР I(V) 1925 г. № 56).

Вместе с тем, более новая арбитражная практика стоит на той точке зрения, что нашему законодательству не свойствен общий принцип допустимости предварительных договоров, но что такие предварительные договоры могут иметь юридическую силу лишь в случаях, прямо предусмотренных в законе¹.

Практического значения этот вопрос не имеет: даже те предварительные договоры, которые прямо предусмотрены в законе, не имеют большого распространения на практике.

4. С предварительными договорами в указанном смысле не имеют ничего общего некоторые другие формы договорных связей, сложившиеся в советской хозяйственной жизни, например, система генеральных и локальных договоров (§ 20). Генеральный договор заключается между центрами хозяйственных систем и предусматривает обязанность заключения на его основе договоров локальных (местных) между нижестоящими звеньями этих систем. Таким образом, в то время как предварительный договор устанавливает обязательство заключения нового окончательного договора между теми же сторонами, генеральный договор предполагает заключение новых договоров другими организациями. Кроме того, неправильно было бы характеризовать генеральный договор как предварительный, в отношении которого локальный договор является окончательным. Генеральный договор имеет свое законченное содержание и законченное значение. Это значение по преимуществу организующее: с помощью генерального договора организуют договорные связи на местах. Но наряду с этим, в генеральном договоре есть свое конкретное содержание: распределение годовых количеств поставляемых товаров между нижестоящими организациями и т. п.; иногда в генеральных договорах проводилось систематическое регулирование количеств и ассортимента товаров, поставляемых по локальным договорам, гарантия оплаты счетов местными организациями. Вследствие этого по генеральному договору возможно предъявление иска не только о заключении локальных, но также о конкретных действиях по исполнению генерального договора, (хотя он и не является товарной сделкой).

Таким образом, хотя местные организации обязаны на основе генерального договора заключать локальные, но это обязательство основывается на внутрисистемном подчинении одной организации другой.

Нет места для применения категории «предварительного договора» и в той структуре отношений, которую мы имеем в области капитального строительства. Если данное строительство рассчитано не на один год, то заключается генеральный договор строительного подряда на весь объем работ в целом и, наряду с ним, годовые договоры на те работы, которые подлежат исполнению в течение каждого данного года. Такая структура договорных отношений объясняется тем, что и само планирование и финансирование строительства ведется именно по этой системе: в титульных списках предусматривается вся работа по данному объекту в целом, указывается сметная стоимость всей работы и параллельно с этим предусматриваются сметные ассигнования на это строительство по годам. Генеральный договор на капитальное строительство и годовые подрядные договоры нужно рассматривать как единое целое. Генеральный договор по те-

¹ «Арбитраж», 1936, № 17/18, стр. 34.

договором представляет сумму всех годовых договоров, заключаемых на данное строительство. В этом его внутреннее отличие от предварительного договора. С внешней стороны различие скажется, между прочим, в том, что генеральный договор и договор на первый год строительства заключаются обычно одновременно.

§ 18. Заключение договора

1. Договор считается заключенным в том случае, если между сторонами состоялось соглашение по всем существенным его пунктам (условиям), а также по тем пунктам (условиям), относительно которых по предварительному заявлению хотя бы одной из сторон должно быть достигнуто соглашение (ст. 130 ГК).

В содержании договора вообще можно различать составные части трехкого рода: 1) такие, наличие которых является для данного рода договоров необходимым в том смысле, что при отсутствии соглашения сторон в отношении этих пунктов договор не может считаться состоявшимся (существенные, или необходимые части); 2) такие части, которые обычно встречаются в определенных договорах, вследствие чего эти пункты предусматриваются диспозитивными нормами, обычаями или предостережениями в определенных договорах, вследствие чего в диспозитивной норме). Если стороны желают придать своему договору в этой части иное содержание, им предоставляется исключить из договора соответствующее указание, и тогда диспозитивная норма не получит применения; 3) случайные пункты, т. е. такие, которые не являются ни необходимыми, ни обычными частями договора и входят в его содержание лишь тогда, когда того пожелают стороны (например, условия в техническом смысле слова).

Статья 130 ГК относит к числу существенных пунктов (условий) договора, во-первых, объективно существенные пункты, т. е. такие, которые имеют существенное значение для договоров данного вида, и, во-вторых, такие пункты, которые являются существенными в глазах данного лица, выдвигающего необходимость соглашения по поводу них, так сказать, субъективно существенные пункты, т. е. такие, при отсутствии которых данное лицо не делает заключения договора, о котором идет речь.

Статья 130 ГК называет в качестве объективно существенных пунктов договора — предмет, цену, срок. Этот перечень существенных в силу закона пунктов договора не имеет такого значения, что все эти пункты (предмет, цена, срок) непременно

должны быть в каждом договоре. Например, договор имущественного найма, не содержащий в себе срока, не считается действительным; то же самое нужно сказать в отношении цены при заключении договора поручения, поскольку этот договор может быть и возмездным и безвозмездным, и т. д. В полном смысле существенной и необходимой частью договора можно признать только предмет договора. Но и то, при заключении договора на поставку фондированной продукции, когда предприятие-потребитель получает фонд на определенную продукцию в определенном количестве, а предприятие-поставщик получает соответствующий наряд, сторонам, заключающим договор, не приходится договариваться об этом пункте договора, авиду определения его в плановом порядке.

2. Предложение договора (так называемая оферта). Взаимное согласие сторон, без которого не может быть договора, достигается путем предложения заключить договор (оферты), исходящего от одной стороны, и принятия этого предложения другой стороной.

Однако не всякое инициативное, первое по времени, заявление относительно заключения договора называется предложением договора в техническом смысле, или так называемой офертой. Инициатива заключения договора может проявиться в двух основных разновидностях, весьма различных по характеру и значению.

Именно, иногда лицо своим заявлением имеет в виду только завязать переговоры (предварительные), информировать об условиях, на которых оно желало бы заключить договор, либо вызвать предложение от другой стороны, но не выражает еще окончательного намерения вступить в договор на определенных условиях.

В других же случаях по смыслу заявления инициатора, по обстановке, при которой оно сделано, можно видеть, что предлагающий составил окончательное решение вступить в договор и что предложение делается с готовностью считать себя связанным действием предлагаемого договора, если другая сторона примет данное предложение. Только в случаях второй группы может идти речь о предложении договора в точном смысле слова. Если лицо, предлагающее договор, например, оставляет за собой право окончательно выразить свое решение в дальнейшем впредь до изъяснения воли другою стороною, такое инициативное заявление признать предложением нельзя.

Необходимо, однако, иметь в виду, что если предложение в техническом смысле предполагает, что оно делается настолько решительно, что принятие этого предложения может без дополнительных переговоров привести к заключению договора, то такая окончательность предложения является, хотя и необходимым, но

не единственным признаком предложения, или оферты. Из того, что принятие предложения должно привести к заключению договора, следует, что предложение по своему содержанию должно представлять существенные части намечаемого договора.

Этот второй признак предложения следует понимать в соответствии с обстоятельствами каждого дела, с установившимися обычными воззрениями деловой жизни. Если какой-либо момент является безусловно существенным для данного договора, то это еще не значит, что отсутствие этого момента в предложении заключить договор всегда и безусловно сделает предложение как бы незаконченным. Так, например, для договоров поставки и купли-продажи цена, конечно, является существенным элементом, но ввиду государственного нормирования цен включение цены в предложение договора, с точки зрения советского права, надо признать не обязательным, а нередко его можно признать даже излишним. В некоторых случаях, когда договор заключается между лицами, уже состоявшими ранее в договорных отношениях, эти предыдущие отношения дают ключ для установления и для нового договора содержания некоторых существенных условий договора, которые оказались не упомянутыми в предложении. В плановых договорах между социалистическими предприятиями предмет договора может быть определен посредством ссылки на имеющийся фонд, без точного обозначения. При заключении договора между гражданами отсутствие в предложении существенного для данного договора пункта может быть восполнено установившейся деловой практикой; например, при обращении к посылщику с просьбой донести вещи или при других договорах об оказании мелких услуг размер вознаграждения за эти услуги может быть определен в соответствии с тем, как он установился в практике подобного рода отношений.

Предложение должно быть обращено к другой стороне в заключаемом договоре. Этот момент «адресованности» к другой стороне, требование, чтобы предложение делалось другой стороне, не является надуманным признаком, а диктуется самой жизнью. В договорных отношениях между социалистическими организациями вообще трудно встретить случаи, когда заявление о готовности заключить договор делается третьему лицу. В отношениях между гражданами бывает, что А. в разговоре с Б. (не являющимся представителем В.) заявляет, что он, А., готов продать В. такую-то вещь за такую-то цену. Странно было бы такое заявление признавать предложением в техническом смысле. Весь смысл договора, все его хозяйственное назначение делает естественным, чтобы предложение было обращено к другой стороне (хотя бы через представителя).

Но этого не следует, чтобы этой другой стороной, к которой обращалось предложение, была всегда точно определенное

лицо. Разумеется, если индивидуальные особенности стороны имеют по характеру договора существенное значение, предложение делается именно точно определенному лицу. Так бывает в большинстве случаев заключения договоров; однако определенность стороны, к которой направляется предложение, не является безусловно необходимой. Нельзя отрицать, что во многих текущих договорах индивидуальные особенности сторон не имеют существенного значения. В этих случаях нет достаточных оснований не признавать предложений, обращаемых к «неопределенному лицу», т. е. таких, при которых в момент предложения личность другой стороны еще не определялась. Необходимо оговориться, что допустимость такого рода предложений к неопределенному лицу (иногда употребляют выражение «публичные оферты») не является общепризнанной. При этом иногда не проводится различия понятий «предложение к неопределенному лицу» и «договор с неопределенным лицом», а между тем, эти понятия не покрывают одно другого. Лишь в единичных, исключительных случаях договор заключается так, что личность контрагента в момент заключения договора неизвестна; например, в морском праве практикуется договор морского страхования «за счет кого следовать будет» (Кодекс торгового мореплавания, ст. 197), так что лицо, по внешности являющееся страхователем, в действительности является третьим лицом, а личность подающего кредитора неизвестна. Но по общему правилу даже при так называемом публичном предложении к моменту заключения договора личность второй стороны выясняется, и договор заключается, следовательно, с определенным лицом.

Поэтому предложения заключить договор (оферты), обращаемые к неопределенному лицу, следует признавать допустимыми. Если закусовая-автомат выставляет аппарат, из которого всякий опускающий определенную денежную сумму получает бутерброд, или если в окне магазина выставляется товар с обозначением цены, то здесь предложение обращается к совершенно неопределенной массе лиц. Это обстоятельство не может не плечь за собой известных юридических особенностей; так, запас предметов в автомате рано или поздно будет исчерпан, и лицо, которое опустит требуемую монету после этого, не получит желаемого предмета; было бы нелепо, если бы за этим лицом признали как-либо претензии из неисполнения заключенного с ним договора (опущенная монета автоматически возвращается, а если этого не последовало, должна быть возвращена).

Подобно тому, как среди обращений к точно определенному лицу приходится различать предложения договора в техническом смысле и простое приглашение вступить в переговоры о договоре, так и при обращении к неопределенной массе лиц различаются оферты и простые информации, либо приглашения завязать пе-

переговоры. Таким образом, не всякое публичное обращение является предложением в техническом смысле слова. Оно может иметь значение простого вызова делать предложения, и тогда предложением считается то заявление, которое делает откликнувшийся на публичное обращение.

В каких случаях имеет место так называемая публичная оферта, а в каких — только приглашение делать оферты, может быть указано самим законом или административной нормой. Например, согласно ст. 2 «Правил устройства и содержания оконных витрин в магазинах» (приложение № 2 к приказу Министерства торговли СССР № 167 от 16 мая 1946 г.) в витринах должны выставляться товары, только имеющиеся в продаже. Правда, названными правилами не признается (как это было раньше, согласно постановлению Народного Комиссариата внутренней торговли СССР № 15 от 13 мая 1935 г.) за покупателем право требовать (при отсутствии в магазине соответствующего товара) продажи ему того экземпляра, который помещен в витрине. Однако по смыслу изложенной ст. 2 Правил все же необходимо сделать вывод, что помещение товара в витрине рассматривается как оферта; напротив, рассылка прейскурантов, тарифов и т. п. не признается за оферту, а есть простое оповещение и приглашение вступить в деловые переговоры. Тот же вопрос может быть решен толкованием на основе всех обстоятельств каждого конкретного случая; так, например, находление на стоянке свободного такси есть предложение, обращенное к каждому желающему из публики, и если кто-либо садится в такую машину, водитель не вправе отказать везти; наоборот, лица, становящиеся в том же месте в очередь в ожидании такси, вольны при подаче машины свободно отойти от очереди, они не считаются делающими определенное предложение.

Спорным является вопрос о том, следует ли относить к числу «предложений к неопределенному лицу» публичный вызов, публичное обещание награды и т. п. (объявление о том, что доставившему пропавшую вещь будет дано вознаграждение; учреждение конкурса на лучшее сочинение на заданную тему с объявлением премий для тех, кто удовлетворит требованиям конкурса, и т. д.).

Эти и подобные примеры не относятся к рассматриваемому здесь вопросу. Подобного рода случаи должны быть выделены в особую группу обязательств, возникающих не в договорном порядке, а на почве одностороннего обещания. Смысл публичного объявления в названных случаях заключается в том, что лицо, делающее подобного рода объявление, принимает на себя обязательство не перед лицом, индивидуально определенным, а перед всеми, кто ответит известным требованиям. Неправильность признания подобного рода отношений договорными явствует хотя бы из того, что действие, за которое объявлена награда, премия

и т. п., может быть совершено даже при незнании об объявлении, тогда как договор предполагает выражение воли принять сделанное предложение. Подробнее о «публичном вызове» см. ниже, § 22.

Для советского права не имеет особого значения, но все же не совсем безразличным является вопрос о заключении договора посредством публичных торгов (аукциона) (стр. 100 ГК)¹. С чьей стороны делается предложение договора: должностного лица, производящего аукцион, или со стороны каждого отдельного участника торгов? Возможна такая точка зрения, что объявление аукциона (публичных торгов) есть предложение, обращенное к тому (заранее неизвестному) лицу, которое предложит наиболее выгодные условия. Такое встречное предложение любого из участников торгов приводит к заключению договора, при условии, если не последовало другого (более выгодного) предложения. Когда производящий аукцион ударяет молотком или иным способом объявляет торг законченным, это только констатация того факта, что названное условие наступило и договор считается заключенным. Но возможна и иная точка зрения, что объявление публичного торга есть только приглашение делать оферты, а офертой является то заявление, которое делает участник торга, надбавляющий к начальной сумме; такое предложение может быть принято или нет производящим торг, вследствие чего удар молотка и т. п. есть не что иное, как принятие предложения.

Советской действительности более соответствует та точка зрения, что организация публичного торга представляет собой не предложение договора, а лишь приглашение делать предложения; должностное лицо, производящее аукцион, может или принять наиболее подходящее предложение, или прекратить торг, не приняв ни одного предложения, если ни одно из них не достигает определенного лимита.

3. Юридическая сила оферты. Развитие оборота предполагает возможность широкого проявления инициативы в деловых отношениях без опасений каких-либо неблагоприятных последствий проявленной инициативы. Но, наряду с этим, интересы оборота требуют, чтобы отношения, более или менее определявшиеся, были устойчивы и надежны. Одновременное влияние этих двух требований хозяйственной жизни и приводит к тому, что различаются предложения договора (оферты) в точном смысле слова и всякого рода предварительные заявления. Закон не связывает лиц, делающих лишь предварительные заявления, имеющие целью вызвать предложения со стороны других лиц или положить начало переговорам относительно будущего договора.

Неокончателное заявление или простое приглашение вести переговоры не вызывает юридических последствий, в смысле свя-

¹ Процедура публичных торгов излагается ниже, § 34.

инициатива лица его замыслившем: такое заявление может быть в любое время выдано обратно. Каждый участник хозяйственного оборота должен знать, что подобного рода неокончательные заявления в любой момент могут быть отменены, и с этой возможностью каждой должен считаться. И наоборот, лицо, желающее ирригировать в этой форме свою инициативу, может это делать без страха и сомнения, зная, что в случае выяснения каких-либо нежелательных обстоятельств, делающих заключение договора нежелательным для него, можно будет свободно и безнаказанно отказаться от заключения договора.

Иначе обстоит дело, когда делается предложение в техническом смысле. Предложение (офферта) характеризуется, помимо того, что в нем должны содержаться существенные пункты предлагаемого договора, еще и тем, что оно делается с окончательным намерением заключить договор.

В отношении предложения в техническом смысле выступают поэтому на первый план соображения иного порядка. В этих случаях необходимо добиться того, чтобы лица, которым направлено предложение заключить договор, могли положиться на это предложение, затрачивать, если окажется необходимым, время и средства на выяснение приемлемости для них предложения и т. п., и не опасаться, что, быть может, намерения инициатора договора уже изменились и затраты, делаемые в связи с обсуждением предложения, окажутся бесполезными. Хозяйственная жизнь требует, чтобы предложение в какой-то мере связывало того, от кого оно исходит, и чтобы произвольная его отмена не признавалась нормальным явлением. Но, рядом с этим, в интересах оборота эта связующая сила офферты должна быть ограничена как в отношении срока, так и размера ответственности; состояние связанности и непредвзятости в течение более или менее значительного промежутка времени неудобно в деловых отношениях.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что изложенные соображения в советской жизни не имеют большого значения. Дело в том, что они, как правило, применимы только к договорам между гражданами, а такие договоры в практике жизни занимают довольно скромное место. К социалистическим организациям эти соображения могут получить применение лишь в каких-либо исключительных случаях. Примеры договоров, при заключении которых могут получить применение приведенные соображения, можно иногда встретить в кооперативной практике. Допустим, что какая-нибудь кооперативная артель, выполнившая свои плановые договоры, выдает заказ от торгового предприятия на изготовление какого-либо предмета, не входящего до того в ассортимент изделий этой артели. Для того чтобы выяснить возможность при имеющемся оборудовании принять такой заказ, артель, быть может, принимает следующие предварительные действия, связан-

ные с транспортными расходами, с дополнительной оплатой труда, в особенности с изготовлением штампов и т. д. Очевидно предприятие, сделавшее заказ, не должно иметь права (в пределах известного срока) отступать от своего заказа и тем причинить артели убытки; т. е. в этих отношениях получит практическое значение вопрос относительно обязательной силы предложения.

Но такого рода отношения могут встретиться между социалистическими организациями лишь изредка. В частности, на почве плановых договоров, как правило, опасаться отмены предложения не приходится.

Для решения вопроса о связующей силе предложения существенно важно различие договоров «между присутствующими» и «договоров между отсутствующими». Различие этих двух категорий основывается не на пространственной разобщенности лиц, заключающих договор, а на том, воспринимается ли другой стороной сделанное первой стороной предложение непосредственно, так что то или иное выражение воли также и второй стороны может последовать немедленно, или же между выражением воли первой стороны, представляющим собою предложение, и выражением воли второй стороны (в ответ на сделанное предложение) неизбежен разрыв во времени. В первом случае, когда выражение воли одной стороны воспринимается другой стороной непосредственно, имеет место «договор между присутствующими»; во втором случае, когда между выражением воли одной стороны (предложением) и ответным выражением воли другой стороны неизбежен какой-то промежуток времени, говорят о «договорах между отсутствующими».

Таким образом, «договором между присутствующими» является не только договор, заключаемый лицами, находящимися в одном месте, но также и договор, заключаемый по телефону: хотя обе стороны в этом случае находятся в разных местах, но они слышат друг друга, непосредственно воспринимают взаимные волеизъявления. Предложение считается сделанным присутствующему лицу также и в том случае, если оно сделано непосредственно представителю отсутствующего контрагента: поскольку представитель уполномочен на заключение договора и предложение им воспринимается непосредственно, мы имеем заключение договора между присутствующими. Наоборот, если предложение делается хотя бы и присутствующему лицу, но неуполномоченному на заключение договора посланцу другой стороны, предложение считается сделанным отсутствующему лицу.

Когда сторона непосредственно воспринимает предложение, то для нее нет опасности потерпеть какие-либо убытки вследствие того, что сделавший предложение может изменить свое решение: сторона, которой сделано предложение в ее присутствии или по телефону, может сразу принять или отклонить предложение.

может внести в него желательные для нее поправки, может, наконец, выговорить себе срок на ответ и этим связать сделавшего предложение, если, конечно, он согласится на предоставление срока для ответа.

Предложение, сделанное присутствующему, должно быть принято немедленно. Если предложивший договор не получает сразу положительного ответа на предложение и если им не предоставлено другой стороне определенного срока для ответа, предложение не связывает того, кто его сделал.

Так именно решает вопрос ст. 131 ГК: предложение заключить договор, сделанное присутствующему лицу без указания срока для ответа, связывает лицо, сделавшее предложение, лишь в том случае, когда контрагент немедленно заявил о принятии предложения. Ст. 135 ГК (относящаяся к договорам и между присутствующими и между отсутствующими) постановляет, что заявления о принятии предложения на иных, чем было предложено, условиях, признаются отказом от предложения и в то же время новым предложением.

Гораздо сложнее вопрос, когда предложение делается отсутствующему лицу, т. е. по почте, по телеграфу, «с нарочным» и т. д.

Прежде всего в этом случае приходится выяснить, когда предложение, действительно, состоялось.

Оферта делается в отношении данного контрагента. Отсюда следует, что оферта не получает юридического значения, пока она не дошла до адресата. Из этого можно сделать вывод, что если, допустим, предложение сделано почтой, а вслед затем отменено (взято обратно) по телеграфу, так что другая сторона узнает об отмене раньше, чем получено предложение (или если предложение отменено письмом же, но так быстро, что оба письма — и с предложением и с отменой — получены одновременно), то предложивший договор не несет никакой ответственности за отмену предложения, и вообще из предложения в этом случае не может возникнуть юридических последствий: оно считается не состоявшимся. Разумеется, получение оферты ни в какой степени юридически не связывает получившего ее.

Относительно юридического значения состоявшегося предложения, т. е. дошедшего до отсутствующего лица, советское право явно выражает ту мысль, что оферта (в отличие от всякого рода предварительных заявлений) сопровождается обязательством для лица, сделавшего ее, оставаться верным сделанному предложению и промолчать не отменить его. Советское право учитывает большую практическую важность связующей силы оферты: признание за офертой такой силы позволяет другой стороне надлежащим образом делать необходимые распоряжения, принимать подготовительные меры к договору и т. п.

Разумеется, эта связанность сделавшего предложение должна быть как-то ограничена во времени: получивший предложение, быть может, вовсе не собирается давать на него какой-либо ответ; из этого не следует, что оферент должен быть связан в течение неопределенно продолжительного времени. Ст. 132 определяет момент, до которого продолжается связанность предложившего договор, двояко, в зависимости от того, сопровождалась ли оферта указанием срока, в течение которого она должна связывать то лицо, от которого исходит, или же такого срока не указано. Если в предложении договора указан определенный срок для ответа на это предложение, то в пределах этого срока лицо, сделавшее предложение, и является связанным. Например, после изложения основных условий, на которых предложен договор, в предложении делается приписка: «ответ ожидается к 10 апреля с. г.»; в этом случае сделавший предложение не должен брать своего предложения назад до 10 апреля и, обратно, непоступление ответа до 10 апреля развязывает ему руки: сделавший предложение после этого срока волен поступить так или иначе. Если в предложении срок не указан, то предложение связывает лицо, от которого предложение исходит, в течение срока, нормально необходимого для получения ответа. Какой именно срок нужно признать нормально необходимым, решается на основании деловой практики: сделавший предложение не вправе от него отступать в течение срока, какой по почтовым условиям и всем обстоятельствам дела необходим для получения ответа. Таким образом, отправивший предложение заключить договор должен учесть, сколько времени посланное им письмо, телеграмма и т. п. будут идти до адресата; прибавить к этому еще такой же срок на то, чтобы ответ мог дойти до предложившего договор; присоединить к этому еще некоторое время, какое по деловой практике требуется, чтобы взвесить обстоятельства дела, принять решение, изготовить и отправить ответ. Так определяется срок, в течение которого лицо, предложившее договор, связано своим предложением.

Гражданский кодекс не указывает, в чем именно выражается связанность лица, предложившего договор, и какие юридические последствия должны наступить в том случае, если сделавший предложение отступит от него до истечения указанного срока. Нельзя усматривать ответа на этот вопрос в словах ст. 134 ГК «договор... считается заключенным с момента получения ответа...»; в этой статье имеется в виду другой фактический состав, когда предложение не было отменено до установленного срока из ответ.

Вообще говоря, последствия незаконной отмены предложения можно строить двояко. Можно сделать такой вывод: ненадлежащая и, следовательно, незаконная отмена предложения не имеет юридического значения в отношении того, кому предложением

сделано. Если это лицо принимает предложение в пределах срока, указанного в предложении или установленного на основе деловой практики, договор должен считаться заключенным, и можно требовать исполнения.

Если, однако, договор заключен относительно индивидуально определенной вещи, то применительно к ст.ст. 120, 191 ГК нужно было бы провести различие между договорами, направленными на передачу права пользования, и договорами о покупке-продаже, отступает от сделанного им предложения и заключает однородный договор относительно той же вещи с другим лицом, притом до того, как поступил ответ от получившего первое предложение, собственником будет признан именно тот, с кем договор заключен раньше, и, следовательно, лицо, которому было решено сделать предложение, исправительно затем отмененное, может в этом случае получить лишь возмещение убытков, понесенных от нарушения договора (те же последствия будут и в том случае, если определить старшинство договора окажется невозможным, а между тем, вещь передана тому новому лицу, с которым лицо, сделавшее предложение, отступив от своего первого предложения, заключило договор). Если же договор, предложенный лицом, имел своим содержанием предоставление индивидуально-определенной вещи в пользование, то, в случае ненадлежащей отмены и вообще нарушения предложения, другая сторона может требовать исполнения договора в натуре только при условии, если вещь еще не передана лицом, сделавшим предложение, третьему лицу, имеющему однородное право в отношении этой вещи; если же вещь уже передана третьему лицу (хотя бы договор с этим третьим лицом был заключен после того, как положительный ответ на первое предложение поступил к предложившему), возможно только требование возмещения убытков от сделавшего предложение.

Возможна и другая постановка вопроса. Оферта связывает своего автора как акт его односторонней воли. Нарушая свое обязательство не отступать от предложения в течение определенного срока, сделавший предложение тем самым препятствует заключению договора с тем контрагентом, которому было сделано предложение. Вследствие этого обстоятельства договора в таком случае нет, и, следовательно, нельзя говорить ни об исполнении предполагавшегося договора в натуре, ни о возмещении положительного ущерба, причиняемого нарушением договора. Лицо, сделавшее предложение, незаконно нарушившее свое обязательство не отступать от предложения в пределах известного срока, обязано лишь возместить другой стороне ущерб, понесенный ею от того, что предполагалось заключение договора. Другими словами, лицо, сделавшее предложение и отступившее неправомерно от своего

предложения, должно поставить лицо, которому было сделано предложение и которое полагилось на него, в такое имущественное положение, как если бы предложение не было сделано (например, возместить расходы по поездкам, связанным с предложением, — для осмотра предлагаемого предмета и т. п., расходы по производству испытания или пробы предмета и т. д.). Так как при этой точке зрения договора нет, то лицо, предложившее договор связывающей, не обязано возмещать положительный договорный интерес, т. е. ущерб, причиняемый неисполнением договора и выходящий в хозяйственной выгоде, которую представляет собой для данного лица самое содержание договора.

Какую из этих двух санкций правильнее установить на случай, если сделавший предложение неправомерно отступает от своего предложения до истечения срока на принятие предложения? Признать договор заключенным можно было бы лишь ставясь на путь фикции, что выражение воли предложившего, тем не менее, считается сохраняющим значение; между тем прибегать к фикции в данном случае нет оснований. Поэтому следует признать, что неправомерный отказ лица от собственного предложения должен влечь за собой для него обязанность возместить другой стороне те убытки, которые сторона терпит от того, что она полагалась на сделанное ей предложение в расчете на предстоящее заключение договора, а договор не состоялся по вине того, кто его предложил.

В отношении договоров между гражданами возникает еще вопрос: переходит ли на наследников лица, сделавшего предложение, его обязанность в пределах известного срока придерживаться сделанного предложения? Другими словами, сохраняется ли юридическое значение оферты в случае смерти сделавшего ее до истечения срока, предоставляемого другой стороне на принятие? Например, собственник дачи сделал предложение другому лицу купить ее и дал двухнедельный срок для ответа, а через три дня умер; связаны ли его наследники сделанным предложением? На этот вопрос возможен двойной ответ. Можно исходить из того положения, что на наследников могут переходить только возникшие права и обязанности, а не одни лишь возможности прав и обязанностей. Из предложения заключить договор, хотя бы это предложение и дошло уже до сведения того, к кому оно обращено, не возникает для этого последнего ни права, ни обязанности. Если, следовательно, в промежуток времени между предложением и заключением договора одна из сторон умирает, предложение отменяется силой этого обстоятельства; если после этого даже последует принятие предложения, оно не получит значения, так как относится к несуществующему предложению.

Другой ответ будет, если исходить из связующей силы оферты.

Поскольку предложением создается для его автора обязательность в течение определенного срока не отступать от сделанного предложения, эта его обязанность переходит и на наследника, если сделавший предложение умирает до истечения срока на принятие. Эта точка зрения должна быть признана более правильной, тем более, что она создает для контрагента более уверенное положение и этим она больше соответствует потребностям оборота, укрепляя деловые связи между участниками этого оборота.

Аналогично должен решаться вопрос и в том случае, если после предложения, но до истечения срока на ответ, сделавший предложение утратил дееспособность.

Если предложение принимается уже по истечении срока (в значенном предложившим договор или определяемого по обстоятельствам дела), такое принятие является завоздамым и рассматривается как новое предложение (нуждающееся, следовательно, в принятии лицом, сделавшим предложение).

4. Принятие оферты и момент заключения договора. Важно установить, в какой именно момент договор можно считать заключенным. Этот момент, в свою очередь, имеет важное значение (для решения вопроса о переходе права собственности, вопроса о несении риска и ряда других).

Советское право решает вопрос о моменте заключения договора следующим образом.

В отношении договоров, заключаемых между присутствующими, момент заключения договора (и следовательно, — установления обязательства) определяется ст. 131 ГК так: если предложение заключить договор сделано присутствующему без указания срока для ответа, договор считается заключенным лишь в случае немедленного заявления о принятии предложения; если же предложение заключить договор сделано присутствующему с указанием срока для ответа, договор считается заключенным лишь в том случае, если ответ о принятии предложения получен предложившим в течение указанного им срока. Этот второй случай в некоторой мере уже приближается к договорам между отсутствующими, так как выражение воли второй стороны будет иметь место впоследствии без непосредственного и немедленного его восприятия первой стороной. Что же касается первого случая, то, поскольку происходит непосредственное восприятие взаимно каждым контрагентом выражения воли другого контрагента, иного решения вопроса и быть не может.

Сложнее обстоит дело при заключении договора между отсутствующими. В этом случае (после получения предложения лицом, которому предложение сделано) можно выделить следующие моменты: а) решение лица, которому сделано предложение,

принять это предложение и выражение воли на принятие предложения; б) отправление этим лицом ответа (с выражением согласия на предложение) предложившему договор; в) получение этого ответа лицом, предложившим договор; г) наконец, момент, когда лицо, сделавшее предложение, фактически узнает содержание полученного ответа. Ст. 134 ГК приурочивает заключение договора к моменту получения лицом, от которого исходит предложение, ответа с выражением согласия на предложение. Это решение вопроса следует признать наиболее целесообразным и отвечающим потребностям практики. В самом деле, момент, когда лицо пришло к решению заключить договор, выразило это решение вовне (например, написав письмо предложившему договор о том, что его предложение принято), но это выражение воли, так сказать, еще не оторвалось от того лица, которым сделано, не может служить решающим моментом в вопросе заключения договора. Дело в том, что самое решение принять предложение является внутренним актом, установить который постороннему лицу трудно, порой — невозможно; напротив, само лицо, выразившее волю принять предложение, может без труда уничтожить внешнее выражение своего решения (например, разорвать письмо, содержащее ответ на предложение). Приурочив заключение договора к такому неуловимому моменту, мы лишились бы всякой возможности уверенно судить о заключении договора.

Черты неопределенности присущи и следующему моменту — отсылке ответа в адрес предложившего. Дело в том, что пока ответ не получен лицом, от которого исходит предложение, пославший ответ может еще (с помощью своевременного контрзвещения или затребования своего письма от почты) взять свое согласие назад, т. е. достигнуть того, что договор обязательной силы не должен получить за отсутствием согласия второй стороны. Поэтому не соответствовало бы характеру отношения, если бы договор признавался заключенным ранее получения ответа на предложение.

Признание договора заключенным в момент отсылки письма с выражением согласия на предложение является, таким образом, нецелесообразным. Момент получения ответа, к которому приурочено заключение договора ст. 134, — момент, поддающийся точному определению: если ответ дан заказным письмом или телеграммой, доказательством служит расписка в получении; если ответ сообщен простым письмом, момент получения удостоверяется почтовым штемпелем на конверте. Если же лицо, сделавшее предложение, утверждает, что фактически письмо получено позже, на него и надо возложить доказывание этого (посредством предъявления конверта с почтовым штемпелем).

предположение своевременного получения ответа, когда ответ не получен, пусть даже не по вине сделавшего предложение в техническом смысле, но все-таки из-за него.

Статья 134 ГК, устанавливая общее правило, что договор между отсутствующими считается заключенным с момента получения лицом, сделавшим предложение, ответа другой стороны, оговаривает: «поскольку нигде не вытекает из смысла предложения» (таким образом, норма ст. 134 ГК является диспозитивной).

Лицо, делающее предложение, может отказаться от своего права на получение уведомления от другой стороны о принятии его предложения, а предоставить другой стороне, в случае ее согласия на предложение, сразу приступить к исполнению договора. В этом случае, как только вторая сторона приступит к исполнению, договор считается заключенным без всякого уведомления сделавшего предложение о принятии его предложения. Например, в предложении продавцу (поставщику) указывается, что в случае принятия им предложения, он должен прямо выслать товар в адрес покупателя (заказчика); тем самым специальное уведомление предложившего договор о принятии предложения становится излишним: как только контрагент приступит к отправке товара, договор считается заключенным; момент заключения договора совпадает с моментом его исполнения.

Наряду с прямым указанием предложившего договор, уведомление о принятии может оказаться излишним ввиду того, что по общепринятым в жизни воззрениям такого уведомления не требуется; например, при подписке на журнал по почте не предполагается извещение подписчика о том, что его предложение принято; предложение принимается молчаливо, и по выходе первого номера он прямо высылается подписчику. То же самое толкование должно быть дано и в тех случаях, когда лицо, получившее предложение, совершает действия, из которых можно сделать заключение о принятии предложения (конклюдентные действия) и при наличии которых, по общепринятым взглядам, не требуется уведомления лица, сделавшего предложение (например, лицо при своем предложении прислало для пробы или осмотра продаваемую вещь, а контрагент начинает ее переделывать или иначе осваивает, и т. п.).

Момент заключения договора может оказаться приуроченным к более позднему времени в тех случаях, когда в силу закона или предварительного соглашения сторон договор должен быть заключен в строго определенной форме: договор считается тогда заключенным только по выполнении требуемой законом или обусловленной самими сторонами формы.

В договорах между социалистическими предприятиями момент заключения договора может быть видоизменен «Основными усло-

виями», принятыми для данной системы соглашением центральных органов ведомств, к которым принадлежат поставщик и заказчик (см. § 19, п. 4).

Если сделавший предложение получает уведомление о принятии предложения, но в этом уведомлении содержатся иные условия, чем были предложены, то такое заявление о принятии рассматривается как отказ от предложения и одновременно как новое (встречное) предложение (ст. 135 ГК).

§ 19. Особенности заключения договоров между социалистическими организациями. Преддоговорный арбитраж

1. Заключение хозяйственных договоров между социалистическими организациями проводилось до 1949 года в порядке так называемых договорных кампаний. Постановлениями Совета Министров СССР (а ранее — Совета Народных Комиссаров СССР) ежегодно устанавливались определенные сроки, в течение которых должны быть заключены плановые договоры на предстоящий год. Эти сроки варьировались в зависимости от характера договоров; так, устанавливались сроки для заключения плановых договоров по снабжению и сбыту, договоров строительных и т. д.

На основе постановления Совета Министров СССР издавались затем уточняющие постановления, инструкции, приказы советами министров союзных республик, а также министерствами и другими центрами хозяйственных систем (например, Центросоюзом).

Постановлением Совета Министров СССР от 21 апреля 1949 г. № 1586 «О заключении хозяйственных договоров» (СП СССР 1949 г. № 9, ст. 68) введена общая норма: начиная с 1950 года, годовые хозяйственные договоры заключать в следующие сроки: генеральные договоры — в течение 30 дней, а прямые и локальные договоры — в течение 60 дней после утверждения Правительством государственного плана снабжения народного хозяйства (о генеральных, локальных и прямых договорах см. § 20).

2. Договор не может считаться заключенным, пока не достигнуто согласие контрагентов по содержанию заключаемого договора.

Применительно к договорам граждан это требование не вызывает особых затруднений. В большинстве случаев советскому гражданину не приходится для удовлетворения своих важнейших потребностей (для получения предметов питания, одежды, обуви и т. д.) заключать договоры с другими гражданами. Все наиболее важное советский гражданин получает от государственных и

кооперативных предприятий, причем существенные пункты договора, которые в этих случаях заключаются, регламентированы каким-либо или другими актами государственной власти (государственным нормированием цен, государственными мероприятиями по обеспечению доброкачественности продаваемых товаров и т. д.). Значительно реже имеют место договоры между гражданами. В этих договорах сторонам приходится добиваться соглашения по каждому пункту договора. Однако несговорчивость контрагентов не имеет существенного значения: если данное лицо почему-либо не хочет пойти на те условия договора, какие ему предлагает другая сторона, это рассматривается как его личное дело. Если А. предлагает Б. купить у него письменный стол, а Б. согласен приобрести этот стол на таких условиях, с которыми не согласен А., государству нет оснований вмешиваться в эти переговоры и добиваться соглашения между этими лицами.

Совершенно другое дело, если речь идет о договоре между социалистическими организациями. Эти договоры имеют назначение осуществление народнохозяйственного плана. Поэтому вопрос о заключении договора здесь не есть личное дело двух хозяйственников-руководителей социалистических предприятий; заключение планового договора есть государственное дело. Если из-за разногласий торгового предприятия с фабриками и заводами, от которых торговое предприятие получает те предметы, которыми оно торгует, не будет заключено между ними договоров, это приведет к срыву всего хозяйственного плана торгового предприятия. Оно осталось бы в этом случае без товаров, и, следовательно, потребители не могли бы найти удовлетворения своего спроса. Да и сам завод, не заключив предполагавшегося договора, может испытать затруднения и в конечном счете не выполнить своего плана. Таким образом, недостижение требуемого соглашения между социалистическими предприятиями повлекло бы серьезные последствия, нетерпимые с государственной точки зрения.

Естественно, что государство так регламентирует процесс заключения договоров между социалистическими предприятиями, чтобы не допускать срыва договоров из-за разногласий сторон.

В этих целях в социалистическом праве сложился особый институт «преддоговорного спора» (или преддоговорного арбитража). Покупатель (по договору поставки) или заказчик (по договору подряда на капитальное строительство), получивший от поставщика или подрядчика проект договора и не согласный с тем или иным пунктом этого проекта, фиксирует возникшее разногласие посредством составления так называемого протокола разногласий. Этот протокол представляет собой параллельное изменение пунктов договора, вызвавших спор и разно-

гласия в редакциях, предлагаемых той и другой стороной. Заявляя о своих несогласиях с предложенным проектом договора, покупатель (заказчик) должен тем не менее подписать договор (с оговоркой о составлении протокола разногласий) и не позднее чем через десять дней со дня получения договора направить поставщику (подрядчику), которым сделано предложение, протокол разногласий вместе с подписанным договором. Поставщик (подрядчик) в десятидневный (а по некоторым «Основным условиям» — в пятидневный) срок со дня получения договора с протоколом разногласий обязан урегулировать все разногласия по договору, включить в договор все принятые предложения покупателя, а спорные вопросы передать в тот же срок на рассмотрение государственного (или ведомственного, если обе стороны принадлежат к одному и тому же ведомству) арбитража. Так как в данном случае спор между сторонами возникает не на почве исполнения заключенного договора, а относится к вопросу о том, каково должно быть содержание договора, т. е. возникает до того, как договор получает окончательную силу, то этот спор и получил название «преддоговорного».

При разрешении преддоговорного спора задача арбитража заключается в том, чтобы определить порядок хозяйственных отношений между двумя социалистическими организациями на срок действия договора. Чтобы удовлетворительно разрешить эту задачу, необходимо выяснить все обстоятельства дела, в частности, те обстоятельства, при которых будет выполняться договор.

Арбитраж решает, какая редакция спорных пунктов является наиболее целесообразной, так чтобы было больше гарантий успешного выполнения плана и договора. Арбитраж может остановиться на одной из предложенных редакций, а может решить вопрос как-то иначе. При этом учитываются все обстоятельства дела. Например, стороны спорят о том, чьим транспортом должен доставляться товар; арбитраж выясняет транспортные возможности той и другой стороны и возлагает обязанность доставки товара на ту сторону, которой это сделать легче. Решение арбитража по преддоговорному спору обязательно как для одной, так и для другой стороны. За задержку или отказ от подписания обязательного для обеих сторон договора или от выполнения решения арбитража по преддоговорному спору арбитраж вправе установить штраф со стороны, виновной в задержке, в пользу другой стороны.

В институте преддоговорного арбитража находит отражение та идея, что кредитор и должник в социалистическом обороте являются сторонами с антагонистическими интересами, а должны быть сотрудниками, преследующими в конечном итоге общую цель. Стороны — социалистические организации — могут быть

в разногласии по содержанию заключаемого договора, но не могут доказать свои разногласия до его срыва. Заключение договора — общее дело сторон, которое они должны довести до конца в силу обязанности перед государством.

3. В области внешнеторговых договоров по мере достижения соглашения по отдельным пунктам договора составляются иногда специальные (преварительные) документы, скрепляемые инициалами сторон (так называемое парафирование проекта договора). Это парафирование отнюдь не означает заключения договора, а представляет лишь подготовку договора, имеющую, конечно, серьезное практическое значение.

§ 20. Структура договорных отношений между социалистическими организациями

1. Социалистические организации заключают договоры, как правило, на основании и во исполнение плана. Для характеристики договорных отношений между социалистическими организациями имеет большое значение сама структура договорных отношений, или формы договорных связей. Эти формы связей не при всех договорах, заключаемых на основе народнохозяйственного плана, одинаковы; в частности, различны формы договорных связей таких важных с народнохозяйственной точки зрения договоров, как договоры поставки, с одной стороны, подрядные договоры в области капитального строительства — с другой стороны.

2. В отношении договоров поставки (хозяйственных договоров) формы договорных связей практически важны потому, что в зависимости от того обстоятельства, принимают ли договорные отношения более сложный характер или, наоборот, строятся проще, находятся и сроки продвижения товаров и темпы оборота средств предприятия в порядке расчетов за поставляемую продукцию. Упрощение договорных связей вообще приближает производителя к потребителю. Этим объясняется большое внимание, уделяемое советским правом этой стороне дела.

Структура договорных отношений, конечно, не устанавливается произвольно. Она поддается и организационными формами соответствующих отраслей народного хозяйства, и характером тех организаций, которые должны вступать в договоры (в смысле их экономической, финансовой и тому подобной мощностей), и характером и порядком планирования производства и сбыта данной продукции, и целым рядом других факторов.

3. В первой половине тридцатых годов общий порядок установления договорных отношений был следующий. Центры хозяйственных систем, предприятия которых должны согласно плану

сдавать свою продукцию одно другому, заключали между собой (в централизованном порядке) так называемые генеральные договоры. В генеральных договорах устанавливались: количество и групповой ассортимент товаров, подлежащих поставке; квартальные сроки сдачи товаров; разверстка общего количества товаров между конкретными предприятиями, входящими в систему тех центральных органов, между которыми заключен генеральный договор, имущественная ответственность сторон за невыполнение обязательств по генеральному договору, за несвоевременное заключение локальных договоров и другие основные пункты соглашений.

В сроки, указанные в генеральном договоре центральными органами, средними и низовые организации этих систем заключали между собой так называемые локальные, или местные, договоры, на основе генерального договора. В локальном договоре указывалось количество и развернутый ассортимент поставляемых товаров, частные сроки исполнения, различные другие условия в развитие (но на основе) генерального договора¹.

Система генеральных и локальных договоров рассматривалась в начале 30-х годов как основная, как правило, а система так называемых прямых договоров — как исключение. Прямые договоры заключались только в некоторых случаях, специально предусмотренных законом: например, оформление поставок промышленно-кооперативными артелями; взаимоотношения орсов с колхозами по децентрализованным заготовкам; при поставке индивидуального оборудования; при наличии постоянной производственной связи между предприятием-поставщиком и предприятием-потребителем; в тех случаях, когда плановые назначения выделяемы в централизованном порядке непосредственно низовому звену покупателя. С другой стороны, инструкцией Госарбитража при СНК СССР от 14 декабря 1934 г. было разъяснено, что генеральные и локальные договоры во всяком случае должны быть заключены при наличии одновременно двух условий: а) если

¹ В первой фазе развития Советского государства и права практиковались генеральные договоры в несколько ином значении. Имено, в 1925 г. состоялось (одобрено Советом Труда и Обороны) соглашение Президиума ВСНХ и Правления Центросоюза о том, чтобы условия и порядок поставки промышленных товаров потребительской кооперации определялись путем соглашения Центросоюза и соответствующего синдиката или треста. Иногда в таком генеральном соглашении участвовали и в качестве должников также республиканские, областные, краевые кооперативные организации. Постановлением Совета Труда и Обороны от 3 июля 1925 г. (СЗ СССР 1925 г. № 45, ст. 334) утверждена новая форма генеральных договоров, заключаемых государственной промышленностью и потребительской кооперацией. Центросоюз, на одной стороне, синдикаты и тресты несиндикативной промышленности, на другой стороне, заключают между собой генеральные

центры поставщика и покупателя имеют широко разветвленную сеть низовых организаций, перенесенных на хозрасчет, и б) если главные назначения, спускаемые на места центрами поставщика и потребителя, предварительно согласованы между ними.

С середины 30-х годов принципиальная установка в отношении форм договорных связей изменяется. Бурный рост народного хозяйства имел своим следствием то, что система генеральных и локальных договоров стала признаваться в то время слишком связывающей инициативу низовых хозорганов и их оперативную самостоятельность при определении договорных отношений. Этот взгляд нашел себе подкрепление в некоторых обстоятельствах, которые выявились в системе генеральных договоров в том их виде, какой они получили в практике того времени.

В постановлении СНК СССР от 15 января 1936 г. № 67 «О заключении договоров на 1936 год» (СЗ СССР 1936 г. № 3, ст. 27) отмечается в числе важнейших недочетов в заключении и выполнении договоров в 1935 году тот факт, что центры хозяйственных систем заключали детальные генеральные договоры без учета конкретных особенностей и запросов подчиненных им низовых организаций и таким образом подменяли собой в ряде случаев низовые и срединные хозяйственные организации. Вследствие этого было признано целесообразным отойти от системы генеральных договоров и применять прямые договоры и таким образом избежать излишних звеньев и инстанций. Указание в этом направлении содержалось еще в постановлении СНК СССР от 14 декабря 1934 г. «О заключении договоров на 1935 год» (СЗ СССР 1934 г. № 63, ст. 456). В этом постановлении было предложено расширить применение прямых договоров.

договоры, которые должны полностью обеспечить работу потребительской кооперации как единой системы, а также планировать сбыт промышленной продукции, усиливая связь промышленности с рынком. На основе этих генеральных договоров заключались договоры исполнения дольщиками (Центросоюзом и крупнейшими единицами его системы) с теми же синдикатами и трестами. В генеральном договоре этого типа указывается состав дольщиков, общее количество поставляемой продукции с распределением по кварталам, районам и дольщикам, цены, скидки, накладки, порядок и сроки составления спецификаций, ответственность поставщика за качество продукции и т. д. А в договорах исполнения дается количество товара, подлежащего поставке дольщику, цены, условия и порядок расчетов с ним и т. д. Генеральные договоры так же тогда имели плановый характер (заключались на основе и во исполнение планов закупа товаров). Незначительность, что в ту пору еще не практиковался арбитражный порядок разрешения преддоговорных споров, а разногласия по генеральным договорам разрешались Народным Коммунаристом внешней и внутренней торговли СССР. Решения Наркомта могли быть обжалованы в Совет Труда и Обороны.

Еще определеннее осуществлен переход на систему прямых договоров названным выше постановлением СНК СССР от 15 января 1936 г. Исходя из того, что в условиях огромного роста товарооборота и широко развертывающейся борьбы за рентабельность возрастает значение договора для дальнейшего укрепления планово-хозяйственной дисциплины и хозяйственного расчета во всех отраслях народного хозяйства, СНК СССР в постановлении от 15 января 1936 г. признает уже основной формой договоров прямые договоры, заключаемые по преимуществу низовыми и срединными звеньями хозяйственных систем, т. е. хозорганами, непосредственно исполняющими договоры. Если в конкретном случае госарбитраж убеждался, что низовые организации данной системы организационно и хозяйственно слабы, он решал (при рассмотрении преддоговорных споров) в пользу генерального договора¹. Таким образом, причины перехода на прямые договоры заключались в особенностях постановки генеральных договоров начала 30-х годов, фактически лишавших низовые и срединные организации всякой инициативы в заключение договоров. Имелось в виду предоставить больше инициативы предприятию в организации его работы, направленной на выполнение плана. Предприятие должно искать наиболее выгоднейших способов использования своих возможностей в целях наилучшего исполнения плана. Эта структурная форма договорных связей до последнего времени была основной, генеральные же договоры сохранились в качестве добавочной, подсобной формы. Между прочим к этой форме договорных связей прибегали, когда необходимо было обеспечить специфический твердый ассортимент².

Переход от системы генеральных договоров к системе прямых договоров не означал, разумеется, отказа от руководства со стороны центра заключением договоров на местах. Для этой цели отчасти были использованы так называемые протокольные соглашения (заключаемые главными управлениями соответствующих наркоматов и определяющие порядок заключения договоров организациями, подчиненными этим главным управлениям), типовые договоры и т. п. Но наибольшее значение приобрели основные, или общие условия поставки, содержавшие определение важнейших моментов отношения между поставщиком и покупателем; на основе указаний «Основных условий» должны были заключаться прямые договоры низовых организаций.

¹ Например, по спору Сталибета со Снабстелом. «Арбитраж», 1936, № 6, стр. 3.

² «Арбитраж», 1936, № 6, стр. 4.

Постановлением Совета Министров СССР от 21 апреля 1949 г. система генеральных и локальных договоров опять признана основной, а прямые договоры — только вспомогательной формой, применяемой лишь при отсутствии генеральных договоров. На министерства и ведомства возложена обязанность в проектах «Основных условий» предусматривать, в каких именно случаях заключаются только прямые договоры. Восстановление системы генеральных и локальных договоров, однако, произошло на другой базе и в другом виде, по сравнению с практикой 30-х годов.

Переход на систему генеральных и локальных договоров согласно постановлению Совета Министров СССР от 21 апреля 1949 г. нельзя рассматривать, как простое возвращение к прежнему порядку, имевшему место до середины 30-х годов. Генеральные договоры, предусматриваемые постановлением от 21 апреля 1949 г., не должны приводить к подмене центрами хозяйственных систем низовых хозяйственных организаций, как то нередко было в практике прежних генеральных договоров. В этом нетрудно убедиться, если обратить внимание на указания постановления от 21 апреля 1949 г. относительно содержания генеральных и локальных договоров. Именно, согласно ст. 5 этого постановления в генеральных договорах предусматриваются: а) количество и групповой ассортимент подлежащей поставке продукции и распределение ее между поставщиками и потребителями (на весь год, а в соответствующих случаях и по кварталам); б) порядок и сроки представления спецификаций и выдачи нарядов; в) структура договорных связей с точным указанием, какие предприятия и хозяйственные организации заключают между собой локальные договоры; г) имущественная ответственность сторон за невыполнение обязательств, принятых по генеральному договору (непредставление спецификаций, невыдача нарядов и т. п.) и за несвоевременное заключение локальных договоров. Что касается локальных и прямых договоров, то в них (на основании ст. 6 того же постановления) предусматриваются: конкретные обязательства поставщика и потребителя; точное количество подлежащей поставке продукции; сроки поставки; качество продукции, а в подлежащих случаях ее комплектность и ассортимент; цена продукции и общая сумма поставки; порядок расчетов; имущественная ответственность за невыполнение договора.

Из сопоставления ст. ст. 5 и 6 постановления Совета Министров СССР от 21 апреля 1949 г. видно, что низовые предприятия отнюдь не обезличиваются от того, что центром их системы является генеральный договор, обязывающий низовое предприятие заключать локальный договор: только в договоре самого низового

предприятия (локальном) определяются конкретные обязательства низового предприятия и его контрагента, устанавливаются точные сроки поставки, имущественная ответственность за невыполнение конкретного обязательства поставки и т. д. Кроме того, постановление Совета Министров СССР от 21 апреля 1949 г. подчеркнуло необходимость поднять ответственность потребителей за представляемые заявки и спецификации. Система прямых договоров исключала возможность возложения ответственности на центральные организации за неправильно сделанные заявки, это способствовало представлению непродуманных и необоснованных заявок. Введенная постановлением от 21 апреля 1949 г. система генеральных и локальных договоров, повышая самостоятельность низовых предприятий (по сравнению с прежней системой генеральных и локальных договоров), вместе с тем устанавливает имущественную ответственность сторон по генеральному договору за непредставление спецификаций, за невыдачу нарядов и т. п., и этим требует проверки заявок со стороны их обоснованности. Договор — не только средство конкретизации планового задания, но и средство проверки соответствия планового задания реальным потребностям. Система генеральных и локальных договоров, как ее устанавливает постановление от 21 апреля 1949 г., является наиболее целесообразной для выполнения этой функции.

4. Правила, содержащиеся в «Основных условиях», имеют значение норм императивных, а не диспозитивных, т. е. сторонам не предоставлено права отступать от этих правил. Это прямо устанавливается в самом тексте «Основных условий». Все условия поставки, которые отражают индивидуальные особенности отношений между конкретным поставщиком и конкретным покупателем, должны согласовываться при заключении договоров на базе «Основных условий».

Таким образом, «Основные условия», не стесняя отдельных хозяйственных предприятий уже существующим договором центральных органов, позволяют, однако, осуществлять централизованное руководство заключением договоров низовыми предприятиями.

«Основные условия» — не договор; однако их значение очень велико. Это — акт, направляющий заключение генеральных и локальных договоров по такому руслу, чтобы наилучшим образом обеспечить количественное и качественное выполнение плана. Основные условия обязательны к руководству при заключении и исполнении договоров и неотъемлемы от них. До 1949 г. нарушение хозорганами обязанностей, предусмотренных «Основными условиями», влекло за собою административно-правовые последствия, но не уплату неустойки или возмещение убытков. По

одному иску о присуждении штрафных санкций за нарушение согласованных «Основных условий» Госарбитраж при СНК СССР отклонил иск с такой мотивировкой, что «основные условия поставки не являются договором и не могут служить основанием для предъявления сторонами, согласовавшими между собою основные условия поставки, имущественных претензий друг к другу»¹. В настоящее время значение «Основных условий» усилено. Невыполнение «Основных условий» поставки и договор рассматривается как нарушение государственной дисциплины и влечет за собой имущественную ответственность сторон, заключивших договор.

Не имеют широкого применения (хотя законом допускаются) краткосрочные договоры и разовые сделки. Эта форма отношений допущена ввиду увеличения числа хозяйственных организаций и большого разнообразия хозяйственных связей между отдельными хозорганами. Разовые сделки не получали в практике хозорганов сколько-нибудь широкого применения.

До 1949 года в конце каждого календарного года проводились так называемые договорные кампании. Советом Министров СССР (а ранее — Советом Народных Комиссаров СССР) ежегодно издавались специальные постановления о заключении договоров на предстоящий год (известные под именем законов о договорных кампаниях), и в этих постановлениях определялись, в частности, сроки заключения договоров.

Постановлением Совета Министров СССР от 21 апреля 1949 г. устанавливаются на будущее время, начиная с 1950 г., общие сроки заключения годовых хозяйственных договоров (см. стр. 165).

5. Система договорных связей в другой очень важной области договоров социалистических организаций, а именно — договоров подряда и капитальном строительстве, основана на том, что заказчик заключает договор с одним (так называемым генеральным) подрядчиком. Договор заключается на весь объем работ, хотя бы некоторые специальные виды работ (устройство отопления, вентиляции, электрооборудования и т. д.) данным подрядчиком вообще не исполнялись. «Система генерального

¹ «Арбитраж», 1936, № 8, стр. 23. Впрочем, в отдельных случаях, при наличии фактически задания и основных условий поставки, Госарбитраж нередко возмущался накладывать штрафные санкции за недоставку товаров; см. решение, приведенное в статье Шкундина. — О правовом значении основных условий поставки, «Арбитраж», 1940, № 2.

подрядчика» имеет в виду не расплывить ответственность за строительство между целым рядом строительных организаций, а сосредоточить ее на одной организации (генеральном подрядчике) и таким образом сделать ответственность более реальной и тем самым лучше обеспечить своевременность и надлежащее качество выполнения строительства.

Договор заказчика с генеральным подрядчиком на весь объем работ сопровождается договорами (между теми же контрагентами) на те части работ, которые должны быть выполнены в течение каждого года (если строительство рассчитано на несколько лет; если строительство должно быть закончено в течение одного года, договор заключается только один). Этим вносится конкретность в отношения сторон и открывается возможность контроля за исполнением обязательства в течение данного года.

Поскольку генеральный подрядчик не в состоянии выполнить своими силами и средствами все виды работ, связанных с данным подрядом, он вправе заключать от себя договоры с субподрядчиками. Однако за всякого рода неисправности, допущенные субподрядчиками, перед заказчиком несет ответственность генеральный подрядчик (разумеется, генеральный подрядчик в свою очередь вправе возложить на субподрядчика ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение последним своего обязательства).

Таким образом, если в области поставки генеральному договору соответствует локальный договор, который и получит характер «товарного» договора, то в области подряда на капитальное строительство генеральный договор сам имеет «товарный» характер, и ему соответствуют специальные договоры генерального подрядчика с субподрядчиками.

Для руководства при заключении конкретных договоров изданы особые правила о подрядных договорах (СП СССР 1938 г. № 9, ст. 58) и типовые договоры. Заключаемые строительными организациями с их заказчиками договоры должны соответствовать изванным правилам и типовым договорам: как правила о подрядных договорах, так и типовые договоры обязательны для заказчиков и подрядчиков. Конкретные особенности данного строительства получают отражение в «Особых условиях», прилагаемых к генеральному и годовым договорам в качестве их неотъемлемой части. Помимо «Особых условий», к генеральному договору требуется приложение технического проекта с генеральной сметой к нему и объяснительными записками, списка всех объектов строительства, обнимаемых договором, и других документов.

§ 21. Оформление договора

1. Договор, как двусторонняя сделка, предполагает согласие волеизъявление каждой из двух сторон, вступающих в договор. Воля сторон должна быть выявлена вовне, изъявлена. Способы такого изъявления или выражения воли могут быть предуказаны законом, могут быть определены предварительным соглашением сторон, обусловлены предложением инициатора договора; наконец, стороны могут быть совершенно свободны в выборе того или иного способа выражения воли (формы выражения воли).

Те или иные требования закона относительно формы договоров, конечно, не являются случайными. Как вся правовая надстройка, так и эта ее часть имеет своим базисом, своим основанием производственные отношения, «экономический строй общества на данном этапе его развития» (С т а л и н).

Дело в том, что требование определенной формы сделок имеет как положительные, так и отрицательные стороны, причем на разных этапах развития хозяйства баланс этих положительных и отрицательных сторон требования формы получается различный. Всякое формальное требование представляет известные стеснения, затруднения, вызывает необходимость проволочки, траты времени, связано с опасностью попасть впросак, вследствие какого-либо упущения, ввиду чего сделка может оказаться незавершенной. Эти отрицательные стороны формы дают себя знать не в одинаковой мере, в зависимости от большей или меньшей громоздкости формы, но при всякой форме они как-то сказываются. Но наряду с этими отрицательными чертами форма имеет и свои положительные стороны. Формальное совершение договора придает ему большую ясность, определенность, устойчивость; предупреждаются возможные споры и сомнения, а если спор и возникает, то облегчается доказывание как факта совершения договора, так и его содержания. Особенно важно с практической стороны формальное совершение договора в тех случаях, когда ему предшествуют — ввиду сложности содержания договора или значительности его суммы — длительные предварительные переговоры; в этих случаях иной раз трудно было бы установить из содержания переговоров точную грань, отделяющую их от самого заключения договора: требование определенной формы договора вносит ясность и в этот вопрос. Форма представляет собой как бы печать, накладываемую в знак законности выражения воли.

2. Для заключения сделки недостаточно одного внутреннего решения воли лица, а при двусторонней сделке — договоре — недостаточно внутреннего решения воли двух сторон. Воля должна

быть выражена не в том или ином способом. Способы выражения воли можно назвать формами выражения воли. В этом смысле можно было бы сказать, что не бывает неформальных сделок: форма, как то или иное средство выражения воли, присуща каждой сделке, каждому договору. Содержание и форма находятся в неразрывном диалектическом единстве.

Если сделки, в частности договоры, и можно делить на формальные и неформальные, то лишь в условном смысле. Именно, в противопоставление сделок формальных и неформальных вкладывается тот смысл, что в одних случаях стороны совершенно свободны в выборе средств выражения своей воли; они могут избрать более простые или более сложные способы выражения воли по своему усмотрению; ни закон, ни их собственное предварительное решение никаких ограничений в выборе средств выражения воли для них не ставят. Такие сделки и принято называть неформальными. В других случаях закон (либо собственная воля контрагентов) или предъявляет прямое требование соблюдения такой-то, точно определенной (например, нотариальной) формы совершения сделки или ограничивает выбор контрагентами средств выражения воли так, что исключает возможность определенных способов выражения воли (например, не допускается устное совершение сделки). В двух последних случаях сделки называются формальными.

Постановку вопроса о форме договора в советском праве можно в общих чертах охарактеризовать так: наше право не отказывается от формы договора, в некоторых случаях считает ее необходимой, но никогда не превращает ее в какой-то фетиш.

В принципе заключение договоров не связывается с соблюдением определенной, предуказанной законом формы. Воля может быть выражена любым способом: словесно, письменно, молчаливо, совершением так называемых конклюдентных действий, т. е. таких, которые имеют свою цель, но вместе с тем дают основание заключить о наличии воли сделать изъявление такого-то содержания (например, лицо приступает к исполнению договора; из этих его действий видно выражение согласия на заключение договора и т. п.). Советское право и с этой стороны (формы) неизмеримо превосходит буржуазные законодательства тем, что эти последние, провозглашая необязательность выполнения каких-либо форм договоров в качестве общего принципа, превращают на деле эту принципиальную норму в лицемерную фразу. Так, например, французский гражданский кодекс исходит из принципа неформального заключения договоров, но косвенно требует письменной формы тем, что по любому до-

пору на сумму свыше 500 франков, т. е. по огромному большинству договоров, не допускает доказывания посредством свидетельских показаний. Немалое отражение формализма можно видеть и в английском праве (договоры за печатью и др.).

В эксплуататорских государствах формализм бьет по наименьшим классам: представителям этих классов часто не по карману выполнение формальных требований, а нарушение этих требований влечет недействительность договора.

Советское право не только по внешности, а по существу исходит из принципа неформального совершения договоров. Даже в отношении договоров социалистических предприятий требуется очень простое оформление: достаточно простой письменной формы. Правильность такого подхода к регулированию данного вопроса не вызывает сомнений. В современном оживленном обороте социалистического общества не место для ненужных формальностей: ввести как правило более или менее сложную форму договора значило бы серьезно стеснить оборот. К тому же установление каких-либо сложных формальностей (например, требование нотариальной формы) для договоров социалистических организаций не требуется и по существу дела: подлинность подписей, дата заключения договора и пр. и при простом письменном договоре социалистических организаций не внушают сомнений. Таким образом, сложная форма договора, вызывая замедление и затруднения, вместе с тем не принесла бы никакой пользы делу. Интересы дела требуют, однако, чтобы договоры социалистических предприятий совершались все же, как правило, в письменной форме. Это имеет важное значение с точки зрения учета деятельности отдельных предприятий и с точки зрения государственного контроля.

Статья 27 ГК содержит постановление, что сделки (следовательно, и договоры) могут совершаться устно или же в письменной форме. Само собой разумеется, что достаточно также и того, если воля лиц совершить сделку явствует из их поведения (так называемые конклюдентные действия). Письменные договоры могут быть простые и нотариально удостоверенные.

Простая письменная форма требуется, например, в тех случаях, когда договор совершается на сумму свыше 500 руб. (ст. 136 ГК), а договор займа требует письменной формы даже если его сумма не превышает 50 руб. (ст. 211 ГК). Снижение предела суммы, начиная с которого договор займа должен облекаться в письменную форму, установлено в интересах заемщиков: неформальность договора займа могла бы приводить нечестным людям требовать возвращения никогда не дававшихся в действительности сумм, подтвердив лжесвидете-

лями, что якобы валюта займа была переиздана; требование формы служит гарантией против подобного рода злоупотреблений.

Нотариальная форма установлена для некоторых особо важных сделок, как, например: для сделок со строениями, ст. 90 ГК — залог строений, ст. 182-а — запродажная запись, или предварительный договор на заключение в будущем купли-продажи строения, ст. 185 — купли-продажа строений и др. В некоторых случаях договор должен быть зарегистрирован в коммунальном отделе (например, купли-продажа строения по ст. 185 ГК должна быть зарегистрирована «под страхом недействительности»; по ст. 182-а в коммунальном отделе должно быть зарегистрировано совершение или прекращение действия запродажной записи, причем в этой статье не сказано «под страхом недействительности»).

Письменная сделка должна быть подписана лицами, совершающими ее (при совершении сделки через представителя она подписывается представителем). Если лицо вследствие болезни, физических недостатков или по иным причинам не может подписаться собственноручно, оно может поручить другому лицу подписать за него документ о сделке; при этом требуется, чтобы подпись была надлежащим порядком засвидетельствована и чтобы была указана причина, по которой лицо, совершавшее сделку, не могло подписать само.

В тех случаях, когда договор должен быть совершен в письменной форме, не обязательно (если нет специального указания в законе, как это имеет место, например, при векселе) составление отдельного документа. Мыслимо, например, что договаривающиеся стороны обменяясь собственноручно подписанными письмами, из которых видно, что между ними достигнуто соглашение по существенным пунктам, и т. п.

3. Бытовой язык нередко сохраняет в себе отрицание практики. И по данному вопросу и быту иной раз с самим термином «договор» связывают представление о «письменном договоре». Например, говоря, что А. занимает жилое помещение без договора, вовсе не имеют в виду сказать, что А. занимает помещение без соглашения с собственником дома, а только — что между сдатчиком и съемщиком нет письменного договора. Также отождествление «договора» и «письменного договора» является неправильным.

4. Советский закон, устанавливая для определенных категорий договоров формальные требования, связывает несоблюдение в разных случаях последствия с несоблюдением этих требований. Более сильны санкции формы договора заключается в том, что при несоблюдении требуемой формы сделка становится не-

действительной (сполна или в части). Но закон знает и более слабую санкцию — сделка, совершенная без соблюдения требуемой формы, остается действительной, но в случае спора не доказывается должником в качестве средства доказательства свидетельскими показаниями (прим. к ст. 136 ГК). Например, заем суммы свыше пятидесяти рублей должен совершаться в письменной форме; но так как в наших условиях займы обычно делают людям хорошо знакомым, товарищам по службе и т. п., то по бытовым условиям считается неудобным требовать от заемщика расписки, так что в жизни приведенное требование очень часто нарушается. Закон не поражает таких договоров недействительностью; если кредитор, не получая обратно суммы, данной в займы, будет вынужден обратиться в суд, причем или ответчик заявит на суд и не будет отрицать имевшего место займа или в распоряжении истца окажется какое-нибудь письмо ответчика, в котором тот просил об отсрочке платежа или по другому поводу упоминал о займе как о состоявшемся факте, — суд удовлетворит иск кредитора. Но если в распоряжении истца не окажется ни одного письменного документа, а ответчик станет отрицать долг либо вовсе не явится в суд, истцу ничем будет доказать правильность своего требования, так как свидетельскими показаниями он по такому делу воспользоваться не может, — и в иске ему будет отказано.

Полная недействительность сделки в результате несоблюдения установленной формы наступает только тогда, если это прямо указано в законе (ст. 29 ГК); несоблюдение нотариальной формы всегда влечет за собой недействительность сделки (ср. прим. 1 к ст. 130 ГК).

Если договор признается недействительным ввиду нарушения требуемой законом формы, а договор тем не менее исполнен, каждая из сторон обязана возратить другой все полученное по договору (ст. 151 ГК); при невозможности возврата полученного в натуре — каждая сторона должна возратить стоимость полученного (наступает так называемая двусторонняя реституция).

В судебной практике первой фазы развития Советского государства и права выявилась тенденция несколько смягчить формальные требования даже в тех исключительных случаях, для которых они установлены. Именно, в инструктивном письме Гражданской кассационной коллегии Верховного суда РСФСР № 1 за 1927 г. было предано такое указание судам: в тех случаях, когда закон связывает с несоблюдением формы недействительность сделки, форма рассматривается законом как существенная часть сделки и отсутствие ее делает всю сделку порочной, не порождающей для сторон ни прав, ни обязанностей. Однако судебная практика нашла возможным даже в этих слу-

чаях при известных обстоятельствах смягчить последствия несоблюдения формы. В том же инструктивном письме 1927 года № 1 указано, что сделка, совершенная с нарушением ст. 29 ГК РСФСР (устанавливающей санкцию за нарушения формы в виде недействительности сделки), но не заключающая в себе ничего противозаконного или явно убыточного для государства, фактически целиком или в большей своей части выполненная сторонами, может быть в интересах участвующих в сделке трудящихся признана судом действительной, с возложением на заинтересованную сторону обязанности оформить сделку в нотариальных органах в определенный судом срок.

По поводу этих указаний судебной практики необходимо заметить, что если указание инструктивного письма 1927 года оправдывалось социально-экономическими условиями первой фазы советской истории (наличие остатков эксплуататорских классов, которые могли пытаться эксплуатировать трудящихся, выступавших в качестве их контрагентов), то установление в настоящее время правила, что суд может признавать сделку действительной, несмотря на несоблюдение установленной формы, не является жизненно необходимым, а между тем этим было бы в значительной мере подорвано значение самой нормы закона. Закон устанавливает обязательную форму лишь в особо важных случаях, когда соблюдение формы необходимо с точки зрения интересов социалистического общества. Поэтому в современных условиях ослабление формальных требований при совершении сделки надо признать нежелательным. Однако в практике Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР и за последние годы встречаются определения, в которых признается действительной сделка, совершенная с нарушением обязательной формы. Так, в Сборнике постановлений и определений Верховного суда СССР за 1944 г. (стр. 224) опубликовано определение под № 309, в котором договор купли-продажи строения, не оформленный в соответствии с требованиями ст. 185 ГК Грузинской ССР, признан порождающим правовые последствия (переход права собственности на строение), поскольку сторонами произведен расчет по договору, строение передано покупателю и находится в его фактическом пользовании длительное время, причем покупатель уплачивает и налоги по дому, словом, договор принят сторонами к исполнению. Действительность договора обусловлена, конечно, последующим оформлением договора в нотариальном порядке и регистрацией в коммунальном отделе (также см. «Судебная практика Верховного суда СССР», 1949, № 4, стр. 18; 1950, № 2, стр. 43).

Если это ослабление формальных требований способно вызвать известные сомнения, то заслуживает внимания другой случай, а именно, когда одна из вступающих в договор сторон

желает выполнить требование закона относительно нотариального удостоверения, причем свое серьезное отношение к договору она выдает в том, что полностью или в большей части исполнила свое обязательство по этому договору, а между тем другая сторона недобросовестно уклоняется от нотариального удостоверения. Целесообразно было бы, чтобы в подобного рода случаях суду было предоставлено право признать сделку действительной, заменив своим решением нотариальное удостоверение (подобно тому как для частного случая это предусмотрено ст. 182-б ГК: если сторона, участвовавшая в совершении запродажной записи, уклоняется от совершения договора купли-продажи строения, то суд может признать договор купли-продажи строения совершенным).

Если суд не находит нужным в подобного рода случае выносить решение о признании сделки действительной, то он обязывает сторону, недобросовестно уклоняющуюся от надлежащего оформления сделки, возместить другой стороне положительный ущерб, понесенный в результате признания сделки недействительной из-за несоблюдения формы.

5. Примечание 2 к ст. 130 ГК предусматривает случай, когда заключается договор, для которого законом не установлено никакой обязательной формы, но своим предварительным соглашением стороны договорились, что договор должен быть облечен в определенную форму. В этом случае договор признается заключенным лишь после того, как он облечен в ту форму, какую имели в виду стороны.

Если эта условленная форма договора не соблюдена, договор может быть признан несостоявшимся. В этом случае Верховный суд определяет имущественные последствия на тех же началах, как при нарушении установленной законом обязательной формы, т. е. возвращение сторон в первоначальное положение. Однако Верховный суд (в упомянутом выше инструктивном письме) проводит все-таки различие между случаями нарушения обязательной формы, установленной законом, с одной стороны, и случаем, предусмотренным прим. 2 к ст. 130 ГК, с другой стороны. Глубже анализируя эти отношения, Верховный суд рекомендовал судам, обсуждая договор с точки зрения прим. 2 к ст. 130 ГК, иметь в виду, что соглашение сторон о форме договора в этих случаях есть лишь одно из условий сделки, принятых на себя добровольно сторонами, в зависимости от наступления которого стороны поставили силу договора. Поэтому Верховный суд РСФСР (в том же письме № 1 1927 г.) рекомендовал судам, прежде чем отменить в этих случаях силу за договором и применить ст. 151 ГК (о двусторонней реституции), сначала обсудить: 1) не воспрепятствовала ли недобросовестно оформлению договора сторона, которой это выгодно, и 2) не было ли между сторонами соглаше-

ний или действий, свидетельствующих об отмене этого условия (двустороннее соглашение, принятие договора к исполнению и т. п.). Если будет установлено наличие этих обстоятельств, суд вправе признать сделку, и не облеченную в условленную форму, все-таки обязательной для сторон. В особенности нет оснований, по мнению Верховного суда РСФСР, применить к такого рода сделкам ст. 151 ГК в тех случаях, когда все или большая часть обязательства выполнена одной стороной и только невыгодность сделки для другой стороны, выяснившаяся в процессе исполнения сделки, послужила для этой второй стороны основанием возбудить формальный спор о недействительности сделки ввиду необлечения ее в условленную форму¹.

§ 22. Обязательства из односторонних юридических актов

Основанием возникновения обязательств является в ряде случаев односторонняя сделка, или односторонний юридический акт.

1. Статья 423 ГК постановляет, что завещатель может возложить на наследника по завещанию, если им является лицо, принадлежащее к числу наследников по закону, исполнение какого-либо обязательства в пользу одного, нескольких или всех остальных наследников. Если же наследником по завещанию назначено (при отсутствии лиц, имеющих право на наследование по закону) какое-либо другое лицо, то завещатель может возложить на него исполнение обязательства в пользу любого лица. Возложение на наследника подобного рода обязательства называется завещательным отказом (или легатом).

Завещательный отказ (или легат) характеризуется в качестве сингулярного преемства в имуществе наследодателя. Сингулярный характер преемства в этих случаях выражается в том, что в лице отказополучателя (т. е. того, в чью пользу сделан отказ) возникает одно или несколько определенных прав, но без возложения на это лицо какой-либо ответственности по обязательствам наследодателя.

Советское право не знает такой разновидности отказа, когда отказополучатель в момент открытия наследства получает право непосредственно на какой-то предмет из состава имущества наследодателя.

Советскому праву известен лишь такой отказ, по которому наследодатель возлагает на наследника исполнение определенной обязанности в пользу отказополучателя.

Таким образом, односторонний юридический акт завещания служит в этом случае основанием возникновения обязательства

¹ В отношении наследственных сделок см. Л. А. Лука, Международное частное право, стр. 223 и сл.

(сопровождающийся другим односторонним актом — принятием наследства). Должником по этому обязательству является наследник, кредитором — указанный завещателем лицо; содержание определяется завещательным распоряжением, т. е. односторонней сделкой наследодателя.

Этот вид обязательства, однако, подлежит исполнению только с некоторыми ограничениями. В соответствии со ст. 434 ГК, наследник, на которого возложено исполнение завещательного отказа, обязан исполнить отказ лишь в пределах стоимости перешедшего к нему наследственного имущества. Второе ограничение вытекает из ч. 2 ст. 422 ГК и заключается в том, что путем завещательного отказа не может быть уменьшена та доля несовершеннолетних детей и других нетрудоспособных наследников, которая бы причиталась им, если бы они были признаны к наследованию по закону.

Обязательственное право отказополучателя может оказаться в коллизии с такими же правами кредиторов завещателя. Поскольку отказополучатель получает безвозмездное предоставление, а кредиторы завещателя выводят свои требования из тех обязательственных отношений, в которых они состояли с завещателем и которые, как правило, являлись возмездными, было бы целесообразно с точки зрения интересов устойчивости делового оборота установить, что обязательственные права кредиторов завещателя получают удовлетворение в первую очередь. Только в том случае, если по удовлетворении кредиторов остается актив наследства в достаточном для исполнения отказа размере, должно быть исполнено и обязательство наследника перед отказополучателем. В действующем Гражданском кодексе такого указания нет.

2. В качестве основания возникновения обязательства следует признать публичное обещание награды (действующий Гражданский кодекс такого основания возникновения обязательства не предусматривает).

Среди встречающихся в практике жизни случаев публичного обещания награды за совершение определенного действия следует различать обещания, даваемые государственной или иной социалистической организацией (объявление открытого конкурса на лучшее произведение в той или иной отрасли науки, искусства, литературы), и публичные обещания, даваемые гражданами (например, обещание вознаграждения за находку).

Наиболее важным случаем публичного объявления награды является объявление открытого конкурса, т. е. публичное обещание награды, данное государственной или иной социалистической организацией, за лучшее исполнение какой-либо работы (например, за лучшую пьесу, за лучший учебник и т. п.). Такое обещание должно обязывать организацию уплатить обещанную на-

граду лицу, работа которого удовлетворяет условиям конкурса. Объявление о конкурсе порождает такие последствия только при условии полной конкретности его содержания, а именно, объявление должно содержать срок, назначенный на соискание, размер награды, которая будет выдана, а также все другие условия конкурса. В объявлении должно также указываться, кто и в каком порядке будет судить относительно того, соответствуют ли предъявленные к сроку работы тем требованиям, какие были указаны в объявлении, и затем на основе каких критериев и кем должна производиться сравнительная оценка работы, если работ представлено несколько. Если в объявлении конкурса не содержится указаний относительно того, в каком порядке и как должны решаться эти вопросы, следует признать, что организация, объявившая конкурс, сохранила за собой право разрешать все спорные вопросы, возникающие относительно оценки представленных работ (с привлечением авторитетных специалистов).

Может случиться, что результат, имеющийся в виду объявлением открытого конкурса, достигнут не одним лицом, а совместной деятельностью двух или нескольких лиц. В этом случае вознаграждение следовало бы распределять между этими лицами пропорционально степени участия каждого из них в достижении результата. Если бы оказалось, что определить степень участия каждого из нескольких лиц невозможно, вознаграждение должно делиться между всеми ими поровну. На почве определения степени участия в достижении результата каждого из нескольких лиц могут возникнуть споры и разногласия. Этот случай целесообразно разрешить так, что награда не должна выдаваться, пока разногласия не будут разрешены полюбовно или в судебном порядке. Может быть и такое положение, что требуемого результата достигли двое или несколько лиц, независимо одно от другого, т. е. эти лица не сотрудничали один с другим, а действуя каждый самостоятельно, быть может, даже не зная другого, пришли к одинаковому результату. В этом случае награду следовало бы выдать первому, представившему результат, а при одновременном представлении двумя или несколькими лицами разделить между ними поровну.

Публичное обещание гражданином награды за совершение определенного действия, данное в письменной форме и доведенное до общего сведения путем печати, вывешивания объявления и т. п., обязывает обещавшего уплатить обещанную награду. Надо признать, что публичное обещание награды порождает обязательство лишь в том случае, если оно сделано в письменной форме и притом стало действительно публичным, т. е. доведено до общего сведения посредством ли объявления в газете, наклейки объявления (например, в витрине Мосгорсправки) и т. д.

Относительно природы «публичного обещания награды» возможны разные точки зрения. Можно рассматривать публичный вызов как предложение заключить договор, но только обращенное не к определенному отдельному лицу или к нескольким определенным лицам, а предложение договора, обращенное к неопределенной массе лиц, — так называемая публичная оферта (см. § 18). С этой точки зрения, одна сторона публично обещает нечто всякому, кто со своей стороны сделает нечто (например, доставит пропавшую вещь). Совершением действия, за которое обещана награда, выявляется другая сторона в договоре, при этом факт совершения требуемого действия означает принятие предложения. С этой точки зрения получается, что делаящий публичный вызов или обещающий публично награду одним своим обещанием еще не обязывается; обязательство возникает только с момента принятия предложения (выразившегося в совершении предложенного действия), т. е. на основе договора.

При такой конструкции пришлось бы признать, что лицо, совершившее действие, указанное в публичном обещании, не только не имея в виду принять сделанное предложение, но вообще не зная о публичном вызове, не может претендовать на уплату обещанного вознаграждения; договора нет, если принятие предложения не имело места, а было лишь совершение действия, случайно приведшего к результату, которого добивался делавший публичный вызов. Этот вывод практически неприемлем.

С изложенной точки зрения надо признать публичное обещание свободно отменяемым вплоть до его принятия (выражающегося в совершении требуемого действия).

Конструкция публичного обещания награды как публичного предложения заключить договор, таким образом, не только нелегитимна, искусственна, но и приводит к выводам, не приемлемым с практической точки зрения.

Поэтому целесообразнее другая точка зрения, а именно, публичное обещание награды, правильное расценивать как односторонний юридический акт, обосновывающий возникновение обязательства сам по себе, помимо принятия и независимо от принятия.

Отмена сделанного обещания, как правило, не допустима. Эта точка зрения практически удобна, так как при ней цель обещания оказывается легче достижимой, чем при договорной теории.

Возникновение обязательства следует связывать с самим публичным обещанием.

3. Действительность в интересе другого лица без его поручения. В жизни возможны такие случаи, когда лицу угрожает имущественный ущерб, если не принять немедленно тех или иных мер, необходимых для предотвращения

угрожающего ущерба. Между тем лицо, над которым висит такая угроза, в силу какой-либо причины (отсутствия, болезни) лишено возможности принять необходимые меры для предупреждения вреда. Вместо него выступает совершенно постороннее третье лицо, которое не имеет поручения от того, для кого оно выступает. Это выступление, т. е. совершение действий, которые действующее лицо признало необходимыми, порождает обязательство, по содержанию своему сводящееся к возмещению расходов, понесенных выступившим лицом, представлению отчета в произведенных действиях и к сдаче ценностей, оказавшихся на руках у того, который вел дело другого лица. В этом случае выступают два противоположных хозяйственных интереса и соображения: собственник имущества, не имеющий возможности лично позаботиться о нем, заинтересован в том, чтобы другие лица не проходили для него мимо, не вступаясь в чужое дело, несмотря на то, что этому последнему угрожает ущерб; но, с другой стороны, собственник должен быть огражден от чрезмерной инициативности посторонних лиц, собственник должен быть гарантирован от того, что его имущество не будет подвергнуто таким усовершенствованиям, которые будут сопровождаться непосильными для него расходами.

Гражданский кодекс не упоминает этого вида обязательства, но общему смыслу Гражданского кодекса возникновение обязательства из подобного рода деятельности в интересе другого лица без поручения этого последнего вполне соответствует.

В одном из определений Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР (№ 473 — 1942 г., Сборник за 1942 г., стр. 152) проглядывает даже такая мысль, что забота об имуществе, о котором собственник не может сам позаботиться, составляет прямую обязанность тех, в чьем помещении такое имущество отсутствующего собственника находится. Конкретная обстановка того дела, по которому состоялось названное определение, была следующая: гражданка, находившаяся в командировке, ночью внезапно заболела и в тяжелом состоянии отвезена в больницу; по выздоровлении она обнаружила, что ее вещи, оставшиеся в помещении, предоставленном ей для проживания той организацией, куда эта гражданка была командирована, исчезли. Гражданская коллегия Верховного суда СССР признала эту организацию обязанной возместить стоимость вещей (по ст. 403 ГК) на том основании, что данная организация не исполнила лежавшей на ней обязанности принять меры к сохранению вещей или сдать их в органы милиции.

Суды, встречая в своей практике случаи ведения дел одними лицами другим, не имеющим поручения от первого (и не обязанным вести дело в силу закона), и не находя в законе прямого ответа на возникающие при таких обстоятельствах вопросы, — распро-

страивают на подобного рода случаи по аналогии нормы закона об обязательствах из неосновательного обогащения (ст.ст. 304 и 400 ГК) и отчасти — о договоре поручения (ст. 269 ГК). Однако такое разрешение вопроса недостаточно: хотя отношения, складывающиеся при «ведении дел» и при неосновательном обогащении, имеют некоторое сходство, но наряду с этим между ними есть и существенная разница; что же касается применения к случаям «ведения дел» норм о поручении, то это чрезвычайно затруднительно, так как своеобразие «ведения дел» в том и состоит, что оно происходит без поручения.

«Деятельность в интересах другого без поручения» должна рассматриваться как самостоятельное основание возникновения обязательства, принадлежащее к числу односторонних актов. В этом случае обязательство возникает при том непременно условии, если лицу, за дело которого, без поручения с его стороны, берется кто-то другой, угрожал имущественный ущерб, для предотвращения которого этому постороннему лицу пришлось вмешаться. Само собой разумеется, что это вмешательство происходит при таких обстоятельствах, когда воля хозяина дела не может быть выражена и действовать приходится без его поручения. Но лицо, действующее в интересе другого без его поручения, обязано при первой же возможности уведомить заинтересованное лицо о первых принятых мерах, являвшихся безусловно необходимыми, а дальнейшие действия приостановить до получения указания хозяина дела. Если такие указания поступят, то дальнейшие отношения будут складываться уже на договорной основе, а не на основании одностороннего действия лица, взявшегося за чужое дело. Однако и в этом отношении нужно сообразоваться с интересами того лица, в чьих интересах ведется дело: если приостановка дальнейших действий должна повлечь за собой ущерб для этого лица, то взявшийся за это дело не должен приостанавливать свою деятельность. Конечно, поскольку в рассматриваемых случаях лицо вступает добровольно, оно не будет отвечать перед заинтересованным лицом, если, приняв самые необходимые меры, оно поставит это лицо в известность о сложившемся положении, а само дальнейшие действия приостановит. Однако при невозможности уведомить заинтересованное лицо начавший вести дело другого без поручения должен довести дело до конца. Такое требование к лицу, взявшемуся за дело другого, нужно предъявить хотя бы потому, что иначе интересы этого другого лица могут серьезно пострадать: у третьих лиц, знающих о том, что данное лицо вступило в известное дело, складывается предположение, что необходимые с точки зрения заинтересованного лица меры уже приняты и что им (этим третьим лицам) надобно проявлять о нем заботу не приходится.

Одностороннее волеизъявление лица, извещающего за ведение дела, является, таким образом, основанием возникновения обязательства. Обязательство ложится и на ту и на другую сторону. На того, кто действовал в чужих интересах, возлагается обязанность представить отчет о своих действиях, а если его деятельность сопровождалась получением каких-то ценностей, которые должны были поступить в имущество заинтересованного (например, действующее лицо продало скоропортящиеся предметы, принадлежавшие заинтересованному, и получило покупную цену), то действующее лицо обязано передать все полученное тому лицу, в интересах которого оно действовало. Далее, лицо, действующее в интересах другого без поручения со стороны последнего, несет ответственность за убытки, которые заинтересованный потерпел от его деятельности, при условии, если будут доказаны умысел или грубая неосторожность действовавшего лица. Возмещение убытков, когда добровольно взявшийся за чужое дело будет отвечать не только за свою вину, но даже за случайно причиненный вред заинтересованному лицу. Это наступает тогда, когда лицо, действующее в интересах другого, имело возможность уведомить заинтересованное лицо о том, что оно вмешалось в его дело, однако этого уведомления не сделало; такая же усиленная ответственность имеет место и тогда, когда уведомление сделано, заинтересованное лицо дало определенные указания (сводятся ли они к предложению прекратить дальнейшие действия или направлять деятельность иначе, — безразлично), а действующее лицо не считается с полученными указаниями.

С другой стороны, факт ведения дела другого лица порождает обязанности и заинтересованного лица. На его обязанности лежит возместить действующему лицу понесенные последним необходимые расходы. Возмещаются именно только безусловно необходимые расходы, т. е. такие, без которых для заинтересованного лица неизбежно наступил бы существенный вред, быть может — полная гибель имущества (например, лицо поставило подпорки к сильно накренившемуся строению). Одного лишь признака хозяйственной целесообразности понесенного расхода недостаточно для признания заинтересованного лица обязанным возместить расход, понесенный действующим лицом: дело в том, что для заинтересованного лица, быть может, не под силу известный расход, хотя в хозяйственной целесообразности расхода не может быть никаких сомнений. Расходы необходимые можно возложить на заинтересованное лицо безусловно, хотя бы для покрытия из ему пришлось расстаться с предметом, на который понесен расход; ведь не будь этого действия, связанного с обязанностью возмещения расхода, собственник все равно потерял бы вещь, так как она погибла бы.

вознаграждения (в собственном смысле) за ведение дела заинтересованное лицо платить не обязано.

Бумаги из предъявителя. Основание возникновения обязательственных отношений, имеющих место между обладателем бумаги на предъявителя и тем лицом, от чьего имени такая бумага исходит, не является бесспорным.

Бумаги на предъявителя являются разновидностью так называемых ценных бумаг. Ценными называются бумаги, образующиеся, воплощающие в себе известное имущественное право. Это «воплощение» заключается в том, что право, выраженное в таком документе, можно осуществить только при условии предъявления самого документа: предъявление документа необходимо для осуществления выраженного в нем права. Право и документ настолько соединяются, что вне и помимо документа не может быть и речи о праве. Таковы, например, облигации государственных займов, чеки, коносаменты (документы, которыми оформляется морская перевозка грузов) и др. Ни по одному из таких документов нельзя получить что следует (например, выигрыш по облигации, платеж по чеку, груз по коносаменту), не предъявив соответствующего документа. В этом — отличие ценной бумаги от других документов, которые имеют значение только доказательства известных правоотношений и прав (например, заемная расписка).

Если в ценной бумаге поименовано определенное лицо, причем требовать осуществления права по этой бумаге может только это лицо (или тот, кому право будет передано в порядке общегражданской уступки права; см. § 29), то ценная бумага называется и м е н н о й.

Если осуществлению права по ценной бумаге может требовать тот, кто указан в бумаге, а также всякий «его приказу» (или ордеру), к которому бумага переходит не в порядке общегражданской уступки права, а по индоссаменту или передаточной надписи, бумага называется о р д е р н о й.

Бывают, наконец, также ценные бумаги, в которых не указывается даже первое лицо, которое должно получить эту бумагу, и вообще нет указания на какое-либо лицо в качестве субъекта права, выраженного в документе; право предоставляется в этом случае всякому, кто предъявляет такой документ. Третья категория ценных бумаг называется поэтому б у ж а г а м и н а п р е д ь я в и т е л я: факт обладания документом легитимирует в этих случаях лицо как субъекта права.

Поскольку в именных и ордерных бумагах первый приобретатель права требования обозначается совершенно точно, то естественно представляется такая конструкция, что обязательство возникает в этом случае на основании договора между тем, от кого бумага исходит, и первым ее приобретателем. Но в отноше-

нии ценных бумаг на предъявителя вопрос об основании возникновения обязательства является менее ясным.

Трудности при предъявительских бумагах личность кредитора с тем, что при предъявительских бумагах личность кредитора с самого начала не определяется точно.

В советской литературе выражено мнение¹, что с точки зрения действующего советского права обязательственное правоотношение, выраженное в бумаге на предъявителя, может возникнуть только на основании договора между составителем и приобретателем. Это мнение обосновывается таким образом. Обязательство, возникающее из бумаги на предъявителя, должна опираться на действующее право. Между тем по ст. 106 ГК РСФСР «обязательства возникают из договоров и других указанных в законе оснований, в частности, вследствие неосновательного обогащения и вследствие причинения другому вреда». Следовательно, для того, чтобы признать основанием возникновения обязательства односторонний акт, нужно иметь специальное указание закона и в этом именно смысле. Но закон нигде не указывает на одностороннее волеизъявление ни как на источник определенного круга обязательственных правоотношений, в который можно было бы включить и обязательства по бумагам на предъявителя, ни специально как на источник обязательства по таким бумагам. Что касается прим. 2 к ст. 60 ГК РСФСР (о недопущении индикационного иска против добросовестного приобретателя государственных и иных, допущенных к обращению в пределах СССР ценных бумаг на предъявителя, содержащих обязательство платежа определенной денежной суммы, а равно банковых билетов, даже если они были утрачены или похищены), то оно, по мнению представителя этой точки зрения, не использовано при решении данного вопроса быть не может, так как относится к вопросу о праве на бумагу, но не к вопросу о праве из бумаги. В этой норме вопрос об основании возникновения обязательства вообще не затрагивается, и его нужно решать, пользуясь другим материалом советского права. Прим. 2 к ст. 60 ГК можно применить лишь после того, как установлено, что в данном случае имеется ценная бумага, т. е. что в ней воплощено определенное право.

Ценные предъявительские бумаги могут рассматриваться в качестве самостоятельного источника обязательства только при наличии специальных о том указаний в законе. Поэтому, чтобы критически оценить изложенную точку зрения, необходимо пересмотреть важнейшие категории бумаг на предъявителя и прояснить, в чем кроется с точки зрения советского закона основание возникновения обязательства.

Подходя под этим углом зрения прежде всего к облигациям государственных займов, нетрудно убедиться, что весь процесс

¹ М. И. Атарков, Учение о ценных бумагах, 1927, стр. 88.

подписки на эти займы, весь политический и общественный их характер свидетельствует о договорной природе обязательства государства по выпускаемым облигационным займам. Трудящиеся, желающие активно участвовать своими трудовыми сбережениями в социалистическом строительстве, производят подписку на заем; государство принимает их заявку, предоставляет им рассрочку покрытия сумм подписки; после того как вся сумма, на которую данное лицо подписалось, им внесена, ему выдается облигация как документ, удостоверяющий и выражающий в себе заемное обязательство государства (если подписавшийся на заем не желает пользоваться рассрочкой и сразу вносит всю сумму, ему немедленно вручаются и облигации займа). Договорная природа обязательства в этом случае не вызывает сомнения. Поскольку характер обязательства государства определяется как заем, не подлежит выводу, что это обязательство (сводящееся к обратной уплате при известных условиях и в определенные сроки сумм, полученных от подписчиков на заем) возникает не ранее получения государством тех сумм, на которые подписались те или иные лица. Однако, если облигации займа окажутся во владении добросовестного приобретателя, они не могут быть от него истребованы, хотя бы они были похищены от государственного учреждения (например, из сберкасс). Но это основывается на специальной норме прим. 2 к ст. 60 ГК, имеющей в виду упрочить положение добросовестного приобретателя государственных ценных бумаг на предъявителя¹.

Очень распространенной в отношениях между социалистическими организациями бумагой на предъявителя является чек. Бланый чек, в котором не указано, что он выдан приказу или на имя определенного лица, считается выданным на предъявителя (ст. 4 Положения о чеках, 6 ноября 1929 г., — СЗ СССР 1929 г. № 73, ст. 697). Из Положения о чеках видно, что обязанность плательщика в отношении клиента-чекодателя оплатить выданный чек возникает на договорной основе. В силу ст. 17 названного Положения плательщик (а в этом качестве может быть только кредитное учреждение) обязан перед чекодержателем оплатить чек при наличии соглашения с клиентом-чекодателем о распоряжении счетом чекодателя посредством чеков и в соответствии с этим соглашением (так называемый чековый договор). При этом

¹ Предложенное М. М. Агарковым толкование прим. 2 к ст. 60 ГК РСФСР, исключавшее вывоз, слишком формально и не может быть использовано при решении данного вопроса. Разделить «право на бумагу» и «право на бумагу» и считать, что закон ограждает добросовестного приобретателя только в отношении права на бумагу как на вещь, и не дает ему выраженной в бумаге права требования, значило бы лишить эту норму закона смысла и живучести: предъявительская бумага для добросовестного приобретателя имеет значение только как документ, дающий основание предъявить истребованное требование.

чекодатель может отменить выданный им чек, и тогда плательщик вообще не вправе оплачивать чек. Помимо этого, чек сам по себе не создает обязанности плательщика перед чекодержателем оплатить указанную в чеке сумму. Эта обязанность возникает лишь в случае акцепта чека плательщиком.

Но обязательство чекодателя перед чекодержателем основано на одностороннем акте чекодателя. Это видно из определения чека в ст. 1 Положения о чеках: «чеком признается письменное предложение чекодателя плательщику произвести платеж определенной суммы денег чекодержателю», предложение, содержащее указанные в той же статье реквизиты. Таким образом, односторонняя воля чекодателя порождает для него обязательство перед чекодержателем — ответственность за оплату чека (такой же природы обязательство и других лиц, принимающих на себя ответственность по чеку: акцептанта, надписателей и др.)¹. Если чек не был оплачен плательщиком, чекодержатель может предъявить требование к лицам, ответственным за неоплату чека, а именно, к чекодателю, к лицам, поставившим свою подпись на оборотной стороне чека на предъявителя. Обязательства этих лиц отвечать за оплату чека основаны на одностороннем волеизъявлении: это волеизъявление выражается в подписании чека чекодателем или другими лицами, которые поставили свою подпись на обороте чека. По Положению о чеках (ст. ст. 4—7) для возникновения обязательства по чеку не требуется, чтобы чекодатель заключил договор с первым чекодержателем; достаточно одностороннего волеизъявления, выраженного в установленной форме (Положением о чеке), и нахождения чека у правильного чекодержателя. В учебнике гражданского права для юридических институтов 1944 г. (т. II, стр. 173) из этого делается вывод, что действующий закон о чеках придерживается той точки зрения, что обязательство возникает с момента подписания чека. Эта конструкция должна быть признана неправильной: поскольку для возникновения обязательства по чеку требуется, кроме составления этого документа, еще нахождение чека у правильного чекодержателя, следует признать, что Положение о чеках стоит на иной точке зрения, а именно, оно приурочивает возникновение обязательства к моменту выдачи чека. То обстоятельство, что правильным чекодержателем должен быть признан и добросовестный приобретатель украденного чека, не противоречит данной конструкции, — здесь лишь применяется принцип ограждения интересов добросовестных приобретателей ценных бумаг.

¹ Ландкоф («Чек и жироприскл», 1931, стр. 21), по мнению, конструирует обязательство по чеку как договорное: «Выдача и прием чека необходимы для возникновения у лица, обладающего чеком, права на получение платежа по чеку».

Из числа ордерных ценных бумаг следует еще назвать вексель, применяемый по внешнеторговых операциях (в социалистическом обороте вексель не может иметь применения ввиду того, что он противоречил бы кредитной реформе 1930 года, запрещающей коммерческое кредитование). По Положению о переводном и простом векселе от 7 августа 1937 г. (СЗ СССР 1937 г. № 52, ст. 221) переводным векселем называется такой документ, составленный с соблюдением установленной законом формы, в котором выражено обязательство одной стороны (векселедателя) уплатить в указанный в векселе срок определенную денежную сумму другой стороне (первому векселедержателю или тому, кому он прикажет). Это ордерная ценная бумага; выраженное в ней право требования может передаваться путем индоссаментов — передаточной надписи, совершенной на векселе. Кредитором по векселю является его законный держатель. Законным держателем векселя считается тот, кто основывает свое право на непрерывном ряде индоссаментов, т. е. на ряде передаточных надписей, из которого видна последовательность перехода векселя от одного лица к другому. Держатель векселя, основывающий свое право на непрерывном ряде индоссаментов, приобретающий вексель добросовестно (т. е. приобретатель векселя не знал, что этот документ, например, украден у векселедателя или вообще вышел из владения векселедателя против его воли), сохраняет право по векселю, каким бы путем вексель ни вышел из рук векселедателя. Это постановление закона дает основание заключить, что в отношении переводного векселя у нас проводится креационная теория, т. е. обязательство по векселю возникает с момента составления векселя.

Эта точка зрения выражена в Положении и в отношении других лиц, несущих обязательства по векселю. Таковы: акцептант, авалист, индоссант. Акцептом векселя называется принятие на себя плательщиком обязательства оплатить вексель в срок. Как только акцептант сделал на векселе соответствующую отметку и подписал вексель в качестве акцептанта, с этого момента он уже является обязанным лицом по векселю. То же самое относится и авалисту, или вексельному поручителю, и к индоссанту, совершающему передаточную надпись. Их ответственность по вексельному обязательству также возникает с момента дачи подписи, т. е. с момента применения креационной теории.

Таким образом, ценные бумаги в некоторых случаях порождают обязательство на основе одностороннего акта.

В капиталистических странах бумаги на предъявителя имеют огромное значение в области торговых сношений.

Еще для периода промышленного капитализма Маркс указывал (в т. III «Капитала») на огромное значение акций железно-

дорожных, горных, пароходных и других обществ¹. Но особенно велико значение ценных бумаг (и среди них — бумаг на предъявителя) для буржуазного права периода империализма. В работе В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» значение ценных бумаг характеризуется следующими образом: «Исключительно высокая прибыльность выпускаемых бумаг, как одной из главных операций финансового капитала, играет очень важную роль в развитии и упрочении финансовой олигархии»². «Империализм есть громадное скопление и невозможность стран денежного капитала... Отсюда — необычайный рост класса или, вернее, слоя рантье, т. е. лиц, живущих «стрижкой купонов», — лиц, совершенно отделенных от участия в каком-либо предприятии, — лиц, профессией которых является праздность»³. «Все более и более выпукло выступает, как одна из тенденций империализма, создание «государства-рантье», государства-ростовщика, буржуазия которого живет все более вывозом капитала и «стрижкой купонов»⁴. В этих словах В. И. Ленина ярко показано, что институт ценных бумаг облегчает концентрацию капитала в руках монополистических компаний. Ценные бумаги являются юридической формой, при помощи которой финансовый капитал осуществляет контроль над промышленностью и торговлей капиталистических стран. Ценные бумаги служат также средством вывоза капитала в другие, экономически более слабые страны и внедрения монополистического капитала в экономику этих стран. Одна из важных разновидностей ценных бумаг — акции — используется монополистами для того, чтобы создавать так называемые «дочерние» предприятия: в этих случаях центральная организация имеет «контрольный пакет» акций в дочернем предприятии и таким образом вершит судьбу последнего.

Ценные бумаги способствуют созданию паразитической фигуры рантье, живущего стрижкой купонов и имеющего, по словам В. И. Ленина, профессией праздность⁵.

В буржуазной цивилистике сложились по вопросу об основании возникновения обязательства, выраженного в бумаге на предъявителя, разнообразные теории. Одни буржуазные теоретики усматривают основание возникновения данного рода обязательств в договоре, другие считают основанием возникновения обязательства в данном случае не договор, а односторонний акт. При этом односторонний акт понимается не всеми одинаково.

¹ См. Маркс и Энгельс, Соч., т. XIX, ч. 2, стр. 53.

² Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 22, стр. 222.

³ Там же, стр. 263.

⁴ Там же, стр. 286.

⁵ Подробнее см. «Гражданское и торговое право капиталистических стран», 1949, стр. 144 и сл., 326 и сл.

Одни теоретики приурочивают возникновение обязательства к самому изготовлению бумаги на предъявителя, подписанию ее тем, от кого бумага исходит (так называемая креационная теория), другие — к выпуску бумаги в свет по воле того, от кого документ исходит (эмиссия, эмиссионная теория), и т. д.

Различные конструкции, выражаемые перечисленными теориями, имеют практическое значение при решении вопроса о том, действительна ли предъявительская бумага, если она поступила в обращение помимо воли составителя: при договорной и эмиссионной теории бумага на предъявителя в этом случае не может породить прав в лице приобретателя; наоборот, с точки зрения теории креационной, добросовестный приобретатель бумаги становится субъектом права требования, воплощенного в этой бумаге.

В условиях империализма та или иная конструкция обязательства из ценных бумаг имеет непосредственное значение для представителей финансового капитала. В зависимости от того, рассматривать ли такого рода обязательство в качестве договорного или выводить его из одностороннего акта, находится ответственность банков: при договорной теории эта ответственность суживается, при креационной и эмиссионной теориях — расширяется. Понятно поэтому, что за каждой из буржуазных теорий кроется защита интересов той или иной группы капиталистов. Но какая бы конструкция ни была дана ценным бумагам в буржуазном праве, их эксплуататорское значение, указанное выше, прикрыть невозможно.

§ 23. Причинение вреда личности или имуществу другого лица как основание возникновения обязательства

В перечле оснований возникновения обязательства важное место занимает причинение одним лицом вреда личности или имуществу другого лица. Этот вид обязательств направлен на защиту социалистической и личной собственности и человеческой личности. Специальное изучение таких обязательств составляет содержание отдельного тома курса. Здесь даются лишь самые общие замечания относительно причинения вреда как основания возникновения обязательства. Статья 403 ГК выставляет общий принцип: «Причинивший вред личности или имуществу другого обязан возместить причиненный вред...». По ст. 410 возмещение вреда производится путем восстановления прежнего состояния (причинителем или за его счет); если восстановление прежнего состояния невозможно, потерпевшему должны быть возмещены причиненные убытки. Таким образом, если, допустим, вред выражен в повреждении здоровья, то лицо, обязанное к возмещению этого вреда, должно прежде всего дать потерпевшему возможность восстановить здоровье. Связанные с этим имущественные

потери (утрата заработка ввиду необходимости длительного отдыха, расходы на лечение, на усиленное питание и т. д.) должны быть возмещены на причинителя ущерба, ответственного за него. Эти обязательства направлены на компенсацию потерпевшему понесенных им имущественных потерь, хотя бы вред был причинен не от неправомерного действия, но во всяком случае необходимо дать все материальные условия для восстановления (хотя бы до некоторой степени) нарушенных личных благ. Личные блага (жизнь, здоровье, личное достоинство и т. д.), нарушенные виновным действием, в гражданском праве охраняются лишь посредственно, в виде возмещения имущественного вреда, связанного с вредом личным. Так называемый немущественный вред гражданским правом не возмещается.

Из ст. 403 ГК вытекает, что по общему правилу причинение вреда только тогда является основанием возникновения обязательства, если вред причинен действием и противоправным и виновным. Противоправным действием или правонарушением надо признать поведение лица, противоречащее нормам советского социалистического права (необходимо при этом, в силу статьи 130 Конституции СССР, учитывать и правила социалистического общежития). Далее, понятие правомерности приложимо лишь к действиям лиц (включая и воздержание от действий), но не к событиям: факты, не зависящие от воли человека, не могут рассцениваться как правомерные или неправомерные. Второй признак — виновность действия¹ — составлял предмет споров советских юристов. Одни авторы высказывались за то, что всякий факт причинения вреда, независимо от субъективной виновности причинителя, обязывает его к возмещению причиненного вреда. Другие придерживались того взгляда, что обязательство возмещения вреда порождается только виновным причинением, а отнюдь не всяким действием причинителя. Этот спор, подробно излагаемый в специальной части обязательственного права, в советском законодательстве разрешен в смысле признания потерпевшему лишь возникновения обязательства возместить вред потерпевшему лишь виновного действия. Исключения составляют случаи ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности.

§ 24. Неосновательное приобретение или сбережение имущества как основание возникновения обязательства

Статья 106 ГК в числе других оснований возникновения обязательства называет «неосновательное обогащение» (этот традиционный термин «неосновательное обогащение» для социалистического права является неподходящим; его можно заменить

¹ Относительно значения «вины» см. ч. II настоящей работы.

термин «неосновательное приобретение или сбережение имущества»). «Обогащившийся за счет другого без достаточного установленного законом или договором основания обязан возратить неосновательно полученное. Обязанность возрата наступает и тогда, когда основание обогащения отпадает впоследствии» (ст. 209 ГК).

Буржуазные теоретики нередко объясняют этот институт соображениями морали, справедливости, которая нарушается, если какое-то имущество приобретает не тем, кому его следовало бы иметь. В советской литературе уже отмечалась¹ ложность таких объяснений. В самом деле, в условиях капитализма вообще не приходится, ибо сам капиталистический строй, характеризующийся эксплуатацией человека человеком, тем самым не имеет ничего общего со справедливостью.

Советское право, не включающее какую бы то ни было эксплуатацию человека человеком, является действительно справедливым правом. Но именно поэтому советская наука может обойтись без обращения к такому общему обоснованию, как мораль, справедливость и пр. Буржуазная цивилистика должна как-то прикрывать наготу действительных отношений, ибо эти отношения уж слишком неприглядны; и если сказать, что данная категория обязательств направлена на охрану собственности, то это равносильно заявлению, что эти обязательства направлены на охрану эксплуататоров. Социалистическое право знает ведущую форму собственности — право социалистической собственности и производную от нее — право личной собственности, для которого социалистическая собственность является основанием. Поэтому советская наука не имеет надобности укрываться за какие-то ширмы, а так и может признать, что обязательства из неосновательного приобретения (или сбережения) имущества направлены на охрану социалистической и личной собственности. Надобность в таком способе охраны наглядно дает себя знать, когда vindикационный иск не может быть использован для защиты права собственности ввиду того, что ее предмет в данном случае не индивидуализирован (например, денежная сумма); между тем vindикация возможна только в отношении определенных индивидуально. В отношениях между социалистическими организациями охрана собственности путем признания обязательства из неосновательного приобретения возникает нередко на почве банковских расчетов. Если на счет одной социалистической организации ошибочно зачислена сумма, причитающаяся другой организации, то в этом случае о vindикационном иске вообще речи не может

¹ М. М. Агарков, Обязательства по советскому гражданскому праву, 1960, стр. 156.

быть, ибо вторая организация никаких вещей не передвала первой, и единственный способ восстановить нормальное имущественное положение и заключается в том, чтобы признать возникновение обязательства из неосновательного приобретения (или сбережения) имущества первой организацией за счет второй.

§ 25. Обязательства из других оснований, специально указанных в законе

1. Одним из наиболее важных оснований возникновения обязательства, не укладываемых в типические основания, рассмотренные в предыдущих параграфах, является обязательство по содержанию другого лица (алиментированию), возникающее в силу определенных родственных или брачных отношений, с которыми закон связывает такое обязательство. Брачные отношения или кровное родство являются существенной предпосылкой понятия алиментного обязательства. Если гражданин или юридическое лицо причинило вред личности другого, лишив его полностью или частично трудоспособности, и суд возложил на причинителя вреда обязанность временных выплат потерпевшему определенных сумм на его содержание, такое обязательство не относится к числу алиментных именно потому, что оно установлено вне всякой зависимости от отношений семейно-правового характера. Таким образом, обязательство доставлять содержание (алименты) основано на специальной норме семейного права, обязывающей определенных лиц помогать некоторым категориям родственников и вообще близких, которые сами не могут содержать себя.

Такого рода обязательство, во-первых, возникает между супругами. Пока супруги живут совместно и их семейная жизнь протекает нормально, взаимная юридическая обязанность каждого супруга, имеющего материальную к тому возможность, содержать другого супруга — нетрудоспособного и не имеющего средств к существованию, не получает внешнего выражения, так как супруги ведут общее хозяйство и таким образом удовлетворяются их потребности в пище, одежде и т. д. Но если супруги живут раздельно, то в случае нетрудоспособности и немощности средства у одного из супругов и материальной возможности для другого, для этого последнего возникает обязательство давать содержание первому супругу (ст. 14 КЗоБСО РСФСР). Это обязательство остается и в течение некоторого времени (определенного в законодательстве различных союзных республик различно; по КЗоБСО РСФСР — в течение одного года) после прекращения брака разводом.

Обязательство давать содержание лежит также на родителях в отношении несовершеннолетних и нуждающихся нетрудоспособных детей и, взаимно, на детях в отношении нуждающихся

нетрудоспособных родителей (ст. ст. 42, 49 КЗоБСО РСФСР). И в этом случае имеет важное значение, проживают ли кредитор и должник совместно или раздельно. В условиях совместной жизни обязанности и вообще взаимоотношения личного характера переплетаются с имущественными так, что обязанность алиментирования выполняется в натуре, и потому расторжением в общем строе взаимоотношений этих лиц. Только при раздельном жительстве управомоченного и обязанного она превращается в обыкновенное юридическое обязательство, по которому одна сторона вправе требовать от другой совершения определенных действий (платежа периодических денежных сумм, выдач натурой).

Далее, Кодекс законов о браке, семье и опеке устанавливает обязанность содержания в отношении следующих лиц: отчима и мачехи по содержанию пасынков и падчериц; пасынков и падчериц — в отношении отчима и мачехи; лица, взявшего ребенка на постоянное воспитание и иждивение, — в отношении этого ребенка; братьев и сестер — в отношении друг друга; деда и бабушки — в отношении внуков; внука и внучки — в отношении деда и бабушки (ст. ст. 42¹, 42², 54, 55 КЗоБСО РСФСР).

Статья 42² КЗоБСО устанавливает еще специальную норму: лица, получившие наследство от того, кто содержал детей, или от лица, на котором по закону лежала обязанность содержать детей, обязаны доставлять содержание несовершеннолетним или нуждающимся нетрудоспособным детям в пределах размера полученного этими лицами наследства.

Фактический состав алиментного обязательства в разных случаях различен. Если брать алиментное обязательство родителей (усыновителей) в отношении несовершеннолетних детей (усыновленных), то фактический состав, с которым связывается обязанность алиментирования, исчерпывается отношениями родства между управомоченным и обязанным. В других случаях алиментирования фактический состав сложнее: требуется отсутствие средств у одного, материальная возможность для другого и т. д.

Обязательство одного лица давать содержание (алименты) другому лицу по своей юридической природе является весьма своеобразным. Такое обязательство тесно связано с определенными лицами (как на стороне кредитора, так и на стороне должника): лицо, имеющее право на получение содержания, не вправе передать это право другому лицу, равно как лицо, обязанное давать содержание, не вправе перевести свой долг на другого. Недопустимо соглашение сторон о капитализации временных выплат и т. д. Гражданская коллегия Верховного суда РСФСР в инструктивном письме от 11 июня 1929 г. охарактеризовала право на получение содержания как «некий суррогат социального обеспечения».

2) Право автора драматического, музыкального произведения и т. п. на вознаграждение за постановку произведения вытекает, независимо от договора, из факта публичного исполнения произведения данного автора другим лицом.

Точно так же признание лица изобретателем создает для него право требовать вознаграждения (в случае использования изобретения или признания изобретения полезным), независимо от какого-либо договора.

Глава III

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ЛИЦ В ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕ

§ 26. Обязательства долевые и солидарные

1. В обязательстве участвуют две стороны — кредитор и должник. Если каждая из этих сторон представлена одним лицом, обязательство можно назвать простым. Однако возможно, что та или иная сторона в обязательстве окажется представленной не одним лицом, а несколькими лицами. Другими словами, в обязательстве может быть при одном должнике несколько кредиторов или при одном кредиторе — несколько должников; возможно, наконец, что в обязательстве и несколько кредиторов и несколько должников. Во всех этих случаях говорят о множественности лиц в обязательстве.

Множественность лиц может иметь место в обязательстве с самого его возникновения: так будет, если несколько лиц совместно вступит в один договор в качестве нескольких кредиторов или нескольких должников; так будет и тогда, если несколько лиц совместно совершают правонарушение. Но множественность лиц может оказаться в обязательстве и в последующее по его возникновению время; так, обязательство, первоначально простое, т. е. имевшее одного кредитора и одного должника, в связи со смертью того или другого может перейти к нескольким наследникам, и таким образом окажется несколько кредиторов или несколько должников.

Надо заметить, что только что приведенный пример — перехода обязательства одного лица к нескольким — может иметь место лишь в отношении граждан. Если, допустим, юридическое лицо делится на два новых юридических лица (например, промыслово-кооперативная артель разукрупнена посредством образования вместо нее двух новых артелей), то каждое обязательство прекращающего существование юридического лица переходит полностью тому или другому из вновь образованных вместо него юридических лиц.

2. Юридическое положение каждого из нескольких кредиторов или нескольких должников в разных случаях множественности субъектов складывается неодинаково. В одну группу приходится выделить те случаи обязательств с несколькими кредиторами или несколькими должниками, когда эти несколько кредиторов или

несколько должников имеют право требовать или обязаны исполнить обязательство — каждый в своей доле (равной или неравной с другими). Так, например, практике известны случаи, когда контрагентами по договору поставки выступают, наряду с основной организацией, еще несколько организаций той же системы, каждая в определенной доле общей суммы поставки (так называемые дольщики), — например, Центросоюз и ряд областных потребительских союзов.

Такое обязательство носит название долевого обязательства (долевым нельзя признать обязательство, если контрагентом в нем является только одна организация: допустим, Центросоюз, дающий разрядку, согласно которой товар должен отгружаться в адреса ряда областных потребсоюзов, не участвующих в договоре с поставщиком).

Долевое обязательство возникает при вступлении в наследство нескольких наследников по ст. 420 ГК; при наследовании по закону наследственное имущество (а следовательно, и входящие в его состав права требования и обязанности) делится на равные доли между лицами, призванными к наследованию; разумеется, обязательства делятся по долям только при условии, если содержание обязательства делимо.

В другую группу можно отнести те случаи обязательств с несколькими субъектами, когда кредитор имеет право потребовать от любого из должников исполнения обязательства полностью, и этим исполнением освобождаются перед кредитором все должники (а может предъявить такое требование и ко всем должникам вместе); или, наоборот, когда каждый из нескольких кредиторов имеет право требовать от должника исполнения обязательства в полном размере, причем должник, исполнив обязательство одному из кредиторов, освобождается от обязанности в отношении всех кредиторов (ст. ст. 115—116 ГК). В случаях этой второй группы говорят о солидарности обязательства: солидарности на стороне кредиторов — если в обязательстве несколько кредиторов, и о солидарности на стороне должников — если в обязательстве несколько должников.

Хозяйственный смысл и значение солидарности на стороне должников заключается в том, что, поскольку кредитор имеет право требовать исполнения всего обязательства полностью с любого из солидарных должников, создается большая уверенность в получении кредитором удовлетворения, большая устойчивость и хозяйственная ценность обязательства.

Солидарность на стороне кредиторов имеет значительно меньшее практическое значение: оно сводится лишь к тому, что при наличии нескольких солидарных кредиторов легче производить необходимые действия для получения удовлетворения (сложения с должником, принятие мер взыскания). Неудивительно поэтому,

что в то время как солидарность должников — явление довольно распространенное в практике, солидарность кредиторов почти не встречается в жизни.

Солидарность не предполагается (одинаково — участвует ли в обязательстве несколько кредиторов или несколько должников). Она имеет место лишь в тех случаях, когда она прямо установлена законом (примеры ст. ст. 240, 241, 408 и др. ГК) или договором. Если ни из закона, ни из договора не вытекает, что обязательство с несколькими субъектами должно рассматриваться, как солидарное, обязательство считается долевым. Каждый из нескольких кредиторов в этих случаях вправе требовать от должника лишь исполнения частичного, в той доле, какая причитается именно данному кредитору; каждый из нескольких должников обязан исполнить обязательство не сполна, а только в соответствующей части. Разумеется, это возможно только в том случае, если содержание обязательства допускает такое частичное, доленое исполнение (когда обязательство, технически выражаясь, делимо). Если же в обязательстве участвует несколько кредиторов или должников, а содержание обязательства не допускает деления, исполнению по частям (так называемое неделимое обязательство), то эти несколько кредиторов признаются солидарными кредиторами, а несколько должников — солидарными должниками (ст. 116 ГК).

Делимым содержанием обязательства является, главным образом, тогда, когда оно направлено на передачу денежной суммы или других заменимых вещей. Если, например, два лица, имеющие на праве собственности корову, продают ее, их обязательство передать покупателю эту корову не может быть исполнено по частям; неделимость содержания приводит к солидарности обязательства.

3. При долевым обязательстве все отношение представляется в таком виде. При едином правоосновании (договоре или ином) имеет место ряд отдельных правоотношений: каждый из нескольких кредиторов имеет право требования в известном размере, существующее самостоятельно, обособлено и независимо от прав других кредиторов и так же самостоятельно осуществляемое; при нескольких должниках — на каждом из них лежит отдельное, самостоятельное, обособленное обязательство в размере причитающейся на него доли. Самостоятельное положение и обособление осуществляется каждого долевого обязательства наглядно происходит, например, в применении возражений при двусторонних обязательствах. Так, если А. и Б. совместно вступили в двустороннее делимое обязательство, не установив солидарности, и один из них (А.) предъявляет в своей доле иск к должнику, этот последний может в качестве возражения против иска сослаться на то, что А. сам еще не исполнил лежащей на нем взаимной обязанности (ст. 139 ГК), но не может привести в качестве возражения

факта неисполнения обязательства, лежащего на Б, хотя это встречное обязательство Б. имеет своим основанием тот же самый договор. Совершенно такое же положение прав и обязанностей имеет место и в том случае, если несколько лиц совместно наследуют кредитору или должнику по делимому обязательству. Даже в том случае, если некто Б. (в качестве лица, ведущего без поручения дело других лиц) уплачивает по солидарному долгу А. и В. 1000 руб., то Б. будет иметь право регрессного требования против каждого из солидарных должников на сумму 500 руб.; солидарность обязательства А. и В. имеет место в отношении кредитора именно по этому обязательству; а обязательство, возникающее из ведения дел без поручения (платежа за А. и В. их долга), все же остается долевым.

Обособленный характер нескольких долевым обязательств выражается также в том, что принципиально при платеже по долевым обязательствам не применимы регрессные иски, поскольку каждый должник платит в размере своей доли. Если почему-либо один из долевым должников уплатит свыше своей доли, он может иметь к кредитору иск из неосновательного обогащения или, при наличии необходимых для того условий (см. § 22, п. 3), с другого должника по правилам ведения дел другого лица без поручения.

4. При солидарности кредиторов каждый из нескольких кредиторов имеет самостоятельное право требования в полной сумме, но так, чтобы должник был обязан платить только один раз, т. е. так, чтобы платежом одному кредитору он освобождался в отношении всех; при солидарности должников — на каждом из должников лежит обязательство платить кредитору сполна, но так, чтобы кредитор получил исполнение только однажды, т. е. так, чтобы исполнение со стороны одного должника погашало право кредитора в отношении всех должников.

5. Законодательство знает такие виды имущества, которые принадлежат нескольким субъектам сообща, без определения долей отдельных участников подобного рода общности. Таковым имуществом колхозного двора; в известной мере сюда же относится имущество, нажитое супругами в течение брака: закон (ст. 10 КЗоБСО) упоминает, правда, о доле, принадлежащей каждому супругу в этом имуществе, но в данном случае нет заранее известной доли каждого супруга (как то имеет место в отношении участников в общей собственности по ст. ст. 61—65 ГК); доля каждого супруга в случае спора определяется судом. Возникает вопрос, как характеризовать обязательство, в котором право требования (или соответственно — долг, обязанность) имеют два кредитора (или два должника), но такому отношению, которое складывается на почве указанной своеобразной общности имущества (без определенных долей).

Советское право не выделяет таких обязательств в особую категорию. Но тем не менее своеобразие этой категории видется. Так, несмотря на то, что имущество колхозного (и единоличного крестьянского) двора представляет собой общую (и единую) собственность, без определенных долей отдельных членов двора, в судебной практике признается, что возмещение за вред, не только за счет имущества, лично принадлежащего виновному члену двора, но и за счет его доли в общем имуществе двора (в этом смысле см., например, определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР в Сборнике за 1943 г., стр. 192). С другой стороны, по обязательствам самого двора отвечает совместное имущество. В отношении городской семьи наш закон (ст. 10 КЗоБСО) знает лишь общее имущество супругов, нажитое в браке¹. По обязательствам одного из супругов взыскание может быть обращено лишь на личное имущество того супруга, который является должником, и на ту долю в общем имуществе, которая причиталась бы ему при разделе² (при возмещении вреда, причиненного растратой, хищением или иным уголовно-наказуемым деянием, взыскание может быть обращено на общее имущество, если будет доказано, что это имущество было приобретено на растроченные или похищенные средства или существенно увеличилось за их счет, — постановление ЦИК и СНК СССР 10 августа 1927 г., СЗ 1927 г. № 51, ст. 507).

б. Солидарность ответственности, равно как солидарность требования, как уже сказано, не предполагаются; они наступают лишь в случаях, установленных законом или договором. Солидарность по закону может быть установлена в качестве обязательной, например, по ст. 240 ГК лица, совместно давшие поручительство, отвечают перед кредитором как солидарные должники. По ст. 408 ГК лица, совместно причинившие вред, несут солидарную ответственность перед потерпевшим (но не тогда, если они совершенно независимо друг от друга совершили одинаковые нарушения чужого права и т. д.). Но иногда солидарность устанавливается диспозитивной нормой; так, по ст. 241 ГК в случае неисполнения обязательства должник и поручитель отвечают перед кредитором как солидарные должники, однако лишь при условии, если иное не установлено в договоре поручительства.

¹ При этом для признания имущества совместно нажитым не имеет существенного значения, кем из супругов и на имя кого из супругов приобретено данное имущество («Судебная практика», 1949, № 4, стр. 6—7).
² В одном из определений Гражданской коллегии Верховного суда РСФСР была выражена мысль, что по долгам, сделанным как совместно обоими супругами, так и каждым в отдельности, отвечает общее имущество супругов («Судебная практика», 1927, № 12). Это определение едва ли выражает общую линию судебной практики по этому вопросу.

В отношении солидарной ответственности в приведенном примере ст. 408 ГК необходимо иметь в виду постановление 51-го Пленума Верховного суда СССР от 21 июня 1935 г. В этом постановлении Пленум отмечает неправильность судебной практики, во которой суды, рассматривая дела о хищениях и растратах общественной собственности, привлекают к солидарной ответственности в сумме похищенного или растроченного всех осужденных по делу безотносительно к тому, какое участие каждый из осужденных принимал в хищении или растрате. В результате получается, например, такое положение, когда лицо, привлекавшееся по делу о хищении или растрате за небрежное, халатное отношение к работе, не связанное, однако, с какими-либо корыстными целями и осужденное поэтому к незначительной мере наказания, оказывается, ввиду привлечения его к солидарной ответственности, вынужденным в полной мере разделять тяжесть материальных последствий причиненного вреда с непосредственными расхитителями и растратчиками, преступно обогатившимися за счет государства. Пленум указывает, что принцип солидарной ответственности должен применяться так, чтобы не искажался принцип дифференцированного подхода к осужденным, чтобы не ослаблялась ответственность наиболее злостных и опасных участников преступления, а в отношении осужденных, роль которых в преступлении второстепенна и незначительна и которые не были ни исполнителями, ни подстрекателями, ни пособниками, не создавалась бы резкая несоразмерность между тяжестью материальной ответственности и уголовным наказанием, избранным для них судом. Поэтому к солидарной ответственности за вред, причиненный преступлением, должны привлекаться непосредственные исполнители преступления и те, кто принимал участие в виде подстрекательства или пособничества (содействием выполнению преступления советами, указаниями, предоставлением средств и устранением препятствий или же сокрытием преступника или следов преступления)¹. Судебная практика усматривает солидарность ответственности также в указании ст. 405 ГК, что за вред, причиненный несовершеннолетними, наряду с ними отвечают их родители и опекуны².

Что касается установления солидарности по договору, то, разумеется, в большинстве случаев это происходит при одном (для всех кредиторов или должников) общем договоре, в который включается или прямо слово «солидарно» или какое-нибудь одно-

¹ Сборник постановлений и разъяснений Верховного суда СССР, действующих на 1 января 1936 г., стр. 70—71; Сборник действующих постановлений Пленума Верховного суда СССР за 1934—1944 гг., изд. 1946 г., стр. 179.

² Постановление Пленума Верховного суда СССР от 10 июля 1943 г., п. 3—Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР за 1943 г., стр. 10; «Судебная практика», 1948, вып. IV, стр. 17.

значимое выражение, например, два или несколько лиц принимают обязательство с оговоркой: «с полной друг за друга ответственностью», «сполна ручаемся друг за друга» и т. п. Но возможно, что каждый из нескольких кредиторов или каждый из нескольких должников заключают и отдельные договоры, но с указанием, что устанавливаемые ими обязательственные отношения должны считаться солидарными. Во всяком случае, воля сторон должна быть ясно выражена в том смысле, что в договорных отношениях участвует несколько кредиторов или должников. Поэтому не породит солидарности и вообще «множественности лиц в обязательстве» такое соглашение, когда А. вступает с известным лицом в договор с условием, что это лицо заключит договор такого же содержания с Б.; по заключении этих двух договоров каждый из них будет рассматриваться как порождающий отдельное самостоятельное обязательство, причем платеж по одному обязательству не будет считаться основанием для прекращения другого.

Если в качестве оснований возникновения солидарных обязательств упоминаются в кодексе «закон» и «договор», то употребление последнего термина объясняется тем, что из числа актов воли субъектов прав чаще всего солидарность устанавливается именно договором. Однако не исключена возможность установления солидарности и односторонней сделкой; например, завещатель предусматривает в завещании солидарность права требования или ответственности двух своих наследников. Поэтому было бы точнее признать источниками солидарности закон и сделки, причем, конечно, нужно иметь в виду, что из числа сделок основанием установления солидарности чаще всего бывает договор.

§ 27. Солидарность на стороне должников

1. Основное хозяйственное значение солидарного обязательства на стороне должников заключается в том, что благодаря солидарности ответственности должников для кредитора увеличиваются шансы на удовлетворение по обязательству. Эта правовая форма служит для кредитора средством, более или менее гарантирующим платеж по обязательству именно потому, что пока хотя бы один из солидарных должников продолжает оставаться платежеспособным, кредитор может рассчитывать на получение удовлетворения.

Солидарность нескольких должников имеет в практике довольно широкое применение, главным образом, в обязательствах граждан. В отношениях между социалистическими организациями указанного выше хозяйственного основания для установления солидарности ответственности по общему правилу нет. Однако и в этой сфере отношений встречаются случаи солидар-

ности на стороне должников. Так, солидарную ответственность перед чекодержателем несут лица, сделавшие передаточную надпись на ордере чеке (индоссанта), притом как между собой, так и с чекодателем. Равным образом лица, поставившие свою подпись на обороте предъявительского чека, отвечают за оплату чека солидарно с чекодателем и друг с другом. По обратному требованию индоссанта по ордерному чеку к предшествующим индоссантам и к чекодателю, последние отвечают перед ним также солидарно и т. д. По векселю, имеющему применение во внешне-торговом обороте, в силу ст. 47 Положения о переводном и простом векселе от 7 августа 1937 г. (СЗ СССР 1937 г. № 52, ст. 221), все лица, выдавшие, акцептовавшие, индоссаровавшие переводный вексель или поставившие на нем аваль (поручительство), несут солидарную ответственность перед векселедержателем.

Солидарность должников вообще является более распространенным явлением, чем солидарность кредиторов.

Солидарность возможна при обязательствах самого различного содержания: уплатить денежную сумму, передать индивидуально-вещную вещь, выполнить работу и т. п. При этом нет препятствий к тому, чтобы при солидарной ответственности двух должников в какой-то сумме один из них был должен еще некоторую сумму по тому же обязательству, т. е. возможно, что солидарные должники обязаны не в одинаковом размере. Возможно и так, что каждый из должников должен больше, чем сумма солидарной ответственности, другими словами, два должника, вступая совместно в обязательство, устанавливают солидарную ответственность не во всей сумме, а только в части долга. Допустимо, что обязательство одного из солидарных должников будет обеспечено неустойкой, поручительством и т. д., а обязательство другого — обеспечено не будет. И это понятно при том положении, что у кредитора имеется к каждому должнику отдельное право требования: дело в том, что всякого рода придаточные права (а неустойка, поручительство, залог именно такую природу и имеют) могут существовать лишь в соединении с определенным конкретным отношением; если кто-либо согласен принять на себя поручительство по обязательству обоих солидарных должников, он должен это сделать применительно к каждому из них в отдельности.

Нет препятствий к тому, что из двух солидарных обязательств одно будет главным, а другое — к нему придаточным, дополнительным. Так, ст. 241 ГК считает поручителя не запасным должником (отвечающим лишь в случае невозможности взыскания с главного должника), но возлагает на него солидарную ответственность наряду с главным должником: получается, что будучи должником дополнительным, поручитель в то же время является должником солидарным.

2 Действие солидарности на стороне должника. Кредитор по своему усмотрению может предъявить требование к одному из солидарных должников или к нескольким, вместе или совместно или последовательно к одному из других. Если в процессе о взыскании долга с одного из солидарных должников выясняется, что кредитор уже получил удовлетворение с другого, конечно, требование кредитора удовлетворению не подлежит, ибо его право (материальное) уже прекратилось.

Начав взыскание с одного из солидарных должников, но не получив с него полностью всей суммы долга, кредитор вправе взыскать недополученную часть долга с другого солидарного должника.

Так как против каждого из нескольких солидарных должников кредитор имеет самостоятельное право требования, то вопрос о действительности обязательства решается в отношении каждого обязательства отдельно. Поэтому может оказаться, что одно из солидарных обязательств признается действительным, другое — недействительным (например, один из двух солидарных должников оказался недееспособным).

Равным образом, должник, к которому кредитор обратился с требованием уплаты, может иметь против этого требования такие возражения, которые являются общими для всех должников (это те возражения, которые происходят из общего основания возникновения обязательства или из самого содержания солидарного обязательства), но также и такие возражения, которые принадлежат лично данному должнику, т. е. основываются на личных отношениях между кредитором и данным должником. Возражения первой группы («общие») могут, например, вытекать из того, что общий для всех солидарных должников договор, на котором и основывается солидарность, оказывается недействительным вследствие несоблюдения формы, недееспособности кредитора, незаконности содержания и т. п.; равным образом, общим для всех солидарных должников возражением является ссылка на погашение обязательства платежом со стороны одного из должников. Примерами возражений второй группы («личных») могут служить возражения о том, что данному должнику кредитором предоставлена отсрочка или ссылка на пороки воли данного должника и т. п.

Такого рода личные возражения, принадлежащие одному из солидарных должников, не могут быть использованы другим, к которому предъявлен иск.

Если солидарный должник не вправе пользоваться против требования кредитора возражением, принадлежащим лично другому должнику, то «общим» для всех должников возражением каждый из должников не только имеет право, но и обязан пользоваться. Если должник почему-либо не противопоставил требо-

ванию кредитора такого рода общее возражение, вследствие чего суд удовлетворил иск кредитора, такой должник утрачивает, в результате своей бездеятельности, право регресса (см. ниже, п. 3) к другим должникам. Разумеется, эти неблагоприятные последствия не применимы в тех случаях, если солидарный должник не воспользовался общим возражением вследствие уважительного незнания о том обстоятельстве, из которого вытекает «общее возражение»; например, должник, к которому предъявлен иск, не знает, что долг уже погашен другим солидарным должником, и потому не заявляет возражения против иска кредитора.

Но должник не вправе в ответ на предъявленный иск требовать привлечения к делу и других должников: он является ответственным в полной сумме, а внутренние отношения между должниками дают лишь основание для регресса.

Самостоятельный характер каждого из солидарных обязательств приводит к тому, что каждое из них имеет в дальнейшем, так сказать, свою собственную судьбу, отличную нередко от судьбы другого обязательства. Это, между прочим, приводит к тому, что поведение каждого из солидарных должников, поскольку в договоре нет какого-либо специального указания, касается только его, его обязательство может осложниться, расшириться и т. д., но другого должника эти обременения, явившиеся результатом поведения первого должника, не коснутся. Общий принцип: обстоятельства, видовозменяющие, осложняющие, прекращающие обязательство, только тогда производят соответствующие последствия в отношении всех должников, если они имеют, так сказать, общий для всех должников характер; если же подобного рода обстоятельство возникает в лице одного лишь должника или так или иначе связано с особыми условиями, в которых находится должник, то действие этого обстоятельства ограничивается только данным должником.

Во всяком случае, один из солидарных должников не может отягощать положения других должников. Последствия действий, совершенных вопреки этому, ложатся на одного того, кто их совершил. Так, допустим, что один из солидарных должников дополнительным соглашением с кредитором принял на себя обязательство платить проценты, установил неустойку на случай несвоевременного исполнения и т. п.; других солидарных должников эти дополнительные обязательства не коснутся, разве только первый должник был уполномочен на данного рода действия своими содолжниками. Далее, допущенная одним из солидарных должников просрочка исполнения производит действие только в отношении его, но не отражается на положении других, если только договором или законом (например, ст. 239 ГК в отношении поручителя) не установлена в этих случаях ответственность одного солидарного должника за просрочку, допущенную другим

солидарным должником. Если по вине одного из должников исполнение становится невозможным, то обязанность возмещения вреда возлагается только для того солидарного должника, который по своей вине сделал исполнение невозможным; для других солидарных должников причина невозможности исполнения будет иметь значение случая, за который они не отвечают. Это положение может быть изменено договором: можно договором предусмотреть, что солидарные должники взаимно отвечают за вину друг друга.

Срок исковой давности исчисляется отдельно в отношении каждого из солидарных должников. Если один из содолжников прервет признанием долга течение исковой давности, он прерывает этим давность только против себя, но не против содолжников; вообще поведением одного из содолжников ухудшается только его положение, но не положение других солидарных должников. Если давностный срок истек, а должник не использует возражения о давности, то это обстоятельство значения не имеет, так как советский суд обязан и по своей инициативе принять во внимание истечение давностного срока.

Солидарность на стороне должников, как указано выше, имеет целью сделать положение кредитора более прочным, увеличивая его шансы на удовлетворение. Однако солидарность не должна приводить к неоднократности получения кредитором исполнения. Поэтому, как только кредитор получает удовлетворение, освобождаются от обязательства перед ним все солидарные должники. Должник, совершающий платеж, может не знать, что в силу закона наряду с ним имеется другой должник, отвечающий солидарно, и все-таки исполнение со стороны первого освобождает и этого второго.

Такое же действие, как платеж, производит и предоставление чего-то вместо платежа. Если кредитор соглашается принять от одного из солидарных должников частичное исполнение, обязательство всех солидарных должников сводится к остатку (если нет специального указания в законе относительно каких-либо иных последствий).

Равным образом, если один из должников сдает предмет долга в депозит, последствия этого ложатся на всех должников. Зачет может производиться только представлением к зачету права требования, принадлежащего лично данному должнику, но поскольку зачет приравнивается к удовлетворению платежом, последствия зачета распространяются на всех должников. Солидарный должник, к которому обращено требование кредитора, не может предъявить к зачету встречное право требования, имеющееся у другого должника (иначе получилось бы, что один из солидарных должников может распоряжаться имуществом правом другого должника).

Если один из солидарных должников освобождается от своего обязательства таким фактом, в котором не заключается удовлетворения кредитора, то положение других солидарных должников не всегда одинаково: они также освобождаются от обязательства лишь тогда, если это вытекает из обстоятельств данного случая или из самого характера обязательства.

В частности, прощение долга (а также отсрочка платежа), совершенное в отношении одного из содолжников, по общему правилу, не касается других должников. Однако кредитор может совершить эти действия и не персонально в пользу данного должника, а в пользу всех вообще должников, как это, например, может вытекать из того, что кредитор отдал обратно долговой документ.

Новация обязательства не есть удовлетворение кредитора; после этого акта он остается попрежнему кредитором. Поэтому и в этом случае новация, совершенная кредитором с одним из должников, действует только в отношении этого должника. На других должников действие новации распространяется только в том случае, если таково было намерение кредитора и всех должников (см. § 59).

При слиянии в одном лице и кредитора и одного из солидарных должников (например, кредитор оказался наследником одного из солидарных должников), прекращаются обязательства всех солидарных должников, так как цель, для которой устанавливались обязательства, достигнута. Однако солидарный должник, в лице которого соединился и кредитор, поскольку он пользуется правом регресса, может соответственные части долга переложить на своих содолжников. Таким же образом складываются отношения и в том случае, если кредитор совершает уступку своего права требования одному из солидарных должников.

Невозможность исполнения обязательства (невиновная) освобождает всех солидарных должников.

Если кредитор уклоняется от принятия исполнения, предложенного одним из солидарных должников, и впадает в просрочку, последствия просрочки кредитора (ослабление ответственности должника, возможность освободиться от обязательства сдачей в депозит) распространяются на всех солидарных должников. В случае смерти одного из солидарных должников на его место вступают его наследники, которые становятся солидарно (с оставшимися в живых солидарными должниками) ответственными. Необходимо, однако, различать два случая. Если умершему солидарному должнику наследует одно лицо, вообще ничего не меняется: на место умершего просто становится его наследник. Другой случай — когда умершему наследует не одно, а несколько лиц. Между собой они делят обязательство, поскольку оно делимо. И тогда выходит, что каждый из них отвечает солидарно

с остальными должниками уже не в полной сумме долга, а только в своей доле. Кредитор в этом случае имеет к другим солидарным должникам иск в полной сумме, а к каждому из наследников — в размере его доли.

3. **Право регресса.** Исполнение солидарного обязательства одним из должников прекращает обязательство. Но этим еще не оканчиваются правоотношения между самими должниками. Солидарность обязательства не исключает вопроса о долевом распределении обязательства между самими должниками. Должник, полностью удовлетворивший кредитора, может поставить вопрос о том, чтобы другие должники, освободившиеся за его счет от обязательства, и соответствующих долей возместили ему уплаченную сумму. Конечно, должник, произведший платеж, погашает собственную долг. Однако тем самым освобождается от обязательства и солидарный содолжник, а потому он должен возместить должнику, уплатившему долг, соответствующую долю. Право требовать такого возмещения называется правом обратного требования или регрессом.

Регресс имеет место не только в отношениях между несколькими солидарными должниками, но и в ряде других случаев. Например, поставщик поручил упаковочной артели упаковать и сдать на железную дорогу для отправки покупателю товар; товар прибыл на место с недостачей против транспортных документов; по иску покупателя суд признал ответственным за недостачу товара поставщика, с которого и взыскал стоимость недостающего товара, а поставщик, в свою очередь, обращается с претензией (возместить взысканную сумму) к упаковочной артели, ответственной перед поставщиком по договору; предъявляемый в этом случае иск называется регрессным.

Другой пример. Госстрах уплатил страхователю, застраховавшему свое имущество от огня, убытки, причиненные пожаром; выяснилось, что пожар возник по вине некоего Иванова; Госстрах имеет право регресса, т. е. может требовать с Иванова сумму, уплаченную страхователю, и т. д.

Таким образом, регрессное требование предполагает наличие трех сторон, из которых между двумя сторонами имел место платеж (денег или иных вещей), дающий третьей стороне право требования, а именно: или уплатившая сторона получает право требования (о возмещении уплаченного) к третьей стороне, или третья сторона получает право требования к стороне, получившей платеж (правее) последнего случая — получение полной суммы долга одним из солидарных кредиторов — см. § 28).

Термину «регрессное требование» соответствует русский термин «обратное требование». Однако это последнее выражение употребляется в более широком смысле: если одно предприятие задолжало другому предприятию некоторую сумму,

а затем, выяснив свою ошибку, требует эту сумму обратно, то такое «обратное» требование не имеет ничего общего с регрессом, поскольку в отношении участвуют только две стороны. Во избежание смещения разнородных категорий приходится пользоваться латинским термином «регресс».

Регрессные иски, направленные на возвращение в данное имущество денег и иных имущественных ценностей, поступивших или сохранившихся формально правильно, но по существу без основания, в другом имуществе являются одним из действительных средств для охраны социалистической и личной собственности и для последовательного проведения начал хозяйского расчета.

Регрессное требование предполагает существование какого-то основного правоотношения, от которого регрессное требование является производным (в приведенном выше примере с отпиривкой товара через экспедитора обязательство поставщика в отношении покупателя возместить стоимость недостающего товара и факт уплаты причитающейся покупателю суммы служат основанием регрессного требования поставщика к экспедитору; регрессное требование является, таким образом, производным от правоотношения между поставщиком и покупателем как основного правоотношения). Этот производный характер нельзя понимать в смысле придаточности регрессного требования: придаточное право существует лишь постольку, поскольку существует главное; регрессное же требование, напротив, возникает только по прекращении (фактом платежа или получения известной суммы) основного правоотношения.

В арбитражной практике применимость регрессных требований ограничивается проведением такого принципиального положения, что к числу регрессных исков относится не всякий иск, который вытекает из факта платежа, произведенного данным истцом третьему лицу за счет другого (ответчика), а лишь те из них, которые только и могут быть обоснованы, исходя из факта платежа, иском же из какого-либо другого основания; данную претензию осуществить нельзя. Так, если поставщик сдал покупателю по договору товар, изготавливаемый другой организацией, причем этот товар идет, как принято выражаться, транзитом, причем поставщику не был сообщен акт госэкспертизы, то в случае, если товар будет покупателем забракован и с поставщиком взыскана на этом основании определенная сумма, поставщик имеет регрессный иск к изготовителю товара. До составления покупателем акта о некачественности товара и предъявления претензии к поставщику, последний не имеет к изготовителю товара права требовать уценку, штраф и пр. за ненадлежащее качество товара. Напротив, если предприятие, изготовившее товар, сдало его поставщику, а тот (со своего склада) отгрузил товар покупателю, то иск поставщика, уплатившего за недоброкачественность

товара своему покупателю и требующего затем уплаченную сумму с изготовителя товара, не рассматривается органами арбитража в качестве регрессного. Основание для этого заключается в том, что поставщик имел возможность, не ожидая взыскания с него покупателем, предъявить самостоятельное требование к изготовителю товара.

Это ограничительное условие применения регрессных исков, установленное арбитражной практикой, надо признать соответствующим природе регресса и весьма целесообразным. Дело в том, что признание иска регрессным влечет за собой нечисленность срока исковой давности по такому иску, начиная с момента платежа поставщиком покупателю, вследствие чего в конечном итоге удлиняются установленные законом сроки исковой давности, вопреки императивному характеру соответствующих норм закона.

Кроме приведенных выше случаев регресса, можно назвать еще следующие примеры регрессных требований: транспортное предприятие, уплатившее грузополучателю за утраченный груз, при смешанной (железнодорожно-водной) перевозке предъявляет регрессное требование к тому транспортному предприятию, на котором произошла утрата груза; орган социального страхования, удовлетворивший потерпевшего на предприятии увечье и т. п., имеет (если вред причинен преступным действием или бездействием предприятия) право требования к предприятию в размере выданного потерпевшему пособия (ст. 413 ГК); генеральный подрядчик, уплативший заказчику штрафные санкции и убытки за неисполнение или ненадлежащее исполнение работы, производившейся субподрядчиком, имеет регрессное требование к субподрядчику и др.

Возвращаясь к вопросу о регрессе при солидарных обязательствах, надо признать, что это право связывается с самим фактом исполнения обязательства одним из должников в полном размере. Право регресса вообще предполагается, и только тогда, когда по характеру правоотношения между солидарными должниками можно сделать заключение об отсутствии такого права, уплативший должник не имеет регрессного требования к другим должникам. Так, если долг погашен главным должником, последний не имеет права регресса к поручителю (по самому характеру отношения между главным должником и поручителем). Размер регрессного требования (в тех случаях, когда оно допускается) определяется, исходя из предположения, что все содолжники отвечают в равных долях. Однако из договора между должниками может вытекать и иное распределение ответственности.

При осуществлении права регресса должник не обязан считаться с тем, что кредитор одному из должников персонально взыскал долг. Подобного рода акты имеют силу только в отношении между главным должником и кредитором, но не могут ухуд-

шать положение других должников. Поэтому должник, возмещавший обязательство, имеет право регресса и к должнику, получившему персональное освобождение от обязательства. Кредитор вправе отказаться от своего права требования к определенному должнику, но не вправе влиять на взаимоотношения между этим должником и остальными, в частности, на право регресса. Должник вправе договариваться с кредитором о прекращении обязательства, но не освобождается этим от своих обязательств в отношении содолжников.

Поскольку регресс есть обратное требование, имеющее целью возместить одному из должников как бы излишне уплаченное за других, право регресса не может быть осуществлено, пока кредитор не получил удовлетворения от одного из должников. Недостаточно, чтобы к данному должнику кредитор предъявил иск; нужно, чтобы должник дал кредитору удовлетворение. Если должник уплатил только часть долга, он имеет право регресса лишь в том случае, если заплатил больше того, что причитается на его долю.

Право регресса может отпасть, если должник в чем-то ухудшил положение других должников такими действиями или упущениями, за которые он несет ответственность. Например, должник виновным образом не противопоставил иску кредитора возражения, которое принадлежит всем должникам и с помощью которого мог бы и данный должник защитить себя от иска. Например, всем должникам была предоставлена кредитором отсрочка, а должник, к которому кредитор предъявил иск, на это обстоятельство не сославался. Кредитор идет по двустороннему договору, а сам своего обязательства по этому договору не исполнил; должник мог бы, сославшись на это, предупредить присуждение; между тем он такой ссылки не сделал. В этих и подобных им случаях должник теряет регрессное требование к остальным должникам.

Не дается должнику регресса и тогда, если он не сообщил о произведенном платеже другим солидарным должникам и в результате последовал платеж со стороны другого должника; первый должник может в этом случае лишь требовать с кредитора возврата неосновательного обогащения.

Если должник, погасивший долг, имеет регрессное требование к двум или более должникам, то эти должники отвечают перед ним не солидарно, но каждый в своей доле.

Применительно к одному из случаев солидарности, именно к поручительству, Гражданский кодекс (ст. 246) указывает, что один из солидарных должников (поручитель), уплатив долг, становится на место кредитора, т. е. в целях осуществления регресса он может воспользоваться теми же правовыми средствами, которые принадлежали кредитору. Удобство такого средства регресса заключается в том, что должник, совершивший исполнение, освобождается от необходимости устанавливать, что по характеру его

взаимоотношений с другим солидарным должником он имеет право на регресс; в силу самой нормы закона он предъявляет к должнику иск на том же основании, на котором мог предъявить сам кредитор (при этом по самому характеру института поручительства поручитель получает регресс в полной сумме платежа). Кроме того, эта форма регресса выгодна для осуществляющего регресс еще тем, что, поскольку лицо становится на место кредитора, к нему переходят и придаточные права кредитора (залог, поручительство), если они были установлены. Но если бы такая форма регресса была применена к такому случаю, когда регресс не должен осуществляться в полной сумме (так как известная доля долга должна лечь и на того солидарного должника, который совершает платеж), то другой солидарный должник мог бы противопоставить лицу, осуществляющему регресс, те же возражения, какие он имел бы при обычном регрессном иске: словом, подстановка совершившего платеж на место кредитора не должна давать солидарному должнику, произведшему платеж, больше того, что он получил бы при обыкновенном регрессном иске.

§ 28. Солидарность на стороне кредиторов

1. Солидарность на стороне кредиторов состоит в том, что каждый из нескольких кредиторов имеет право требовать от должника исполнения полностью или в части и должник, произведя платеж всего исполнения одному из кредиторов, полностью освобождается от обязательства в отношении всех кредиторов.

Солидарность на стороне кредиторов возникает из договора, заключаемого несколькими кредиторами с одним должником и имеющего содержанием неделимый предмет; например, плотник взялся построить беседку на участке, находящемся в пользовании двух общих собственников строения. Таких случаев, когда, несмотря на делимость обязательства, должник принимает на себя обязательство перед двумя или несколькими кредиторами именно на условии солидарности их требования, почти не встречается.

При солидарности кредиторов (так же, как и при солидарности должников) имеют место два или несколько прав требования, имеющих одно основание, но самостоятельных в отношении друг друга.

Должник имеет право предложить исполнение одному из кредиторов по своему выбору и, произведя исполнение, освобождается в отношении всех кредиторов. Но это его право выбора, какому кредитору платить, прекращается, как только один из кредиторов предъявил к нему иск. Должник вправе после этого платить другому кредитору только при условии, если иск первого кредитора судом не удовлетворен.

Если предмет обязательства поступает к одному из солидарных кредиторов, то между ним и остальными кредиторами может воз-

никнуть отношение, сходное с отношением между несколькими должниками, из которых один произвел платеж, т. е. другие кредиторы могут потребовать от удовлетворенного кредитора соответствующих долей из полученной им суммы. В этом случае осуществляется право каждого из солидарных кредиторов на распределение между всеми кредиторами полученного одним из них исполнения (право регресса). Такое право регресса может происходить из характера внутренних отношений, существующих между несколькими кредиторами, например, если солидарность кредиторов возникла на почве договора товарищества или если один из кредиторов присоединился к договору в качестве солидарного кредитора по поручению другого кредитора.

2. Как уже указано выше, практическое значение солидарности кредиторов значительно меньше, чем солидарность должников. Солидарность кредиторов облегчает взыскание: если один из кредиторов встречает какие-либо препятствия для получения с должника исполнения, может выступить другой кредитор. Но для этой цели можно прибегнуть и к специальному поручению.

Солидарность кредиторов предполагает, что каждый из кредиторов имеет право распорядиться всем обязательством, но исключительно в общем интересе; никто его не уполномочивал на такие действия, которые идут во вред другим кредиторам. Поэтому, если один из кредиторов прощает должнику долг, этот акт имеет действие лишь в отношении данного кредитора, но не прекращает права других солидарных кредиторов.

Смерть одного из кредиторов не прекращает солидарности. Солидарность есть видоизменение, связанное с самим обязательством. Как неотделимая от обязательства, связь солидарности переходит и на наследников, хотя и с известными видоизменениями. Если после умершего кредитора остается только один наследник, ничего не меняется. У наследника те же права и такое же положение, как и у предшественника, т. е. имеет место солидарность между этим наследником и остальными кредиторами. Но если умершему кредитору наследует несколько лиц, право требования распределяется между ними, и каждый из них становится кредитором в соответствующей доле. Солидарность сохраняется, но она сочетается с разделением по долям между наследниками умершего кредитора. Это сочетание приводит к следующим последствиям. Оставшиеся в живых солидарные кредиторы могут требовать от должника исполнения всего обязательства в целом, а наследники умершего кредитора могут требовать лишь каждый в пределах своей доли, и должник обязан им платить также в пределах их долей (разумеется, при неделимости предмета обязательства наследники умершего кредитора становятся солидарными кредиторами).

Глава IV

ПЕРЕМЕНА ЛИЦ В ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕ

§ 29. Уступка права требования¹

1. Обязательственное отношение имеет личный характер: оно устанавливается между двумя сторонами, представляемыми каждой одним или несколькими определенными лицами. Несмотря на личный характер обязательственных отношений (в этом смысле), Гражданский кодекс не стоит на той точке зрения, что права требования в обязанности являются неотделимыми от личности данных контрагентов; напротив, в Гражданском кодексе признается, что принципиально права требования и обязанности могут переходить от одного лица к другому как в порядке общего преемства (т. е. преемства в целом ряде правоотношений), так и в порядке преемства в отдельном правоотношении. В порядке общего преемства перемена лиц в обязательстве происходит при наследовании, а также при ликвидации какой-либо социалистической организации с передачей ее актива и пассива другой организации.

В порядке преемства в отдельном правоотношении возможна замена одного кредитора другим (уступка требования), как правило, по их соглашению.

Но в самой важной и значительной области обязательств, а именно, в обязательствах между социалистическими предприятиями, эта точка зрения на перемену лиц в обязательстве корректируется тем принципиальным положением, что всякого рода договоры между социалистическими организациями должны способствовать, а никак не препятствовать осуществлению государственного народнохозяйственного плана. Поэтому между социалистическими организациями уступка требования допустима лишь постольку, поскольку она не противоречит плану.

С точки зрения надлежащего выполнения народнохозяйственного плана во многих случаях не является безразличным, кто кредитор и должник по данному обязательству. Например, снабжение социалистических организаций так называемыми фонди-

руемыми материалами планируется не только с той стороны, чтобы эти материалы не поступали к кому-либо помимо плана, но также чтобы установить, какие именно организации и в каких количествах должны получить в данном году эти материалы. Для того, чтобы обеспечение материалами было реальным, планирование направлено и в ту сторону, какие именно организации должны поставить эти материалы для той или другой организации (отсюда — фонды и наряды). Естественно, что если бы организация, для которой выделен фонд на получение таких материалов, могла свободно передавать свое право требования другим организациям (равно как организация-поставщик могла бы по своему усмотрению вступить в соглашение с новой организацией о переводе долга, на что организация-кредитор могла бы выразить свое согласие), реальность исполнения соответствующих частей народнохозяйственного плана была бы поставлена под угрозу срыва: быть может, в результате дефицитные материалы получила бы организация, для которой с государственной точки зрения они менее нужны и потому и не предназначались ей по плану, а организация, которая призвана общегосударственным планом наиболее нуждающейся, не получила бы предназначенных ей по плану материалов.

Понятно, что такой результат не может быть допущен, как нарушающий плановые задания. Поэтому-то социалистические организации могут совершать уступку требования лишь постольку, поскольку она не противоречит плану.

Принципиально не допускается, далее, передача права на предъявление претензий и исков к железной дороге другим организациям или лицам (Устав железных дорог, ст. 94). При введении этой нормы имелось в виду предупредить всякую возможность скупки претензий (в настоящее время такая опасность уже нет). В виде исключения допускается передача названного выше права отправителем получателю или получателем отправителю, а также случаи передачи права на предъявление претензий и исков учреждениям, предприятиям и организациям, входящим в систему того же ведомства, к которому принадлежит получатель или отправитель груза. Например, промисловые артели, по общему правилу не имеющие в своем аппарате ни претензиониста (т. е. сотрудника, оформляющего претензии к транспортным организациям, возникающие на почве утраты, недостачи, порчи грузов и пр.), ни юрисконсульта, передают право на предъявление претензий и исков против транспортных организаций промисловому союзу, в систему которого они входят.

Что касается уступки прав требования граждан, то ст. 124 ГК в принципе допускает такую уступку и только в виде исключения в отдельных случаях устанавливает, что права требования не могут передаваться от одного кредитора к другому. Приведенное

¹ Для обозначения «уступки требования» нередко употребляют термин «цессия». Этот термин не известен советскому праву и является чуждым для примера алиенации иностранного права — алиенация, нередко сохраняющаяся еще в значительной мере терминологическая пережиток, по возможности избегаемый.

поставляемые ст. 124 ГК намекает три группы таких исключительных случаев, когда уступка права или признается недопустимой или, по крайней мере, ограничивается соответственно трем различным основаниям запрещения или ограничения этого акта. Во-первых, непередаваемость права требования может вытекать из специальной нормы закона, так что уступка права требования противоречила бы закону. Во-вторых, уступка права требования ограничивается и тогда, если это вытекает из воли сторон. Стороны своим договором могут предусмотреть, что право требования неразрывно связывается с данным кредитором и уступке не подлежит. Наконец, в-третьих, уступка права требования не допускается и тогда, когда этому препятствует самый характер требования, т. е. когда требование по своему содержанию связано с данным кредитором («с личностью кредитора», по выражению ст. 124 ГК). С этой точки зрения нельзя допустить, например, уступку требования по алиментам и по возмещению за вред, причиненный жизни или здоровью, и т. п. В обоих этих случаях обязательство признается возникающим исключительно в целях обеспечения кредитору возможности существования в определенных условиях. Такие права, как требование алиментов, право на пособие из страховки, право на пенсию и т. п., не подлежат даже обращению на них взыскания по долгам; тем более невозможна уступка их кредитором другому лицу по договору. Передача таких прав может нарушить и интересы должника, так как содержание обязательства определяется потребностями, работоспособностью и т. п. кредитора, а между тем их размер у разных лиц не одинаков. С передачей права изменилось бы его содержание.

Наряду с этими видами прав следует поставить такие обязательства, по которым должник обязан произвести исполнение лично кредитору. В этих случаях должник считается в достаточной мере заинтересованным в личности кредитора, а потому уступка такого рода требований допускается только с согласия должника.

Право требования, поставленное в зависимость от срока, условия и вообще неокончательно выяснившееся, передать можно; положение нового субъекта права в этих случаях будет такое же неопределенное, как было и у первоначального кредитора; право нового кредитора получит полную определенность только тогда, когда вопрос об условии и прочем разрешится.

Правила об уступке требования (ст. ст. 124—128 ГК) применимы и к передаче прав по исполнительному листу как документу, удостоверяющему удовлетворенное судом требование одного лица к другому, а также удостоверяющему право требовать от судебного исполнителя приведения судебного решения в исполнение. Передача права по исполнительному листу должна

производиться в письменной форме (надписью на самом исполнительном листе или отдельным актом); подпись передающего должна быть засвидетельствована народным судом, нотариусом или другим имеющим на то право лицом (постановление Пленума Верховного суда РСФСР от 7 мая 1928 г., протокол № 8).

2. В праве эксплуататорских государств институт уступки имущественных прав (так называемой цессии) был признан не сразу. В рабовладельческом государстве подстановка на место одного из этих двух лиц другого в обществе с неразвитыми рыночными отношениями первоначально считалась принципиально недопустимой. При натуральном или полунатуральном хозяйстве, не предполагающем мало-мальски значительного обмена, и правовая надстройка не предусматривает правовых форм для мобилизации права кредитора. Право требования рассматривается тогда как право, связанное с определенным лицом, от которого оно не может оторваться и перейти к другому. Только в составе наследства довольно рано стали допускать переход обязательственного права от наследодателя к наследнику, который рассматривался как продолжатель личности умершего. Передачу права требования от одного кредитора к другому по договору допустили (в прямой форме) лишь в средневековом праве. В капиталистическом обществе под влиянием новых производственных отношений особенно сказалась потребность в таких правовых средствах, которые позволили бы использовать право требования и ранее наступления срока исполнения по данному обязательству. Право требования стали рассматривать как один из составных элементов имущества, в отношении которого нет необходимости в том, чтобы он оставался неподвижным и не мог выйти из имущества данного кредитора и перейти к другому кредитору. В современных буржуазных кодексах институт уступки прав является одним из основных. Право требования ставится наряду с вещами как часть имущества, легко мобилизуемая; такая подвижность прав требования соответствует интересам монополистического капитала: достаточно вспомнить, какое место занимают в имуществе капиталиста «права участия» в различных предприятиях и т. д.

3. Уступка требования кредитором другому лицу производится по соглашению между ними. Таким образом, уступка требования есть договор. Одностороннего заявления кредитора о том, что он уступает свое право такому-то лицу, следовательно, недостаточно; требуется принятие этого предложения новым кредитором. Поскольку для договора об уступке права не установлено по закону специального требования относительно формы, этот акт должен совершаться в форме, установленной для договоров вообще (ст. 128 ГК); следовательно, достаточно и письменного согласия на уступку права со стороны нового кредитора.

но принятие предложения первоначального кредитора новым кредитором необходимо. Уступка требования, вытекающего из договора, совершенного в письменной форме, во всяком случае должна быть облечена в письменную форму (ст. 128 ГК). Существенно важным и жизненным является различие основания для передачи права требования и самой передачи.

В буржуазном праве и в буржуазной теории цессия признается обыкновенно абстрактной сделкой, т. е. такой, действие которой наступает независимо от основания, по которому передается право требования. В праве эксплуататорского общества такой отрыв сделки от основания облегчает кредитору (обычно принадлежащему к господствующему классу) эксплуатацию контрагента. Освобождая кредитора от обязанности устанавливать и доказывать основание сделки, право эксплуататорского общества укрепляет положение кредитора. Помимо этого, когда сделка оторвана от своего основания, она становится очень удобным средством, чтобы прикрыть самую гнусную сущность сделки и придать сделке, содержащей самые возмутительные условия, нормальный по внешности вид.

Советское право вообще относится отрицательно к абстрактным сделкам. Для этого имеются разные основания. Советскому праву нет удобства в таком чрезмерном укреплении права кредитора, чтобы не давать должнику возможности даже сослаться на неосуществление того основания, из которого возникает право кредитора. Советскому праву чужд формальный подход; оно обращает главное внимание на материальную сущность отношения. Кроме того, абстрактный характер сделки не соответствует советскому праву еще и потому, что если иметь в виду сделки социалистических организаций, то оторванность сделки от основания сильно затруднила бы контроль за соответствием сделки плану; в отношении же всех сделок вообще основание сделки существенно важно при проверке, не имеет ли места осуществление гражданского права в противоречии с его социально-хозяйственным назначением (ст. 1 ГК). Поэтому абстрактные сделки допускаются у нас только в совершенно исключительных случаях (например, расчеты по сальдо). Относительно абстрактности уступки права требования никаких указаний в законе нет, и потому нет оснований признавать ее абстрактной.

4. Уступка требования вступает в силу с момента соглашения между первоначальным и новым кредитором (в подлежащих случаях оформленного должным образом). Согласие должника на уступку права не требуется. Даже уведомление должника о происшедшей уступке требования не входит в содержание договора об уступке права. Акт уступки права действителен и по отношению к уведомленному. Но, с другой стороны, должник, не поставленный в известность о происшедшем изменении кредитора, не

должен терпеть ущерб. Эти два положения согласуются признанием, что акты, совершенные должником добровольно, — действительны. Но так как должник, не получивший уведомления, мог бы исполнить обязательство в пользу первоначального кредитора и этим лишить уступку права всякого практического значения, то ст. 124 ГК постановляет, что должник должен быть уведомлен об уступке требования. Это уведомление обеспечивает интересы нового кредитора, но может быть сделано или им или кредитором, уступившим требование другому лицу. Если должник до получения такого уведомления уже исполнил обязательство прежнему кредитору, обязательство считается погашенным, и, следовательно, новый кредитор не может предъявить должнику каких-либо требований (ст. 124 ГК).

5. С момента заключения договора об уступке требования это право переходит на нового кредитора, который становится на место прежнего кредитора. При этом право требования переходит к новому кредитору в том состоянии, в каком оно было у передающего право. Все те преимущества, которые связаны с передаваемым правом, а равно и недостатки права (например, возможность оспаривания) сохраняют значение и после перехода права к новому кредитору. В частности, вместе с передаваемым правом переходят относящиеся к нему придаточные права. Это относится к поручительству, залоговому праву, неустойке. По ст. 125 ГК к приобретателю требования переходят права, обеспечивающие исполнение. Таким образом, если за должника поручилось перед кредитором какое-то лицо, это поручительство сохранит силу и в отношении нового кредитора; если долг первому кредитору обеспечен залогом, с этим обеспечением перейдет право требования и к новому кредитору. Переходят и такие права, как право на взимание процентов; однако уже начисленные проценты, хотя бы и не полученные еще, остаются за первоначальным кредитором. Такой же принцип надо применить и в отношении права на плоды и всякого рода выгоды, права на возмещение издержек и т. п.

Права, предназначенные исключительно к тому, чтобы укрепить или облегчить реализацию требования, также переходят на нового кредитора вместе с требованием, если только нет иных указаний в самом договоре об уступке права.

Равным образом возражения, которые имел должник против первоначального кредитора, сохраняют значение и в отношении нового кредитора. Круг этих возражений следует определять не на момент уступки права, а на момент уведомления должника об уступке права. Это положение не должно пониматься так, что юридическое действие уступки права определяется не по моменту этого акта, а по моменту уведомления о нем. В данном случае следует лишь учитывать то положение, что до уведомления

должник не может сообразовать своего поведения с происшедшей уступкой права и что в случае незнания о происшедшей уступке он мог не осуществить некоторого встречного права, рассчитывая на то, что сможет это сделать в форме возражения против требования кредитора. Основное значение уведомления должника заключается в том, чтобы создать гарантии для добросовестного должника, уплатившего первоначальному кредитору, и вместе с тем, если такого платежа еще не было, сделать платеж первоначальному кредитору недопустимым. Если произошла уступка права, но уведомления должника не было, новый кредитор — все-таки кредитор. Но на него ложится тогда бремя доказывания происшедшей уступки и создается неуверенность в том, что обстоятельства сложатся достаточно благоприятно, что фактически не получится так, что обязательство будет исполнено первоначальному кредитору, а новому кредитору придется истребовать от него свой ущерб. Круг возражений, которые должник может выставить против нового кредитора, должен определиться на момент уведомления об уступке права.

Уведомление делает положение нового кредитора более уверенным.

б. Ответственность уступающего право перед принимающим право, вообще отношения между ними складываются в зависимости от того правоотношения, на котором покоится уступка права. Гражданский кодекс эту мысль подчеркивает самым расположением материала. В статьях Гражданского кодекса об уступке права требования об этом обобщении теории правильно не упоминается. Но зато в раздел о купле-продаже включена ст. 202 об ответственности продавца долгового требования. И в самом деле, ответственность лица, уступившего право, конечно, не одинакова, в зависимости от того, возмездная или безвозмездная была в данном случае уступка. Основной вопрос в этом случае сводится к тому, лежит ли на уступающем право ответственность за то, что передаваемое требование юридически существует, что оно действительно, и отвечает ли уступающий право за то, что это требование можно фактически осуществить, что должник не окажется неплатежеспособным.

Относительно ответственности кредитора, уступившего право требования безвозмездно, никаких постановлений советского гражданского законодательства не содержит, из чего следует заключить, что уступивший право требования безвозмездно не несет ответственности ни за действительность требования, ни за фактическую его осуществимость.

Продавец же долгового требования (если иное не предусмотрено договором) отвечает за действительность требования (ст. 202). За фактическую возможность получить удовлетворение по переданному требованию продавец требования не отвечает.

Это и понятно: уступающий право не может гарантировать платежеспособность должника, которая может все время изменяться то в лучшую для нового кредитора, то в худшую сторону. Исключением составляет лишь тот случай, когда передающий право на основании особого соглашения выступает в качестве поручителя за должника. Этот принцип ст. 202 ГК нужно применить ко всякому вообще возмездному договору об уступке требования. Помимо ответственности за действительность передаваемого требования, на передающего право следует возложить обязанность передать новому кредитору документы, удостоверяющие существование требования. Уступающий право должен, таким образом, оказать содействие новому кредитору в осуществлении передаваемого требования. Разумеется, если документ, удостоверяющий существование переданного требования, одновременно удостоверяет какое-то право, остающееся за передающим право, последний может сохранить документ у себя, но обязан тогда передать новому кредитору надлежащим образом удостоверенную (за счет нового кредитора) копию этого документа.

Если кредитор, уступив свое право требования, договаривается затем о том же еще с другим лицом, так что получается несколько лиц, претендующих на то, чтобы их признали правопреемниками кредитора, то, разумеется, преимуществом должен пользоваться тот, которому право было уступлено раньше: договариваясь со вторым (по очереди) лицом, кредитор распоряжался уже не принадлежавшим ему правом. Однако если последовательность передачи одним и тем же кредитором своего права двум или нескольким лицам установить нельзя, придется (по аналогии со ст. 191 ГК) отдать предпочтение тому кредитору, в отношении которого уведомление должника сделано раньше. Здесь еще раз сказывается та уверенность и прочность, которая придается всему отношению уведомлением должника. В особенности этот момент уведомления должника о передаче права требования тому или другому лицу имеет решающее значение для определения правомерности действий должника по исполнению обязательства.

7. Уступку права следует отличать от индоссамента. Этим последним именем называется передача права, выраженного в векселе, ордере, чеке и т. п., другому лицу по передаточной надписи. Термин «индоссамент» происходит от итальянского *in dosso*, что означает «на спине», «на обороте». Однако в настоящее время передаточная надпись может быть совершена как на оборотной, так и на лицевой стороне ценной бумаги. Индоссамент векселя допускается путем соответствующей надписи не только на самом векселе, но и на присоединенном к нему (добавочном) листе.

Различие между уступкой права по ст. 124 ГК и индоссаментом сводится к следующему. Передающий право по ст. 124 ГК отвечает, как указано выше, только за действительность передаваемого права требования, но не за фактическую его осуществимость. Надписатель же отвечает и за действительность и за осуществимость передаваемого права¹. При переходе права по ст. 124 ГК положение должника не должно ухудшаться; поэтому, возражения, которые должник мог противопоставить первоначальному кредитору, могут быть выставлены и против нового кредитора. При индоссаменте должник не может противопоставить предъявителю документа возражений, относящихся к кому-либо из подписателей².

§ 30. Принятие на себя долга другого лица (перевод долга)

1. Изменение в личном составе обязательственного отношения может произойти не только на стороне кредитора, но и на стороне должника. Изменение должника в обязательстве принято называть переводом долга, или принятием на себя долга другого лица. Необходимо обратить внимание на существенное различие между тем случаем, когда имущество одного лица принимается другим лицом (например, при наследовании), в связи с чем и долги, имеющиеся в составе данного имущества, переходят на новое лицо, и тем случаем, когда по договору о принятии на себя данным лицом долга другого лица происходит подстановка на место одного должника другого. Существенное значение различия этих двух случаев имеет в той мере, в какой для понятия обязательства важен элемент санкции обязательства и ответственности по обязательству. При переходе имущества от одного лица к другому тот фонд, если можно так выразиться, из которого кредитор, на случай неисполнения обязательства, придется искать удовлетворения, не изменяется, вследствие чего можно признать, что действительно произошла смена должника, не влияющая на осуществление прав кредитора. Во втором случае возможность практического осуществления права кредитора изменяется, ибо за долг, который соответствует его праву, начинает отвечать уже не то имущество, которое отвечало до замены должника, а другое — имущество нового должника. В связи с этим

¹ Положение о переводном и простом векселе от 7 августа 1937 г. (СЗ СССР 1937 г., № 52, ст. 221), ст. 15: «Индоссант, поскольку не оговорил обратное, отвечает за акцепт и за платеж». Так же отвечают за оплату чека индоссанты по ордерному чеку. Положение о чеках от 6 ноября 1929 г. (СЗ СССР 1929 г., № 73, ст. 697).

² Положение от 7 августа 1937 г., ст. 17. Ср. ст. 31 Положения о чеках от 6 ноября 1929 г.

правильнее говорить не о переводе долга, а о принятии лицом на себя долга другого лица, так как этим термином резко обозначается смысл всего происходящего в данном случае.

Этот вопрос имеет известное значение в советском гражданском праве, несмотря на принцип реального исполнения, присущий советскому обязательственному праву, ибо и в советских условиях не безразличен вопрос о том, из какого имущества будет получать удовлетворение кредитор при неполучении реального исполнения или при ненадлежащем исполнении. При этом несомненно, что когда обязательство в конечном счете сводится к возмещению вреда, то замена одного должника другим существенно влияет на возможность фактического удовлетворения кредитора.

В связи с изложенным выше необходимо подчеркнуть, что если для должника, по общему правилу, безразлично, придется ли исполнять обязательство первоначальному кредитору или какому-либо другому, то для кредитора личность должника имеет существенное значение: от одного должника можно уверенно ждать исполнения обязательства в натуре, в другом должнике кредитор не уверен; один должник отличается вообще дисциплинированностью, другой не раз нарушал свои обязательства и т. д. Поэтому, в то время как уступка права происходит по соглашению первоначального кредитора с новым и не требует согласия должника, а лишь уведомление его о происшедшей уступке права, смена должника не может осуществляться без согласия кредитора (ст. 126 ГК). Новый должник вступает на место первоначального в большинстве случаев на той хозяйственной основе, что лицо, принимающее на себя долг другого лица, или в этой форме оказывает какое-то свое обязательство в отношении его долга погашает какое-то свое обязательство в отношении первоначального должника. В подобного рода случаях будет иметь место согласие на перемену должника всех трех заинтересованных лиц: кредитора, первоначального должника, нового должника.

Договор (о принятии долга) заключается между первоначальным и новым должником, а кредитор тут же дает согласие на замену одного должника другим; принятие новым должником долга первоначального должника считается тем самым осуществившимся, долг ложится на нового должника. Однако поскольку в результате так называемого перевода долга первоначальный должник освобождается от обязательства, принципиально можно обойтись и без его участия, ограничившись соглашением кредитора с новым должником.

Необходимо, впрочем, заметить, что если передается право требования по двустороннему договору, то в силу природы такого

Договор уступки права должна сопровождаться и передачей на новое лицо той обязанности (встречной), которая лежала на первоначальном кредиторе. Поэтому уступка права требования (так же как и перевод долга) предполагает в этом случае согласие другой стороны (являющейся должником по уступаемому праву требования и кредитором по встречному требованию).

2. В отложении социалистических организаций перевод долга подлежит таким же ограничениям, как и уступка права. Именно, обязательство, установленное между двумя социалистическими организациями, имеет своей целью выполнение соответствующей части народнохозяйственного плана. При этом во многих случаях с точки зрения надлежащего выполнения плана не является безразличным не только то, кто является кредитором, но и то, кто является должником по обязательству. Так, планирование снабжения социалистических организаций так называемыми фондируемыми материалами направлено не только в ту сторону, к кому должны поступить эти материалы, но и какие именно организации должны поставить эти материалы. Естественно, что если организация-поставщик могла бы по своему усмотрению вступить в соглашение с новой организацией о переводе долга, на что организация-кредитор могла бы выразить свое согласие, реальность исполнения народнохозяйственного плана была бы поставлена под угрозу так же, как и при уступке права на получение этих материалов; организация-кредитор не получила бы предназначенных ей по плану материалов; а может быть, организация, принявшая на себя долг, оказалась бы не в состоянии исполнить какое-то из своих плановых обязательств. Для предупреждения таких недопустимых последствий следует признать, что перевод долга между социалистическими организациями допускается лишь постольку, поскольку это не противоречит плану.

3. Новый должник, выразивший согласие заменить первоначального должника, принимает на себя долг первоначального должника в том самом состоянии, в каком этот долг лежал на первом должнике. Поэтому, все те возражения, какие мог сделать против требования кредитора первоначальный должник, если только возражение не имеет персонального характера (не связано с личностью первоначального должника), может предъявить кредитору и новый должник. Так, например, на основании ст. 123 ГК при взыскании сумм, присужденных кредитору с должника, может быть предоставлена судом должнику, в зависимости от его имущественного положения, отсрочка или рассрочка. Это — льготная норма, позволяющая суду учесть затруднительное имущественное положение должника и облегчить исполнение решения суда о взыскании с него в пользу кредитора тем, что или часть присужденной суммы будет на некоторое время отложена (отсрочка) или будет допущено исполнение в несколько сроков

посильными для должника суммами (рассрочка). Предоставленная судом данному должнику отсрочка или рассрочка не распространяется на новое лицо, принимающее на себя долг данного должника, так как ст. 123 ГК имеет в виду льготу, оказываемую персонально данному должнику, потому что этого требует его тяжелое имущественное положение. Напротив, изменение срока (отсрочка) или разрешение платежа по частям (рассрочка), установленные дополнительным соглашением и не имеющие характера персональной льготы в пользу первоначального должника, либо факт получения кредитором частичного исполнения от прежнего должника служат основанием и для нового должника возражать против преждевременного требования кредитора. Что касается предъявления встречного требования к зачету, то поскольку кредитор дал согласие на замену должника, новый должник вправе предъявить к зачету имеющееся у него право требования к кредитору; но воспользоваться для зачета требованием прежнего должника лицо, принявшее на себя долг, не вправе, так как это означало бы распоряжение со стороны нового должника чужим имуществом.

Правило, что долг переходит на новое лицо в том самом состоянии, в каком он был в лице прежнего должника, нет основания применить и к третьим лицам, заложившим свои вещи в обеспечение данного обязательства или выступившим в качестве поручителей за должника, что встречается крайне редко; дело в том, что перевод долга происходит помимо их воли. Такие залогодатель и поручители принимали на себя ответственность по обязательству не вообще, а именно по обязательству данного должника, учитывая его материальное положение и, тем самым, шансы на реальность последующего регрессного требования на случай, если придется действительно понести материальную ответственность перед кредитором. Изменение личности должника означает изменение платежеспособности должника, шансов на то, что должник сам исполнит обязательство и отвечать за него не придется, а если и придется расплатиться за него — то шансов на возмещение им соответствующей суммы впоследствии. Поэтому ст. 127 ГК постановляет, что поручительство и залог, установленные третьим лицом в обеспечение обязательства, прекращаются с переводом долга, кроме того случая, если это третье лицо выразило согласие отвечать и за нового должника. В этом последнем случае отпадает то основание, по которому перевод долга приводит к прекращению ответственности поручителя и залогодателя.

Перевод долга подчиняется со стороны формы общим правилам о форме сделки. Но если совершается перевод долга, основанного на сделке, совершенной в письменной форме (простой или

переводной), то и перевод долга должен быть совершен в том же порядке (ст. 128 ГК).

В буржуазном праве и в буржуазной теории перевод долга принимается обыкновенно абстрактной сделкой, т. е. такой, действие которой наступает независимо от основания, по которому перевод долга произошел.

Советскому праву, как уже указано выше, абстрактные сделки не пужны. Они допускаются лишь в некоторых исключительных случаях; например, абстрактный характер придан договору признания сальдо при контокоррентном счете (в целях внесения четкости в отношения сторон, сокращения числа споров и т. д.); во внешнеторговом обороте применяется вексель, также принадлежащий к абстрактным сделкам. Но абстрактность сделки не может предполагаться.

В отношении перевода долга в советском законе нет указания, что эта сделка является абстрактной, а потому причислять ее к абстрактным сделкам нет основания.

4. Перевод долга (принятие на себя долга другого лица) не следует смешивать с некоторыми другими правовыми актами, хотя и имеющими известное с ним сходство. Так, следует различать принятие на себя чужого долга и принятие на себя исполнения обязательства. Последнее есть договор, посредством которого третье лицо, не становясь должником на место должника в данном обязательстве, обязуется перед этим должником исполнить это его обязательство. Такой договор не является поручительством, так как третье лицо не принимает на себя никакого обязательства перед кредитором, так что для кредитора (если не было специального соглашения) никакого права из этого договора не возникает. Должником по обязательству остается прежний должник, который имеет право требовать от третьего лица, чтобы оно действительно освободило его от долга.

Перевод долга понимается, по общему правилу, так, что одновременно с принятием на себя долга новым должником прежний должник освобождается от обязательства. Но иногда лицо, принимающее на себя долг, выступает наряду с первоначальным должником. При этом или это лицо принимает на себя долг в качестве своего, самостоятельного долга, присоединяясь к должнику, или же оно желает быть поручителем, т. е. принять на себя ответственность за долг должника, так что его обязательство является дополнительным к обязательству должника и потому зависит от этого последнего обязательства (в смысле самого существования, размера).

Глава V

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОГОВОРОВ

§ 31. Общие замечания

Обеспечение договора в советском праве служит, прежде всего, средством стимулировать строгое соблюдение договорной дисциплины, имеющей в социалистическом обороте исключительно большое значение. Необходимость усиления плановой и договорной дисциплины с большой силой выражена в одном из важнейших постановлений Советского Правительства за последнее время — в постановлении Совета Министров СССР от 21 апреля 1949 г. «О заключении хозяйственных договоров» (СП СССР 1949 г. № 9, ст. 68).

В отношениях между гражданами формы обеспечения договоров имеют своим назначением оградить интересы кредитора от возможной недобросовестности или неаккуратности должника и дать кредитору более или менее надежную гарантию осуществления его права. В ряде случаев «формы обеспечения» исполняют и другую функцию, а именно, облегчить доказывание как факта заключения договора (например, дача задатка в договоре между гражданами), так и размера убытков, которые протекли для кредитора от неисполнения (или ненадлежащего исполнения) должником своего обязательства (такое значение имеет иногда неустойка).

Советское законодательство знает четыре основных формы обеспечения договоров: неустойку, задаток, залог и поручительство. Из этих четырех форм залог хотя и является на первый взгляд наиболее действенным средством для достижения указанных целей, однако не имеет в советской практике широкого применения.

Поручительство имеет некоторое применение во внешнеторговых сделках, встречается иногда в отношениях между социалистическими организациями (например, библиотеками) и гражданами и т. п.; но все-таки и поручительство не может считаться распространенным институтом.

Задаток в отношениях между социалистическими организациями не допускается, но в отношении между гражданами встречается при некоторых, правда, численно ограниченных, видах обязательств (например, при найме дач, при достижении вышестоящим подрядом).

Наиболее распространенным в практике способом обеспечения договоров, главным образом, в отношениях между социалистическими организациями является неустойка. Это объясняется тем, что она лучше, вернее выполняет обеспечительную функцию.

§ 32. Неустойка

«Неустойкой признается денежная сумма или иная имущественная ценность, которую один контрагент обязуется в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения им договора доставить другому контрагенту» (ст. 141 ГК). Таким образом, неустоечное соглашение содержит в себе обещание передать нечто кредитору, приуроченное к определенным обстоятельствам, каковы бы обусловленные их наступлением: неустойка устанавливается на тот случай, если не исполнено или ненадлежаще (и частности, несвоевременно) исполнено другое обязательство между теми же лицами. Однако соглашение о неустойке нельзя считать условным. В данном случае имеется главное (основное) обязательство, а для его обеспечения устанавливается неустоечное соглашение, являющееся к нему придаточным, или дополнительным. Таким образом, обязательство уплатить неустойку находится в зависимости от главного обязательства, и это обязательство приводит к ряду своеобразий. Эти своеобразия сводятся к следующим. Если главного обязательства нет или оно признается недействительным, то этот факт влечет за собой недействительность соглашения о неустойке.

Если главное обязательство прекращается (например, наступает невозможность его исполнения в силу обстоятельств, за которые должник ответственности не несет), прекращается тем самым и обязательство уплаты неустойки, так как его цель — добиться исполнения должником его основного обязательства, а с прекращением этого обязательства этой цели больше нет. Если кто-либо принимает на себя ответственность по обязательству другого лица, обеспеченному неустойкой, то предполагается, что это лицо принимает на себя ответственность и по этому добавочному обязательству. Равным образом, если совершается уступка основного обязательства, то вместе с этим основным обязательством к новому кредитору переходят и право требовать неустойку и т. д.

Неустойка может устанавливаться либо соглашением сторон (договорная неустойка), либо предписанием закона (законная неустойка, например, начисляемые банком пени за просрочку оплаты счетов по обязательствам между социалистическими организациями — постановление СНК СССР от 14 сентября 1937 г., СЗ СССР 1937 г. № 69, ст. 200).

Соглашение о неустойке должно быть совершено в письменной форме, независимо от ее суммы и от формы, в какую обеспечен основной договор (прим. 2 к ст. 141 ГК).

Неустойка является наиболее распространенной в жизни и важной формой обеспечения организаций неустойка является основным средством обеспечить соблюдение договорной дисциплины (контроль рублем). Включению в договоры социалистических организаций неустойки (именуемой также пенями, штрафом, штрафными санкциями) придается такое существенное значение, что договор, не предусматривающий таких штрафных санкций, признается порочным.

Включение неустойки в эти договоры признается обязательным (постановление СНК СССР от 19 декабря 1933 г., — СЗ СССР 1933 г. № 73, ст. 445). Это обстоятельство не превращает неустойку из договорной (т. е. устанавливаемой по договору сторон) в законную (т. е. включаемую по предписанию закона), подобно тому как выдача одной организацией наряда, а другой — фонда на фондируемую продукцию не устраняет наличия между этими организациями договорных отношений.

Устанавливая неустойку, закон не заменяет собою волеизъявления этих социалистических организаций полностью; от них зависят и размер неустойки и конкретизация условий, при наличии которых кредитор имеет право требовать неустойку. Поэтому можно лишь говорить в данном случае об обязательной, но все же договорной неустойке (в противоположность договорной неустойке, вводимой в договор по усмотрению сторон). Применительно к отношениям между социалистическими организациями неустойка регламентируется специальными нормативными актами и «Основными условиями», применяемыми при заключении договоров. Большое значение имеет постановление СНК СССР от 19 декабря 1933 г. (СЗ СССР 1933 г. № 73, ст. 445), сыгравшее огромную роль в практике хозорганов в смысле организации и укрепления договорных связей между ними.

По смыслу ст. 19 этого постановления неустойки и штрафы должны служить средством, с помощью которого можно было бы добиться реального исполнения обязательства (уплата пени, неустойки, штрафа и возмещение убытков не освобождает сторону, уплатившую их, от исполнения договора).

Таким образом, по мысли этих постановлений сторона, не исполнившая своего договорного обязательства, должна уплатить штрафные санкции; далее, если сумма понесенных другой стороной убытков превышает размер предусмотренных по договору санкций, — еще и разницу между этими двумя величинами; и, наконец, независимо от всего этого, все-таки исполнить договорное

«обязательства (дать реальное исполнение обязательства). Таким образом, если бы органы арбитража могли последовательно и твердо проводить в жизнь восстановление от 19 декабря 1933 г., неустойка действительно превратилась бы в средство обеспечения реального исполнения социалистическими организациями своих обязательств.

В действительности, однако, как правило, имела место до настоящего времени иная картина. Ввиду того, что доказывание размера убытков представляет практически очень большие трудности (а в части «душевной выгоды» даже невозможно, так как Госарбитраж требует доказательства такой выгоды не плановыми данными — так называемая плановая прибыль, а бухгалтерскими данными), то в большинстве случаев заинтересованные организации даже не ставят вопроса о взыскании убытков, а ограничиваются требованием присуждения штрафных санкций по договору.

В свою очередь арбитражные органы, присуждая договорные санкции, не всегда добиваются от нарушившей договор стороны выполнения договора и таким образом не обеспечивают выполнения плана в подобного рода случаях. Социалистическая организация, уплатившая договорные санкции, фактически оказывается тем самым «искупившей» допущенное нарушение договорной дисциплины.

Такая практика не достигает цели. В спорах социалистических организаций по вопросам, связанным с нарушением договорных обязательств, не должна упускаться из виду важнейшая общегосударственная задача — выполнение и перевыполнение пятилетнего плана решительно на всех его участках. Эту задачу органы Госарбитража должны ставить во главу угла и использовать, в частности, неустойку в качестве средства, побуждающего к реальному исполнению обязательства, а не в качестве средства освободиться от такого исполнения. Эти принципиально правильная установка должна быть распространена и на применение штрафных санкций, и указание постановления СНК СССР от 19 декабря 1933 г. о том, что уплата неустойки не освобождает от исполнения обязательства, должно также неукоснительно применяться.

В отношении социалистических организаций не приходится связывать различные последствия неустойки, включаемой на случай неисполнения обязательства и на случай ненадлежащего исполнения: как в случаях первой категории, так и в случаях второй категории кредитор вправе требовать одновременно уплаты неустойки, возмещения убытков в части, превышающей неустойку, и исполнения обязательства, если такое исполнение не противоречит плану.

Размер неустойки в практике социалистических организаций принято определять не в твердой сумме, а в процентном отношении к сумме нарушенного обязательства¹. Ст. 19 постановления СНК СССР от 19 декабря 1933 г. указывает, что «размеры пени, неустойки и штрафа должны быть дифференцированы в зависимости от значения поставки, характера отдельных обязательств по договору, обеспечиваемых пеней, неустойкой и штрафом, и от степени выполнения обязательств. В частности, особо повышенные размеры пени и неустойки должны быть установлены за систематическую неоплату продукции покупателем». Однако на практике в большинстве случаев размеры неустойки определяются однообразно: 0,05% суммы нарушенного обязательства за каждый из первых десяти дней просрочки, так называемые пени, а за дальнейшую просрочку, независимо от ее продолжительности, 3—5% от той же суммы. В некоторых договорах неустойка определяется более дифференцированно. Так, в договорах подряда в области капитального строительства неустойка определяется (согласно Правилам о подрядных договорах по строительству, утвержденных СНК СССР 26 февраля 1938 г., — СП СССР 1938 г. № 9, ст. 58) следующим образом. За нарушение подрядчиком сроков выполнения работ подрядчик уплачивает заказчику за каждый просроченный день пеню в размере 0,05%, а при просрочке свыше 30 дней, помимо пени за 30 дней, также неустойку в размере 2% договорной стоимости невыполненных работ.

Неустойка в договорах между гражданами определяется нормами ГК (неустойка в договорах между социалистическими организациями и гражданами определяется отчасти теми же нормами Гражданского кодекса, отчасти специальными правилами, издаваемыми для отдельных категорий предприятий, обслуживаемых гражданами). В этих договорах следует различать два метода обеспечения с помощью неустойки.

Обеспечительная функция неустойки понятна в тех случаях, когда она является по существу штрафом. Расчет делается на то, что перспектива уплаты, в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, какой-то штрафной суммы побуждает контрагента аккуратно исполнить свое основное обязательство и этим избежать дополнительной ответственности.

Однако неустойка не всегда имеет такой штрафной характер. В этом отношении Гражданский кодекс различает неустойку.

¹ Впрочем, в некоторых случаях неустойка определяется в договорах социалистических организаций и в твердом размере (например, за нарушение сроков выполнения работ).

устанавливаемую на случай неисполнения обязательства, и неустойку, устанавливаемую на случай ненадлежащего, в частности,новременного исполнения обязательства. Если неустойка устанавливается на случай неисполнения обязательства, то кредитор при неисполнении вправе требовать уплаты неустойки или возмещения убытков (ч. 2 ст. 141 ГК). Таким образом, в этом случае основное практическое значение неустойки иное: установление неустойки облегчает кредитору доказывание убытков, которые он терпит от неисполнения договора; если он довольствуется суммой неустойки, ему вообще не приходится доказывать размера понесенных убытков, и только в том случае, если он утверждает, что это фактические убытки превышают неустойку, он должен это доказать. Получается, что неустойка как бы представляет собой заранее установленное исчисление размера возмещаемых убытков, оценку этих убытков (откуда термин «оценочная неустойка»). Но в этом обстоятельстве — в возможности для кредитора взыскать определенную сумму, не представляя доказательства фактических убытков, — также заключается известное обеспечительное значение: должник как бы предупреждается, что в случае его неисполнения взыскание с него убытков (в сумме неустойки) будет для кредитора предельно облегчено, вследствие чего должнику не уйти от их уплаты. В этом смысле оценочная неустойка также содействует соблюдению договорной дисциплины.

Если неустойка установлена на случай ненадлежащего исполнения обязательства, в частности, на случай просрочки исполнения обязательства и уплаты неустойки или возмещения убытков (причиненных просрочкой или ненадлежащим исполнением). В этом случае неустойка приобретает штрафной характер, поскольку она взыскивается сверх исполнения, но все же в отношении убытков не является по общему правилу суммой, подлежащей взысканию сверх убытков.

Однако норма ст. 141 ГК является диспозитивной. Стороны вправе своим договором предоставить кредитору право требовать одновременно и уплаты неустойки и полного возмещения убытков. Такое же значение неустойка может получить и по специальному указанию закона (прим. 1 к ст. 141 ГК).

Неустойка, как средство обеспечения обязательства, имеет целью создать новое, дополнительное обязательство. Понятно, что так как ответственность по этому добавочному обязательству устанавливается на случай неаккуратности должника, то в случае неисполнения обязательства по причинам, не зависевшим от должника, неустойку платить не приходится, но доказать уважительность причины неисполнения должен сам должник.

Размер неустойки устанавливается по решению сторон. Однако закон открывает возможность снижения неустойки, если она

установлена в таком размере, который оказывается совершенно несоразмерным характеру и ценности основного обязательства. Именно, по ст. 142 ГК, если размер неустойки, подлежащей уплате, окажется чрезмерным по сравнению с действительными убытками кредитора, суд вправе по просьбе должника уменьшить размер неустойки. При этом суд должен принять во внимание: 1) степень выполнения обязательства должником, 2) имущественное положение той и другой стороны, 3) не только имущественный, но и всякий иной, заслуживающий уважения, интерес кредитора.

Таким образом, в зависимости от этих конкретных обстоятельств неустойка может оказаться в одном договоре чрезмерной, в другом — нет. Больше того, даже в одном и том же договоре неустойка может быть признана чрезмерной или нет, в зависимости от характера убытка, имущественного положения должника и других обстоятельств. При определении того, соответствует ли размер неустойки понесенным убыткам или является чрезмерным, суд должен (согласно ст. 142 ГК) принять во внимание в немущественный интерес кредитора, заслуживающий уважения.

По точному смыслу ст. 142 ГК суду предоставлено право снижать неустойку, но не отказывать вовсе в присужденной неустойки. Ст. 142 по общему правилу неприменима к договорам между социалистическими организациями: в этих договорах включение неустойки имеет целью обеспечить договорную дисциплину и в конечном результате содействовать выполнению народнохозяйственного плана. Снижение неустойки допустимо в этих договорах лишь в совершенно исключительных случаях, причем органы арбитража применяют эту меру в порядке арбитражирования, т. е. добиваясь соглашения сторон, а в этих случаях уже нет места для ст. 142, допускающей снижение неустойки независимо от согласия кредитора.

Следует, однако, заметить, что такая точка зрения установилась не сразу. Наблюдавшаяся в период нэпа тенденция устанавливать неустойку в чрезмерном размере (в 50 и даже в 100%, Решения ВАК при СТО, I, стр. 46; IV, стр. 381 и др.) вызвала реакцию со стороны функционировавших в то время арбитражных комиссий. Арбитражные комиссии, основываясь на Положении о них, предоставлявшем им право не только частично, но и даже полностью освобождать сторону «от обязательства и ответственности», систематически снижали размеры договорной неустойки. Высшая Арбитражная Комиссия при СТО эту свою практику объясняла тем, что ст. 13 Положения об арбитражных комиссиях 1925 г. «имеет в виду возможность смягчить или ослабить последствия, вытекающие из признания формальной ответственности госоргана в силу действующих законов в том случае,

если они могут причинить данному госоргану вред, недопустимый с точки зрения хозяйственной целесообразности и общей государственной политики» (решения ВАК при СТО, III, стр. 7—8).

Необходимо не упускать из виду, что арбитражные комиссии функционировали еще в первой фазе развития Советского государства и права, когда включение в договор неустойки еще не было обязательным, а делалось по свободному соглашению сторон. Но вторая фаза развития Советского государства и права установление планового начала привело к тому, что для обеспечения строгой плановой дисциплины. В этих целях включение в договор санкций, а том числе — неустойки, стало уже обязательным, причем максимальные и минимальные размеры неустойки стали определяться в законе. Таким образом, практика несообразных неустоек, по существу, стала невозможной; применение же предусматриваемых договорами неустоек стало необходимым для обеспечения реальности договора. В связи с этим Государственный арбитраж (пришедший на смену арбитражным комиссиям) и переходит к изложенной выше точке зрения, что снижение неустойки, предусмотренной плановым договором, возможно только в исключительных случаях, притом в порядке арбитражирования.

§ 33. Задаток

Часть 1 ст. 143 ГК определяет задаток следующим образом: «Задатком признается денежная сумма или иная имущественная ценность, выданная в счет причитающихся по договору платежей одним контрагентом другому для удостоверения договора и обеспечения его исполнения».

«Задаток» по своему этимологическому значению есть «заване данное», «данное вперед». Его обеспечительная функция состоит в том, что уже при заключении договора, когда еще не взыскана обязанность каких-либо платежей, вперед уплачивается в счет причитающихся по договору платежей и в их обеспечение некоторая денежная сумма (закон допускает также задаток в виде иной имущественной ценности, но практическое значение имеет только денежный задаток).

Если договор окажется неисполненным, причем ответственной за неисполнение договора стороной будет та сторона, которая дала задаток, она его теряет. Обеспечение обязательства заключается в том, что некоторая хотя бы и небольшая часть причитающихся данной стороне платежей уплачивается заранее и, следовательно, в этой части для кредитора обеспечено реальное получение. Показатель сторон принципиально уравнивается: если за неисполнение договора ответственна сторона, давшая задаток, она его теряет; если за неисполнение договора ответственна сто-

рона, получившая задаток, она обязана возвратить задаток в двойном размере (ч. 2 ст. 143 ГК)¹. Но в отношении реальности получения положение сторон очень различается: когда подвергается этому воздействию сторона, давшая задаток, положение другой стороны в этой части вполне гарантировано, ибо сумма, которую теряет ответственная за неисполнение стороны, уже находится у той стороны, в пользу которой утрачивается задаток; напротив, если ответственна за неисполнение обязательства сторона, получающая задаток, то ее обязанность вернуть полученную сумму и приплатить еще от себя такую же сумму ничем не обеспечена, так что неизвестно, получит ли фактически другая сторона эти суммы или нет.

Понимая этих штрафных последствий, на сторону, ответственную за неисполнение договора, возлагается еще обязанность возместить убытки другой стороне, с зачетом задатка, если иное не установлено договором. Это последствие вытекает из основного назначения задатка — служить средством обеспечения обязательства, но не умаления его. Если сторона, ответственная за неисполнение обязательства, по поводу которого никаких средств обеспечения не установлено, обязана возместить убытки другой стороне, то не может отпасть такая обязанность и в том случае, если неисполненное обязательство было обеспечено задатком, ибо цель обеспечения — создать для кредитора некоторые дополнительные возможности, укрепить его положение, а никак не ослаблять. В практике задаток встречается очень редко.

Задаток не следует смешивать с авансом. Авансом признается сумма, уплачиваемая наперед одной стороной другой, но не с целью обеспечения обязательства, а просто в счет причитающихся платежей.

Платеж авансом (как и выдача задатка) по договору, в котором сторонами являются социалистические организации, запрещается (СЗ СССР 1930 г. № 8, ст. 98). Эта норма вытекает непосредственно из принципа, заложенного в кредитную реформу, проведенную в 1930 году: поскольку непосредственное кредитование одной организацией другой (так называемое коммерческое кредитование) со времени кредитной реформы запрещено и установлено, что социалистические организации могут кредитоваться только через банк (в плановом порядке), естественно, всякого рода задатки и авансы между социалистическими организациями оказались недопустимыми. Однако из этого правила (в отношении авансов) допускаются некоторые исключения. Наиболее существенное значение имеет разрешение давать при заключении

¹ Гражданская коллегия Верховного суда РСФСР признала, что если обязательство не исполнено только частично, задаток не теряется («Судьянская практика», 1927, № 18, стр. 4).

договора подряда на капитальное строительство аванс в размере 15% суммы договора. Этой нормой имеется в виду дать строительным подрядным организациям возможность получать от своего заказчика необходимые оборотные средства; иначе пришлось бы кредитование со стороны строительной организации, которой пришлось бы затрачивать на строительство свои средства, а покрытие этих затрат было бы возможно лишь через некоторые время.

В области внешней торговли встречаются авансы в форме задатка.

Часть 1 ст. 143 ГК говорит об обеспечительной функции задатка, а также упоминает о задатке как доказательстве («для удостоверения договора»). На практике, если стороны договорились о задатке, то договора нет, пока задаток не уплачен. Эта функция задатка как доказательства заключения договора в некоторых категориях договоров выступает достаточно отчетливо (например, в договорах найма дач, где стороны всегда договариваются и о задатке, причем договор рассматривается, как связывающий стороны лишь после того, как дан задаток).

Закон (ч. 3 ст. 143 ГК) допускает, что в договор может быть включено такое условие, что лишением права на данную в качестве задатка сумму и исчерываются все последствия неисполнения договора. Такое условие носит название «отступного», ибо в этом случае сторона получает право отступить от заключенного уже договора, уплатив другой стороне определенную денежную сумму. Отступное не есть средство обеспечения и, следовательно, укрепления обязательства; это, наоборот, есть средство ослабления обязательства. Поэтому если в момент издания Гражданского кодекса «отступное» и могло иметь какое-либо значение, то в настоящее время оно не соответствует основам социалистического общества. Во всяком случае, следует признать, что в договор, в котором хотя бы одной из сторон является социалистическая организация, включение условия об отступном не должно допускаться. В арбитражной практике встречались случаи уплаты «отступного» еще в другом смысле; например, уплата одной организацией другой отступного за передаваемое помещение; арбитраж всегда призывал и такое «отступное» незаконным¹.

§ 34. Залоговое право

1. Среди способов обеспечения обязательства особое место занимает обеспечение с помощью залога. Этот способ обеспечения называют реальным обеспечением в том смысле, что определенная вещь (или иные имущественная ценность) выделяется из

¹ «Арбитраж», 1936, № 4, стр. 21—22.

имущества должника (или выступившего за него третьего лица) в качестве источника преимущественного удовлетворения кредитора по обязательству. Залог, по смыслу ст. 85 ГК, дает кредитору, право требования которого обеспечено залогом (залогодержателю), право в случае невыполнения должником обязательства, обеспеченного залогом, получить преимущественное перед другими кредиторами удовлетворение из стоимости заложенного имущества.

Хозяйственное, практическое значение залогового права заключается в следующем.

Обратить взыскание на имущество должника, чтобы таким путем получить удовлетворение, вправе всякий кредитор, независимо от того, обеспечено ли его право залогом или нет. Но в этом последнем случае кредитор, право требования которого не обеспечено залогом (так называемый простой или обыкновенный), оказывая кредит должнику, не может питать уверенности, что то имущество, которое в данное время имеет должник, останется у него и к тому времени, когда наступит срок по обязательству, и потребуются, в случае неисполнения обязательства, обратиться взыскание на это имущество. Угрожает простому, не обеспеченному залогом, кредитору и другая опасность: взыскание может быть обращено на имущество должника не одним данным кредитором, но и рядом других, так что получить удовлетворение каждому из них удастся лишь в незначительном проценте, во всяком случае не полностью.

Установление залогового права устраняет для кредитора как ту, так и другую опасность. Если даже лицо, установившее залог (так называемый залогодатель), до удовлетворения обеспеченного залогом кредитора передаст право собственности на заложенную вещь другому лицу, положение кредитора от этого перехода права собственности не изменяется: на тех же основаниях, на каких он мог бы требовать удовлетворения, если бы заложенное имущество продолжало оставаться в собственности залогодателя, залоговый кредитор (именуемый залогодержателем, хотя он не всегда «держит» предмет залога: закладываемое имущество иногда передается кредитору, иногда остается у должника) вправе обратиться взыскание на это имущество и тогда, когда оно стало принадлежать другому лицу. В случае перехода права собственности на заложенное имущество от залогодателя к третьему лицу залоговое право залогодержателя сохраняет свою силу в отношении приобретателя этого имущества.

Не угрожает интересам залогового кредитора и наличие у его должника других кредиторов, так как в силу залога залогодержатель имеет право на преимущественное удовлетворение перед другими кредиторами: он удовлетворяется не наряду с другими кредиторами, не по соразмерности, а преимущественно перед дру-

гами кредиторами; лишь в том случае, если после полного удовлетворения залогодержателем остается некоторая доля стоимости залогового имущества, она идет на удовлетворение других кредиторов.

2. Залоговое право является правом придаточным, или дополнительным к какому-то обязательству. Назначение залогового права сводится к тому, чтобы увеличить шансы кредитора на удовлетворение и в этом смысле обеспечить обязательство. Поэтому, если нет основного правоотношения, для укрепления которого должно служить залоговое право, не может существовать и залоговое право; не может существовать обеспечение, если нечего обеспечивать. Поэтому ст. 88 ГК и устанавливает правило, что залогом может обеспечиваться лишь действительное требование. Однако вместе с тем допускается установление залогового права в обеспечение будущего или условного требования. Разумеется, в этих случаях и само залоговое право рассматривается как условное: если отпадет условное (обеспечиваемое) обязательство, отпадает и залоговое право. С прекращением обеспечиваемого обязательства прекращается и залоговое право.

Статья 87 ГК определяет предмет залога, как «всякое имущество, не изъятое из оборота, в том числе долговые требования, право застройки, а также право на горный отвод и на разработку месторождений полезных ископаемых». Эта статья очень устарела. Никаких залогов горных отводов и разработки месторождений у нас нет и быть не может. Далее, если в условиях социалистического общества вообще нет почвы для широкого применения залога, то в особенности это можно признать в отношении залога прав требования.

К залогом прав требования иногда прибегают в области внешне-торговых сделок при банковом кредитовании. Реализация этой разновидности залога сводится по существу к уступке залогодателем заложеного права требования залогодержателю: залогодержатель получает право потребовать от должника исполнения заданного требования и из уплаченной должником суммы покрыть обеспеченное залогом право требования (как и при всяком залоге — преимущественно перед другими кредиторами); возможный остаток передается залогодателю. Что касается права застройки, то с 1949 года в РСФСР и УССР эта категория прав отпала; да и ранее, если в этой области и применялся залог, то лишь в отношении возведенного застройщиком строения. Драгоценные металлы и валютные ценности могут быть предметом залога лишь при соблюдении специальных на то правил (прим. к ст. 87 ГК).

В качестве залогодателя может выступить как сам должник, так и любое третье лицо, которое пожелает, не принимая на себя ответственности в качестве поручителя за должника, заложить

в обеспечение его долга какую-либо вещь. Но во всяком случае требуется (ст. 86 ГК), чтобы залогодатель был собственником закладываемого имущества. Если лицо заложило непринадлежащую ему вещь, то согласно той же статье Гражданского кодекса должны соответственно применяться положения ст.ст. 59—60 ГК, т. е. установленные для случаев отчуждения чужой вещи. В этом последнем случае положение определяется следующим образом. Если приобретатель вещи знал, что ему продают чужую вещь, т. е. был недобросовестным, собственник вправе взыскать свою вещь; равным образом и при залоге непринадлежащей залогодателю вещи недобросовестному лицу, т. е. знающему, что вещь не принадлежит залогодателю, право собственника на истребование своей вещи и на свободу вещи от залогового обременения ни в какой мере не ограничивается. При отчуждении вещи, не принадлежащей отчуждателю, лицу, которое не знало и не должно было знать, что отчуждатель вещи не имеет права собственности на нее, т. е. если приобретатель вещи — добросовестный, то собственник вещи может взыскать свою вещь от такого добросовестного приобретателя вещи лишь в том случае, если вещь была собственником потеряна или у него похищена; в остальных случаях ему остается лишь искать возмещения убытков от того, кто своим неправомерным распоряжением нарушил интересы собственника.

Равным образом и при залоге кредитор вещи, не принадлежащей залогодателю, причем кредитор не знал и не должен был знать, что вещь не принадлежит залогодателю, взаимоотношения такого добросовестного залогодержателя и собственника вещи определяются применительно к ст. 60 ГК, т. е. если собственником является государственное учреждение или предприятие, то его право защищается безусловно, а в остальных случаях — лишь при условии, если данная вещь была собственником потеряна или у него похищена. В остальных случаях залоговое право добросовестного залогодержателя сохраняет свое значение, а собственник вещи, пострадавший от этого, имеет право искать возмещения вреда с залогодателя, заложившего его вещь.

Залоговое право предназначено обеспечивать то или иное обязательство. Если обеспеченное залогом обязательство в своем содержании осложняется, например, по основному требованию нарастают проценты, или возникает расширение содержания обязательства вследствие просрочки должника или ненадлежащего исполнения, или если понесены расходы по взысканию, то все эти издержки на основном обязательстве считаются также обеспеченными тем же самым залогом, которым обеспечено основное обязательство.

Залоговое право может возникнуть как по соглашению сторон (договорный залог), так и в силу предписания закона (законный

закладе; например, комиссионеру ст. 275-р ГК предоставляет залоговое право на товары, ценные бумаги и иное имущество комитента, состоящее по договору комиссии в распоряжении комиссионера, а обеспечение прав требования комиссионера к комитенту, вытекающих из договора комиссии). По ст. 90 ГК, договор залога должен быть заключен в письменной форме (нарушение этого требования приведет к лишению сторон права подтверждать залог свидетельскими показаниями). Если же закладывается строение, то договор должен быть нотариально удостоверен под страхом его недействительности. В договоре залога должно быть указано наименование и местожительство залогодателя и залогодержателя, описание заложенного имущества, оценка и местонахождение его, существо и размер обеспечиваемого залогом требования, срок исполнения.

Залог строений, возведенных на средства, полученные от коммунального банка в порядке кредитования индивидуального строительства рабочих и служащих предприятий (на основании постановления Экономсовета при СНК СССР от 26 апреля 1939 г., — СП СССР 1939 г. № 23, ст. 188) оформляется (в соответствии с инструкцией НКЮ СССР от 19 мая 1939 г.) следующим образом. Коммунальный банк посылает в нотариальную контору извещение с указанием суммы и срока выданной ссуды; из нотариальной конторы это извещение поступает в коммунальный отдел для регистрации.

3. Залоговое право может быть установлено как с передачей закладываемого имущества от залогодателя к залогодержателю, так и с оставлением предмета залога у залогодателя. Передача вещи облегчает для кредитора обращение на эту вещь взыскания, если то окажется необходимым: кредитору не нужно будет в этом случае отыскивать вещь, которой может не оказаться в фактическом владении залогодателя. Но если это соображение говорит в пользу фактической передачи закладываемой вещи кредитору, то с хозяйственной точки зрения есть и соображение против передачи закладываемой вещи. Дело в том, что с передачей вещи залоговому кредитору должник, без надобности по существу, лишается возможности хозяйственного использования вещи. Если значительная вещь в хозяйстве залогодателя достаточно существенно, то лишение ее из фактического владения залогодателя может отразиться неблагоприятно на его имущественном положении и даже затруднить своевременное исполнение обязательств (например, закладывается дом, в котором живет залогодатель; пишущая машинка, с помощью которой залогодатель зарабатывает в дополнение к своей зарплате по службе, и т. д.).

Гражданский кодекс решает этот вопрос так. Если закладывается строение, оно не передается кредитору. Строение со своего места не уйдет, следовательно, кредитор не заинтересован в том,

чтобы держать предмет залога и таким образом помещать залогодателя куда-то припрятать этот предмет: опасности утратить предмет залога в данном случае для кредитора нет. Между тем, для залогодателя существенно важно сохранить за собой предмет залога и продолжать им пользоваться на прежних основаниях. Если закладывается какая-либо другая вещь, она передается залогодержателю (ст. 92 ГК). Эта норма не является, однако, императивной (безусловно обязательной); она имеет значение диспозитивной нормы (условно обязательной): сторонам предоставлено право своим соглашением предусмотреть, что закладываемое имущество остается у залогодателя. Однако закон добавляет, что имущество оставляется у залогодателя «под замком и печатью кредитора». Таким образом, фактом оставления заложеной вещи у залогодателя ему не дается возможность использовать и дальше заложённую вещь, поскольку она должна содержаться под замком и печатью залогодержателя, залогодатель не имеет возможности ею пользоваться (разумеется, если закладывается дом с оставлением у залогодателя, требование содержать заложённую вещь «под замком и печатью залогодержателя» не применяется). Предоставление возможности оставления закладываемой вещи у залогодателя приходится объяснить не тем, что имелось в виду оставить ее в пользовании залогодателя, а тем, что залогодатель может также опасаться, что залогополучатель сбудет с рук заложённую вещь и залогодателю, несмотря на своевременное исполнение обязательства, не удастся получить вещь обратно; от этой неблагоприятной перспективы залогодатель и обеспечивает себя, выговаривая особым соглашением оставление заложённой вещи у себя.

Во внешнеторговых отношениях распространена практика залога товара посредством залога товаро-распорядительных документов. Так как передача товаро-распорядительного документа приравнивается к передаче самого товара, то при залоге такого документа считается заложённым и самый товар, к которому относится документ.

4. Содержание залогового права определяется в соответствии с той целью, для которой вещь закладывается. Назначение залога — обеспечить обязательство. Поэтому нет основания предоставлять залогодержателю право пользования заложённой вещью, даже если она ему дана: ст. 96 ГК так именно и постановляет, что залогодержатель не вправе пользоваться заложённым имуществом и доходами с него, если иное не предусмотрено договором. Залогодержатель имеет право только держать у себя вещь в ожидании последующего исполнения или неисполнения обязательства. При этом он не должен нарушать интересов залогодателя. Залогодержатель, которому передано заложённое имущество, обязан надлежащим образом содержать это имущество; он

отвечает за сохранность заложенного имущества, если не будет доказано, что гибель, утеря или ухудшение этого имущества произошло не по его вине. Залогодержатель обязан страховать (за счет залогодателя) заложенное имущество (ст. 97 ГК). Если заложенная вещь будет утеряна залогодержателем или будет у него похищена, то он вправе эту вещь истребовать от всякого владельца, не исключая и собственника вещи (ст. 98 ГК). Таким образом, залоговое право получает абсолютную защиту. Если вещь не была передана залогодержателю, а осталась у залогодателя, а на имущество залогодателя обращено взыскание по претензиям третьих лиц, причем и заложенная вещь попала в производящуюся судебным исполнителем опись, то залогодатель должен считаться обязанным в кратчайший срок по составлении описи сообщить об этом в известность залогодержателя. Такое извещение необходимо для того, чтобы залогодержатель мог своевременно потребовать освобождения заложенной вещи от опасы ввиду принадлежащего ему преимущественного права на удовлетворение из стоимости данной вещи. Следует признать, что если залогодатель не сделает требуемого от него извещения и вещь может быть продана с публичных торгов, то залогодержатель вправе потребовать досрочного исполнения обеспеченного залогом обязательства.

Если заложенная вещь оставлена у залогодателя, он должен содержать заложенное имущество в надлежащем виде и страховать его (ст. 97 ГК). Если заложенная вещь попадает от залогодателя в чье-то незаконное владение, то абсолютный иск имеет только залогодержатель — социалистическая организация; такой залогодержатель вправе истребовать вещь от любого незаконного приобретателя как недобросовестного, так и добросовестного. Всякий другой залогодержатель может истребовать вещь только от недобросовестного приобретателя; право добросовестного приобретателя по отношению к залогодержателю-гражданину охраняется законом. При этом приобретатель имущества, снабженного знаком залога, предполагается недобросовестным (прим. 2 к ст. 98 ГК).

Если по наступлении срока исполнения обязательство, обеспеченное залогом, не исполняется, залогодержатель вправе обратиться взыскание на заложенное имущество и требовать удовлетворения из его стоимости преимущественно перед другими кредиторами.

5. Изложенные особенности залогового права: защита против всякого, в чьем владении окажется заложенная вещь, но в то же время недопустимость пользования заложенной вещью со стороны залогодержателя, сосредоточение права залогодержателя на продаже вещи, на использовании стоимости, — представляют немалые трудности для определения юридической природы этого права. В буржуазной цивилистической литературе были выражены

разные точки зрения, даны различные конструкции залогового права. Одна точка зрения, наиболее старая и распространенная, рассматривает залоговое право как обыкновенное вещное право наряду с правом собственности, различными правами пользования. Другие авторы рассматривают залоговое право как обязательство, в котором личность должника определяется через обладание заложенной вещью. Третьи выдвигают такую конструкцию, что залоговое право принадлежит к особой группе абсолютных прав, содержание которых сводится к обращению в свою собственность чужой вещи или ее стоимости (так называемого права присвоения). Всякое право присвоения, сохранен за собственником вещи и владение и пользование ею или, по крайней мере, не представляя права владеть и пользоваться вещью и субъекту права присвоения, предоставляет своему носителю снабженное абсолютной защитой притязание об изъятии при известных обстоятельствах вещи из обладания любого ее обладателя и о прекращении права собственности собственника. Среди прав присвоения различают право приобрести вещь в свою пользу (таково право выкупа) и право использовать стоимость вещи¹. Залоговое право, говорят, также принадлежит именно к этой последней группе.

В этих конструкциях выявляется не только формально-догматический метод буржуазной цивилистики, но и ее классовые корни. Особенно ярко эта классовая сущность выступает из-за третьей конструкции залога, как права присвоения. Эта конструкция в значительной мере навеяна буржуазным пониманием вещного права как отношения между лицом и вещью, пониманием, которое позволяет представителям монополистического капитала прикрыть эксплуататорскую сущность права частной собственности на средства производства. Определяя вещное правоотношение как отношение между лицом и вещью, буржуазные авторы получают возможность не показывать во всей наготе вопиющие факты порабощения собственниками средств производства трудящихся, лишенных этих средств производства и вынужденных идти в кабалу к капиталистам. Изображая вещное право как отношение лица к вещи, буржуазные теоретики стараются создать впечатление известного вещного равенства граждан и отвлечь мысль от того факта, что средства производства — в руках монополистического капитала и что трудящиеся могут получать пользование ими лишь ценой закабаления монополистическому капиталу.

Для советского юриста нет неудобности в конструировании залогового права как «права присвоения». Прежде всего, нельзя пройти мимо того факта, что Гражданский кодекс относит залоговое право к числу вещных прав. Эта характеристика залогового

¹ Сивайский, Русское гражданское право, т. I, § 31.

права с теоретической точки зрения вызывает сомнения, главным образом, с той стороны, что субъект залогового права в одних случаях не владеет, не пользуется заложеной вещью, в других случаях — хотя и имеет вещь в своем фактическом владении, однако не имеет права пользоваться ею. Между тем, если обратиться к основному вещному праву — праву собственности или к другому вещному праву (ныне уже утратившему значение) — праву застройки, то за субъектами этих прав признается и право владеть и право пользоваться вещью. Таким образом, основное возражение против отнесения залогового права к обыкновенным вещным правам основывается на предположении, будто вещное право предполагает непременно владение и пользование вещью. Однако это предположение не может считаться доказанным, да оно и несправедливо по существу. Известно, что очень нередко и право собственности не сопровождается владением и пользованием. Поэтому нет препятствий отнести к вещным правам и залоговое право, несмотря на то, что оно не дает своему субъекту ни владения, ни пользования, а только позволяет распорядиться стоимостью вещи. Но удельный вес этой разновидности вещных прав в советской жизни очень не велик¹.

6. Основное значение для кредитора устанавливаемого для него залогового права заключается в преимущественном удовлетворении (перед другими кредиторами) из стоимости заложеной вещи. По ст. 94 ГК имущество может быть заложено нескольким кредиторам. В этих случаях каждый последующий залогодержатель получает удовлетворение из заложеного имущества только после полного удовлетворения предыдущего залогодержателя, т. е. в порядке очередности (ст. 99 ГК). Поэтому на залогодателя, закладывающего вещь не впервые, возлагается по ст. 94 ГК обязанность уведомить каждого последующего залогодержателя о предыдущих залоговых обременениях. Если в числе залогодержателей имеется Государственный банк СССР и другие кредитные учреждения, то по ст. 99 ГК требования Государственного банка СССР удовлетворяются из заложеного имущества преимущественно перед претензиями других залогодержателей (независимо от времени возникновения требования банка). Привилегированными являются и требования других кредитных учреждений, в том числе и государственных сберегательных касс, но они удовлетворяются только по удовлетворении претензий Государственного банка. Можно признать, что залог одного и того же имущества нескольким залогодержателям (так называемый перезалог) не имеет значения в советской хозяйственной жизни. Условия жизни социалистического общества не требуют допущения перезалога.

¹ Поэтому выше (§ 4) и предлагается категорию вещных прав назвать основным вещным правом — правом собственности.

Для удовлетворения залогодержателя заложения вещь продается, причем вещи, за исключением строений, продаются через государственные и кооперативные торговые организации на комиссионных началах, а строения — с публичных торгов, назначаемых в порядке исполнения судебного решения по иску залогодержателя. О назначении торгов вывешивается объявление (не позднее чем за три дня) в том месте, где должны состояться торги, а также делается публикация в местной газете (залогодатель и залогодержатель извещаются повестками). Желающие участвовать в торгах представляют судебному исполнителю справку, что ни они, ни их супруги или несовершеннолетние дети не владеют строением, а также вносят залог в сумме 10% оценки строения (который засчитывается в покупную цену или возвращается обратно). Процесс торга заключается в том, что участвующие в торгах делают надбавки к начальной цене. Покупателем считается лицо, предложившее высшую цену (ст.ст. 304—316 ГК). Если по удовлетворении залогодержателя остается некоторая часть вырученной суммы, она передается залогодателя. Может случиться, что вырученной от продажи суммы не хватит для удовлетворения требования залогодержателя. В этом случае он имеет право получить недостающую сумму из прочего имущества должника; однако в этой части преимущества залогового права уже не имеют применения: сила залогового права проявляется лишь при обращении взыскания на предмет залога; как только залогодержатель переходит к взысканию с прочего имущества должника, он выступает не как залогодержатель, а как обыкновенный кредитор, не имеющий преимущества перед другими кредиторами. Изложенная норма (ст. 100 ГК) не является императивной: договором сторон могут быть установлены и другие последствия на тот случай, если вырученной от продажи заложеного имущества суммы недостаточно для покрытия требования залогодержателя. Однако эта возможность установить по договору иные последствия в указанном случае не может быть неограниченной, по крайней мере, если залоговым кредитором является социалистическая организация. Так, если бы в договоре было условлено, что предмет залога должен служить единственным источником покрытия требования залогодержателя, то это означало бы такое сужение возможностей удовлетворения требования, какое недопустимо в отношении социалистической организации. Иной порядок удовлетворения может также быть установлен специальным законом (уставом кредитных учреждений и т. д.).

Залог дает кредитору, как указано выше, право на преимущественное перед другими кредиторами залогодателя удовлетворение из стоимости заложеного имущества. Однако некоторые претензии (не обеспеченные залогом) удовлетворяются преимущественно перед претензией залогодержателя. К числу таких претензий

лей ст. 101 ГК относят: взыскания на покрытие задолженности должника по заработной плате рабочим и служащим и другим приобретателям рабочих и служащих, вытекающим из трудового законодательства, из коллективных и трудовых договоров по вознаграждению за увечье и смерть; по социальному страхованию; по общегосударственным и местным налогам и приравненным к ним неналоговым доходам; по претензиям органов государственного страхования и организаций взаимного кооперативного страхования.

Из ст. 101 ГК видно, что охране труда и заботе о детях советским правом уделяется такое внимание, что не только интересы залогодержателя ставятся, по сравнению с взысканиями на покрытие задолженности по зарплате и по алиментам, на второстепенное место, но даже вдовы по налогам взыскиваются только после удовлетворения претензий по зарплате и по алиментам.

Если предмет залога погибает, прекращается и залоговое право, однако если заложное имущество было застраховано, залогодержатель, в случае гибели этого имущества, имеет право преимущественного удовлетворения из страхового вознаграждения.

В качестве придаточного права залоговое право с передачей обеспеченного им залогового требования к другому кредитору переходит к этому последнему. Но при этом ст. 103 ГК требует, чтобы договор о передаче обеспеченного залогом требования был заключен (под страхом его недействительности) в письменной форме; а если заложено строение, то договор о передаче требования, обеспеченного залогом, должен быть нотариально удостоверен.

Если заложное имущество было при установлении залога передано залогодержателю, то одновременно с передачей обеспеченного залогом требования и само заложное имущество передается новому кредитору.

О всякой передаче залогового права должен быть уведомлен залогодатель, будет ли то должник или третье лицо (если залог установлен третьим лицом).

Помимо упоминавшегося выше случая гибели предмета залога, залоговое право прекращается также в следующих случаях: 1) с прекращением обеспеченного залогом обязательства — ввиду придаточности залогового права; 2) с реализацией (в установленном законом порядке) заложного имущества с целью удовлетворения залогодержателя по обеспеченному залогом требованию из стоимости заложного имущества; в этом случае залоговое право оказывается использованным и его содержание исчерпанным; 3) в случае приобретения залогодержателем права собственности на заложное имущество, — так как кредитор не может обращать взыскание на собственное имущество;

4) в случае принудительного отчуждения заложного имущества в установленном законом порядке; прекращение залогового права в этом последнем случае наступает потому, что цели принудительного отчуждения имущества не терпят, как правило, сохранения каких-либо обременений на отчуждаемом имуществе.

7. Залоговое право, вообще не имеющее широкого применения в советской практике, встречается, главным образом, на почве операций государственных ломбардов и банков. Эти специальные виды залога регламентируются особыми правилами.

Заклад вещей в ломбарде регулируется уставами ломбардов (типовой устав коммунального ломбарда в РСФСР утвержден 15 декабря 1939 г., — СП РСФСР 1940 г. № 3, ст. 5), а также различными правилами и инструкциями, издаваемыми на основе устава. Залоговое право в пользу ломбарда устанавливается в обеспечение заключаемых здесь заемных обязательств, или, как неточно принято выражаться в быту, в обеспечение выдаваемых ломбардом ссуд. Залог в ломбарде совершается с передачей закладываемых вещей ломбарду; это — обязательное требование устава. При принятии вещи ломбард производит ее оценку; эта оценка кладется потом в основу и в случае возникновения претензий по поводу порчи или гибели вещи. Впрочем, в одном из определений Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР («Судебная практика», 1947, вып. III, стр. 11—12, определение по делу № 36/662) дано указание, что если оценка вещей произведена ломбардом не в соответствии с действительной стоимостью вещей, то в случае утраты их ломбардом ответственность ломбарда должна определяться согласно указаниям, данным в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 15 апреля 1943 г., т. е. по государственным розничным ценам с учетом износа вещей. При неисполнении должником своего обязательства (вернуть полученную сумму) ломбарду предоставляется право реализовать залог собственным распоряжением, без обращения в суд. Эта реализация, как правило, производится через комиссионные или скупочные магазины.

Ряд особенностей отличает залог товаров Госбанку (в обеспечение банковских ссуд). Эта разновидность залога регулируется уставом Госбанка и издаваемыми им правилами. В основном отношения между Госбанком и отдельными хозорганами могут быть очерчены следующим образом. Хозорган подает банку заявление, в котором просит выдать ему, по принятой терминологии, ссуду (точнее — сумму займа). К этому заявлению прилагается так называемое залоговое обязательство, по которому в обеспечение долга предоставляется банку залоговое право на такой-то товар; представляется при этом справка о закладываемом товаре. Устав Госбанка предусматривает возможность оставления заложного товара на ответственном хранении клиента

(залогодателя). В этом случае залогодатель выдает залогодержателю — банку — так называемую сохранныю расписку, по которой обязуется соблюдать предусмотренные банком правила, обеспечивающие права банка как залогодержателя. Банку — залогодержателю — предоставляется право осуществлять контроль за сохранностью и надлежащим содержанием заложенного имущества (в порядке, предусмотренном правилами банка); вместе с тем банк имеет право в любое время потребовать от залогодателя передачи ему заложенного имущества; банк вправе также потребовать изменения условий хранения. В залоговое обязательство включается указание, что хозорган принимает на себя обязанность хранить заложенный товар и не распорядиться им без разрешения банка. С передачей требования, обеспеченного залогом имущества, оставленного на ответственном хранении залогодателя, другому кредитору, этому последнему передается залогодержателем обязательство залогодателя по принятию на себя ответственности за сохранность заложенного имущества. Если хозорган не погашает своевременно своего долга и приходится производить реализацию заложенного товара, то Госбанк, в силу своего устава, производит такую реализацию без обращения в суд, собственным распоряжением. Реализация производится Госбанком без назначения публичного торга; Госбанк продает заложенный товар той или иной социалистической организации, сообразуясь с государственным народнохозяйственным планом. Другими словами, товар передается такой организации, которой он особенно необходим для успешного выполнения народнохозяйственного плана.

Залоговое право Госбанка является привилегированным. Оно удовлетворяется преимущественно перед всеми другими требованиями, кроме заработной платы, возмещения за увечье и смерти и приравненных к ним требований (ч. 2 ст. 101 ГК; ст. 226 ГПК). При этом время установления залогового права Госбанка значения не имеет, оно удовлетворяется в первую очередь, уступая лишь названным только что требованиям. Если на товары и иные имущественные ценности, заложенные в Госбанке, обращает взыскание какое-либо третье лицо, то не производится ареста и описи этого имущества. Реализовать свою претензию третье лицо может лишь после того, как заложенные ценности подлежали бы передаче банком в распоряжение должника. Если же дело идет о претензии по заработной плате или другой, преимущественной перед залоговым требованием Госбанка, Госбанк может поступить двояко. Он может удовлетворить такого рода претензию и ее сумму причислить к своей залоговой претензии. Банк может не удовлетворить преимущественного перед ним кредитора. В этом случае заложенное имущество продается не ранее, как через месяц со дня обращения взыскания третьим лицом. Сумма, вырученная от продажи, после удовлетворения этой претензии, поста-

вленной законом впереди требования Госбанка, обращается на досрочное погашение задолженности Госбанку.

Специально банковскими видами залогового права являются еще два: залог товара в обороте и залог товара в переработке (ст. ст. 105-а — 105-р ГК). Ни та, ни другая форма залога не имеет сколько-нибудь широкого распространения на практике. Залог товара в обороте состоит в том, что товар оставляется у залогодателя, причем за ним сохраняется право заменять одни предметы заложенной товарной массы другими, но с тем, чтобы вновь вводимые предметы принадлежали к тому же ассортименту товаров, какой был заложен и чтобы общее количество наличных товаров на каждый данный момент оценивалось не ниже определенной, условленной сторонами суммы. Этим имеется в виду не затруднить жизни заложенного предприятия, не омертвлять этого предприятия и вместе с тем не уменьшать гарантии, предоставленной залогодержателю. В связи с этим при залоге товара в обороте должна быть составлена опись товара с оценкой его и с указанием тех предметов, которыми залогодатель может заменять заложенные товары.

Товар, выбывающий из предприятия, тем самым освобождается от залоговой ответственности, и обратно, товар, который поступает в предприятие, тем самым признается заложенным. Залогодержателю принадлежит право контроля над заложенным товаром. Если залогодатель нарушает установленные для этой разновидности залога правила, то банк-залогодержатель имеет право или потребовать передачи ему заложенного товара, либо наложить свои замки на помещения залогодателя, либо, наконец, досрочно взыскать долг, обеспеченный залогом.

Залогом товара в переработке называется залог сырья или полуфабрикатов, а также получаемых при этом готовых изделий. Закладываемый товар может быть оставлен для переработки у залогодателя или у третьего лица. По мере изготовления изделий они, в зависимости от соглашения, или сдаются залогодержателю или остаются у залогодателя. Во всяком случае, залогодержателю принадлежит право контроля за производством из заложенного товара изделий, за тем, чтобы не нарушались интересы залогодержателя. Если залогодатель нарушает установленные правила, залогодержатель может досрочно осуществить обеспеченное залогом требование.

§ 35. Поручительство

1. Статья 236 ГК определяет поручительство следующим образом: «По договору поручительства поручитель обязывается перед кредитором третьего лица отвечать за исполнение последним его обязательства в полном объеме или в части».

Хозяйственная цель установления обязательства поручителя состоит в обеспечении кредитора и, через это, в облегчении для должника возможности иметь кредит.

В отличие от залога, обеспечивающего право требования кредитора посредством предоставления кредитору права на преимущественное перед другими кредиторами удовлетворение из стоимости заложенной вещи, при поручительстве в лице поручителя кредитор имеет добавочного должника. В данном случае кредитор может обратиться взыскание по обязательству на имущество не только главного должника, но и поручителя. Надо заметить, что если в годы изпа поручительство имело некоторое применение в жизни, то в настоящее время эта форма обеспечения представляется крайне редкое явление.

Первый существенный признак поручительства заключается в том, что поручительство есть договор. Сторонами в этом договоре являются лицо или лица, выступающие в качестве поручителя за какое-то третье лицо — должника по другому обязательству, в обеспечении которого устанавливается поручительство, и кредитор по этому обязательству третьего лица. Само это третье лицо (должник по обеспечиваемому обязательству) в договоре поручительства не участвует. Если договор о поручительстве заключают должник и лицо, соглашающееся быть поручителем, то этот договор получает характер предварительного (см. § 17) о заключении в будущем договора поручительства (с кредитором). Однако не существенно, предшествует ли договору поручительства заключение договора между будущим поручителем и должником, на основании которого первый обязуется принять на себя ответственность за должника, или нет; для действительности договора поручительства не требуется даже простой осведомленности должника о заключении такого договора. Разумеется, нормально должник не только знает об установлении поручительства, но и содействует этому в форме просьбы к поручителю заключить такой договор. Поручитель обязывается перед кредитором третьего лица отвечать за исполнение последним его обязательства. В этих словах ст. 236 ГК заключается второй существенный момент: придаточный, дополнительный характер поручительства. Поручительство предполагает наличие еще другого обязательства, в котором сторонами являются кредитор по договору поручительства и какое-то третье лицо (главный должник). Получается как бы два слоя обязательственных отношений: первый слой — основное обязательство между кредитором и главным должником и, в качестве придатка к этому основному обязательству, второй слой — обязательство из договора поручительства (между тем же кредитором и поручителем).

На придаточного характера поручительства еще нельзя вывести заключения о том, когда и при каких условиях поручитель

может оказаться обязанным отвечать на неисправность главного должника. Советское право, усиливая обеспечительную функцию поручительства, устанавливает (ст. 241 ГК) солидарную ответственность главного должника и поручителя, если только в договоре не дано иного указания. Другими словами, норма ст. 241 ГК является диспозитивной; по соглашению сторон, обязательство поручителя может быть не только дополнительным, но и субсидиарным, так сказать, запасным, и тогда поручитель может оказаться вынужденным отвечать только после того, как попытка кредитора взыскать по обязательству с главного должника оказалась безрезультатной. Поскольку ст. 241 ГК устанавливает солидарную ответственность главного должника и поручителя, кредитор может направить взыскание прямо на поручителя. Все это и облегчает и укрепляет положение кредитора. Кредитор, не получив в срок исполнения по обязательству, не обязан сначала принять меры взыскания с главного должника и лишь в том случае, если эти попытки получить удовлетворение с главного должника окажутся безрезультатными, искать с поручителя; советский закон дает кредитору право (если в договоре нет оговорки в ином смысле) предъявить требование к главному должнику и к поручителю, как к солидарным должникам, или только к поручителю. Содержание обязанности поручителя сводится к его ответственности перед кредитором третьего лица за исполнение этим третьим лицом своего обязательства. Поручитель не считается обязанным исполнить обязательство третьего лица, а только нести ответственность в случае, если обязательство окажется неисполненным. Такая формулировка обязанности поручителя дана в ст. 236 ГК не случайно: содержание обязательства главного должника может быть таково, что никто другой вместо него не может это обязательство исполнить, например, обязательство должника может состоять в воздержании от совершения определенных действий или в совершении действия, предполагающего определенные личные свойства и индивидуальные особенности, которыми обладает должник, но которых вовсе нет у поручителя, и пр. Впрочем, в отношении наиболее распространенных обязательств — денежных — различие между исполнением обязательства должника и ответственностью за него практического значения не имеет.

Поручительство должно быть отмежевано от некоторых других отношений. Так, примечание к ст. 236 ГК отграничивает от поручительства простую рекомендацию или справку о платежеспособности должника без точно выраженного намерения обязать наряду с должником. Поручительство предполагает в качестве существенного элемента выражение воли поручителем принять на себя ответственность за долг третьего лица; при отсутствии такой воли нет поручительства, хотя бы и были заключены, что

должника платежеспособен и т. п. В старой судебной практике (периоды план, когда поручительство имело более широкое распространение) не раз давались указания этого рода по конкретным делам (например, Гражданско-кассационная коллегия Верховного суда РСФСР не признала за поручительство письмо Объединения инвалидов на имя банка, в котором оно просило отсрочить одной из входящих в Объединение артелей инвалидов уплату долга и обещало принять все меры к погашению артелью этого долга, дело № 34048 — 1925 г., Сборник определений за 1926 г. № 35).

В плановых договорах поставки встречается иногда оговорка, что покупатель товара является гарантом за грузополучателя-плательщика. Эту оговорку нет оснований понимать в смысле специального договора гарантии (какой был в советской практике периода плана, в форме договора гарантийного страхования, введенного постановлением СНК СССР от 16 декабря 1924 г., — СЗ СССР 1925 г. № 1, ст. 11). Под договором гарантии в специальном смысле разумеется договор, по которому одна сторона ручается перед другой за достижение определенного хозяйственного и юридического результата и принимает на себя ответственность (не в качестве дополнительной к ответственности третьего лица, а независимо от его обязательства) — в случае, если это другое лицо, перед которым принята гарантия, понесет ущерб; ответственность принимается гарантом именно в размере понесенного другой стороной ущерба.

В плановых договорах поставки оговорка, что покупатель товара является гарантом за грузополучателя-плательщика, не дает оснований конструировать договор как гарантийный: в данном случае термин «гарант» употребляется не в указанном специальном смысле, а в значении добавочного должника, т. е. поручителя. Так именно понимает это отношение и арбитражная практика. Госарбитраж при СНК СССР, например, признал, что оплата счетов не непосредственно грузополучателями-плательщиками, а покупателем-гарантом не является основанием к освобождению последнего от ответственности за задержку в оплате счетов, т. е. что покупатель-поручитель и отвечает в том же размере, как главный должник (дело № П — 871 1937 г. по иску Московской транспортной базы «Росинвобсыт» к Золотоярснабу, — «Арбитраж», 1938, № 2, стр. 27). Ответственность гаранта за неоплату грузополучателем счета за поставленное оборудование по принципам поручительства признается Госарбитражем и по другим однородным делам.

Нередко это вводится в «Основные условия».

Отличается поручительство и от того отношения, которое складывается на почве договора комиссии, если комиссионер при-

нял на себя ручательство за исполнение договора третьим лицом, с которым им заключен договор за счет комитента (так называемое делькредере, ст. 275-д ГК). Дело в том, что комиссионер в этом случае ручается перед своим кредитором (комитентом) за своего должника (контрагента по договору); должником комитента этот последний не является; поручитель же ручается за лицо, не являющееся его должником, и ручается не перед своим кредитором, а перед кредитором главного должника.

Поручительство как договор, посредством которого лицо, не участвовавшее в установлении обязательственного отношения между данным кредитором и должником, принимает на себя ответственность за исполнение долга, возникшего из этого отклонения, является одной из форм вступления в чужой долг. Однако его следует отчетливо отграничивать от принятия долга в точном смысле (см. § 30). Этим последним именем обозначается вступление в существующее между кредитором и должником обязательственное отношение нового должника; при поручительстве же заключается новое обязательство, по которому лицо принимает ответственность по обязательству третьего лица, притом лишь постольку, поскольку имеет юридическую силу главное обязательство. Согласие кредитора на принятие третьим лицом долга первоначального должника существенно так же, как и при поручительстве; однако согласие кредитора на вступление нового должника нередко выражается в том, что кредитор одобряет (прямо или косвенно: например, безо всяких оговорок принимает платеж от нового должника) заключенный между старым и новым должником договор о замене первого вторым. Далее, объем ответственности поручителя определяется, прежде всего, самим договором поручительства; а лицо, принимающее долг, вступает в существующее уже отношение и отвечает в соответствии с содержанием этого отношения.

2. В соответствии с придаточным характером поручительства, этот договор получает юридическое значение только тогда, если имеет юридическую силу основное обязательство, обеспечиваемое поручительством (ст. 237 ГК). Если основное (главное) обязательство недействительно вследствие недееспособности сторон, несоблюдения установленной формы, незаконности содержания и т. д., не получает силы и договор поручительства. Если главное обязательство может быть оспорено, как заключенное под влиянием угроз, обмана, заблуждения, поручительство сохраняет значение лишь до тех пор, пока не оспорено главное обязательство.

Поручительством можно обеспечить будущее и условное требование.

Как для возникновения поручительства необходимо действительное требование, так и для сохранения поручительства необхо-

демо дальнейшее существование главного обязательства: с прекращением последнего прекращается и поручительство (ст. 249 ГК).

Поручительством можно обеспечить весь долг или его часть; но если по этому вопросу в договоре нет прямого указания, то поручитель отвечает в том же объеме, как главный должник; в частности, он отвечает за уплату процентов, за возмещение убытков, за неустойку, за возмещение расходов по взысканию (ст. 239 ГК). Во всяком случае, ответственность поручителя, как придаточная, не может по своему объему превысить объем обязательства главного должника.

Если должник расширяет границы своего обязательства посредством новой сделки, объем ответственности поручителя от того не увеличивается. Он принял на себя ответственность за исполнение должником определенного обязательства; увеличение размеров этого обязательства, вызываемое нормальным ходом событий (например, начисление процентов и т. п.), влечет за собой соответственное увеличение ответственности поручителя. Но новые акты должника являются источником новых его обязанностей, не охватываемых заключенным ранее договором.

Гражданский кодекс не содержит прямого указания относительно допустимости для поручителя принять на себя ответственность за долг главного должника с ограничением не в размере обязательства, а во времени, т. е. лишь на известный промежуток времени — поручительство, ограниченное сроком (которое не следует смешивать с «поручительством на срок», под которым разумно такую разновидность договора, когда поручитель принимает на себя ответственность не просто за исполнение обязательства главным должником, но и за исполнение его в срок). Поскольку советский закон вообще разрешает ограничивать по договору ответственность поручителя по сравнению с ответственностью главного должника, следует признать допустимой и такую форму ограничения, когда ответственность поручителя продолжается только в течение известного срока.

Для договора поручительства установлена обязательная письменная форма. Санкцией этой нормы служат недопущение свидетельских показаний и подтверждение этого договора (ст. 238 ГК).

За один и тот же долг могут поручиться несколько лиц (сопоручительство). Если принятие ими ответственности происходит постепенно и, главное, независимо друг от друга, ответственность каждого поручителя имеет свое особое основание и рассматривается особо. В этом случае возможно, например, что второй поручитель принимает на себя ответственность в размере разницы между суммой главного долга и суммой, в которой принял на

себя ответственность первый поручитель, или в том размере, в каком долг главного должника не будет покрыт первым поручителем. Тогда ответственность второго поручителя на этих именно основаниях и определяется. Если же два или несколько поручителей дали поручительство совместно, тогда они отвечают перед кредитором как солидарные должники (ст. 248 ГК).

3. Ответственность поручителя в главного должника, как уже указано, предполагается солидарной. Если кредитор предъявляет иск к поручителю, последний обязан привлечь к участию в деле главного должника (ст. 242 ГК). Чтобы понять смысл этого требования закона, нужно иметь в виду следующее. Поручитель, принимая на себя ответственность за главного должника, по общему правилу не имеет в виду совершать в этой форме дарения должнику. Напротив, как правило, предполагается, что поручитель, если ему придется уплатить за должника его долг, старается потом получить с главного должника возмещение уплаченной суммы. Закон предоставляет для этого поручителю право обратного требования, или регресса. С этой целью ст. 246 ГК устанавливает, что поручитель, исполнивший обязательство, ставится на место кредитора. Ввиду такого конечного результата должник заинтересован в том, чтобы при предъявлении иска кредитором к поручителю были использованы все средства защиты. Поэтому закон и требует, чтобы поручитель, если кредитор предъявил к нему иск, привлек должника к участию в деле и дал ему возможность защищаться против иска. Если поручитель упустит это сделать, то должник имеет право противопоставить обратному требованию поручителя все те возражения, какие у него были против кредитора. Например, поручитель за покупщика уплатил продавцу покупную цену без привлечения покупщика к делу; между тем последний имеет против иска продавца возражение, основывающееся на наличии в проданной вещи скрытых недостатков; тогда против регрессного иска поручителя покупщик вправе выставить соответствующее возражение и в результате или будет вовсе освобожден от обязанности удовлетворить поручителя или добьется уменьшения суммы его регрессного требования. Таким образом, должник подлежит привлечению поручителем на свою сторону в качестве третьего лица, иначе говоря, в качестве пособника в процессе, который должен облегчить поручителю защиту против иска кредитора к поручителю.

Если поручителей было несколько, то каждый из них, уплативший долг, имеет право обратного требования к должнику в размере уплаченной суммы и к остальным сопоручителям в размере причитающейся на каждого из них доли уплаченного долга.

Статья 243 ГК требует от поручителя, собирающегося уплатить за должника его долг, чтобы он уведомлял главного должника о таком намерении. Эта статья сопровождается очень строгим санкцией — закон грозит поручителю полной утратой права обратного требования, однако при том условии, если и должник, не зная о последовавшем платеже со стороны поручителя, также исполнит обязательство.

Если поручитель должен предупреждать излишний платеж со стороны должника, то такая же обязанность лежит и на должнике. О ней прямо говорят статья 244 ГК: «Должник, исполнивший главное обязательство, обязан немедленно известить о том поручителя. В противном случае поручитель, в свою очередь уплативший кредиторю, не лишается права вторично взыскать долг с главного должника (ст. 246 ГК); последний может лишь изъяснить с кредитора неосновательно полученное». Основная мысль этого постановления сводится к тому, что как поручитель не должен действовать разрозненно с должником и тем ухудшать положение последнего, так, в свою очередь, и должник обязан считаться с интересами поручителя. Если должник немедленно не известит поручителя о произведенном исполнении обязательства и этим не предупредит двойной платеж (и со стороны должника и со стороны поручителя), на должника возлагается обязанность удовлетворить обратное требование поручителя, а самому иметь дело с кредитором по взысканию с него неосновательно полученного.

Добавочный характер обязательства поручителя приводит к установлению тесной связи между юридическим положением главного должника и поручителя. Эта связь выражается, в частности, в том, что поручителю предоставляется право пользоваться для защиты против кредитора всеми теми возражениями, какие мог бы предъявить сам должник (даже если возражение возникло после заключения договора поручительства). Например, поручитель, будучи залогодержателем, имеет возражение, что имущество должника-наемателя имеет возражение, что имущество фактически предоставлялось в течение не всего того времени, за которое взыскивается наемная плата; такое возражение может предъявить и поручитель, если кредитор начнет взыскание с него. Поручитель может противопоставить иску кредитора ссылку на произведенный должником частичный платеж, на состоявшееся между кредитором и должником соглашение о сложении долга и т. д. При этом право поручителя предъявить кредиторю возражения, принадлежащие должнику, не зависит от того, желает ли сам должник воспользоваться этими возражениями или же он отказывается от своего права предъявить такие возражения и признает свое обязательство: поручитель и в этом последнем случае может защищаться против требования кредитора возраже-

ниями должника (ст. 245 ГК). Такое постановление закона освобождает поручителя от возможности ухудшения его положения по произволу должника.

Имея право противопоставить иску кредитора возражения, которым мог бы защищаться должник, поручитель, однако, не вправе предъявлять к зачету требование, принадлежащее должнику, ибо это означало бы распоряжение чужим правом (см. § 55).

Статья 245 ГК говорит о праве поручителя защищаться против требования кредитора всеми теми возражениями, какие мог бы предъявить должник; однако неиспользование этого права во вред должнику дает основание последнему оспаривать обратное требование поручителя.

Исполняя обязательство в отношении кредитора, поручитель вправе потребовать от него передачи всех прав, обеспечивающих требование к должнику, и документов, удостоверяющих это требование (ст. 247 ГК). Этим требованием закон имеет в виду облегчить поручителю фактическое использование права обратного требования.

Кредитор не обязан вообще проявлять в отношении поручителя какую-либо особую заботливость, но он не должен, во всяком случае, произвольно ухудшать положение поручителя. Поэтому, если кредитор отказывается от принадлежащей ему по закону льготы в отношении взыскания с должника или от залогового права либо другой формы обеспечения долга, он поступает незаконно, так как этим своим актом нарушает интерес поручителя. Поэтому по ст. 248 ГК отказ кредитора от принадлежащего ему права преимущественного удовлетворения или от установленного в его пользу обеспечения долга служит основанием для освобождения поручителя от ответственности за исполнение должником обязательства, поскольку кредитор мог бы покрыть свое требование, используя эти права.

Если кредитор без согласия поручителя дает должнику отсрочку, обязанность поручителя должна считаться прекратившейся: принимая на себя ответственность, поручитель учитывает, между прочим, имущественное положение должника и шансы на его платежеспособность к сроку по обязательству; отсрочка главного долга коренным образом меняет положение дела, вследствие чего поручитель должен иметь право отказаться от ответственности по договору поручительства.

Равным образом поручительство должно считаться прекратившимся, если кредитор медлит с предъявлением иска (хотя срок обязательства уже наступил) и этим произвольно удлинит ответственность поручителя. Именно, поручительство прекращается, если кредитор в течение трех месяцев со дня наступления срока не предъявит иск к поручителю. Если же срок исполнения обяза-

тельности не указан, то при отсутствии иного соглашения ответственность поручителя прекращается по истечении одного года со дня заключения договора поручительства (ст. 250 ГК). Для поручителя важно возможно скорее выяснить положение, ликвидировать свою связь с кредитом и принять меры к реализации регрессного требования. Ст. 250 ГК создает для кредитора побудительные хоты быстрее определить свое отношение к делу, так как в случае промедления поручительство прекращается. С истечением сроков, указанных в этой статье, прекращается не только право кредитора на предъявление иска к поручителю, но и само материальное право требования кредитора к поручителю (такая характеристика этого срока давалась Гражданской кассационной коллегией Верховного суда РСФСР еще в период налета, определенное по делу № 31842—1925 г., — Сборник определений, 1925 г. № 270). В качестве вывода отсюда получается, что если кредитор не предъявил иска к поручителю в пределах сроков, указанных в ст. 250 ГК, а поручитель тем не менее ошибочно заявил по обязательству по истечении этих сроков, такой платеж должен рассматриваться как платеж несуществующего долга, и поручителю предоставляется искать с кредитора неосновательно им полученное, но обратного требования к должнику поручитель в этом случае не получает. Годичный срок ответственности поручителя установлен, однако, лишь на случай отсутствия иного соглашения, т. е. это — норма диспозитивная.

Специальный случай прекращения поручительства предусмотрен еще в ст. 127 ГК: поручительство, установленное третьим лицом в обеспечение обязательства, прекращается с переводом долга, если поручитель не выразил согласия отвечать и за нового должника. Поручительство имеет тесную связь с главным долгом, в частности, на положение поручителя серьезное влияние оказывают особенности хозяйственного и правового положения должника; чем прочнее это положение, тем более шансов для поручителя выйти из всего этого отношения без ущерба, и обратно. Поэтому естественно, что смена должника, произведенная без согласия поручителя, служит для последнего основанием для освобождения от ответственности по договору поручительства.

4. Большим своеобразием отличается вексельное поручительство (так называемый аваль), регламентируемое главой IV «Положения о переводном и простом векселе» от 7 августа 1937 г. (СЗ СССР 1937 г. № 52, ст. 221). В этой разновидности поручительства (являющейся по существу особым правовым институтом) поручительство может быть принято на себя не только третьим лицом, что безусловно обязательно для поручительства по Гражданскому кодексу, но и одним из лиц, подписавших вексель, т. е. одним из должников. Черта придаточности не является для авального поручительства характерной: обязательство авалиста

(т. е. вексельного поручителя) считается действительным даже в том случае, если обеспеченное поручительством обязательство окажется недействительным по какому бы то ни было основанию, кроме порока формы; если не соблюдена форма вексельного обязательства, то не имеет силы и аваль (ст. 32 Положения).

Вексельное поручительство дается на переводном векселе или на добавочном к векселю листе или вообще на отдельном листе с указанием места его выдачи. Формулируется вексельное поручительство словами «считать за аваль» или всякой иной равнозначной формулой и подписывается тем, кто дает аваль. Достаточно для авали одной лишь подписи, поставленной авалистом на лицевой стороне переводного векселя, если только эта подпись не поставлена плательщиком или векселедателем. В авале должно быть указано, за чей счет он дан; при отсутствии такого указания он считается данным за векселедателя (ст. 31 Положения). Норма о солидарной ответственности поручителя и главного должника применительно к вексельному поручительству является не диспозитивной, а императивной (безусловно обязательной) (ст. 32 Положения). Право обратного требования вексельного поручителя признается законом не только против того, за кого давал гарантию вексельный поручитель, но и против тех, которые в силу переводного векселя обязаны перед тем должником, за которого поручился вексельный поручитель; например, вексельный поручитель, поручившийся за плательщика, имеет право обратного требования не только к плательщику, но и к векселедателю, и т. п.

ЛИТЕРАТУРА К ПЕРВОЙ ЧАСТИ

а) Руководящая

- Маркс и Энгельс, Манифест Коммунистической партии, Соч., т. V (особенно см. раздел «Буржуа и пролетарий»).
- Маркс, Предисловие к «Критике политической экономии», Маркс и Энгельс, Соч., т. XII, ч. I.
- Маркс, Капитал, Маркс и Энгельс, Соч., т. XVII.
- Маркс, Критика Готской программы, Маркс и Энгельс, Соч., т. XV.
- Энгельс, Альт-Дюринг, Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV (особенно учение о свободе и необходимости, выделение понятий равенства).
- Энгельс, Людвиг Фейербах и конец классической философии, Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV (см. о роли гражданского права).
- Ленин, Государство и революция, Соч., изд. 4-е, т. 25.
- Ленин, Империализм, как высшая стадия капитализма, Соч., изд. 4-е, т. 22.
- Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., изд. 4-е, т. 14 (для обязательственного права особенно важно учение о причинной связи).
- Ленин, Философские тетради, 1933.
- Сталин, О диалектическом и историческом материализме, Вопросы ленинизма, изд. II-е, стр. 535—563.
- Сталин, Вопросы ленинизма, изд. II-е.
- Непосредственно для обязательственного права имеют огромное значение, кроме уже названной работы о диалектическом и историческом материализме, следующие работы:
- «Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства» (стр. 331—349);
- «Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б)» (стр. 423—486);
- «О проекте Конституции Союза ССР», Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов (стр. 507—534);
- «Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б)» (стр. 564—611).
- Сталин, Встреча с председателем американского газетного объединения «Сергис-Говард Ньюспейперс» г-ном Рой Говардом (Ленин и Сталин, Сборник произведений и изучению истории ВКП(б), т. III).
- Сталин, Относительно марксизма о языкознании, 1950.
- В. М. Молотов, В борьбе за социализм, изд. 2-е, 1935.
- В. М. Молотов, Статьи и речи, 1937.
- А. А. Жданов, Выступление на дискуссии по книге Г. Александрова «История западноевропейской философии», «Вопросы философии», 1947, № 1.

б) Специальная

- А. Н. Бумштинский, Вопросы теории государства и права, 1949 (в этой работе объединяющей ряд предыдущих работ автора, имеется много материала, касающегося понятий и значений советского права).
- М. М. Агарков, Обязательства из причинения вреда, «Проблемы социалистического права», 1933, № 1.
- М. М. Агарков, Вина потерпевшего в обязательствах из причинения вреда, «Советское государство и право», 1940, № 3.

- М. М. Агарков, Основы банковского дела, 1929.
- М. М. Агарков, К вопросу о договорной ответственности, сборник «Вопросы советского гражданского права», 1945.
- М. М. Агарков, Понятие сделки по советскому гражданскому праву, «Советское государство и право», 1945, № 3—4.
- М. М. Агарков, Обязательство по советскому гражданскому праву, 1940.
- М. М. Агарков, Учение о ценных бумагах, М., 1927.
- Н. Г. Александров, К вопросу о роли договора в процессе регулирования общественных отношений, Ученые записки ВЮИОН, 1947, вып. VI.
- Н. Г. Александров, Юридическая форма и правоотношение, 1947.
- Б. С. Антимонов, К вопросу о понятии и элементах причинной связи в гражданском праве, сборник «Труды научной школы Всесоюзного института юридических наук 1—6 июля 1946 г.», 1948.
- Г. Н. Амфиитеatrov, «Некоторые вопросы жилищного права», сборник «Советское право в период Великой Отечественной войны», 1946, т. 1.
- С. И. Аскляний, Общие вопросы методологии гражданского права, Ученые записки Ленинградского Государственного университета, 1948, № 106.
- Х. Э. Бахчисарайцев, Договор поставки и борьба за качество продукции, 1941.
- А. В. Венедиктов, Договорные санкции в советском праве, «Советское государственное право», 1934, № 5.
- А. В. Венедиктов, Договорная дисциплина в промышленности, 1935.
- А. В. Венедиктов, Об основных проблемах советского гражданского права, Вестник Ленинградского университета, 1947, № 11.
- Д. М. Генкин, Великая Отечественная война и вопросы гражданского права, Ученые записки ВЮИОН, 1945, вып. III, стр. 23—25.
- Д. М. Генкин, Недействительность сделок, совершенных с целью, противной закону, Ученые записки ВЮИОН, 1947, № 5.
- Д. М. Генкин, В. И. Серебровский, Г. К. Москаленко, Судебная практика по гражданским делам, 1943.
- К. А. Граев, Договорная неустойка в советском праве, 1930.
- Гражданское право, учебник для юридических институтов, 1944, т. I.
- А. И. Давидов, Теория государства и права, 1945.
- М. В. Зимелева, Поклада и товарных складов, 1927.
- О. С. Иоффе, О некоторых теоретических вопросах науки гражданского права, Вестник Ленинградского университета, 1948, № 3.
- О. С. Иоффе, Правоотношение в советском гражданском праве, 1940.
- А. А. Каравайкин, Исполнение договоров, 1934.
- М. П. Карев и А. М. Айзенберг, Правовые формы и правоотношения, 1949.
- С. Н. Ландкоф, Новая категория обязательств в советском гражданском праве, Научные записки Киевского Государственного университета, т. VII, вып. 7.
- М. С. Ливецкер и З. И. Шкундин, Некоторые вопросы гражданского права в свете решений XVIII интерконференции, «Советское государство и право», 1940, № 4.
- Л. А. Луиц, Деньги и денежные обязательства, 1927.
- Л. А. Луиц, Договорная ответственность, сборник «Советское право в период Великой Отечественной войны», т. I, гл. IV.
- Л. А. Луиц, Международное частное право, 1940, гл. гл. XI—XIII.
- Магазинер, Ответственность государственных учреждений за вред, причиненный его должностными лицами, Ученые записки Свердловского юридического института, 1945, т. I.

- Г. М. Матвеев, К вопросу о шуме как основании договорной ответственности. Научные записки Киевского Государственного университета, 1948, т. VII, вып. II.
- Г. М. Матвеев, Об определении размера договорного убытка в отношении между социалистическими организациями. Юридический сборник Киевского Государственного университета, 1948, № 3.
- Г. М. Матвеев, Виды договорных убытков. Научные записки юр. фак. Киевск. Дерзжана унив., 1940, т. I.
- Н. Б. Новицкий, Исполнительные сделки. «Вопросы советского гражданского права», 1943.
- Н. Б. Новицкий, Учение кредитора и исполнения договорного обязательства. «Советское государство и право», 1947, № 7.
- Н. Б. Новицкий, Обязательство заключить договор, 1947.
- Н. Б. Новицкий, Реальное исполнение обязательств, сборник «Труды научной сессии Всесоюзного института юридических наук 1-6 июля 1948 г.», 1948.
- Н. Б. Новицкий, Поручительство, изд. 2-е, Харьков, 1927.
- Н. Б. Новицкий, История договорных обязательств за тридцать лет, сборник — Д. М. Гемкин, Н. Б. Новицкий, Н. В. Рабинович, История советского гражданского права.
- Н. Б. Новицкий, Развитие договорных обязательств в советском праве. Ученые записки МЮИ, 1948, т. IV.
- П. Е. Орловский, Практика Верховного суда СССР по гражданским делам в условиях Отечественной войны, 1944.
- И. С. Перетерский и С. Б. Крылов, Международное частное право, 1940, т. VIII.
- В. К. Райдер, Общественно-исторические типы страхования, 1947.
- В. А. Рясенцев, Неизвестный интерес в советском гражданском праве. Ученые записки МЮИ, 1939, т. I.
- В. А. Рясенцев, Ведение чужого дела без поручения. Ученые записки МГУ, 1946, вып. III, кн. 2.
- В. А. Рясенцев, Обязательства из так называемого неосновательного обогащения в советском гражданском праве. Ученые записки МГУ, вып. 144, 1943.
- В. К. Райдер, Абсолютные и относительные права. Известия экономического факультета Ленинградского политехнического института, т. XXV, 1928.
- В. Н. Серебровский, Страхование право, 1927.
- В. Н. Серебровский, Договор страхования в проекте Гражданского кодекса Союза ССР. «Проблемы социалистического права», 1939, № 1.
- В. Н. Серебровский, Договор страхования жизни в пользу третьего лица. Ученые труды ВНИОН, 1947, вып. IX.
- Теория права и государства, учебник, составленный Институтом права Академии наук СССР, 1948, т. XII.
- Е. А. Флейшиц, Ответственность государственных органов за имущественный вред, причиненный должностными лицами, 1948.
- Е. А. Флейшиц, Обязательства из причинения вреда, сборник «Советское право в период Великой Отечественной войны», 1948, т. I, гл. V.
- Е. А. Флейшиц, Ответственность государства за вред, причиняемый должностными лицами, сборник «Труды научной сессии Всесоюзного института юридических наук 1-6 июля 1948 г.», 1948.
- З. Н. Шкунда, Значение шумы в обязательствах из причинения вреда, 1929.
- З. Н. Шкунда, Планирование задания и договорное обязательство. «Советское государство и право», 1949, № 7.
- З. Н. Шкунда, Обязательство поставки товаров в советском праве, 1948.

- З. И. Шкунда, О правовом значении оснований условий поставки. «Делитража», 1940, № 2.
- З. И. Шкунда, Ближние планы на обязательства. «Советские государство и право», 1947, № 2.
- З. И. Шкунда, План и обязательственные отношения между тем органами, сборник «Советское право в период Великой Отечественной войны», т. I, гл. III.
- К. С. Юдельсон, Регрессное обязательство в основных институтах советского гражданского права. Ученые записки Свердловского юридического института, т. I, 1945.
- К. С. Юдельсон, Основные проблемы права регресса в советском гражданском праве. Ученые труды ВНИОН, 1947, вып. IX.
- Л. С. Эльясон, Чекное право, 1927.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава VI

ИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

§ 36. Вводные замечания

1. Исполнение обязательства есть совершение того действия, которое необходимо для удовлетворения права требования кредитора. С исполнением обязательства его цель достигнута и обязательство прекращается.

Обязанность исполнения лежит на должнике; однако в некоторых случаях обязательство может быть исполнено и третьим лицом.

Право требования исполнения принадлежит кредитору; ему же, как правило, должно быть произведено исполнение. Законом или соглашением сторон может быть предусмотрено исполнение обязательства третьему лицу.

Кредитор не только имеет право получить исполнение, но и обязан принять исполнение, предложенное ему в соответствии с законом и договором; он обязан оказать должнику содействие в исполнении. В обязательствах между социалистическими организациями, направленными на выполнение плановых заданий, обе стороны — должник и кредитор — в равной мере обязаны каждый со своей стороны выполнить все действия, необходимые для того, чтобы данное обязательство было исполнено. Здесь эта обязанность каждой из сторон является не только обязанностью ее в отношении другой стороны, но прежде всего обязанностью перед Советским государством.

2. Наше гражданское право требует от каждого участника нашего гражданского оборота строгого соблюдения обязательств, которые на него возложены советскими законами и подзаконными актами и которые приняты им на себя по договору, совершенному в соответствии с советским законом. Начало строгого соблюдения обязательств есть одно из основных начал социалистического права.

В СССР, где нет ни экономических кризисов, ни безработицы, где народнохозяйственная жизнь определяется народнохозяйственным планом в интересах увеличения общественного богатства, неуклонного подъема материального и культурного уровня трудящихся, укрепления независимости СССР и усиления его

оборонеспособности, — созданы, впервые в истории человечества, все необходимые экономические и идеологические предпосылки для проведения в жизнь начала строгого соблюдения обязательств¹.

Эти начала неукоснительно проводятся в жизнь в области отношений между всеми участниками нашего гражданского оборота.

Исправное и своевременное исполнение обязательств имеет огромное значение в сфере взаимоотношений между социалистическими организациями. Здесь оно является одним из необходимых условий выполнения народнохозяйственного плана.

В деле своевременного, сверхсрочного, а также качественно безупречного выполнения обязательств, направленных на выполнение плана, первостепенную роль играет социалистическое соревнование между отдельными предприятиями, между цехами и составом данного предприятия, между отдельными работниками и та большая работа, которую ведут партийные организации, воспитывая советских людей в духе советского патриотизма, организуя их на великое дело строительства коммунистического общества. Серьезная несправность и соблюдение сроков по обязательствам, опосредствующим выполнение планового задания, встречает решительное осуждение со стороны советского общественного мнения, находящего свое выражение в резолюциях партийных и профсоюзных общих собраний работников данного предприятия, в статьях и письмах рабочих и сельских корреспондентов, помещаемых в органах нашей периодической печати.

Государственное принуждение в отношении отдельных нарушителей договорной дисциплины по обязательствам между социалистическими организациями выражается прежде всего в санк-

¹ В соответствии с теми классовыми целями, которым в капиталистическом обороте служат договор (оформление связи между товаропроизводителями, оформление идеинного рабства рабочих), буржуазные юристы давно провозгласили «святость» договорных обязательств. Однако подобие их декларации носило всегда лицемерный характер, а ныне — в период империализма — является прямой фальсификацией, ибо «святость договора» никогда не препятствовала крупному капиталисту нарушать свои обязательства в отношении своего более слабого в экономическом отношении контрагента, а ныне — в эпоху империализма — буржуазные суды неизменно санкционируют отступления от договоров во всех тех случаях, когда это выливается в интересах их хозяев — финансовой олигархии. Одним из признаков такого отношения судов к договорным обязательствам является вырождение в судебной практике капиталистических стран договора *quasi sic stantibus* — дающей возможность суду в тех случаях, когда этого требует интерес монополистического капитала, отменять договоры или поправлять их содержание под предлогом изменившихся обстоятельств. Названия договора *quasi sic stantibus*, появившаяся в буржуазном праве с 1917—1928 гг. (с началом общего кризиса капитализма), является ярким примером того, как буржуазия ныне готова «рвать свою собственную дисциплину» (Ленин), когда это выливается ее интересами.

ных гражданского права. Кроме того, законом предусмотрено применение в определенных случаях административных мер и санкций уголовного права.

В настоящей главе мы рассмотрим ряд общих вопросов, касающихся исполнения гражданско-правовых обязательств. Сюда относятся вопросы: о предмете (в частности, о качестве) исполнения, о сроке исполнения, о месте и способах исполнения; о том, в каких случаях допускается исполнение третьим лицом и исполнение третьему лицу; о порядке установления кредиторских прав.

Вопросы, касающиеся гражданско-правовых последствий неисполнения обязательств, будут рассмотрены в гл. VII.

§ 37. Предмет исполнения и замена исполнения

1. Действие, которое совершается во исполнение обязательства, иногда является одним из нескольких действий, составляющих предмет обязательства (альтернативное обязательство), а иногда заменяет собой действие, составляющее предмет обязательства (факультативное обязательство, замена исполнения). Об альтернативном и факультативном обязательствах сказано выше. Здесь необходимо рассмотреть вопрос о так называемой замене исполнения.

Замена исполнения отличается от факультативного обязательства следующим: факультативное обязательство содержит условие о праве должника заменить действие, составляющее предмет обязательства, определенным другим действием. В отличие от этого, замена исполнения имеет место тогда, когда — при отсутствии такого условия в обязательстве — кредитор взамен действия, которое обязан совершить должник, принимает другое действие в качестве суррогата исполнения; обязательство в этом случае считается исполненным и погашается в момент принятия кредитором замены исполнения. Например, завещатель возложил на наследника обязанность выдать третьему лицу из состава наследства пианино, но это последнее лицо принимает взамен пианино денежный эквивалент.

2. От замены исполнения следует отличать предоставление с целью исполнения (платежа). Например, завещатель возложил на наследника обязанность из денежных сумм, оставшихся в составе наследства, приобрести пианино и передать его третьему лицу (отказополучателю), а отказополучатель принимает от наследника деньги с поручением купить для себя пианино. Обязательство наследника здесь считается выполненным не в момент принятия отказополучателем денег, а лишь после того, как отказополучатель приобретет пианино.

Замена исполнения и предоставление с целью исполнения (платежа) во взаимоотношениях между социалистическими орга-

низациями допускается лишь, если это не противоречит плану и порядку расчетов между социалистическими организациями.

Различие между «заменой исполнения» и «предоставлением с целью исполнения» нашло свое отражение в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 29 июня 1949 г. по иску Чарчяна к Каспарову о взыскании 910 руб. («Судебная практика», 1949, № 10). Чарчян в 1945 году дал Каспарову займы 2000 руб., получив от последнего свидетельство сберкассы на имя Каспарова на получение специального вклада. В течение трех лет долг погашался получением денег из сберкассы по отрывным талонам означенного свидетельства. В сентябре 1945 года Чарчян предъявил иск к Каспарову о взыскании оставшихся непогашенными 910 руб., «так как свидетельство на получение вклада, ввиду конверсии, не может служить ему компенсацией следуемой суммы». Народный суд иск удовлетворил, а Верховный суд Азербайджанской ССР решение народного суда отменил и в иске истцу отказал. Верховный суд Азербайджанской ССР при этом исходил из того, что передачей свидетельства сберкассы на получение специального вклада ответчик, как должник, свое обязательство перед истцом, как кредитором, погасил. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР (куда дело перешло по протесту Председателя Верховного суда СССР) определила, что «одни лишь факт передачи свидетельства еще не гарантировал истцу уплаты долга ответчиком». Правоотношения сторон вытекают из договора займа: в силу ст. 222 ГК Азербайджанской ССР заемщик обязан возвратить займодатцу полученную сумму денег, а поскольку ответчик этого не выполнил, народный суд правильно своим решением обязал его погасить долг».

Это определение Верховного суда СССР основано на том, что передача свидетельства сберкассы была не заменой исполнения, а предоставлением с целью исполнения.

§ 38. Качество исполнения

1. Важнейшим вопросом исполнения является вопрос о качестве исполнения. Под «качеством исполнения» в нашей арбитражной практике обычно понимают качество продукции, составляющей предмет исполнения по договору поставки. В этом смысле о качестве исполнения говорят в связи, например, со сдачей-приемкой товаров по качеству (в отличие от сдачи-приемки товаров по количеству).

В более широком смысле можно говорить о качестве исполнения по обязательству, направленному вообще на передачу или

подготовленные вещи (т. е. не только по купле-продаже или подряду, но и по имущественному найму и др.)¹.

Гражданский кодекс касается вопроса о качестве исполнения (во втором из указанных выше значений) в ст. 108, которая гласит:

«Если предмет обязательства определен только родовыми признаками и право выбора не предоставлено законом или договором одной из сторон или третьему лицу, должник обязан доставить предмет не ниже среднего качества».

Вопросу о «качестве исполнения» по договору купли-продажи посвящены ст. ст. 195—198 ГК, по договору подряда — ст. ст. 226—229 ГК².

Однако надо иметь в виду, что в вопросе о качестве исполнения подряда, поставки и некоторых других обязательств между социалистическими организациями для применения указанных норм Гражданского кодекса не остается места ввиду многочисленных специальных конкретных правил, касающихся ассортимента, комплектности и качества отдельного вида товаров и оборота между социалистическими организациями и специальных правил о порядке производства подрядных работ в капитальном строительстве. Этот обширный нормативный материал должен быть рассмотрен в главах курса, посвященных договорам поставки и подряда.

В общем учении об обязательстве необходимо рассмотреть только те общие начала, которые положены в основу регулирования этих обязательств между социалистическими организациями. От качества исполнения этих обязательств зависит дальнейшее укрепление и развитие всего советского товарооборота.

Регулирование правовых вопросов, связанных с обязательством поставки высококачественных товаров, с высококачественным исполнением подрядных работ и т. д., неразрывно связано с общим вопросом о качестве нашей промышленной и сельскохозяйственной продукции.

2. На XVIII съезде ВКП(б) товарищ Сталин указал на необходимость «улучшить качество выпускаемых товаров, прекратить выпуск некомплектной продукции и карать всех тех товарищей, не глядя на лица, которые нарушают или обходят

¹ Поставляемая, соответствующая всем указанным здесь статьям Гражданского кодекса РСФСР, имеются также в гражданских кодексах других союзных республик.

² О количественной стороне исполнения в наиболее широком смысле слова можно было бы говорить применительно к любому обязательству, например, по договору поручения (ст. 252 ГК), комиссии (ст. 275-е ГК). В этом смысле понятие «качество исполнения» совпадает с чрезмерно широким и недостаточным определенным понятием «надлежащего исполнения».

законы Советской власти о качестве и комплектности продукции»¹.

В повышении качества промышленных изделий достигнуты с тех пор огромные успехи. Большую роль в этом деле сыграла широкая творческая инициатива рабочих, инженеров и техников промышленности, поддерживаемая и возглавляемая партийными организациями.

Для осуществления требований Партии и Правительства о дальнейшем повышении качества продукции созданы у нас все необходимые условия: советские предприятия вооружены первоклассной техникой, обладают высококвалифицированными кадрами рабочих и инженеров. Сознание советскими людьми того, что они работают на свой народ, их стремление работать по-новому, ломая и превышая старые нормы, является могучей движущей силой на пути постоянного дальнейшего улучшения качества и увеличения количества продукции в промышленности и сельском хозяйстве. Это сознание находит свое выражение в массовых движениях за высокое качество продукции. Но имеются еще отдельные случаи отставания в отношении качества продукции.

В настоящее время, когда наше народное хозяйство находится на новом подъеме, ведется борьба за повышение качества по всей номенклатуре изделий.

«Все отрасли нашей промышленности, все наши предприятия действуют не изолированно друг от друга, а как единая хозяйственная система. В этих условиях выполнение каждым предприятием плановых заданий по номенклатуре, выпуск продукции все более высокого качества составляют важнейшую государственную задачу. Так, повышение качества коксующихся углей является необходимым условием повышения качества металла. Высокое качество металла в свою очередь составляет основу для выпуска все более совершенных и прочных машин. Производство машин — путь к дальнейшему техническому прогрессу, к росту могущества нашей Родины, к выпуску все лучших по качеству и все более разнообразных по ассортименту товаров для населения» (см. передовую в «Правде» 12 августа 1949 г.).

Наряду с воспитательными мерами воздействия в отношении отдельных предприятий и лиц, не добившихся надлежащего высокого качества своей продукции, наше государство принимает меры принуждения, используя для этого средства административного контроля, а также санкции уголовного и гражданского права.

В ряде правительственных решений подчеркнута, что завод предприятия должен считаться выполненным лишь в том случае,

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 44.

если он реализован не только по количеству, но и по установленному ассортименту и качеству продукции.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 июля 1940 г. определено, что выпуск недоброкачественной и некомплектной продукции и выпуск продукции с нарушением обязательных стандартов является противогосударственным преступлением, равносильным вредительству (см. ст. 128-а УК РСФСР и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик).

Наконец, одним из важных средств в борьбе за качество является договор поставки, содержащий точные требования по качеству товаров, и имущественная ответственность поставщика за несоответствие поставленных товаров обусловленным в договоре поставки требованиям ассортимента, качества и комплектности. Для того, чтобы эти санкции оказались действенными, покупатели должны внимательно контролировать выполнение поставщиками обязательств по заключенным договорам и в случае обнаруженных нарушений предъявлять соответствующие требования.

Торгующим организациям запрещено принимать от промышленности товары низкого качества и ассортимента, не отвечающие спросу населения. В соответствии с указаниями Правительства заключенные на 1949 год договоры поставки товаров предусматривают более жесткие, чем раньше, требования к поставщикам в части ассортимента, качества, упаковки, сроков поставки, отгрузки товаров мелкими партиями, а также увеличение размера санкций в пользу торгующих организаций за нарушение этих условий.

3. Из сказанного можно вывести общее начало о качественной стороне исполнения разного рода обязательств между социалистическими организациями: вытекающие из плановых заданий и выраженные в соответствующих договорах условия, относящиеся к качеству исполнения, подлежат обязательному соблюдению обеими сторонами: должник (поставщик, подрядчик) обязан исполнить с соблюдением требований, касающихся качества предмета обязательства; кредитор (покупатель, заказчик) не имеет права принять исполнение, нарушающее эти требования. Соблюдение согласованных между сторонами (в соответствии с действующими законами, постановлениями Правительства и плановыми заданиями) условий о качестве исполнения является обязанностью каждой стороны в обязательстве. Это также их обязанность в отношении Советского государства. Кредитор (покупатель, заказчик), не получивший исполнения надлежащего качества, обязан использовать свое право на предъявление соответствующей претензии к должнику (поставщику, подрядчику).

Конкретизация этого общего — исходного — начала может быть дана лишь в разделах, посвященных отдельным видам обязательств.

§ 39. Срок исполнения

1. Срок исполнения обязательства определяется наступлением определенного момента во времени, когда должно последовать исполнение обязательства или исполнение одного из действий, составляющих содержание обязательства.

Срок может быть определен путем указания точной календарной даты (например, «10 марта 1950 г.»), или путем указания периода времени, по истечении которого этот срок наступит (например, «через год, считая от момента заключения договора»), или путем указания события, которое непременно должно наступить (например, «с открытием навигации на такой-то реке»). Если исполнение действия поставлено в зависимость от наступления события, которое может и не наступить (например, «в день утверждения данной сметы на работы по строительству»), — то наличие не срок, а условие.

2. Срок исполнения обязательства может быть установлен законом или другим актом государственной власти. Так, например, согласно постановлению СНК СССР от 5 мая 1940 г. (СП СССР 1940 г. № 15, ст. 364) оплата стоимости предприятий, зданий и сооружений, передаваемых кооперативными (общественными) организациями государственным органам и государственными органами кооперативным (общественным) организациям, производится в пятилетний срок, если соглашением между соответствующими ведомствами и кооперативными центрами (центрами общественных организаций) не установлен более краткий срок; платежи начинаются по истечении года с момента фактической передачи и производятся равными частями.

Срок исполнения договорного обязательства (поскольку этот срок не установлен в законе) должен быть установлен в соответствующем договоре; согласно ст. 130 ГК срок считается существенным условием договора¹. В договорах поставки между социалистическими организациями должны быть указаны сроки сдачи товара как общий, так и частичные (месячные, декадные, суточные), срок его количественной приемки и т. д. (ст. 10 постановления СНК СССР от 19 декабря 1933 г. — СЗ СССР 1933 г. № 73, ст. 445).

¹ Правило ст. 130 ГК безусловно применимо к правоотношениям между социалистическими организациями; в отношении же с участием граждан указание срока не всегда является существенным условием договора, так как отсутствие соответствующего указания в договоре восстанавливает здесь норму ст. 111 ГК.

Порядок определения сроков исполнения различных операций по капитальному строительству предусмотрен в соответствующем постановлении Правительства (постановление СНК СССР от 23 октября 1934 г. — СЗ СССР 1934 г. № 54, ст. 414).

Срок исполнения обязательства может быть в некоторых случаях установлен судебным решением по данному делу. Это, в частности, имеет место в случаях, предусмотренных в ст. 182 ГК; согласно этой статье — при восстановлении решения — суд, определяя порядок исполнения решения, может отсрочить или рассрочить его исполнение, исходя из имущественного положения сторон и иных обстоятельств дела.

3. Гражданский кодекс регулирует вопрос о сроках исполнения обязательства в ст. ст. 111—112: «Исполнение должно последовать в срок, определенный законом или договором. Если срок исполнения не указан либо определен моментом востребования, то кредитор вправе требовать, а должник произвести исполнение немедленно. В этом случае должнику, по предъявлении требования кредитором, предоставляется семидневный льготный срок, поскольку иное не установлено законом» (ст. 111 ГК) ¹.

«Должник вправе исполнить обязательство и до срока, если это не противоречит смыслу договора» (ст. 112, предл. 1); например, лицо, взявшее на прокат пианино на определенный срок, обязано по истечении этого срока вернуть пианино, но имеет право и досрочно вернуть пианино нанимателю; но если пианино отано на хранение на определенный срок, то досрочный возврат его хранителем против воли лица, передавшего эту вещь на хранение, противоречит бы смыслу договора хранения и был бы равносильен неисполнению обязательства со стороны хранителя. Отсюда ясно, что вопрос о том, в чьих интересах установлен срок исполнения обязательства, зависит от толкования смысла данного договора. Если срок исполнения установлен в интересах должника, то это означает, что кредитор имеет право требовать исполнения лишь по наступлении срока, но должник может погасить обязательство и досрочно. Если срок исполнения установлен в интересах кредитора, то это означает, что кредитор имеет право требовать исполнения и досрочно, но должник не может (без согласия кредитора) исполнить обязательство досрочно ¹.

4. Ст. 112, предл. 2, содержит специальное указание, касающееся денежных обязательств: право на начет процентов за отсрочкой до срока время (учет) принадлежит должнику, до-

¹ По вопросу об определении сроков см. ст. 57 ГК, где указано: «Если в законе сроки приводятся на 7 и 8 ноября, 22 января, 1 и 2 мая, 4 июня, 5 декабря и 1 января, то последним днем срока считается первый из этих рабочих дней».

срочно погашающему свое денежное обязательство, лишь в случаях, предусмотренных законом или договором.

В связи с этим следует указать на ст. ст. 215—216 ГК, касающиеся досрочного погашения займа. Согласно ст. 215 по беспроцентному займу заемщик вправе произвести, а займодавец обязан принять платеж и до срока. Ст. 216 устанавливает условия, при наличии которых заемщик по процентному займу имеет право до срока освободиться от обязательства возвратом полученной суммы.

5. Исполнение некоторых обязательств связано с необходимостью для должника и кредитора совершить ряд действий; иногда совершение этих действий неизбежно растягивается на ряд дней. Так, например, поставка товаров между социалистическими организациями в индустриальном обороте совершается путем погрузки этих товаров в вагон (или на речное судно); но приемка товаров по весу и количеству (так называемая количественная приемка) совершается обычно в день прибытия груза на станцию (или пристань) назначения, а проверка качества товара (так называемая качественная приемка) — через несколько дней по прибытии товара в адрес грузополучателя (покупателя). Исполнение здесь связано с совершением ряда операций в различные сроки, которые устанавливаются в данном договоре поставки в соответствии с «Общими условиями поставки» данной продукции, правительственными постановлениями, ведомственными инструкциями и т. д.

Какой из этих сроков считать днем исполнения обязательства?

Конкретные указания по этому вопросу содержатся в некоторых «Общих условиях» поставки: например, в «Общих условиях поставки металлопродукции» (утвержденных Экономсоветом при СНК СССР 29 ноября 1938 г.),¹ в разделе «Сроки поставки» было детально указано, что надлежит считать «днем сдачи продукции потребителю» (ст. 8); в условиях поставки товаров для экспорта утвержденных СНК СССР 3 октября 1940 г., — СП СССР 1940 г. № 27, ст. 536) также имеются соответствующие указания в разделе «Сдача товаров» (ст. 14).

Поскольку в договоре или в «Общих условиях» нет иных указаний, срок сдачи товара обычно определяется — при сдаче товара транспортной организации для отправки покупателю — датой штампа на соответствующей (железнодорожной или водной) накладной; при сдаче товара на складе поставщика — датой ордера на получение товара или датой извещения покупателя о готовности товара к сдаче.

6. Вопрос о сроках исполнения имеет особенно важное значение в обязательствах между социалистическими организациями,

¹ См. сборник: «Арбитраж в советском хозяйстве», 1948, стр. 440.

направленных на выполнение плана — в договорах поставки, в договорах подряда по капитальному строительству, в расчетных отношениях этих организаций между собой, в кредитно-расчетных отношениях между хозорганами и Госбанком или «спецбанком». Договорное фиксирование сроков исполнения и сроков платежей подписано соответствующими постановлениями Президиума, и соблюдение этих сроков является одной из важнейших предпосылок надлежащего выполнения плановых заданий и вообще правильной работы наших социалистических предприятий. В частности, огромное значение имеет строгое соблюдение сроков исполнения в договорах, направленных на реализацию продукции наших промышленных предприятий. Эта реализация не есть чисто технический процесс, а есть процесс экономический, который имеет своим результатом высвобождение оборотных средств данного промышленного предприятия и использование этих средств для новых производственных процессов этого предприятия: путем реализации готовой продукции последняя заменяется для данного предприятия денежными средствами, которые могут быть обращены на очередные закупки сырья, топлива, на выплату зарплат, на погашение задолженности госбюджету, Госбанку и т. д. Сроки исполнения тех обязательств, которые юридически оформляют этот экономический процесс реализации продукции данного предприятия, имеют своим основанием административные акты или договоры между социалистическими организациями, принимающими участие в реализации этой продукции и в доведении ее до потребителя.

Нарушения сроков исполнения и сроков платежей по такого рода обязательствам создают задержки в поставке товаров, в оплате уже поставленных товаров и т. п. и означают, что процесс обращения оборотных средств задержался, что экономический процесс превращения готовой продукции в денежные средства данного предприятия не завершился и что, следовательно, часть оборотных средств этого предприятия лежит мертвым грузом, не может быть использована для новых производственных процессов.

В январе 1949 года началось новое движение в среде советских хозяйственников, рабочих и служащих советских хозяйственных предприятий — движение, которое знаменует собой новый шаг вперед на пути дальнейшего усиления хозяйственной мощи Советского Союза. 26 января 1949 г. руководители 103 предприятий Москвы и Московской области обратились к товарищу И. В. Сталину с письмом, в котором взяли на себя обязательства по ускорению оборачиваемости оборотных средств: «Используя свои возможности, мы обязуемся, — говорится в этом письме, — так организовать работу предприятий по использованию материальных ресурсов, чтобы на каждый рубль оборотных

средств значительно увеличить выпуск продукции и ускорить оборачиваемость оборотных средств против фактической оборачиваемости в 1948 году и за счет этого высвободить в 1949 году из оборота для нужд нашего народного хозяйства 400 миллионов рублей».

Этот патристический почин — как и многие другие начинания такого характера — был встречен с энтузиазмом трудящимися нашей страны и сразу принял массовый характер. Об огромном экономическом значении этого движения можно судить по тому, что (по примерным подсчетам) ускорение оборачиваемости оборотных средств промышленности на один день даст возможность экономии на оборотных средствах в сумме, превышающей один миллиард рублей¹.

Одним из условий максимального успеха этого движения является строжайшее соблюдение договорной дисциплины, т. е. абсолютная исправность в соблюдении всех условий договоров, оформляющих выполнение плановых заданий, бесперебойное выполнение обязательств поставщиков как в отношении качества, ассортимента, комплектности и т. п., так и в отношении сроков поставки: строгое соблюдение графика работ по капитальным строительством; соблюдение сроков оплаты поставленной продукции, сроков платежей по капитальному строительству; сокращение этих сроков по сравнению со сроками, указанными в договоре или в соответствующих правилах расчетов, и т. д.

Сроки исполнения, установленные в обязательствах, направленных на выполнение плановых заданий, носят строго обязательный характер; соблюдение этих сроков есть обязанность сторон не только в отношениях между собой, но прежде всего их долг в отношении государства; отсрочки по взаимному соглашению сторон по такого рода обязательствам недопустимы; как правило, отсрочка возможна лишь по разрешениям органа государства, от которого исходит данное плановое задание.

Очень важное значение имеет соблюдение «частичных сроков», которые в некоторых договорах доходят до суточных (сдача продукции по суточному графику). Соблюдением этих сроков наилучшим образом гарантируется реальность исполнения обязательств.

7. Досрочное исполнение обязательств между социалистическими организациями, по общему правилу, является желательным, так как оно способствует скорейшему выполнению плана. Но иногда в силу особенностей конкретной обстановки досрочная сдача поставщиком товара может иногда не способствовать,

¹ А. М. Бирман, Оборотные средства промышленных предприятий (стенограмма публичной лекции Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, 1949).

и задерживать для покупателя выполнение его производственных заданий, создать переизбыток на его складах, нарушить нормальный ход работы на его предприятии. Поэтому досрочная сдача поставщиком товара допускается лишь, если это предусмотрено договором или с согласия покупателя в каждом отдельном случае.

В возрядных работах по капитальному строительству досрочный завоз материалов на строительную площадку может затруднять строительство, нарушить график работ и т. д. В расчетах между социалистическими организациями досрочные платежи имеют положительное значение лишь постольку, поскольку этим не создается авансирование, кредитование между хозорганами, нарушающее правила о кредитной реформе 1930—1931 гг.

Вот почему вопрос о досрочном исполнении во взаимоотношениях между социалистическими организациями не может быть рассмотрен в общей части обязательственного права, а нуждается в специальном изучении применительно к отдельным видам обязательств.

О гражданско-правовых последствиях нарушения сроков по исполнению и по принятию исполнения обязательств см. ниже, в разделах, посвященных просрочке должника и просрочке кредитора.

§ 40. Место исполнения

1. Местом исполнения обязательства называется то место, где должны быть совершены действия, составляющие содержание обязательства (место передачи товара, место уплаты денег, место производства работы и т. д.). Должник допускает просрочку, если он не совершит исполнения в этом месте. Кредитор допустит просрочку, если он не примет исполнения, предложенного ему в этом месте.

Место исполнения обычно указано в договоре или является из существа обязательства (например, местом исполнения договора подряда по ремонту здания является местонахождение этого здания).

По вопросу о месте исполнения обязательства ст. 113 ГК предусматривает: «Если место исполнения не определено законом или договором и не является из существа обязательства, исполнение должно быть произведено:

- а) по обязательствам, предметом коих является передача права строения для земельных участки, — в месте нахождения строения или участка;
- б) по сделкам, входящим в круг деятельности предприятия, — в месте нахождения предприятия;
- в) по денежным обязательствам — в месте жительства кредитора в момент возникновения обязательства; но если кредитор

в момент исполнения обязательства переменил место жительства и своевременно известил о том должника, последний обязан произвести исполнение по новому местожительству кредитора, с отнесением на счет кредитора всех расходов, связанных с переменой места исполнения;

г) по прочим обязательствам — в месте жительства должника в момент возникновения обязательства».

Статья 113 ГК, как указано в ее вводной части, носит диспозитивный характер.

2. Из специальных норм, относящихся к вопросу о месте исполнения, следует прежде всего указать на правила, регулирующие безналичные расчеты между социалистическими организациями. Эти правила, определяющие различные формы указанных расчетов (акцептную форму расчетов, расчеты по аккредитивам и др.), исключают применение к этим расчетам норм, изложенных в п. «в» ст. 113 ГК. В законах, регулирующих исполнение обязательств поставки товаров между социалистическими организациями, нет общих норм, которые регламентировали бы вопрос о месте исполнения этих обязательств. Но в отдельных постановлениях и распоряжениях Правительства, в «Основных условиях поставок», в правилах Госбанка, регулирующих расчеты по этим поставкам, и в ведомственных приказах и инструкциях содержатся многочисленные конкретные указания, касающиеся порядка и, в частности, места исполнения обязательства по поставке товаров.

Так, например, в постановлении СНК СССР от 3 октября 1940 г. (СП СССР 1940 г. № 27, ст. 636) «Об условиях поставки товаров для экспорта» предусмотрено (ст. 16): местами сдачи товаров являются склад и порту отправления, борт парохода, пограничная станция и для отдельных товаров по списку, устанавливаемому Министерством торговли, вагон, станция отправления, и по сплавным операциям — граница СССР. В «Общих условиях поставки металлопродукции» содержатся детальные правила о порядке отгрузки и сдачи металлопродукции и, в частности, о месте исполнения соответствующих обязательств.

Примеры подобного рода специальных правил о месте исполнения, исключаящих применение ст. 113 ГК, можно было бы умножить. Порядок исполнения и, в частности, место исполнения поставки до некоторой степени предопределяются применительно той или иной формы безналичных расчетов между поставщиком и покупателем. В правилах Госбанка содержится по этому вопросу ряд указаний, обязательных для сторон по договору подряда. Так, инструкция Госбанка от 11 августа 1945 г. по основным формам расчетов и кредитованию хозорганов (п.п. II и 262) предусматривает, что: а) платежные требования, выписанные за товары, остающиеся по акту на ответственном хранении у по-

ставщиков, как правило, банком на инкассо не принимаются и что б) банк, обслуживающий поставщика, производит выплату по аккредитиву против представленных поставщиком счетов-фактур и транспортных документов, удостоверяющих отгрузку товара¹. Эти правила имеют целью бороться с обходом законов о кредитной реформе 1930—1931 гг., запрещающих авансирование платежей между хозяйственными организациями.

Следя за применением этих правил, Госбанк имеет возможность оказывать влияние на порядок исполнения договоров поставки и, в частности, на выбор сторонами места исполнения поставки.

3. Вопрос о месте исполнения договоров поставки между социалистическими организациями осложняется еще тем, что различные действия сторон (поставщика и покупателя), связанные с этим исполнением, могут совершаться не в одном, а в разных местах. Так, например, место сдачи-приемки товаров (по условиям договора или в силу указаний руководящих органов) может не совпасть с местом передачи товаров во владение покупателя. Какое же из этих мест должно в этом случае считаться местом исполнения договора поставки? По нашему мнению, в подобных случаях нет единого места исполнения, а налицо особое место исполнения для каждого из этих действий.

§ 41. Способы исполнения

1. По вопросу о способах исполнения обязательств Гражданский кодекс РСФСР и гражданские кодексы других союзных республик содержат только одну норму, касающуюся частичного исполнения: кредитор вправе не принимать исполнения по частям, если иное не предусмотрено законом или договором (ст. 109).

Приемка по частям является обязательной в подрядных работах по капитальному строительству. Правила о подрядных договорах по строительству² (ст. 21) предусматривают: «По окончанию подрядных работ по отдельным объектам, а также по всему строительству в целом, сторонами производится приемка и сдача работ. Заказчик обязан принять законченный объект, строительство которого выполнено в соответствии с техническим проектом, рабочими чертежами и условиями».

В законодательстве о поставке товаров между социалистическими организациями нет общих норм, касающихся способов

¹ «Арбитраж в советских организациях», 1946, стр. 597.

² Постановление СНК СССР от 26 февраля 1936 г. (СП СССР 1936 г. № 9, ст. 56) об улучшении проектного и системного дела и об упорядочении финансирования строительства, пункт 3.

исполнения. Но в постановлениях Правительства, в «Общих условиях» поставки отдельных видов продукции и в инструкциях соответствующих министерств содержатся многочисленные конкретные указания, касающиеся способов передачи купленной продукции, вида тары и упаковки, порядка приемки товара, активирования недостатков и т. д. Эти указания, имеющие целью обеспечить сохранность социалистической собственности, исключить нецелесообразный расход государственных средств, ускорить процесс продвижения товара от производителя к потребителю, являются нормами, обязательными для обеих сторон.

2. К вопросам о способе исполнения следует отнести также вопрос о том, какое время дня является пригодным для исполнения обязательства. Должник не вправе предложить исполнение и кредитор не обязан его принять в такое время дня, когда совершение соответствующих действий является необычным. Так, например, по общему правилу, поставщик не может требовать принятия от него товара на склад покупателя в такое время, когда подобные операции не производятся (например, вечером, когда закончился рабочий день кладовщика). Клиент может требовать от банка принятия платежей, расчетных документов и пр. лишь в часы, установленные банком для производства подобных операций, и т. д.

§ 42. Личное исполнение должником своего обязательства и исполнение третьим лицом

1. Кредитор может требовать исполнения только от должника. Но может ли кредитор отказаться принять исполнение от третьего лица, которое предлагает произвести исполнение за счет должника? Вопрос здесь ставится не о том, когда должник может исполнить свое обязательство через представителя (не о тех случаях, когда третье лицо предлагает исполнение от имени должника), а о тех случаях, когда третье лицо, выступая от своего имени, предлагает исполнить обязательство вместо исполнения со стороны должника с тем, чтобы обязательство таким образом считалось прекратившимся (погашенным).

Вопрос разрешается в зависимости от содержания данного обязательства.

Если личное исполнение обязательства должником не составляет содержания данного обязательства, то кредитор должен принять исполнение от третьего лица, предлагающего произвести исполнение за счет должника. В этом случае кредитор, отказавшись от исполнения от третьего лица, допустит просрочку¹ (о понятии и последствиях просрочки кредитора см. ниже, § 52).

¹ О плановых обязательствах см. ниже.

Если не личное исполнение обязательства должником составляет содержание данного обязательства (иначе говоря: если содержанием обязательства является такое рода действие, которое связано с личностью данного должника), то кредитор вправе отказать в принятии исполнения от третьего лица.

Например: редакция журнала «Наука и жизнь», заказав статью о функциях центральной нервной системы профессору Н., не обязана принять исполнение этой работы от другого лица. Но домоуправление не может отказать в принятии квартирной платы, причитающейся от гр-на Иванова, от другого лица, которое предлагает ввести квартирную плату за счет Иванова.

Вопрос этот возникал во время войны: московское домоуправление не могло отказать любому третьему лицу в выдаче жироушки на предмет взноса квартирной платы за счет эвакуированного лица в целях сохранения за последним права на жилую площадь.

По некоторым видам обязательств в нашем законе имеются прямые указания на то, что кредитор не обязан принять исполнение от третьего лица. Так, например, ст. 254 ГК подчеркивает, что поверенный обязан исполнить порученное ему действие лично. Эти указания закона не носят исчерпывающего характера; вопрос о личном характере исполнения есть вопрос толкования условий данного договора, установления содержания данного конкретного обязательства. Можно, однако, установить презумпции в отношении отдельных видов обязательств: например, презумпцию в пользу личного исполнения должником своего обязательства по договору поручения, подряда, хранения вещи и др., и обратную презумпцию в пользу обязанности кредитора принять исполнение от третьего лица — например, по денежному обязательству, в котором должником является гражданин.

2. В обязательствах между социалистическими организациями следует исходить из того, что исполнение третьей организацией за счет должника вообще, как правило, не допускается. Такое исполнение «за чужой счет» в обороте между социалистическими организациями нарушало бы плановую организацию хозяйственных связей, протигоречиво бы началом хозяйственного расчета, было бы несовместимо с финансово-бюджетной дисциплиной. Этот принцип личного характера исполнения социалистическими организациями своих обязательств можно иллюстрировать анализом соответствующих кредитно-расчетных отношений, отношений по капитальному строительству, а также по поставке товаров.

Порядок безналичных расчетов между социалистическими организациями, предусмотренный в соответствующих постанов-

лениях Правительства и инструкциях Госбанка СССР (формы расчетов по ингородному и внутригородскому обороту, порядок финансирования капитального строительства и т. п.), приводит к тому, что социалистическая организация может совершать платежи лишь за собственный счет. Допущение платежей за счет других организаций означало бы разрешение кредитных операций между социалистическими организациями (третье организация, совершая платежи вместо должника, предоставляла бы кредит этому последнему), что исключается законодательством о кредитной реформе.

Отношения по капитальному строительству строятся, как известно, по системе генерального подряда, согласно которой осуществление всех работ должно быть поручено одной ведущей организации — генеральному подрядчику, с которым заказчик заключает договор на весь объем работ. Генеральный подрядчик несет перед заказчиком ответственность за выполнение всех работ, производимых как им самим, так и его субподрядчиками. Во взаимоотношениях с заказчиком генеральный подрядчик, таким образом, несет обязанности по организации строительных работ в целом и в этом не может заменить себя никаким другим исполнителем. Порядок финансирования капитальных работ также исключает возможность такой замены.

В отношении договора поставки необходимо рассмотреть вопрос, что представляет собой с правовой стороны допускаемая у нас в некоторых случаях практика переложения сторонами непосредственного исполнения поставки на другие организации¹.

В некоторых случаях обязательство поставки между двумя организациями (скажем — между поставщиком М. и между покупателем Н.), возникшее в силу договора или планового акта, выполняется не между этими, а между другими организациями: М. направляет Н. разрядку, предлагая сдать товар организации А., а Н. выдает организации Б. разрядку, обязывающий эту последнюю организацию выполнить данную поставку организации А.

На основании выданного наряда и разрядки между А. и Б. возникло самостоятельное обязательство. Организации А. и Б. во взаимоотношениях между собой действуют каждая от своего имени и несут самостоятельную ответственность за свои действия. Но М. и Н. также из обязательства не выходят. Они взаимно несут ответственность за выполнение поставки. Правовая сущность взаимоотношений между названными организа-

¹ Об обязанности генерального подрядчика см. ниже, стр. 284.

² См. описание и анализ этого порядка у Э. И. Шкундина, Обязательство поставок товаров в советском праве, 1948, стр. 110—111.

ними заключается в следующем: указывая непосредственных исполнителей обязательства поставки, поставщик и покупатель (в нашем примере М. и Н.) действуют в пределах своих административных правомочий и в порядке осуществления лежащей на них обязанности перед государством — обеспечить реализацию утвержденного плана, с одной стороны, и целевое, плановое использование продукции — с другой.

Таким образом, в подобного рода случаях нет исполнения обязательства «за чужой счет» и нет также исполнения обязательства в порядке, предусмотренном п. 2 ст. 119 ГК. Выданные предприятиями М. и Н. наряд и разнарядка являются — с правовой стороны — актами административного права, направленными на выполнение плана. На основе этих актов и возникает самостоятельное обязательство поставки между А. и Б., действующими при осуществлении этой поставки (как уже отмечено) за свой счет и от своего имени.

От описанных здесь случаев, когда обязательство поставки между двумя социалистическими организациями возникает в силу наряда и разнарядки, выданных другими организациями на основании заключенного между последними договора, надлежит отличать случаи, когда поставки совершались вообще без заключения каких-либо письменных договоров. Такая практика осуждена постановлением Совета Министров СССР от 21 апреля 1949 г. о заключении хозяйственных договоров (СП СССР 1949 г. № 9, ст. 68). В этом постановлении, между прочим, сказано, что практика бездоговорных поставок снижает ответственность поставщиков, нередко приводит к отгрузке ненужной потребителю продукции, к нерациональным перевозкам, к росту сверхнормативных остатков, к затоварищанию.

Отрицательное отношение, которое должны усвоить органы государственного и ведомственного арбитража к так называемым «бездоговорным» поставкам, еще более укрепит плановую дисциплину в отношениях между социалистическими организациями.

Такое отношение к «бездоговорным поставкам» исключает возможность допущения поставок «за чужой счет» между хозяйствами.

§ 43. Исполнение кредитором. Исполнение третьему лицу

1. В течение периода существования обязательства могут быть моменты, когда должник не знает, кто именно является его кредитором по данному обязательству. Такая неопределенность всегда имеет место, когда речь идет о находящейся в обращении предъявительской или ордерной ценной бумаге. Лицо, требующее исполнения по предъявительской ценной бумаге, легитимирует себя в качестве кредитора, т. е. доказывает, что оно является

кредитором по этой бумаге, — путем предъявления ее должнику. Лицо, требующее исполнения по ордерной ценной бумаге, легитимирует себя в качестве кредитора путем установления, что оно является лицом, к которому бумага дошла в порядке непрерывного ряда передаточных надписей.

Точное указание в законе порядка установления кредиторских прав имеет существенное значение как для кредитора, так и для должника. Кредитор уже в момент приобретения бумаги знает, каким способом он должен будет установить свое право получения исполнения. Для должника же правовое значение этих указаний заключается в том, что он, добросовестно исполнив обязательство лицу, которое надлежащим образом легитимировало себя в качестве кредитора, освобождается от обязательства; обязательство в этом случае прекратится, и должник не будет нести по нему никакой ответственности, даже если впоследствии обнаружится, что лицо, получившее исполнение, на самом деле не было кредитором и вообще не было уполномочено получить исполнение. Добросовестным является должник, который в момент исполнения не знал и не должен был знать, что лицо, которому он исполнил обязательство, не являлось кредитором и не имело права получить исполнение по данному обязательству.

Подробные правила о порядке установления прав на получение денежных сумм по текущим счетам и вкладам в Госбанке, Внешторгбанке и сберкассах содержатся в инструкциях, регулирующих производство соответствующих операций. Эти правила установлены как в интересах банка и сберкассы, так и в интересах банковских клиентов и вкладчиков. Так, например, инструкциями по сберкассам установлено, что для осуществления прав наследования по вкладу или текущему счету в сберкассе на сумму свыше 300 руб. требуется представление свидетельства о праве наследования, выданного нотариальной конторой в порядке ст. 435 ГК. Но если в сберкассе имеется распоряжение вкладчика о выдаче после его смерти вклада данному лицу, то это последнее лицо может установить свое право на получение вклада путем представления в сберкассу выписки из актов гражданского состояния о смерти вкладчика.

2. По некоторым правоотношениям следует различать, при наличии каких доказательств должник имеет право произвести исполнение, не опасаясь последующей ответственности за исполнение неуполномоченному лицу, и каких доказательств имеет право требовать должник, чтобы удостовериться в праве данного кредитора получить исполнение. Такое различение необходимо, например, в случае разного рода бытовых правоотношений, во которых право получить исполнение устанавливается посредством так называемых легитимационных знаков. Исполнение, добросовестно произведенное предъявителем такого знака, освобо-

ожидает должника от ответственности, но должник имеет право требовать представления и дополнительных доказательств. Так, например, гардеробщик в театре имеет право выдать признанное им хранящее верхнее платье лицу, предъявившему выданный им гардеробный номерок, если он (гардеробщик) действует при этом добросовестно (например, если ему не известно, что номерок был утрачен лицом, которому он был выдан). Но если у гардеробщика возникли сомнения, он может требовать дополнительных доказательств от предъявителя номерка (например, может отказать мужчине в выдаче женского платья и требовать, чтобы сама владелица этого платья *явилась за его получением*).

3. Должник обязан произвести исполнение кредитору или его представителю, если иное не вытекает из закона или договора.

В некоторых случаях в договоре указано, что исполнение должно быть произведено третьему лицу. Такие условия содержатся, например, как правило, в сделках внешней торговли: «третьим лицом», которому иностранная фирма обязана внести платеж, причитающийся советской внешнеторговой организации, является в этом случае Госбанк или Внешторгбанк.

В отличие от договора в пользу третьего лица условие об исполнении третьему лицу не дает последнему права требовать исполнения; оно дает лишь основание кредитору требовать, чтобы исполнение было произведено указанному третьему лицу.

Глава VII

ПОСЛЕДСТВИЯ НЕИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

§ 44. Вводные замечания

Неисполнение обязательства, действительного по закону, всегда является противоправным поступком. Причинение другому вреда так же, как правило, является противоправным¹. Неисполнение обязательства имеет место в тех случаях, когда действие, совершение которого необходимо для удовлетворения права требования кредитора: 1) либо вовсе не совершено, 2) либо совершено ненадлежащим образом с недостатками в качественном или количественном отношении (например, товар поставлен ненадлежащего качества или в недостаточном количестве), 3) либо совершено с запозданием против назначенного срока. В первом случае имеет место полное неисполнение, во втором и третьем случаях — говорят о частичном неисполнении.

Советское право с особенной строгостью охраняет начало соблюдения обязательств — принцип верности договору, точное соблюдение всех условий договора. Договорная дисциплина в отношениях между социалистическими организациями имеет огромное значение, так как договор здесь опосредствует выполнение заданий по плану народного хозяйства. Выше (§ 36) уже было сказано, что в наших условиях — в условиях социалистического хозяйства, исключающего всякую возможность экономических кризисов и безработицы, — принцип верности договору получает твердую экономическую базу. Тем более строго относятся советское право к отдельным случаям расхлябанности и недисциплинированности, выражающимся в неисполнении, ненадлежащем исполнении или несвоевременном исполнении обязательств.

Неисполнение обязательства может иметь своим последствием прежде всего требование со стороны кредитора к должнику об исполнении того действия, которое составляет содержание данного обязательства (принцип реального исполнения или исполнения в натуре). Если исполнение в натуре стало невозмож-

¹ О случаях, когда такое причинение не является противоправным, см. ст. 403 ГК.

ным, то возникает вопрос об уплате должником денежного возмещения убытков. В случае обязательства из причинения вреда другому лицу потерпевший также в первую очередь может требовать от причинителя восстановления прежнего состояния и лишь при невозможности такого восстановления в натуре возникает вопрос о возмещении убытков.

В случаях договорных и внедоговорных обязательств кредитор (потерпевший) может, как правило, требовать возмещения причиненных ему убытков лишь, если наличие вина должника (причинителя).

В соответствии с изложенным мы рассмотрим в настоящей главе следующие вопросы:

1. Вопрос о реальном исполнении обязательства.
2. Вопрос о причинной связи между поведением должника последовавшим за этим поведением вредоносным результатом, как необходимой предпосылке ответственности за вред.
3. Вопрос о вине как одной из предпосылок ответственности за неисполнение обязательства или за причинение вреда другому лицу.
4. Вопрос об убытке, подлежащем возмещению.
5. Вопрос о просрочке должника.

Кроме того, мы в настоящей главе рассмотрим вопрос о так называемой «просрочке кредитора», а также вопрос о последствиях неисполнения в двустороннем обязательстве.

§ 45. Требование реального исполнения обязательства

1. Кредитор, не получивший исполнения по обязательству, может обратиться к соответствующему органу Советского государства (в суд или арбитраж) с тем, чтобы были приняты меры к принуждению должника исполнить обязательство. Основной формой удовлетворения кредитора является понуждение должника к исполнению своего обязательства в натуре (принцип так называемого «реального исполнения»); присуждение же кредитору денежной компенсации взамен реального исполнения (денежное возмещение убытков, возникших вследствие неисполнения) рассматривается в нашем гражданском праве как крайняя мера, к которой суд должен прибегать лишь в случае невозможности исполнения в натуре.

Этот принцип реального исполнения обязательства в реальной мере применяется к договорным и внедоговорным обязательствам.

Принцип реального исполнения обязательства в качестве основного начала нашего гражданского права нашел свое выражение в Гражданском кодексе РСФСР и в гражданских кодексах других союзных республик. Так по ст. 129 ГК РСФСР в случаях, когда обязательство направлено на предоставление в пользование индивидуально-определенной вещи, а должник не выполняет своего обязательства, то кредитор может требовать по суду отобрания вещи у должника и передачи этой вещи ему — кредитору (ср. также ст. 158 ГК). Аналогичные права предоставлены покупателю в отношении истребования у продавца проданного имущества (ст. 189 ГК). Право кредитора на то, чтобы получить удовлетворение в натуре, выражено также в ст. 226 ГК: если во время исполнения работы (по договору подряда) станет очевидным, что она не будет выполнена надлежащим образом, то заказчик имеет право назначить подрядчику соразмерный срок для устранения недостатков и, при неисполнении требуемого в назначенный срок, либо расторгнуть договор, либо поручить продолжение или исправление работы третьему лицу за счет подрядчика. Таким же образом при договоре имущественного найма неисполнение наймодателем капитального ремонта, предусмотренного договором или вызванного неотложной необходимостью, дает нанIMATEлю право произвести ремонт самому и отнести расходы на счет наймодателя (ст. 159 ГК).

Если речь идет о возмещении вреда, причиненного правонарушением, то возмещение это должно состоять в восстановлении прежнего состояния (ст. 410 ГК).

Если содержанием обязательства является совершение должником определенного действия, которое носит строго личный характер (связано с личностью данного должника) и должник добровольно не исполняет своего обязательства, то нельзя принуждать его к реальному исполнению, так как такое принуждение несовместимо с личной свободой советского гражданина; в этих случаях остается лишь требование денежного возмещения убытков.

В некоторых случаях реальное исполнение заменяется денежным возмещением вследствие того, что оно (реальное исполнение) стало невозможным.

На «вторичный» характер денежного возмещения прямо указывает ст. 410 ГК, которая гласит: возмещение за вред должно состоять в восстановлении прежнего состояния, а поскольку такое восстановление невозможно — в возмещении причиненных убытков.

И. Б. Новицкий, Реальное исполнение обязательства, «Труды научной школы Всесоюзного института юридических наук 1—5 июля 1946 г.», стр. 143 и сл.

Если индивидуально-определенная вещь погибла по вине должника, то кредитор может требовать лишь денежного возмещения убытков, потому что исполнение в натуре стало невозможным. Иногда реальное исполнение хотя физически и возможно, но связано для должника с несоразмерно большими затратами, так что было бы хозяйственно нецелесообразно требовать исполнения в натуре; в этих случаях кредитор должен удовлетвориться денежным возмещением убытков.

Так, например, если подрядчик построил дом, соответствующий своему назначению, но в деталях нарушил условия договора, то нельзя требовать от него сноса этого дома и постройки другого, полностью соответствующего договору.

Стороны по договору — граждане — имеют право по взаимному соглашению договориться о замене реального исполнения денежной компенсацией. Но при отсутствии такого соглашения кредитор не может отказать в принятии реального исполнения и взамен него требовать денежной компенсации. Если исполнение в натуре просрочено и, вследствие этого, утратило интерес для кредитора, то последний имеет право отказаться от принятия реального исполнения и потребовать денежного возмещения убытков (ст. 121 ГК).

Таким образом, неисполнение обязательства по нашему гражданскому праву влечет за собой прежде всего требование реального исполнения; что же касается денежной компенсации, то она в нашем гражданском праве рассматривается как мера, к которой суд должен прибегать лишь в крайних случаях, когда исполнение в натуре невозможно.

Нало, однако, признать, что по обязательствам между гражданами, возникающими вследствие причинения другому вреда, судебные органы большей частью выносят решения о денежном возмещении убытков, а не о понуждении должника к реальному исполнению. В нашей юридической литературе правильно указывалось на то, что «одной из причин этого нужно считать несоответствие советского процессуального законодательства установкам гражданского права в данной области. Процессуальное законодательство не дает никаких определенных средств для реализации принципа исполнения договоров в натуре...»¹.

2. Принцип реального исполнения обязательств, являющийся общим началом советского гражданского права, имеет особенно важное значение в сфере отношений между социалистическими организациями.

Обязательства между социалистическими организациями, возникающие из договоров или из административных актов и на-

¹ Н. Б. Новикова, *назв. соч.*, стр. 169.

правленные на реализацию народнохозяйственного плана, должны быть обязательно исполнены в натуре; иначе плановое задание, на основе которого возникло такое обязательство, останется невыполненным.

В договорах между социалистическими организациями предусматриваются пени, штрафы, неустойки, возмещение убытков в случаях ненадлежащего исполнения обязательств; все эти виды денежных платежей являются, однако, санкциями, направленными на то, чтобы гарантировать реальное исполнение. Санкции эти имеют в виду обеспечить своевременное и надлежащее исполнение обязательств, а не замену реального исполнения денежным эквивалентом. В обязательствах между социалистическими организациями не допускаются соглашения о замене исполнения в натуре денежной компенсацией; такие соглашения недействительны. Вместе с тем необходимо иметь в виду, что огромное большинство наших социалистических предприятий не только выполняют, но и перевыполняют плановые задания. Социалистическая система хозяйства обеспечивает действительную возможность реального исполнения договорных обязательств между хозорганами.

Принцип реального исполнения договорных обязательств между хозорганами именуется обычно «договорной дисциплиной»¹. Проведение в жизнь договорной дисциплины обеспечивается как мерами гражданского, так и мерами уголовного права. Постановление ЦИК и СНК СССР от 18 февраля 1931 г. (СЗ СССР 1931 г. № 10, ст. 109) рассматривает нарушение обязательств между хозорганами в области промышленности, транспорта и сельского хозяйства как должностное преступление. Разъясняя значение этого постановления Правительства, Пленум Верховного суда СССР 26 мая 1931 г.² указал: «Точное выполнение договорных обязательств по всем пунктам и показателям не только количественным, но и качественным, является необходимым условием выполнения промфинпланов хозяйственных предприятий, а вместе с тем обеспечивает осуществление народнохозяйственных планов в целом. Поэтому проведение решительной борьбы с нарушениями договорной дисциплины, означающими на практике бесхозяйственность, срыв темпов социалистического строительства, а иногда и прямое вредительство, является прямой и непосредственной задачей судебных органов в деле осуще-

¹ А. В. Венедиктов, *Договорная дисциплина в промышленности*, 1935. Термин «договорная дисциплина» иногда употребляется в более широком смысле слова, как принцип своевременного и безупречного по качеству исполнения обязательств между социалистическими организациями.

² «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства», 1931, № 23, стр. 74.

сведения директив Партии и Правительства и содействия выполнению народнохозяйственного плана».

Борьба за реальное выполнение договоров, направленных на осуществление плановых заданий, имела огромное значение в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. и сохраняет такое же значение ныне — в годы послевоенной сталинской пятилетки.

В практике Госарбитража применялись различные меры, направленные на то, чтобы побудить хозорганы к исполнению своих обязательств в натуре.

Основываясь на ст. 19 постановления СНК СССР от 19 декабря 1933 г., согласно которой уплата санкций не освобождает сторону, их уплатившую, от исполнения договора, и исходя из постановления СНК СССР от 8 сентября 1934 г., в силу которого материалы и оборудование, неподготовленные в течение данного квартала, подлежали поставке в следующем квартале, арбитражная практика прибегала к повторному взиманию штрафов за недогруз. Эта практика была санкционирована циркуляром Госарбитража при СНК СССР от 8 апреля 1934 г.¹ Если, например, в январе была взыскана неустойка за недогруз с возложением на поставщика обязанностей восполнить этот недогруз в феврале того же года, то за невыполнение этой обязанности в феврале с поставщика взыскивалась повторная неустойка и ему предлагалось восполнить тот же недогруз, скажем, в апреле и т. д.

В некоторых положениях ведомственного арбитража (например, в положении об арбитраже НКТП, утвержденном приказом НКТП от 10 марта 1937 г., ст. 17) предусматривалось право назначения штрафов за неисполнение в форме непрерывно нарастающих платежей или право устанавливать штрафы в размерах, превышающих ставки, указанные в соответствующих договорах хозорганов². Примером безуспешного применения таких санкций может служить дело Московского областного Госарбитража (1943 г.), заключавшееся в следующем. Одна государственная организация приняла от промкооперативной артели раскрой для изготовления изделий, поставлявшихся артелью военному ведомству. Принятой на себя работы эта организация не выполнила и не вернула полученного раскрой. При рассмотрении дела в Госарбитраже организация-ответчик предложила артели получить цену раскрой, ссылаясь на то, что материал израсходован и в условиях военного времени не может быть восстановлен. Однако Госарбитраж признал, что обязательство должно быть вы-

полнено в натуре и установил штраф в 100 руб. за каждый день неисполнения решения. Эта мера возымела действие: изделия были изготовлены и сданы в срок.

В практике Госарбитража за годы войны имеются также решения по делам о заказах из давальческого сырья: организация получала материал, затем расходовала его не по назначению и не возвращала ни изделий, ни материалов, предлагая взамен уплату денежного эквивалента. Иллюстрацией этого положения может служить дело, рассматриваемое Госарбитражем при СНК СССР в 1943 году. Ответчик по договору, заключенному в мае 1942 года, обязался в четвертом квартале того же года поставить истцу определенные изделия из материалов, полученных от последнего. Ответчик не поставил изделий и не возвратил материалов, сославшись на то, что он использовал эти материалы для выполнения оборонного заказа; ответчик, при этом, выразил мнение, что истец должен перед компетентными органами поставить вопрос о выдаче ему нарядов на новые материалы взамен использованных. Арбитр, однако, с возражениями ответчика не согласился и предложил последнему вернуть материал в натуре (взамен израсходованного материала передать истцу другой такой же материал); кроме того, на ответчика была возложена уплата предусмотренного договором штрафа.

По делам о возврате тары также был вынесен Госарбитражем при СНК СССР ряд решений, обязывающих ответчиков вернуть тару в натуре и, сверх этого, уплатить истцу предусмотренные в договорах штрафы за несвоевременный возврат.

Метод нарастающих штрафов с целью побудить должника к реальному исполнению ныне не применяется.

В некоторых случаях Госарбитраж выносил решения о прямом изъятии у ответчика и передаче истцу материалов или оборудования, составлявших предмет обязательства между сторонами.

3. Принцип реального исполнения обязательства между социальными организациями служит целям выполнения народнохозяйственного плана. Бывали, однако, исключительные случаи, когда проведение в жизнь этого принципа способствовало бы не выполнению, а нарушению плана народного хозяйства. Если, например, исполнение в течение того планового периода, на который оно было назначено по договору, не было произведено, а исполнение в течение следующего планового периода могло бы иметь место лишь ценой нарушения должником какого-либо другого обязательства или ценой невыполнения других плановых заданий должника, надающих на этот последний период, то органы арбитража воздерживались обычно от присуждения долж-

¹ «Фискальный Госарбитраж при СНК СССР», 1934, № 2, стр. 32.

² «Фискальное и валютное законодательство», 1937, № 8/9, стр. 11.

ника в реальному исполнению (признавая его «невозможным») и ограничивались присуждением денежных санкций.

Примером может служить дело, рассмотренное Госарбитражем при СНК РСФСР в 1943 году. Одна московская организация купила в 1942 году у казанского завода некоторое количество дефицитного сырья. Ввиду того, что купленное количество сырья было меньше вместимости вагона, завод-поставщик в целях наилучшего использования подвижного состава отгрузил эту партию сырья вместе с партией, предназначавшейся для другой московской организации, в адрес последней. Одновременно с отгрузкой завод-поставщик уведомил об этом по телефону обоих покупателей. Несмотря на это предупреждение, второй покупатель все сырье взял себе. На требование первого покупателя второй покупатель отвечал молчанием, а когда оставшаяся без сырья организация предъявила иск в арбитраже и просила обязать вторую организацию выдать сырье в натуре, ответчик прислал заявление, что он готов уплатить стоимость сырья, но вернуть материал не в состоянии. Был здесь осложняющий момент: дело в том, что поставка относилась к октябрю 1942 года, а иск был предъявлен в мае 1943 года, когда фонды 1942 года уже утратили значение. Однако поведение ответчика, захватившего не принадлежащий ему фонд, было настолько недопустимо, что, несмотря на истечение срока действия фонда, Госарбитраж при СНК РСФСР удовлетворил иск в натуре, а для обеспечения исполнения назначил штрафные санкции в размере 150 руб. за каждый день просрочки. Ответчик некоторую сумму санкций уплатил, но затем представил заявление заявления своего главно, что фонды данного материала не только не увеличены на 1943 год, но даже сокращены: если из них какую-то долю выделит для удовлетворения истца, исполнение плана ответчика (работавшего на оборону) будет сорвано. Это последнее соображение оказало решающее влияние; решение было изменено в смысле удовлетворения истца денежной суммой.

4. Приведенное решение является иллюстрацией того соотношения, которое существует между понятиями «невозможности исполнения» и «реального исполнения».

Невозможность исполнения есть всегда тогда, когда невозможность реального исполнения; равно денежного эквивалента (взамен исполнения в натуре) всегда считается невозможной, так как деньги всегда имеются в обороте (отсутствии же денежных средств у должника не считается обстоятельством, оправдывающим неплатеж или задержку платежа)¹.

Таким образом, невозможность исполнения (реального исполнения) сама по себе не освобождает должника от ответственности.

Если должник не докажет, что невозможность исполнения обусловлена обстоятельством, которого он (должник) не мог предостеречь, то ответственность должника сохраняется в силе, но изменяется форма этой ответственности: взамен натурального исполнения (поставки товаров, выполнения заказа и т. п.) на должника возлагается обязанность уплаты денег (в виде штрафа, неустойки, возмещения убытков и т. п.).

Из сказанного вытекает также, что замена реального исполнения уплатой «денежных санкций» допустима лишь, если налицо действительная невозможность исполнения (за которую отвечает должник): например — в случае гибели (по вине должника) незаменимого предмета обязательства или в случае аннулирования фонда, за счет которого должна была осуществляться поставка.

Нельзя, однако, признать законными такие случаи замены реального исполнения денежными санкциями, которые основаны на неправильном, искусственном расширении понятия «невозможности исполнения» (например, путем подведения под понятие «невозможности исполнения» случаев «хозяйственной целесообразности» исполнения)¹.

5. Во взаимоотношениях между социалистическими организациями денежная форма удовлетворения кредитора не дает надлежащего хозяйственного эффекта, так как она не устраивает вредных последствий неисполнения обязательства для социалистического хозяйства в целом. Но такая форма удовлетворения, как крайняя мера, не лишена значения. Хозяйственное социалистическое предприятие должно быть построено на строгом учете выполнения плана народного хозяйства и на учете результатов хозяйственной деятельности отдельных предприятий. Факты невыполнения договора одним предприятием и недолучения в связи с этим другим предприятием известной продукции должны найти свое отражение в учете результатов хозяйственной деятельности того и другого предприятия: уплата предприятием, нарушившим договор, денежного возмещения другой стороне и послужит для них обеих форм учета этого обстоятельства. Кроме того, денежная компенсация сохраняет для социалистического предприятия известное значение также и как средства увеличения оборотных средств организации, потерпевшей от нарушения договора.

¹ См. об этом выше, стр. 348.

¹ Примеры см. у И. Б. Новицкого, *там же*, стр. 164.

§ 46. Причинная связь между поведением лица и вредоносным результатом как предпосылка ответственности за вред

1. Наличие причинной связи между поведением лица и последующим за этим поведением вредоносным результатом является одним из необходимых условий для того, чтобы возложить на это лицо ответственность за данный вредоносный результат и за связанный с ним убыток. На причинную связь, как на одно из необходимых условий ответственности за вред, указано в ряде статей Гражданского кодекса.

Статья 117 ГК говорит об обязанности должника «возместить кредиторю причиненные неисполнением убытки»; ст. 403 ГК предусматривает, что «причинивший вред личности или имуществу другого обязан возместить причиненный вред»; ст. 404 ГК говорит об ответственности за вред, «причиненный источником повышенной опасности». В ст. ст. 118, 119, 223 и др. ГК также, в иных равнозначных выражениях, говорится о вредоносном результате, причиненном (обусловленном, вызванном) действиями лица или иными обстоятельствами (ср. также ст. 132 Кодекса торгового мореплавания; ст. 68 Устава железных дорог; ст. 78 Воздушного кодекса). Однако ни в этих статьях Гражданского кодекса, ни в другом каком-либо законе не дано критерия для решения вопроса о том, в каких случаях поведение лица или какое-либо независимое от поведения лица событие, лежащее на ответственности этого лица, должно считаться причиной данного следствия, результата.

Во многих случаях причинная связь фактов, являющаяся одной из существенных предпосылок ответственности за вред, представляется настолько самоочевидной, что не вызывает никаких сомнений: для всякого ясно, что лицо, бросившее горящую спичку в бак с бензином, причинило последовавшие затем воспламенение и взрыв.

Но бывают случаи такого чередования событий, когда не легко решить, является ли данный факт, наступивший после данного поведения лица, причинно связанным с этим поведением или нет. Трудности возникают преимущественно в тех случаях, когда выведение человека отделено во времени от вредоносного события рядом таких промежуточных фактов, из коих некоторые являются звеньями самостоятельной не связанной с этим поведением причинной цепи: например, рабочий на производстве вывихнул себе руку, был направлен в поликлинику для оказания ему медицинской помощи, по дороге, близ поликлиники, он был сшиблен с ног автомобилем и убит. Можно ли сказать, что предприятие, на котором он работал, причинило ему смерть?

Проблема причинной связи и практике по гражданским делам представляет также значительные трудности в случае необычного стечения обстоятельств, когда чередование фактов носит атипичный характер: например, пассажир выпрыгнул из вагона на ходу поезда в целях собственного спасения, так как он, не без оснований, считал неизбежным крушение поезда; пассажир потерпел увечье; на самом деле крушение не произошло¹. Отвечает ли в этом случае железная дорога по ст. 404 ГК?

2. Проблема причинной связи между поведением человека и данным результатом есть общая проблема для ряда областей советского права; она возникает в гражданском, уголовном, административном и других отраслях нашего права — везде, где налицо вопрос об ответственности человека за результаты его поведения.

Но в отличие от уголовного права, где вопрос о причинной связи между поведением лица и данным преступным результатом ставится лишь в тех случаях, когда должен быть поставлен и другой вопрос — вопрос о вине этого лица — гражданское право знает многочисленные случаи ответственности без вины — при наличии одной причинной связи между поведением лица и данным вредоносным результатом (например, ст. ст. 404, 406 ГК, ст. 132 Кодекса торгового мореплавания СССР, ст. 68 Устава железных дорог и др.).

Однако и в тех случаях, когда предпосылкой ответственности лица за данный вредоносный результат является виновное причинение им этого результата (ст. ст. 117—118, 403 и др. ГК), необходимо выделить вопрос о причинной связи, не смешивая его с вопросом о вине. Такое смешение происходит чаще всего тогда, когда вопрос о наличии причинной связи между поведением лица и данным результатом решается в зависимости от того, предвидело ли и могло ли предвидеть действующее лицо данный результат своего поведения или нет. На самом же деле предвидение результата не есть признак для разрешения вопроса о причинной связи, ибо никак нельзя сказать, что человек причинил лишь то, что он предвидел или мог или должен был предвидеть. Предвидение результата своего поведения со стороны действующего лица есть признак, существенный для решения вопроса о вине, а не о причинении.

Вина субъективна: она раскрывается путем исследования отношения сознания и воли человека к его действию или бездействию (см. ниже, § 47). Причинная связь — вся в объективной зависимости результата от действия или бездействия лица. Оба момента — вина и причинение — в действительности соче-

¹ См. обстоятельства в деле Гегучадзе (Сборник постановлений Президиума и определений коллегий Верховного суда СССР за 1938—1939 гг., стр. 157).

туются, образуя некое единство, выражающееся в том, что причинная связь между поступком человека и следствием этого поступка изучает то или иное (положительное, в форме предвидения, или отрицательное, в форме непредвидения) отражение в сознании действующего лица, что так или иначе определяет волю и поведение этого лица; с другой стороны вина, т. е. отношение сознания и воли лица к его поведению, получает внешнее выражение (объективируется) в поступках человека — в его действиях или бездействиях. Но субъективный момент остается вне объективного отношения действия или бездействия человека к данному следствию: когда мы ставим вопрос о том, какие изменения во внешнем мире вызваны — причинены — данным действием лица, мы отбрасываем субъективную сторону его поведения. Например, мы с достаточным основанием можем утверждать, что несвоевременная (с пропуском установленного срока) поставка сырья покупателю может вызвать на заводе покупателя простой и убыток в силу определенной — объективной зависимости между пропуском срока и данным вредоносным результатом — зависимости, которая, однако, не связана с субъективной стороной пропуска срока (с тем, является ли несвоевременность поставки умышленной или вызванной небрежностью поставщика или обусловленной какими-либо обстоятельствами, которые поставщик не мог предотвратить).

Поступки людей вызывают те или иные изменения во внешнем мире независимо от того, какими внутренними мотивами действующего лица они вызваны.

Верховный суд СССР в своей практике при разрешении проблем причинной связи проводит строгое разграничение вопросов вины и вопросов причинения.

Так, например, в деле 1943 года по иску одной заготовительной конторы к Джамбульскому отделению Госбанка («Судебная практика», 1944, вып. I, стр. 16) был поставлен вопрос, несет ли Госбанк ответственность перед истцом за работника Госбанка (кассира), допустившего формальные нарушения в выдаче сумм инспектору заготовконторы; получив деньги, инспектор их растратил. Судебная коллегия по гражданским делам определила, что Госбанк в данном случае не несет ответственности за неправильные действия кассира, так как между этими неправильными действиями и убытком истца нет причинной связи; по делу не установлено, что выдача денег с такими нарушениями содействовала хищению, произведенному названным инспектором.

В другом, сходном по фактическому составу, деле Судебная коллегия по гражданским делам признала ответственность Госбанка за действия кассира, так как между этими действиями и убытком истца была установлена причинная связь (см. Определение № 343, 1939 г., Сборник постановлений Пленума и опре-

делений коллегий Верховного суда СССР за 1938—1939 гг., стр. 158).

Неправильные действия служащего Госбанка, как одна из предпосылок ответственности, т. е. момент вины, имели в обоих случаях, но решения различны потому, что по-разному решен вопрос о причинной связи.

3. В нашей юридической литературе вплоть до недавнего времени находили некоторое отражение ошибочные взгляды на причинную связь, в которых вопрос этот смешивался с вопросами о вине.

В учебнике гражданского права 1938 года (т. II, стр. 396) было указано М. М. Агарковым, что суд «должен установить, поддается ли в данном конкретном случае учету с точки зрения нормального жизненного опыта (является ли типичной) связь между противоправным действием (или упущением) и причиненным вредом. Советский суд должен найти для каждого отдельного случая меру того, что можно требовать от гражданина социалистического государства». В учебнике гражданского права 1944 года (т. I, стр. 327) было указано, что «суд должен установить, принадлежит ли связь между противоправным действием и вредом к типичным связям, с которыми приходится считаться на практике. Практика является тем критерием, которым в конечном счете должен руководствоваться суд». Указанный здесь признак «типичности» причинной связи по существу носит субъективистский характер: в конечном счете речь здесь идет о том, какая связь явлений представляется обычной для сознания действующего лица или для сознания так называемого «среднего человека»; но подобные критерии относятся к проблеме вины, а не к проблеме причинной связи. Анализ следующего известного примера причинной связи, данный М. М. Агарковым, не только не подтверждает его вывод, но служит иллюстрацией того, что признак «типичности» не пригоден для установления причинной связи и что связь эта, наоборот, может носить атипичный характер. А. шутя и очень легко ударил Б. ладонью по лбу; Б. страдал ненормальной хрупкостью черепа, которая до этого не обнаруживалась. Череп Б. дал трещину. М. М. Агарков утверждал, что в данном случае «причинная связь не типична и нет достаточных оснований возлагать ущерб на причинителя». При таком анализе данного примера вопрос о наличии или отсутствии причинной связи остался без ответа. Критерий «типичности» служил основанием для разрешения другого вопроса — о вине. А. действительно (по ст. 403 ГК) не несет ответственности, так как он не виноват: он не предвидел и с точки зрения «нормального жизненного опыта» не должен был предвидеть данный результат. Но А. несомненно причинил этот результат.

4. Теории, которые для установления причинной связи между поведением человека и «результатом» этого поведения предлагают критерий «типичности», предвидимости или другие приемы, основанные на существовании субъективистский характер, стоят на позиции философского идеализма: они исходят из того, что причинность явлений не есть нечто объективное, присущее природе и являющееся одним из видов взаимосвязи в реальном мире, а есть нечто бы лишь привычка нашего сознания (по Юму или Дж. Ст. Миллю) или виртуальное понятие нашего рассудка (по Канту). «... Субъективистская линия в вопросе о причинности, выведение порядка и необходимости природы не из внешнего объективного мира, а из сознания, из разума, из логики и т. д. не только отрывает человеческий разум от природы, не только противопоставляет первый второй, но делает природу частью разума, вместо того чтобы разум считать частичкой природы. Субъективистская линия в вопросе о причинности есть философский идеализм... Признание объективной закономерности природы и приблизительно верного отражения этой закономерности в голове человека есть материализм»¹.

Правильную постановку и разрешение вопроса о причинной связи дает и может дать только философия диалектического материализма. Только на этой единственно научной основе могут быть разрешены проблемы причинной связи в праве.

Трудности, с которыми мы встречаемся при разрешении вопроса о том, является ли данное противоправное поведение лица причиной данного результата, вытекают из того, что никакое действие человека никогда не является единственной причиной этого результата. «Первое, что нам бросается в глаза при рассмотрении движущейся материи, — говорят Энгельс в «Диалектике природы», — это взаимная связь отдельных движений отдельных тел между собой, их обусловленность друг другом»². Из сформулированного здесь закона всемирной взаимосвязи явлений вытекает, что причинение действием лица данного результата немислимо без содействия массы условий окружающей среды, без содействующих сил. Каждый факт возникает вследствие множества фактов (причин) и в свою очередь сам обуславливает множество других фактов.

Но понимание этой всеобщей обусловленности и связи явлений само по себе еще недостаточно с научной точки зрения. Оно, конечно, совершенно недостаточно с практической точки зрения: эти концепции сама по себе не помогают судье установить причин-

ную связь между поведением человека (должника) и вредоносным результатом (или между данным вредоносным результатом и фактом, за который несет ответственность должник). Если учение о причинной связи в праве свести к тому, что причиной вредоносного результата надо считать совокупность всех условий, при которых наступил этот результат, то нельзя было бы говорить о том, что какое-либо лицо причинило своим поведением другому ущерб. Ибо поведение этого лица является лишь частью тех факторов, которые необходимы для наступления данного вредоносного результата. Для того, чтобы обсудить причинную связь между двумя фактами, мы должны мысленно выделить эти факты из мировой взаимосвязи явлений. Когда мы исследуем причинную связь между противоправным поступком человека и последовавшим за ним вредоносным результатом, мы рассматриваем имущественную сферу потерпевшего как нечто данное (исходное), а поступок правонарушителя как нечто, воздействующее на эту сферу и создающее в ней те или иные изменения. При этом возникает вопрос, при наличии каких признаков поведение правонарушителя, выделенное из совокупности всех факторов, обусловивших данный вредоносный результат, должно рассматриваться как причина этого результата.

5. Прежде всего следует предостеречь от механистических представлений о том, что из фактов, предшествующих данному результату, те, которые во времени стоят ближе к этому результату, всегда якобы в большей мере способствуют его наступлению, нежели более отдаленные. На таком неправильном представлении о причинной связи основано было одно определение Гражданской кассационной коллегии Верховного суда РСФСР 1924 года («Ежегодник советской юстиции», 1924, № 15), в котором предлагалось учитывать лишь «непосредственную причинную связь». Несостоятельность критерия о непосредственном причинении ясна уже из того, что все вообще действия человека влекут за собой следствия лишь через посредство других фактов: одним из результатов развития техники производства является то, что воздействие человека на природу имеет место через посредство все большего и большего числа промежуточных факторов. Поэтому надо признать, что теория непосредственного причинения является в корне неправильной. Применение критерия о непосредственном причинении в практике по гражданским делам приводило к произвольным решениям вопроса об ответственности за убытки. Если, например, поставщик А. по ошибке отгрузил подверженный скорой порче товар не в адрес покупателя, а в адрес другого лица (организации Б.), а последняя, получив товар, не приняла надлежащих мер к предотвращению порчи товара, то причинителем гибели товара следует считать не только Б., но и А. Если зато-

¹ Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 14, стр. 142.

² Энгельс, Диалектика природы, 1988, стр. 184.

товарищеская организация Б передала товары розничной организации Д, сопроводив эту передачу неправильными данными, касающимися калькуляции розничных цен, а организация Д, не проверив этих данных, распродала товары потребителям по неправильным (заниженным) ценам, то причинителями убытка являются В и Д. В указанных случаях было бы неправильно решить, что А и В не являются причинителями ущерба и на этом основании возложить весь ущерб на «последнего причинителя» (на Б. в первом случае и на Д. во втором случае). Между тем эта неправильная теория «последнего причинителя» служила основой некоторых арбитражных решений.

Если причиной данного результата нельзя считать лишь тот факт, который непосредственно предшествует этому результату, то, с другой стороны, столь же ошибочной является другая механистическая концепция, именуемая «теорией условия» (*conditio sine qua non*). Эта теория утверждает, что причиной данного результата должен быть признан всякий факт, предшествовавший этому результату — всякое поведение человека, если только при мысленном исключении этого факта (поведения) данный результат также логически был бы исключен. С этой формально-логической точки зрения все неисключенные таким путем предшествующие факты одинаково необходимы для наступления данного следствия; нет якобы никакого случайного сплетения обстоятельств. В результате причинная связь представляется чисто внешним сцеплением фактов, лишенным всякой внутренней связи. Такая наука, говорит Энгельс, которая взялась бы проследить какое-либо явление в его каузальном сцеплении, была бы уже не наукой, а простой игрой¹. Практически эта теория приводит к явно неправильным решениям в тех случаях, когда поведение человека отделено во времени от предвосного результата рядом таких промежуточных фактов, из коих некоторые являются звеньями самостоятельной, не связанной с этим поведением, причинной цепи. Если применить эту теорию к подобным случаям, то получится так называемая «дурная бесконечность»: например, на предприятии произошло легкое увечье работника, после чего последний был отправлен в поликлинику на перевязку, по дороге он был сшиблен с ног и убит автомашинкой. С точки зрения «теории условия» данное предприятие должно было бы считаться причинителем смерти этого работника, ибо не будь увечья, не было бы и последующих событий. Изложенная теория приводит к подобным явно неправильным выводам в силу того, что она понимает причинность в духе механистического материализма как простую последова-

¹ См. Энгельс, *Диалектика природы*, 1948, стр. 175.

тельность событий во времени, не ставя вопроса о закономерности в чередовании событий.

6. Метод, которым неправильно пользуется изложенная «теория условия» для установления причинной связи, может быть использован лишь для «отрицательной цели», т. е. для выяснения того, какие из предшествовавших данному результату фактов не являются условием, благоприятствовавшим этому результату, и не являются причиной этого результата.

Такое действие человека, при отсутствии которого данный результат все равно наступил бы, очевидно, не может рассматриваться, как обстоятельство, обусловившее наступление этого результата; поэтому, если исключение данного поведения должника не влечет за собой исключения данного вредоносного «следствия», то это поведение, очевидно, не является ни условием, ни тем более причиной этого «следствия». Именно таким путем в изложенном выше (стр. 302) деле Джамбульского отделения Госбанка суд пришел к правильному заключению, что действия кассира банка не могут рассматриваться как причина той растраты, которая была произведена представителем клиента банка.

Но такой метод в большинстве случаев может быть использован лишь как первый этап в разрешении вопроса причинной связи; если, пользуясь этим методом, мы не приходим к отрицанию причинной связи между поведением должника и данным результатом, то надо перейти к дальнейшему этапу исследования: среди остальных (оставшихся неисключенными после применения этого метода) фактов найти причину данного результата.

7. Эта конечная задача может быть разрешена лишь, если мы будем исходить из различения «причинно-необходимых» связей и «причинно-случайных» связей между фактами в том смысле, как это различение дано в философии диалектического материализма¹. Исходя из этого различения, мы должны будем сказать, что действие человека лишь в том случае может быть признано причиной данного результата, если связь этого действия с данным результатом является проявлением «не-

¹ Из этого различения исходит Б. С. Антимонов, А. А. Пивонковский в своих работах о причинной связи в праве также исходит из этого различения. Однако проф. Пивонковский в учебнике уголовного права, Общая часть, 1948, стр. 304—305 по существу сводит «необходимость» к «объективной реальной возможности» наступления данного результата. С таким отождествлением согласиться нельзя. (Ср. по этому поводу В. Н. Куаравица, К вопросу о причинной связи в уголовном праве «Советское государство и право» 1960, № 1; Т. Л. Сергеева, Вопросы причинной связи в судебной практике по уголовным делам Верховного суда СССР, там же, 1960, № 3).

обходимости», «закономерности», а не носит характера «случайного» спонсирования событий.

Термин «случайное», «случай» здесь употреблен в философском смысле, отличном от того, что означает слово «случай» (случай) в праве. Когда юрист говорит, что ст. 404 ГК устанавливает ответственность за случай, то он имеет в виду, что по этой статье установлена ответственность и за виновное причинение ущерба. Когда же в философии диалектического материализма говорят о «случае», то речь идет о различении существующих в реальном мире «необходимых» и «случайных» связей фактов.

Но необходимое следствие не есть «роковое» следствие, не есть неизбежность.

В природе необходимые следствия не существуют в отрыве от случайных последствий. Всякое следствие несет в себе следы «необходимого» и «случайного». Отделение необходимого от случайного должно идти по пути выделения всего устойчивого в данном движении. Устойчивое же в природе определяется родовыми признаками. «Родовое понятие, — говорит Ленин, — есть «сущность природы», есть закон»¹. Мы делаем наши заключения о закономерности в чередовании явлений на том основании, что в каждом единичном явлении присутствует некоторая часть, являющаяся общей для всех явлений того же рода (родовой объективный признак).

Один факт находится в причинно-необходимой связи с другим фактом, если практически — на опыте — доказано, что факты первого рода влекут за собой результаты того же рода, к которому относится второй факт. На тех же основаниях определяется причинная связь между человеческими поступками и их следствиями: данное действие человека есть причина данного результата, если такого рода действие влечет за собой следствие того же рода, что и данный результат. Только такую связь человеческих поступков и их следствий мы считаем «необходимой» и только такая «необходимая» связь может быть учтена правом. «Результаты» же человеческих действий, вытекающие из случайного сцепления фактов, лежат вне пределов того, что может быть признано причиной и, следовательно, учтено правом: случайные результаты лежат вне пределов причинения. При этом надо иметь в виду, что «случайность» в природе также, как и «необходимость» — объективные категории. Факт, находящийся в причинно-случайном сцеплении с другим фактом, может быть одновременно необходимым результатом третьего факта. В приведенном выше примере смерть рабочего находится в причинно-необходимой связи с движением автомашины и в случайной связи с производственной деятельностью завода, где гражданину

¹ Ленин, Философские тетради, стр. 275.

в процессе его работы было причинено увечье. Причиной, несомненная связь фактов познается нами из человеческой деятельности. Из этой деятельности «... мы находим также, что мы в состоянии вызвать определенное движение, создав те условия, при которых оно происходит в природе; мы находим даже, что мы в состоянии вызвать такие движения, которые вовсе не встречаются в природе (промышленность), — по крайней мере, не встречаются в таком виде, — и что мы можем придать этим движениям определенные заранее направление и размеры. Благодаря этому, благодаря деятельности человека и обосновывается представление о причинности, представление о том, что одно движение есть причина другого. Правда, уже одно правильное чередование известных явлений природы может породить представление о причинности — теплота и свет, появляющиеся вместе с солнцем, — однако здесь еще нет доказательства... Но деятельность человека производит проверку начет причинности. Если при помощи вогнутого зеркала мы концентрируем в фокусе солнечные лучи и вызываем ими такой же эффект, какой дает аналогичная концентрация лучей обыкновенного огня, то мы доказываем этим, что теплота получается от солнца. Если мы вложим в ружье капсулю, заряд и пулю и затем выстрелим, то мы рассчитываем на заранее известный по опыту эффект, так как мы в состоянии проследить во всех деталях весь процесс воспламенения, сгорания, взрыва, вызванного внезапным превращением в газ, давление газа на пулю. И здесь скептик уже не вправе утверждать, что из прошлого опыта не следует, будто и в следующий раз повторится то же самое»¹.

Заключение о необходимой связи явлений основано на том уровне знаний о природе, которое достигнуто в данный исторический период. Оно, следовательно, обладает свойством научной достоверности, потому что отражает объективную закономерность.

Этим оно отличается от представлений о типичной связи явлений, которые базируются на субъективных мнениях (действующего лица или «среднего человека») о том, что является обычным, «вероятным». Часто «типичное» здесь совпадает с «необходимым»: это бывает тогда, когда причинная связь вообще самоочевидна, когда она ясна для каждого из опыта обыденной жизни и не составляет проблемы. Но в случаях необычного стечения обстоятельств «необходимая» связь не является «типичной», как это, например, явствует из приведенного выше примера легкого удара по хрупкому черепу. Результат — трещина в черепе — является «необходимым», закономерность его легко объяснит медицинская наука, но результат этот аттачмен

¹ Энгельс, Диалектика природы, 1945, стр. 184—185.

Имея в виду различие между «необходимостью» в указанном смысле и «типичностью», мы легко разрешим вопрос о том, можно ли признать наличие «необходимой» причинной связи в тех случаях, когда человек для достижения своих целей использует необычное стечение обстоятельств, которое известно лишь ему и неизвестно другим людям. Вопрос этот имеет особое значение для уголовного права в случаях особо коварных методов подготовки преступлений. Разумеется, в этих случаях наличие «необходимой» причинной связи между действиями лица и преступным результатом — связь, постигнутая действующим лицом, но для других еще до определенного момента (пока она не вскрыта следствием) оставшаяся нераспознанной. Поэтому, исключая ответственность человека за «объективно случайные» последствия его действий, мы тем самым вовсе не исключаем ответственности за преступления, подготовленные особо коварными способами; те, кто утверждает противное, смешивают «необходимость» с «типичностью»¹.

8. Из научного понимания «необходимой» причинной связи, объективно существующей в природе и поддающейся познанию человека, вытекает, что в судебных решениях нельзя основывать выводы об ответственности лица за последствия его поведения на одной лишь «вероятной» связи этого поведения и данных последствий, а надо основывать такие выводы лишь на том, что при данном уровне науки является достоверным. Достоверным в каждом отдельном случае может быть лишь такое знание, которое основано на всей совокупности фактов, относящихся к данному делу, на понимании значения каждого из этих фактов и их взаимной связи. Для того, чтобы судить о полноте фактического материала по делу и для того, чтобы подвергнуть материал надлежащему анализу, часто нужны специальные познания — инже-

¹ Такое смешение «необходимой» последовательности событий с «типичной» последовательностью их допускает В. Н. Кудрявцев («К вопросу о причинной связи в уголовном праве», «Советское государство и право», 1950, № 1). На самом же деле исключение ответственности за объективно случайные последствия не приводит к безнаказанности особо коварных преступлений, так как в этих случаях наличие хотя и атипичной, но не случайной связи между действиями лица и преступным результатом. Точка зрения, не различающая в вопросах ответственности «необходимой» и «случайной» причинной связи, исходит из механистических воззрений на сущность причинной связи и приводит к том же последствием, что и доктрина *conditio sine qua non*, как это видно из следующего дела, рассмотренного в названной статье В. Кудрявцева (стр. 40): Сидоров района Алексеева; последний умер от заражения крови, произошедшего вследствие небрежности врача, сделавшего укол. В. Кудрявцев признает в этом деле наличие причинной связи как предвосхищающей ответственности. Верховный суд СССР в деле Бонладзе — Григориадзе (см. ниже), которое по фактическому составу аналогично делу Сидорова — Алексеева, отверг такое понимание причинной связи как предвосхищающей ответственности.

нерно-технического, медицинского, учетно-статистического или иного характера. Поэтому в установлении причинной связи между поведением лица и вредоносным результатом очень часто важнейшую роль играет экспертиза.

9. Ярким примером «необходимой» причинной связи (закономерности в чередовании событий), служившей основанием для того, чтобы признать данное действие причиной данного результата, является фактический состав по делу об иске Мироновой к Химзаводу¹. Ответчик содержал склад с горючими материалами (кристаллической серой) на прирельсовой полосе железной дороги. Склад этот загорелся, причем экспертиза установила, что пожар мог произойти лишь от искры проходившего мимо паровоза. Огонь перекинулся на соседний дом и сжег имущество Мироновой. Химзавод в данном случае несомненно причинил гибель имущества Мироновой и несет ответственность по ст. 404 ГК: действие Химзавода (хранение горючих веществ близ железнодорожного полотна) и последовавшие затем события находятся в необходимой причинной связи между собой.

Верховный суд СССР неоднократно указывал судам на необходимость в вопросе о причинной связи исходить в решениях не из того, что представляется лишь «вероятным», а из того, что достоверно².

Прямое указание в этом смысле дано в определении Судебной коллегии Верховного суда СССР по делу Черных («Социалистическая законность», 1948, № 10, стр. 60), в котором прямо указано, что «приговор должен основываться не на вероятности, а на достоверности».

Насколько опасно в вопросах причинной связи основываться на том, что представляется лишь «вероятным» и что не обладает характером достоверности, можно проиллюстрировать еще следующим делом (поучительным не только для криминалиста, но и для цивилиста, так как проблема причинной связи — единая как для гражданского, так и для уголовного права): Геворкян и Барсегян признаны были виновными в том, что ночью, одевшись в белую одежду, они испугали колхозника Ованесяна, и последний «в результате испуга» умер. При вскрытии трупа судебно-медицинским экспертом было установлено, что смерть последо-

¹ «Судебная практика», 1946, вып. VII.

² См. также постановление Пленума Верховного суда СССР от 17 марта 1950 г. по делу Рабинович («Судебная практика Верховного суда СССР», 1950, № 5, стр. 2—3), где указывается, что вывод суда («недостаток товаров — результат расстрата») должен быть основан не на предположениях, а на установлении действительных причин, образовавших недостачу.

вады от туберкулеза бронхальных желез, легких и брюшной полости.

Судебная коллегия Верховного суда СССР, основываясь на этих данных судебно-медицинской экспертизы, заключила («в 1939 г.», что «не установлено никакой связи между действиями осужденных и смертью Ованесяна», и определила решение народного суда в отношении Геворкяна и Барсегяна за отсутствием в их действиях состава преступления отменить и дело производством прекратить¹.

В этом вполне правильном определении обращает на себя внимание то, что Верховный суд разрешил вопрос о причинной связи не на основании того, что могло представиться вероятным, «типичным» (если бы так был поставлен вопрос, то остался бы в силе обвинительный приговор), а на основании достоверных данных, добытых медицинской экспертизой.

В приведенном выше примере ответственность железной дороги по ст. 404 ГК перед пассажиром (который, опасаясь крушения, выпрыгнул на ходу из поезда) будет иметь место лишь, если опасения пассажира имеют серьезные основания, т. е. если крушение в данных условиях можно было ожидать. Ответ на этот вопрос может дать лишь экспертиза.

Эти примеры наглядно иллюстрируют то большое значение, которое в вопросе установления причинной связи имеют показания экспертов — медицинских, инженерно-технических, учетно-статистических или иных, смотря по характеру состава дела.

Другое дело (определение Судебной коллегии Верховного суда СССР 1939 года по делу Карлина — см. Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР за 1938—1939 гг., стр. 104—105) иллюстрирует отрицательное отношение Верховного суда СССР к доктрине *conditio sine qua non* («теория условная»).

Карлин, заметив лежащего на тротуаре улицы и находящегося в состоянии сильного опьянения Башлыкова, подошел к нему, поставил его на ноги, дал ему несколько тумаков с целью отрезвления и затем удалился. Башлыков пошатнулся, пробежал несколько шагов по мостовой и упал. В это время на него наехала автомашина и насмерть его задавила.

Судебная коллегия пришла к заключению, что «ответственность Карлина... могла бы иметь место в том случае, если бы было установлено, что в его поведении были элементы озорства и если бы имелась причинная связь между его действием и ги-

¹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР, 1938/39 г., стр. 105.

белью Башлыкова». «Ни того, ни другого по данному делу не установлено».

Если бы Судебная коллегия исходила в данном деле из доктрины *conditio sine qua non*, то пришлось бы решить, что Карлин своим поведением причинил смерть Башлыкову, а это, несомненно, было бы ошибкой.

Дело *Боцвадзе* (определение Уголовно-судебной коллегии Верховного суда СССР от 13 июля 1949 г. — см. «Судебная практика», 1949, № 11, стр. 42) является также показателем того, как Верховный суд СССР борется за правильное разрешение проблемы причинной связи.

«Боцвадзе признан был виновным в том, что он, увидя, что потерпевший Григолия сел на его лошадь и стал ее гонять, поймал его и ударил. Григолия испугался и бросился бежать. Перепрыгнув через забор, Григолия сломал себе ногу и впоследствии от заражения крови скончался». Народным судом Самтредского района Грузинской ССР Боцвадзе был осужден за неосторожное убийство, и Верховный суд Грузинской ССР оставил в силе этот приговор.

Верховный суд СССР определил приговор суда отменить и дело производством прекратить, так как «смерть Григолия в причинной связи с действиями подсудимого не находится». Это вполне правильное определение является решительным осуждением доктрины *conditio sine qua non*. Если исходить из этой последней доктрины, то решение народного суда следовало бы одобрить.

10. Причинная связь может иметь место не только между действием и следствием, но также между бездействием лица (если лицо по закону обязано было действовать) и следствием. В нашей литературе этот вопрос вызвал споры.

Б. С. Антимонов ссылается на указание Энгельса в «Анти-Дюринге» о том, что причина, которая не действует, не есть вовсе причина, и считает, что наш закон, говоря о причинении бездействием, неисполнением (ст. ст. 117, 121, 122, п. 2 ст. 413 ГК), употребляет лишь вошедшее в повседневный язык сокращенное идиоматическое выражение; на самом же деле речь в этих случаях идет «всегда только о виновном бездействии, т. е. об упущении, а ответственность возлагается в таких случаях не за действие (его ведь нет) и не за его последствия (не за чем следовать), а за события, которые естественно произошли в отсутствие действия (его должен был совершить обязаный, но виновно не совершил)».

Это рассуждение основано на механическом перенесении правильного для понимания закономерности природы положения на изучение общественных явлений. «Бездействие в общественных отношениях при определенных условиях не есть ничто, а есть

определенное поведение, есть нечто. В обществе при наличии разделения труда бездействие лица может вызвать определенное изменение во внешнем мире. При разделении труда в работе заводского конвейера он может прекратить работу не только тогда, когда его повредили путем активных действий, но и тогда, когда кто-нибудь из работающих не совершает во время той производственной операции, которая ему поручена¹.

Следует согласиться в этом вопросе с аргументацией проф. Пионтковского, но она не является достаточной.

Прежде всего надо заметить, что при том разделении труда, которое является характерным для современной техники производства, всегда очень трудно (а иногда невозможно) разграничить поступки, являющиеся бездействием, и поступки, являющиеся положительным действием. Инженер поверхностно осматривает машину прежде, чем она была пущена в эксплуатацию — произошла авария. Является ли поведение инженера упущением (бездействием) или положительным вредоносным действием? Этот вопрос возникает, если обходчик небрежно осмотрит железнодорожные пути или когда кассир банка допустит просчет при приеме денежных знаков и вообще во всех случаях халатного отношения к работе на предприятии или в учреждении. В сущности говоря, в каждом из этих случаев налицо сложный состав поведения, в котором упущения сочетаются с вредоносными положительными действиями; в большинстве случаев невозможно даже отделить один элемент от другого и определить, какой из них обусловил данный результат.

Если отрицать вообще каузальность всякого бездействия, то нельзя объяснить такого явления, как ответственность по ст. 404 ГК за последствия невиновного бездействия лица, эксплуатирующего источник повышенной опасности. Ст. 404 ГК, устанавливающая ответственность за виновное причинение (действием или бездействием), является наглядным опровержением утверждения, что закон устанавливает ответственность всегда лишь только за виновное бездействие (и что, отвечая за бездействие, лицо, якобы, отвечает всегда лишь за вину, а не за причинение).

Далее: если отрицать каузальность бездействия, то пришлось бы признать, что все случаи ответственности за убытки, вызванные неисполнением или просрочкой, должны рассматриваться не по изначальной причинной связи, а по каким-то иным основаниям; пришлось бы признать, что речь в этих случаях идет не об установлении действительной причинной связи между бездействием должника (выразившемся в неисполнении и просрочке) и вредом, возникшим для кредитора, а лишь о предположениях, лишенных

¹ А. А. Пионтковский, Проблемы причинной связи в праве, Ученые записки ВЮИИ и ВЮА, 1949, стр. 89.

достоверности. Другими словами, возмещение убытков в этих случаях нельзя было бы основывать на достоверных данных, а лишь на гаданиях о возможном ходе событий. Лишь в случае плохого по качеству исполнения (положительного действия) можно было бы говорить о причиненных убытках. Наша практика опровергает эти выводы: в случаях неисполнения обязательств мы устанавливаем размер действительно причиненных убытков и встречаемся при этом обычно с гораздо меньшими трудностями, нежели в случаях, когда речь идет о последствиях плохого по качеству исполнения.

Если взять пример из области гражданского деликта (случай с конвейером), то трудно понять, почему действие, вызвавшее повреждение механизма и перерывы в его работе, может рассматриваться как причина аварии, а невключение того же механизма в работу в назначенные сроки, за которым последовали все те же результаты, не может рассматриваться как причина таких же последствий.

Говорят, что признание каузальности бездействия недопустимо уже потому, что всякое вообще событие обусловлено отсутствием множества фактов (возможных действий) так, что если бы один из этих фактов (действий) наступил, то данное событие (вред) не имело бы места. Отсюда выводят, что признание каузальности бездействия означало бы, что вообще все лица, не воспрепятствовавшие наступлению данного результата, должны рассматриваться как причинители этого результата. Такое отношение ad absurdum теории причинения бездействием имеет своей предпосылкой отрицание качественных различий в бездействии лица. Когда мы говорим о каузальности бездействия, то мы имеем в виду только случаи противоправного бездействия, т. е. лишь те случаи, когда закон предписывает данному лицу совершить определенное действие. Обязывая лицо к действию при известных условиях, советский закон тем самым способствует созданию определенного фактического положения вещей: действие лица, предписанное законом, становится необходимым звеном в существующих общественных отношениях; оно в этом смысле приобретает характер закономерного общественного явления, и этот результат является одним из случаев воздействия нашего государства на общественные отношения при помощи советского закона (обратное влияние надстройки на основание). «Выключая свою деятельность из этой закономерности, лицо становится активным, существенным условием наступления вреда» (см. Т. В. Церетели, Причинная связь в уголовном праве. Автореферат докторской диссертации. Институт Права Академии наук СССР, 1949, стр. 14).

В нашей судебной практике как по гражданским, так и по уголовным делам никогда не возникало сомнений в том, что без-

действии, когда оно, например, является служебным упущением, должно рассматриваться как причина вредоносного результата в том же смысле, как и вредоносное положительное действие.

В двух постановлениях Пленума Верховного суда СССР 1939 года (Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР за 1938—1939 гг., стр. 19—20) подается, что «по делам о крушениях необходимо тщательно исследовать причины крушения и выяснить, имелась ли причинная связь между действием или бездействием обвиняемого и фактом крушения». В деле Галовенко ставился вопрос о том, произошло ли крушение вследствие бездействия обвиняемого, обязанного садить за исправным состоянием железнодорожной стрелки, или от того, что посторонний предмет попал под вагоны. В деле Мирошниченко и Недбайло Верховный суд СССР поставил вопрос о том, лопнули ли рельсы из-за недоброкачественности металла или вследствие неисправного состояния пути, вызванного бездействием обвиняемых.

Из гражданских дел примером может служить определение Судебной коллегии Верховного суда СССР по иску Исакадзе к Боржомской городской аптеке о возмещении убытков, причиненных неправильной выдачей ему лекарства для лечения коров, в результате чего коровы погибли. Судебная коллегия установила, что лекарство (мазь) было приобретено для лечения коров от паразитов и что после применения лекарства коровы, очевидно, съели его и погибли вследствие отравления. Судебная коллегия отменила решение народного суда г. Боржоми, постановившего возместить с Боржомской городской аптеки в пользу Исакадзе 2500 руб., и определила передать дело на новое рассмотрение в Верховный суд Грузинской ССР с тем, чтобы было установлено «было ли дано Исакадзе со стороны работников аптеки наставление о способе употребления этого лекарства»¹.

В этом деле ставится вопрос о бездействии лиц (служащих аптеки) и о том, можно ли констатировать причинную связь между этим бездействием и данным вредом².

¹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР за 1940 год, стр. 225.

² Можно было бы упомянуть примеры того, когда ставится вопрос о том, является ли бездействие лица причиной данного вредоносного результата; см. определение Судебной коллегии Верховного суда СССР по делу Иванова (Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР за 1938—1939 гг., стр. 105), по делу Гегучадзе (там же, стр. 156), по делу Израидзе (Сборник, 1944, стр. 138), по делу Сафурова (там же, стр. 109), по делу Акишва («Судебная практика», 1949, № 2, стр. 31), по делу Березиной (там же, стр. 32) и постановления Пленума Верховного суда СССР от 31 декабря 1948 г. по делу Южакина (там же, стр. 13—14).

11. До сих пор мы рассматривали случаи, когда ставился вопрос о том, является ли определенное поведение данного лица причиной данного следствия. Но причиной данного следствия может быть поведение не одного, а нескольких лиц (сопричастителей).

Здесь относятся: 1) случаи причинения данного вреда несколькими правонарушителями (действовавшими совместно — согласованно или порознь, несогласованно); в этих случаях наступает ответственность долевая или солидарная;

2) случаи неисполнения или ненадлежащего исполнения договорного обязательства несколькими содолжниками;

3) случаи, когда данный результат вызван не только неправильным поведением ответчика по деликтному иску, но и присоединившимся к этому поведением самого потерпевшего (истца); это случай так называемой «вины потерпевшего» (или «смешанной вины» или так называемой «смешанной ответственности»);

4) случаи, когда убыток вследствие неисполнения или надлежащего исполнения договорного обязательства вызван поведением не одного только должника, но и поведением кредитора (здесь относятся, главным образом, случаи так называемой «пропорции кредитора»).

12. Учения о причинной связи, развитые в юриспруденции капиталистических стран, являются проявлением классовой ограниченности и классовой предвзятости буржуазных философов и юристов. В них, с одной стороны, отражается свойственное идеалистической философии неверие в способность человека познать мир, как он есть, с другой стороны, — стремление при отправлении «правосудия» избегать достоверности и руководствоваться тем, что судье субъективно представляется вероятным. В результате этого буржуазные юристы выдвигают совершенно произвольные (ложные с научной точки зрения) критерии причинности и превращают понятие причинной связи в одно из ключевых понятий буржуазной юриспруденции, до крайности расширяющего сферу судейского усмотрения. Этим усмотрением судья широко пользуется на службе монополистического капитала.

Во французском праве до сих пор господствует принцип, выраженный в ст. 1151 Французского гражданского кодекса, согласно которому «...убытки должны включать в себя, в отношении потеря, понесенной кредитором, и выгод, которых он лишился, лишь тот результат, который является непосредственным и прямым следствием невыполнения соглашения». Это примитивное представление, согласно которому причиной является лишь та сила, которая оказывает свое действие непосредственно (латинский *corpore corpori datum* римского права), широко используется

в странах, где действуют гражданские законы, списанные с французского образца (в Италии, Испании, Голландии, большинство стран Латинской Америки и др.). В англо-американском праве в вопросах причинности также пользуется успехом принцип, согласно которому должник и дебиент не отвечают за убытки «слишком отдаленные».

Подобные ограничения причинной связи, носящие совершенно произвольный характер, «обосновываются» тем, что юриспруденция не может, якобы, использовать для своих целей общесоциальные понятия причинности, и должны выработать для этого специальные критерии. Практическая же цель этих теорий, как показывает буржуазная судебная практика, заключается в том, чтобы ограничить ответственность крупных предприятий за тот вред, который причиняют окружающим находящимся в их эксплуатации источники повышенной опасности. Таким образом, архаическая доктрина о причинении, заимствованная из римского права, используется для нужд современных капиталистических монополий.

В практике германского Рейхсгерихта с конца XIX в. и вплоть до окончания второй мировой войны применялся другой способ, посредством которого выводы по вопросам причинной связи приобщались к интересам монополистических организаций: ряд буржуазных цивилистов в Германии и Австрии развил для этой цели теорию так называемого «адекватного причинения». Сущность одного из ее вариантов, пользующегося ныне успехом также и в юриспруденции США, заключается в том, что лицо считается причинившим лишь тот результат, который может учесть «разумный человек», или лишь тот результат, который можно учесть или предвидеть с точки зрения «нормального» жизненного опыта. Практически эта «теория» вводит в вопрос о причинной связи также совершенно произвольные, субъективистские критерии. «Философским обоснованием» теории «адекватного причинения» являются идеалистические учения Юма и Дж. Ст. Милля, согласно которым причинность не есть, якобы, реально существующая в мире категория, а лишь привычка человеческого сознания.

На деле такие субъективистские критерии подменяют вопрос о причинной связи вопросом о вине и создают полный произвол в разрешении этого последнего вопроса. Вопрос же о реально существующей причинной связи явлений таким способом вовсе выключается за борт.

На базе таких произвольных критериев в судебной практике буржуазных стран часто разрешался вопрос о тех убытках, которые являются результатом просрочки платежа по денежным обязательствам. В условиях валютного хаоса, который наступил

в капиталистическом мире после первой мировой войны и который там — лишь с кратковременными перерывами — продолжается до настоящего времени, — часто возникал вопрос, отвечает ли должник, просрочивший уплату денег, за убытки, понесенные для кредитора вследствие того, что валюта долга за время от наступления срока долга до дня фактического платежа обесценилась. Суды Англии, США и других капиталистических стран старались по возможности ограничить ответственность должников за последствия просрочки платежа в условиях падающей валюты и проводить в жизнь ту точку зрения, что даже в этих условиях просрочка должника влечет за собой лишь обязанность уплаты процентов, но не возмещение других убытков; убытки же от обесценения валюты долга находятся «за пределами причинения», являются «слишком отдаленными», «непредвиденными» и т. п.¹

Подобные решения вопроса о причинной связи диктовались интересами монополистических организаций, использующих в значительной мере не собственные, а заемные средства, полученные в порядке выпуска этими монополистами всевозможных ценных бумаг на миллиардные суммы.

Наряду с этим стремлением в гражданских делах «ограничивать причинную связь», те же суды в уголовных делах склонны широко использовать порочную «доктрину условия» (*conditio sine qua non*), так как последняя дает возможность до бесконечности расширять уголовную ответственность лиц, покушающихся на неприкосновенность частной собственности.

§ 47. Вина как одна из предпосылок ответственности за неисполнение обязательства и за причинение вреда

1. Одной из существенных предпосылок ответственности по договорным и внедоговорным обязательствам является вина лица, не исполнившего своего обязательства, или вина причинителя вреда.

Вина предполагает определенное отношение человека к его собственному противоправному поведению (действию или бездействию). О вине с точки зрения права нет речи, когда самый поступок — действие или бездействие — не является противоправным; когда данное поведение лица дозволено законом, оно не может быть виновным.

Отношение лица к его собственному противоправному поведению определяется как интеллектуальным моментом (предвиде-

¹ См. Л. А. Луиц, Денежные обязательства в гражданском и коллизионном праве капиталистических стран, 1948, стр. 62 и сл.

нием, пониманием реально-возможных последствий данного поступка), так в волевом моменте (желанием или нежеланием этих последствий или безразличным отношением к этим последствиям)¹.

Тот, кто предвидит реально возможные последствия своего поведения и желает этих последствий, действует с прямым умыслом; тот, кто предвидит эти последствия и относится к ним безразлично, действует с косвенным, или *звеньевым* умыслом.

Тот, кто предвидит реально возможные последствия своего поведения, не желает этих последствий и легкомысленно (т. е. без достаточных оснований) рассчитывает их предотвратить, действует неосторожно в форме самонадеянности.

Тот, кто не предвидит последствий своего поведения, но по обстоятельствам дела должен был их предвидеть, действует неосторожно — в форме небрежности, неосмотрительности и т. п.

Тот, кто не предвидит последствий своего поведения и по обстоятельствам дела не должен был их предвидеть, действует без вины; ущерб, причиненный им, называется «случайным», а виновное поведение лица, причинившего ущерб, называется «случаем» (*casus*). Во избежание недоразумений следует строго различать понятие случая в изложенном здесь смысле от понятия «случая» в философии (в учении о причинной связи — см. выше, стр. 308).

Виной в гражданском праве, следовательно, мы можем называть умысел или неосторожность лица, поступившего противоправно и причинившего своим поступком вред другому лицу. Под поступком мы здесь разумеем как положительное действие, так и бездействие (упущение). Таково первоначальное определение понятия вины, которое в дальнейшем подлежит уточнению и детализации.

2. В виде общего правила можно сказать, что лицо несет ответственность за свое противоправное поведение, причинившее другому лицу вред, лишь если такое причинение можно отнести к нему в вину, т. е. если причинитель действовал умышленно (с прямым или косвенным умыслом) или неосторожно (т. е. самонадеянно или небрежно). Принцип ответственности за вину является исходным началом как для так называемой «договорной ответственности» (т. е. ответственности за неисполнение обязательств, вытекающих из договоров или из административных актов), так

¹ Однако содержание понятия вины не исчерпывается указанными здесь юридическими моментами, как это видно будет из последующего изложения.

и для так называемой «внедоговорной ответственности» (т. е. ответственности по обязательствам из причинения другому вреда)¹.

Начало ответственности за вину выражено в ст. 118 ГК РСФСР в виде общего начала для всех обязательств и в ст. 403 применительно к обязательствам из причинения вреда. Начало это нашло также выражение в Гражданском кодексе: ст. 119 об ответственности за «чужую» вину; ст. 151 об ответственности стороны, грубой небрежностью которой вызвано заблуждение другой стороны при заключении договора; ст. ст. 120 и 121 о просрочке должника и кредитора (понятие «просрочка» включает в себя — в качестве одного из признаков — момент вины); ст. 196 о последствиях умышленного сокрытия продавцом недостатков проданной вещи; ст. 233 о том, что в случае подряда риск гибели материалов до сдачи работы сторона, не доставившая этот материал, несет лишь, если гибель произошла вследствие ее умысла или упушения; ст. 253 об ответственности поверенного за убытки доверителя, причиненные по вине поверенного; ст. 393 об освобождении страховщика от ответственности за страховую случай, происшедший вследствие умысла и грубой небрежности страхователя или выгодоприобретателя, а также во многих других законах, касающихся отдельных видов обязательств (см., например, ст. ст. 156—160 Кодекса торгового мореплавання о столкновении судов на море и др.).

Но основное (общее) значение в вопросе о вине по обязательствам имеют ст. ст. 118 и 403 ГК РСФСР и соответствующие статьи гражданских кодексов других союзных республик.

Согласно ст. 118, «должник, поскольку иное не установлено законом или договором, освобождается от ответственности за неисполнение, если докажет, что невозможность исполнения обусловлена обстоятельством, которого он не мог предотвратить».

Из этой статьи надо заключить, что должник является виновным, если, несмотря на возможность исполнения, он не исполняет своего обязательства; что он является виновным, если он умышленно или неосторожно сам создал невозможность исполнения обязательства, или иначе говоря, если он мог предотвратить невозможность исполнения, но не сделал того, что для этого было необходимо. Но должник не является виновным, если невозможность исполнения обусловлена обстоятельством, которого он не мог предотвратить».

Если исполнения не последовало, то всегда действует презумпция (законное предположение), что наличие вины должника. Но ст. 118 ГК предоставляет должнику право опровергнуть эту

¹ Внедоговорная ответственность иногда именуется «гражданской ответственностью» (когда хотят противопоставить ее уголовной ответственности за причинение другому вреда).

предупреждая, доказать свою невиновность путем представления соответствующих доказательств. Какие факты при этом должны быть доказаны, зависит в значительной мере от той меры услады, какую должник в данном случае должен был применить. Эта мера услады определяется «масштабом заботливости», о котором речь будет идти ниже.

К аналогичным выводам приводит также анализ ст. 403 ГК, смысл которой «причинивший вред личности или имуществу другого обязан возместить причиненный вред. Он освобождается от этой обязанности, если докажет, что он не мог предотвратить вреда...». Здесь принцип ответственности лишь за виновное причинение ущерба выражен так же, как в ст. 118 ГК, не в положительной, а в отрицательной форме: указывается на то, что причинитель не отвечает, если он не мог предотвратить вреда, т. е. если он не виноват. Так же, как в ст. 118, при наличии причинной связи между ущербом и поведением лица действует презумпция вины причинителя; на последнего возлагается бремя доказывания его (причинителя) невиновности, бремя доказывания того, что им (причинителем) применена та мера заботливости или услады, которую в данном случае надлежало применить.

Таким образом, в случае спора об ответственности за неисполнение обязательства или об ответственности по обязательству из причинения вреда истец (кредитор) должен доказать, что противоправное поведение ответчика (неисполнение обязательства, недозволенное действие) причинило ему (кредитору) ущерб; он должен также установить размер убытков. Но истец не должен доказывать виновности ответчика (должника). Ответчик несет бремя доказывания своей невиновности. Однако при таком распределении бремени доказывания между сторонами советский суд (арбитраж), стремясь к выяснению материальной истины, обязан содействовать обмен сторонам в установлении всех существенных по делу фактов — в частности, суд должен содействовать также должнику в установлении его невиновности, если для этого будут основания и если в таком содействии окажется необходимость (ст. ст. 5 и 118 ГПК РСФСР).

3. В настоящее время принцип вины, как основное, исходное начало ответственности по обязательствам, утвердился в советской науке гражданского права и в судебной практике¹.

¹ Начало вины получило разработку в работах М. М. Агаркова «Вина в интересах и обязательствах из причинения вреда» — «Советское государство и право», 1940, № 3; его же — стр. 322—326 в учебнике гражданского права для юридических вузов, 1944, т. I; его же — «К вопросу о договорной ответственности» в сборнике Института Права Академии наук СССР «Вопросы гражданского права», 1945; Х. Н. Шварц, Значение вины в обязательствах из причинения вреда, 1939; Л. А. Луцка «Договорная ответственность» в сборнике «Советское право в эпоху Отечественной войны», 1945.

Распределение бремени доказывания вытекает из того, что в случае причинения убытков неисполнением договора или правонарушением речь идет о поведении ответчика (должника) и для последнего представление доказательств, касающихся его собственного поведения, обычно представляется делом, гораздо более легким, чем для истца.

Однако в течение ряда лет принцип этот неосновательно оспаривался.

Некоторые из наших юристов считали даже само собой разумеющимся, что для ответственности лица всегда достаточно причинной связи между действием и ущербом и противопоставляли, якобы, социалистический принцип причинения, якобы, буржуазному началу вины.

Эти противопоставления советского права буржуазному являлись неправильными и исходят из ложных предпосылок. Самые понятия вины и причинения здесь ошибочно мыслятся как некие неизменные концепции. На самом же деле то, что составляет содержание понятия виновного поведения лица в советском праве, не совпадает и не может совпадать с концепцией вины в буржуазном праве, ибо содержание понятия вины определяется в конечном счете производственными отношениями (см. ниже, стр. 330). Мы видели также, что причинная связь (причинение) понимается совершенно по-разному в буржуазной юридической практике, с одной стороны, и в советской практике, с другой (см. выше, § 46).

С изменением производственных отношений изменяется не только содержание понятий вины и причинения в соответствующих правовых системах, но изменяется и соотношение — сфера действия этих принципов. В законах XII таблиц древнего Рима, в «Русской правде», в памятниках раннего феодализма господствует принцип ответственности за причинение, но при этом примитивное понимание отождествляло вину с причинением.

Развитие товарно-денежного хозяйства, договорных отношений между товарладельцами приводит к различению случаев, когда неисполнение обязательства зависит и когда оно не зависит от должника.

В соответствии с этим концепция вины и причинения различаются, и вина, как одно из условий ответственности за ущерб завоевывает все большее и большее признание. Во Французском гражданском кодексе 1804 года и других буржуазных кодексах периода промышленного капитализма ответственность за виновное причинение ущерба (в том смысле, как понятие вины определяется в буржуазном праве) становится доминирующим началом.

С развитием техники в промышленности и на транспорте увеличивается число случаев, когда для потерпевшего почти невозможно доказать вину причинителя ущерба. Борьба рабочего класса вынуждает иногда буржуазного законодателя идти на отчаянные уступки и допускать в некоторой мере ответственность предпринимателя за увечье, причиненное рабочему или другому лицу вследствие использования на производстве или транспорте всякого рода механизмов, хотя бы в конкретном случае вина деловикента не была установлена. Таким путем в буржуазном законе с конца XIX в. расширяется сфера ответственности за «голое причинение». Однако буржуазные суды, используя свои расплывчатые и неопределенные доктрины о причинной связи, сводят в своей практике на нет эти уступки, вырванные у буржуазии рабочим классом. Вместе с тем буржуазные юристы периода империализма, исполнив социальный заказ своих хозяев — монополистического капитала, начинают говорить об отмирании принципа ответственности за вину и о замене его более «социальным», т. е. якобы служащим интересам всего общества принципом причинения (Дюги во Франции, Аллен в Англии и др.). Эти лживая демагогия имеет целью маскировать эксплуататорский характер буржуазного права.

Из сказанного видно, что как понятие «вины», так и понятие «причинения» в различных общественных формациях получают совершенно различное содержание. Принцип «вины» и принцип «причинения» в советском праве по своему содержанию не имеют ничего общего с одноименными началами в гражданском праве эксплуататорских формаций.

Приведенное выше возражение против принципа вины, как исходного начала ответственности по обязательствам, иногда основывалось на неправильном, ненаучном представлении о свободе человеческой воли. Сторонники принципа причинения ошибочно полагали, что ответственность за вину не мирится с началами детерминизма (с тем, что человеческая воля обусловлена внешними социально-экономическими причинами); вина превращается в ничто, если предпосылкой ее не является свобода воли; признать же свободу воли, значит, якобы власть в индетерминизм (т. е. в отрицание причинной обусловленности воли человека и его поступков). Это рассуждение основано на чисто механистическом представлении о причинной обусловленности человеческой воли. Такой вульгарный детерминизм не имеет ничего общего с научным детерминизмом.

Советская наука гражданского и уголовного права строит свою концепцию о вине на подлинно научном понимании о причинной обусловленности и свободе человеческой воли, нашедшем свое выражение в трудах классиков марксизма.

Энгельс в «Анти-Дюринге» писал: «Свобода заключается не в воображаемой независимости от законов природы, а в познании этих законов и в возможности поэтому планомерно пользоваться ими для определения целей. Это верно как о законах природы, так и о тех, которые регулируют физическую и духовную жизнь самого человека, — о двух классах законов, которые мы можем отделять друг от друга разве только в идее, но не в действительности. Поэтому свобода воли означает не что иное, как способность принимать решения со знанием дела. Следовательно, чем свободнее суждение какого-нибудь человека по отношению к известной проблеме, с тем большей необходимостью будет определено содержание этого суждения; а, наоборот, вытекающая из незнания неуверенность, которая выбирает якобы произвольно между многими различными и противоположными решениями, этим именно доказывает свою несвободу, свою подчиненность объекту действительности, который она должна была бы как раз подчинить себе. Следовательно, свобода состоит в господстве над самим собой и над внешней природой, основанном на познании естественной необходимости; значит, она является необходимым продуктом исторического развития. Первые, вышедшие из животного царства, люди были во всем существовавшим так же несвободны, как сами животные; но каждый шаг вперед на пути культуры был шагом к свободе»¹.

Представление вульгарного детерминизма о том, что признать влияние внешней среды на волю человека, значит отрицать свободу воли — такое представление приводит к фатализму, к мысли о тщетности всех усилий человеческой воли. На самом же деле «детерминизм не только не предполагает фатализма, а, напротив, именно и дает почву разумного действия»².

Для марксистско-ленинско-сталинской науки об обществе характерной чертой является подчеркивание действительной роли человека в историческом процессе. Ленин указал, что «... историческая вся складывается именно из действий личностей, представляющих из себя несомненно деятелей»³.

Таким образом, отношение между свободой человека и необходимостью в природе находит свое научное объяснение только в философии диалектического материализма: свобода понимается здесь как осознанная человеком необходимость, как способность человека действовать со знанием дела.

Отсюда ясно, что подлинная свобода человеческой воли возможна только в стране социализма, где уничтожена эксплуата-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 114.

² Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 1, стр. 100.

³ Там же, стр. 142.

ния человека человеком и где хозяйственная жизнь зависит не от случайных действий случайных факторов, а направляется планомерно на основании научно осознанной причинной обусловленности явлений. Вот почему человеческая воля в наших социальных условиях приобретает такое значение в общественной жизни, какого она ранее никогда не имела и иметь не могла. Товарищ Сталин учит: «Реальность нашей программы — это живые люди, это мы с вами, наша воля к труду, наша готовность работать по-новому, наша решимость выполнить план»¹.

Отрицание принципа намы в нашем праве, основанное на рассуждениях о несовместимости, якобы, этого принципа с началом причинной обусловленности человеческой воли, не только ложно теоретически, но и весьма вредно практически. Ибо эти рассуждения приводят к полному отрицанию роли советского права, как волевого средства регулирования наших общественных отношений, как одного из факторов социалистического строительства.

Только при марксистско-ленинско-сталинском понимании свободы всею можно говорить о воспитательной функции советского права, советского суда.

Белые строители Советского государства Ленин и Сталин, выдвигая те или иные задачи социалистического строительства, всегда указывали на персональную ответственность тех, кто срывает своей бездеятельностью или плохой работой осуществление намеченных мероприятий, всегда подчеркивали ответственность виновных.

Ленин говорил: «Обязательно найдите виновных...»².

Товарищ Сталин в случае обнаруженных срывов в работе ставил вопрос так: «Кто виноват в этом?»³.

4. Из двух указанных выше форм вины — умысла и неосторожности — в гражданском праве практически более важное значение имеет последняя: в огромном большинстве случаев договорной или внедоговорной ответственности ставится вопрос не об умышленном неисполнении договорного обязательства или причинении другому вреда, а о том, что должник (причинитель вреда) хотя и не предвидел вредоносного результата, но должен был его предвидеть, или о том, что он хотя и стремился выполнить свое обязательство и предотвратить данный вредоносный результат, но не применил для этого той меры заботливости или усилий, которую можно было от него требовать в данных конкретных условиях.

Возникает вопрос: как определить ту меру осмотрительности, заботливости, усилий, которую должен был в данных условиях применить должник? Как определить, должен ли был должник в данных условиях предвидеть возможность наступления данного вредоносного результата?

Очевидно, что для ответа на эти вопросы необходимо в каждом конкретном случае сравнить то поведение должника, которое в действительности имело место, с тем, как бы в аналогичных обстоятельствах поступил человек, которого мы берем за образец: этот образец и есть объективный масштаб для оценки поведения данного должника.

В нашей юридической литературе неоднократно указывалось (см., в частности, высказывания М. М. Агаркова в учебнике гражданского права для юридических вузов, 1938, т. II, стр. 59), что установление наличия или отсутствия неосторожности со стороны должника, не исполненного своего обязательства, требует «конкретного выяснения возможности исполнения для каждого отдельного должника». «В каждом отдельном случае выясняются конкретные возможности должника выполнить свои обязательства в данных конкретных условиях».

Конечно, изучение конкретных обстоятельств необходимо; но можно ли ограничиться только этими критериями?

Такой подход к разрешению вопроса о неосторожности должника означал бы, что должник, доказавший, что он тщетно исчерпал все лично у него имевшиеся возможности, освобождается от ответственности по внедоговорному обязательству. Точка зрения М. М. Агаркова (в учебнике гражданского права, 1938)⁴ сводится к отрицанию объективного масштаба для определения того, действовал ли должник виновно (неосторожно) или невиновно (с надлежащей осмотрительностью); получается, что вне индивидуальных особенностей и возможностей данного конкретного человека нет никакого мерила для оценки поведения должника (причинителя ущерба). Практически это означало бы, что в отдельном случае следует допускать скидки на личную неумелость, неполноценность, неспособность должника.

С таким решением вопроса согласиться нельзя. Для того, чтобы освободиться от ответственности за ущерб, причиненный советской государственной или общественной организацией или гражданину, для того, чтобы можно было признать наличие

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 456.

² Ленин, Соч., т. XXIX, стр. 401.

³ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 441.

⁴ В учебнике гражданского права (1944, т. I, стр. 320) и в своей работе «К вопросу о договорной ответственности» (Сборник «Вопросы советского гражданского права», 1945, стр. 331) М. М. Агарков изложил свою первоначальную точку зрения и говорит о значении объективного масштаба ответственности.

«случаю, т. е. невинного причинения ущерба, — недостаточно, если причинитель ущерба докажет, что он действовал в меру своих личных способностей и знания дела. Критерием оценки поведения должника является объективная мера заботливости, которую в данных конкретных условиях должен применить советский человек работник советского хозяйственного предприятия».

Наш социалистический гражданский оборот не может обойтись без своего объективного масштаба оценки поведения лица, на которое по закону или договору возложены определенные гражданско-правовые обязательства в интересах социалистической и личной собственности. Применение такого масштаба является одним из условий укрепления договорной дисциплины между социалистическими организациями и вообще одним из необходимых средств для определения ответственности договорной (по ст. 118 ГК) и внедоговорной (по ст. 403 ГК).

Это с особенной наглядностью можно проиллюстрировать многочисленными решениями государственного и ведомственного арбитража и решениями судов за период 1941—1945 гг. Строгие требования к советским хозяйственным организациям, вытекавшие из задач военного времени, приводили к тому, что такие затруднения, как перерыв подачи электроэнергии на завод или недостаток рабочей силы, гужевого транспорта и т. п. не могли служить основанием для освобождения поставщика или подрядчика от ответственности за просрочку, ибо в условиях войны всякий советский хозяйственник обязан был своевременно озаботиться такой организацией своего производства, чтобы заранее была учтена возможность таких затруднений.

Например, в мае 1941 года колхоз «Октябрь» (Башкирской АССР) заключил с артелью «ЭШЧЭ» договор на заготовку колхозом для артели 12 тонн мочалы к сентябрю 1941 года. Колхоз не выполнил поставки и сослался на обстоятельства военного времени — на мобилизацию значительного числа колхозников, вследствие чего не осталось достаточной рабочей силы для выполнения договора. Колхоз указал также на то, что договор заключен в условиях мирного времени, а выполнять его пришлось в военное время, при изменившихся условиях. Заказчик (артель) осла-

¹ За объективный критерий при оценке поведения должника (причинителя ущерба) высказываются в Д. М. Гейкин: «Неосторожность, небрежность — это отрицательные стороны положительного требования проявления необходимой заботливости, соответствующего внимания. При определении этой заботливости и внимания суд должен исходить из тех требований, которые мы лучше предъявлять гражданину социалистического государства» (Д. М. Гейкин, В. Н. Серебровский и Г. К. Москвитин, Судебная практика по гражданским делам в период войны, 1943, стр. 4).

ривал доводы колхоза и указал, что невыполнение колхозом поставки срывает план выработки артелью изделий из мочалы для военного ведомства. Верховный суд Башкирской АССР оставил в силе решение народного суда, обязавшего колхоз выполнить поставку и выплатить пени и неустойку¹.

Другой пример. В августе 1941 года дирекция Казанского горпищеторга заключила с Татарской республиканской конторой Госбанка договор об инкассации денежной выручки по своей торговой сети в г. Казани, оговорила штраф в определенной сумме за каждую неявку инкассатора в торговую точку за получением денежной выручки. Инкассаторы Госбанка не явились за выручкой в течение отчетного периода 213 раз, вследствие чего Горпищеторг предъявил иск к конторе Госбанка об уплате штрафа. Госбанк сослался на обстоятельства военного времени — на мобилизацию для армии четырех автомашин, трех лошадей. Верховный суд Татарской республики, однако, удовлетворил требование истца, а последующими инстанциями жалобы ответчиков на решение Верховного суда Татарской республики были оставлены без последствий².

В приведенных случаях суд не мог бы прийти к тем правильным решениям, которые он вынес, если бы он исходил из субъективного критерия, из возможностей данного конкретного должника. Только руководствуясь тем критерием, что в условиях войны должник обязан был своевременно озаботиться, чтобы затруднения с рабочей силой, гужевым транспортом и т. п. не препятствовали выполнению его договора, только исходя из этого объективного критерия суд мог прийти к своим, изложенным выше, решениям.

Тот же принцип строгой ответственности применяется советским судом и в отношениях между гражданами.

Народный суд г. Тулы отказал в иске Калинин, предъявившему требование к промысловой артели о возврате часов, сланных в починку, по тем мотивам, что артель пострадала во время обстрела Тулы гитлеровцами в декабре 1941 года; по мнению народного суда, артель ввиду бедствия ответственности не несет. Решение это было отменено Судебной коллегией Верховного суда СССР 10 декабря 1942 г., причем было указано, что «сохранить вверенное ей имущество от гибели и пропажи во время обстрела артель могла и была обязана». Судебная коллегия дает констатировать неприятно артелью мер, которые обеспечивая бы

¹ «Социалистическая законность», 1942, № 3—4.

² См. П. Е. Орловский, Практика Верховного суда СССР по гражданским делам в условиях Отечественной войны, 1944, стр. 22—24.

в соответствии со ст. 222 ГК полную сохранность вверенного ей имущества (охрана мастерской, хранение ценностей в кладовой и т. д.). Поведение данной артели сравнивается с тем поведением, которого можно требовать от подрядчика в данных конкретных условиях, и в результате делается заключение, что поведение этой артели было ненадлежащим: артель не приняла должной меры заботливости и несет ответственность за гибель вверенных ей часов.

5. Те из советских авторов, которые возражают против применения объективного масштаба ответственности, приводят при этом следующее противопоставление советского и буржуазного права: в советском праве господствует принцип конкретной вины и конкретной выяснения возможности исполнения для каждого отдельного должника в противоположность буржуазному праву, которое определяет меру должной заботливости по средней мерке путем применения критерия «среднего человека» (М. М. Агарков в учебнике гражданского права, 1938 г., т. II, стр. 59). С таким противопоставлением нельзя согласиться. Оно исходит из неправильного отождествления объективного масштаба и «средней мерки»; при этом «средняя мерка», «средний человек» берутся здесь как некая неизменная по своему содержанию категория.

На самом же деле понятие среднего или понятие «нормы поведения» постоянно изменяет свое содержание. Не может быть никакого сомнения в том, что критерий нормы поведения определяется в конечном счете производственными отношениями и что содержание этого понятия глубоко разл. но для различных общественных формаций. Мы противопостав. всем тип советского человека типу буржуа, и это противопостав. не базируется на тех глубоких изменениях в сознании людей, которые обусловлены уничтожением в нашей стране частной собственности, заменой ее социалистической собственностью на орудия и средства производства и социалистической системой хозяйства.

Представление о норме поведения людей, присущей нашим социалистическим условиям жизни, конкретизируется в правилах социалистического общежития, соблюдение которых обязательно для всякого советского человека (ст. 130 Сталинской Конституции). Тот, кто в сфере бытовых отношений проявляет меньшую степень заботливости, чем того требуют правила социалистического общежития, отвечает за противоправно причиненный в результате этого ущерб. Но ущерб, хотя и противоправно причиненный, является случайным и по общему правилу не создает ответственности причинителя, если последний применил ту степень осмотрительности, которая требуется правилами социалистического общежития. Такой объективный масштаб постоянно

применяется в нашей судебной практике для определения наличия или отсутствия неосторожности. Например, поведение врача в отношении больного оценивается с точки зрения того, как вообще должен вести себя в данных конкретных обстоятельствах советский врач. Поведение адвоката в отношении клиента также обсуждается с точки зрения того, как в данных условиях поступает советский адвокат. При этом, конечно, не может быть ссылок на неумелость, недостаточную опытность и т. д.

Нет никаких оснований освобождать причинителя от ответственности и возлагать результаты вредоносного действия на потерпевшего на том основании, что причинитель действовал в меру своих личных знаний и сил, которые в данных условиях «не по его вине» оказались недостаточными. Вопрос идет не о личных качествах и возможностях причинителя, а о той мере заботливости и знаний, которые потребны для данного дела в данных условиях и которые надо было приложить.

Некоторые наши юристы (Б. С. Антимонов), возражая против применения объективных оценочных критериев для определения неосторожности, стремятся все же до некоторой степени избежать таких выводов, при которых допускаются скидки на индивидуальную неосведомленность, неопытность и т. п.

Для этого предлагается критерий ответственности за так называемую «предшествующую вину». Если врач, пользуясь больным, допустил ошибку и причинил вред своему пациенту вследствие своей неумелости, то вина его выражается, якобы, только в том, что он взялся за недостаточно знакомое ему дело. Вину здесь относят к моменту, предшествующему тому времени, когда причинен ущерб. Но, спрашивается, по какому признаку следует определить наличие или отсутствие «предшествующей вины»? Если при выяснении этой вины отказаться от объективного критерия, то вопрос останется неразрешенным или будет разрешен произвольно. Критерий «предшествующей вины» не устраняет необходимости в объективном масштабе, не заменяет объективного масштаба.

Наглядным примером необходимости применения объективного масштаба в бытовых отношениях граждан является дело Брейкиной (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР — «Судебная практика», 1949, № 4). Брейкина, уходя вечером из дома, оставила своего двухлетнего ребенка на попечение бабушки. Бабушка, разговаривая с соседями, не обратила внимания на то, что ребенок просил пить. Поздно вечером ребенок вышел из кухни и то время, когда гр-ка Иванова ушла отсюда на несколько минут, так как услышала в комнате крик своего ребенка. Иванова оставила на кухонном

столе стакан раствора каустической соды, приготовленной для стирки белья. Ребенок Брейкиной схватил стакан и выпил содержимое. Брейкина привлечла к ответственности Иванова за неосторожное отравление ее ребенка, и иск был удовлетворен в низших инстанциях; расходы на лечение и на дополнительное питание ребенка были возложены на Иванова. Верховный суд не рассмотрел в данном случае наличия неосторожности в действиях Ивановой. Она не могла предвидеть, что двухлетний ребенок каждый вечер один выйдет на кухню и выпьет стоявший на столе раствор каустика, оставленный без присмотра всего на несколько минут. Суд признал, что налицо случайное причинение ущерба.

Можно сомневаться в правильности данного конечного вывода Верховного суда: едва ли допустимо, хотя бы на несколько минут, в коммунальной кухне оставлять без присмотра стакан с ядовитой жидкостью. Но общий принцип, которым руководствовался Верховный суд, правильный: Верховный суд исходил из того, что от граждан в их бытовых взаимоотношениях можно требовать некоторой «нормальной» меры осмотрительности, за пределами которой причинение ущерба не может быть вменено в вину и является «случайным». Только эта норма в данном определении, по нашему мнению, чрезмерно занижена.

Так, мера усилий, требуемых от должника, если он дееспособен, определяется не его индивидуальными способностями, а некоторым объективным масштабом поведения, который, в свою очередь, диктуется существующими у нас социалистическими общественными отношениями. Объективный характер этого масштаба не дает, однако, оснований отжидать его всегда со «средней мерой». От советского гражданина и советской организации часто требуется нечто большее, нежели «средняя мера усилий».

«Средний масштаб», «средняя мера заботливости» — это критерий, основанный на некотором итоге прошлых привычек, — на том, что было нормой в прошлом; норма прошлого здесь обязывается образом для будущего.

Применение такого критерия не может иметь места там, где требуется «чувство нового». И. В. Сталин формулировал закон необходимости нового в развитии и указал, что в жизни невозможно только то, что возникает и развивается¹. В политическом отчете ЦК XV съезду ВКП(б) товарищ Сталин говорил: «Борьба между старым и новым, между отмирающим и наро-

ждающимся, — вот основа нашего развития»². Понимание этой основы нашего развития должно получить и получает отражение в поведении всякого руководителя социалистической организации. На XVIII съезде партии товарищ Сталин, говоря о свойствах молодых кадров, воспитанных партией большевиков, сказал: «... у них имеется в избытке чувство нового (разраба моя. — Л. Л.), — драгоценное качество каждого большевистского работника...»³.

Стремление поддержать и применить в своей работе все передовое, творческое, неразрывно связано с ломкой старых норм и привычек. Вот почему не может быть принят за образец хозяйственный, привыкший работать по-старому, следовать раз заведенному порядку, придерживаться сложившихся норм и традиций. Такой тип хозяйственника у нас давно отжил свой век. Если подобные люди у нас еще встречаются, то это является лишь одним из буржуазных пережитков в сознании людей, находящихся в прямом противоречии с социалистическими общественными отношениями и с советской социалистической идеологией. Передовому советскому хозяйственнику свойственно стремление поддержать и применить в своей работе все творческое, передовое, а с этим стремлением неразрывно связана готовность идти на ломку старых норм и привычек. В связи с этим товарищ Сталин учит тому, что необходимо обуздать упорствующих консерваторов, которые цепляются за старое, не хотят двигаться вперед и тормозят развитие нового⁴.

С «чувством нового», свойственным передовому советскому человеку, неразрывно связано «умение предвидеть». Партия учит советских людей, которым вверена руководящая политическая хозяйственная работа, заранее предвидеть возможные трудности и препятствия в их работе и своевременно принимать меры к их преодолению. «Чтобы руководить, надо предвидеть»⁵. Исходя из этого, ныне считается уже недопустимым ссылаться, например, на такие «объективные» условия, как на якобы неизбежный спад темпов производства в зимние месяцы. От советского хозяйственника требуется такое умение маневрировать резервами оборотных средств, чтобы полностью можно было избежать сезонного спада в темпах производства (см. передовую статью в «Правде» 6 августа 1949 г.).

Наши предприятия оборудованы самыми первоклассными и новейшими средствами производства. Они обладают отлично обученными рабочими, высококвалифицированными кадрами

¹ Сталин, Соч., т. 10, стр. 331.

² Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 906.

³ См. в «Правде» 9 августа 1949 г. передовую «Чувство нового — драгоценное качество большевика».

⁴ Сталин, Соч., т. 11, стр. 35.

⁵ См. Сталин, Соч., т. 1, стр. 298—299.

специальное. От каждого советского хозяйственника требуется уже с использованием новой техники с тем, чтобы он при этом руководствовался опытом передовых предприятий.

Осуществляя в своей работе указанные требования партии, товарища Сталина, каждый советский работник становится проводником политики партии, слугой Советского государства, т. е. проявляет большевистскую партийность в своей работе.

В статье, озаглавленной «Большевистская партийность в хозяйственной работе», «Правда» 17 августа 1949 г. пишет: «Партия требует, чтобы наши планы ориентировались не на отстающих, не на «средне» работающих, а на передовых, в максимальной мере учитывали внутренние резервы каждой отрасли промышленности, каждого отдельного предприятия. С большевистской партийностью несовместимы попытки взять план «полстепе», скрыть действительные резервы, дать государству меньше того, что можно дать при максимальном напряжении сил, при мобилизации всех возможностей. Советский хозяйственник обязан исходить не из того, что легче и выгоднее «его» предприятия, а из того — и только из того — чего требуют интересы государства. Такой путь связан с дополнительными трудностями, скажем, с перестройкой производства, с освоением новых, доселе не производившихся изделий».

Эти указания органа ЦК и МК ВКП(б) касаются участия советских хозяйственников в составлении планов заданий для последующих им предприятий, но они полностью распространяются и на осуществление уже данных заданий. Плановые задания конкретизируются в виде целой сети договорных обязательств (между поставщиками и покупателями, подрядчиками и заказчиками и т. д.), выражающих взаимные гражданские права и обязанности хозяйственных организаций. Но выполнение этих обязательств не только долг одного хозяйственного органа перед другим. Это — прежде всего долг в отношении Советского государства.

Требование большевистской партийности в работе заключает в себе также указание того критерия — масштаба, при помощи которого должна оцениваться деятельность отдельных предприятий, производственных коллективов и их руководителей, отдельных работников, от которых зависит выполнение обязательств, направленных на осуществление плановых заданий. При этой оценке у нас руководствуются тем же принципом, который лежит в основе социалистического соревнования и о котором товарищ Сталин говорил еще двадцать лет тому назад: «... одни работают плохо, другие хорошо, третьи лучше, — догоняй лучших и добейся общего подъема»¹.

¹ «Правда» 26 июля 1949 г.
* Сталин в Сов. т. 12, стр. 110.

Таким образом, здесь объективный масштаб для определения той предусмотрительности и заботливости, которые обязан применить должник, включает в себя требование развиваться не по «средняку», а по «передовику», не по тем, кто придерживается «средних норм», а по тем, кто осуществляет высшие нормы, кто дает наилучшие результаты производства.

Равняться по передовику, значит принять за образец лучшего; но это не значит, что от всякого рабочего или от всякого предприятия можно требовать того же самого, чего на данный момент достигли самые лучшие работники или самые передовые предприятия в данной области.

Еще в 1935 году на Первом Всесоюзном совещании стахановцев товарищ Сталин, говоря о значении и сущности технических норм в промышленности, сказал: «Но как быть с техническими нормами вообще? Нужны ли они для промышленности или можно обойтись вовсе без всяких норм?»

Одни говорят, что нам не нужно больше никаких технических норм. Это неверно, товарищи. Более того, — это глупо. Без технических норм невозможно плановое хозяйство. Технические нормы нужны, кроме того, для того, чтобы отстающие массы подтягивать к передовым. Технические нормы — это большая регулирующая сила, организующая на производстве широкие массы рабочих вокруг передовых элементов рабочего класса. Следовательно, нам нужны технические нормы, но не те, какие существуют теперь, а более высокие.

Другие говорят, что технические нормы нужны, но их надо довести теперь же до тех достижений, которых добились Стахановы, Бусыгины, Виноградовы и другие. Это тоже неверно. Такие нормы были бы нереальны для настоящего времени, ибо рабочие и работницы, менее подготовленные технически, чем Стахановы и Бусыгины, не смогли бы выполнить таких норм. Нам нужны такие технические нормы, которые проходили бы где-нибудь посредине между нынешними техническими нормами и теми нормами, которых добились Стахановы и Бусыгины»¹.

Это указание товарища Сталина имеет решающее значение для планирования производства. Аналогичные принципы должны быть положены в основу отыскания тех масштабов, тех объективных критериев, при помощи которых производится оценка деятельности хозяйственных и отдельных работников, осуществляющих плановые задания.

Объективный масштаб, при помощи которого определяется надлежащая мера заботливости и усилий должника при испол-

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 302—303.

ности обязательства, носит в советском праве весьма дифференцированный характер. Масштаб изменяется — требования к должнику повышаются — в зависимости от характера деятельности должника, важности его работы для государства. Масштаб этот зависит также от условий места и времени исполнения обязательства. В условиях Отечественной войны требования к хозорганизациям по выполнению плановых заданий оборонного значения были особенно высоки.

Требования эти носят весьма строгий характер в нынешних условиях послевоенного строительства.

Б. Масштаб ответственности, определяя меру необходимой заботливости должника, тем самым служит критерием и для установления границ его ответственности, ибо всякое определение есть тем самым и ограничение.

Наша судебная и арбитражная практика эпохи Отечественной войны 1941—1945 гг. дала ряд решений, в которых сопоставлены те обстоятельства, которые в тогдашних условиях означали невозможность исполнения, освобождающую должника, с теми обстоятельствами, которые в тех условиях признавались лишь трудностями, подлежащими преодолению.

Примером может служить определение Судебной коллегии Верховного суда СССР 1942 года по иску Шальского рыбозавода к колхозу «Привой».

Рыбачья артель «Привой», согласно типовому договору и плану III квартала 1941 года, обязана была сдать Шальскому рыбозаводу несколько сот центнеров рыбы, сдала же она менее половины этого количества. Завод предъявил иск к артели о взыскании неустойки, и суд этот иск удовлетворил. Верховный суд СССР по этому делу указывает:

«Разрешив дело по существу, суд не проверил, насколько основательна ссылка артели на невыполнение договора и плана сдачи рыбы в связи с обстоятельствами военного времени, и без всяких мотивов отклонил ссылку ответчика на эти обстоятельства, как не имеющую значения для дела. Между тем установление этих обстоятельств имеет важное значение для правильного разрешения дела. В оправдание невыполнения договора и плана сдачи рыбы ответчик ссылается на мобилизацию 17 членов артели в Красную Армию, на невозможность производить улов рыбы в связи с военными действиями в месте лова и на гибель в связи с военными действиями орудий лова. Не все указанные ссылки артели равноценны и могут быть приняты судом во внимание при разрешении дела по существу, так как обычные и вполне естественные трудности, вызванные войной, например, мобилизация членов артели в армию, не могут быть положены в основание для освобождения ответчиков от исполнения до-

говора. Основанием для освобождения от договорной ответственности перед заводом могут являться только те ссылки артели, которые имеют существенное значение и непосредственную связь с обстоятельствами военного времени, например, военные действия на территории лова рыбы, гибель орудий лова в результате военных действий и т. д. При полной доказанности этих обстоятельств со стороны артели суд может применить к договорным отношениям ст. ст. 118 и 144 ГК, освобождающие ответчика от ответственности при неисполнении договора».

В ряде решений суда и арбитража было признано, что гибель индивидуально определенных вещей вследствие действий врага означает невозможность поставки этих вещей, освобождающую должника от ответственности.

Так, в одном из решений Госарбитража при СНК СССР 1944 года по иску о возврате в натуре тары говорится, что в силу формальных обстоятельств ответчик должен быть освобожден от уплаты штрафа за невозврат погибших в результате налетов вражеской авиации банок.

В послевоенных условиях вопрос об освобождении от ответственности хозорганизации, не выполнившей договора, направленного на выполнение планового задания, ставится арбитражем лишь в виде редкого исключения: плановый характер советской социалистической экономики при неизменном росте хозяйственной мощи нашей страны создает все условия для бесперебойной работы наших социалистических организаций.

7. В Гражданском кодексе РСФСР наряду с термином «неосторожность» (см ст. ст. 118, 119, 253, 393 и 403 ГК) употребляется термин «небрежность» (ст. ст. 151, 400, 404 ГК). Однако термины эти здесь употреблены как синонимы.

Но Гражданский кодекс, несомненно, проводит различие между «грубой неосторожностью» или «грубой небрежностью» (ст. ст. 122, 151, 393, 403, 404 ГК), с одной стороны, и «неосторожностью» или «небрежностью» (называемыми в нашей литературе также «легкой неосторожностью» или «легкой небрежностью») — с другой стороны. Например, от кредитора по договорному обязательству требуется большая степень рачительности (выражающейся в его содействии должнику при исполнении последним своего обязательства), нежели от лица, потерпевшего вследствие правонарушения (деликта): в соответствии с этим, например, ст. 118 ГК говорит о том, что неосторожность (даже легкая) кредитора, обусловившая для должника невозможность исполнения, освобождает должника от ответственности за неисполнение, тогда как по ст. ст. 403 и 404 ГК лишь грубая неосторожность (или грубая небрежность) потерпевшего освобождает деликвента (причинителя вреда) от ответственности. Раз-

личие здесь носит по качественному характеру (как различие между умыслом и небрежностью), а лишь количественный характер.

Возможность этого не представляется возможным установить, так как признаки для различения грубой и легкой неосторожности в практике решает этот вопрос, принимая во внимание все обстоятельства конкретного дела. Так, в определении Гражданской кассационной коллегии Верховного суда РСФСР от 29 октября 1925 г. (по делу № 34172) сказано, что «ответчик не был грубо неосторожным при прохождении полотна железной дороги» и что «допущенное потерпевшим нарушение железнодорожных правил относится к простой неосмотрительности, а не к грубой неосторожности».

В определении Гражданской кассационной коллегии Верховного суда РСФСР от 23 февраля 1926 г. (по делу № 3455) говорится о том, что потерпевший «попал под трамвай, находясь в нетрезвом виде», что потерпевший «боролся с другими лицами возле трамвайной остановки» и что «в случае подтверждения этих обстоятельств грубая неосторожность потерпевшего была бы наличием». В определении Гражданской кассационной коллегии Верховного суда РСФСР от 15 апреля 1926 г. (по делу № 31471), говорится, что «хотя и не всякое нарушение железнодорожных правил является грубой небрежностью, но езда по полотну железной дороги милиционером верхом на лошади нельзя рассматривать иначе, как грубую неосторожность». Из определения Гражданской кассационной коллегии Верховного суда РСФСР от 20 мая 1926 г. (по делу № 31922) вытекает, что переход железнодорожного пути даже с нарушением железнодорожных правил не является грубой неосторожностью, если поезд, готовый к отбытию, в который пассажиру нужно было сесть, стоял на втором пути и переход пути был для пассажира необходим. В определении Гражданской кассационной коллегии Верховного суда РСФСР по делу Грушина (1938 г.) обсуждается вопрос о том, можно ли усмотреть грубую неосторожность в том, что Грушин (потерпевший) сел в машину с явно пьяным шофером. Суд склонился к заключению, что нет грубой неосторожности, так как Грушин не мог не воспользоваться машиной, находясь на расстоянии нескольких десятков километров от города¹. Из приведенных определений можно заключить: 1) что противоправность в поведении потерпевшего сама по себе еще не служит основанием для признания с его стороны грубой неосторожности; 2) что, с другой стороны, озорные действия, как правило,

¹ Приведенные определения приведены у Л. Майдайка, Регрессные дела профсоюза и иных потерпевших к предприятиям, 1944, стр. 93 и сл.

идеются грубой неосторожностью; 3) что, вообще говоря, при разграничении грубой и легкой неосторожности надо, как уже отмечено выше, принимать во внимание все обстоятельства конкретного дела.

8. Рассмотрение вопроса о понятии вины в советском гражданском праве было бы неполным, если бы мы не сопоставляли его с понятием вины в уголовном праве.

Мы полагаем, что понятие умысла является единым для нашего гражданского и уголовного права и что определение этого понятия, данное в п. «а» ст. 10 УК, полностью может быть отнесено и к «умыслу» в смысле гражданского права.

Нельзя, однако, сказать того же о понятии неосторожности (небрежности). По поводу определения этого понятия, данного в п. «б» ст. 10 УК, возникает вопрос, какой критерий должен быть положен в основу оценки поведения лица? И здесь обнаруживается различие в понимании «неосторожности» («небрежности») в гражданском и уголовном праве: в отличие от гражданского права, которое, как мы видели, исходит из объективного масштаба (несоответствие поведения данного должника поведению человека, принятого за образец), уголовное право исходит в этом вопросе из субъективных критериев: «Субъективный критерий преступной небрежности заключается в том, что признает различие у лица возможности предвидения наступивших последствий, когда при данных обстоятельствах данная личность с ее индивидуальными способностями, развитием и квалификацией могла бы предвидеть наступивший преступный результат. Реальная возможность предвидения данным лицом преступных последствий должна быть определена, исходя из индивидуальных особенностей самого субъекта преступления» (А. Пивотковский, Уголовное право, Общая часть, 1948, стр. 346). В этом различии масштабов и заключается, по нашему мнению, основное различие в понятиях уголовной и гражданской вины.

В практике вопрос об этом различии возникает чаще всего тогда, когда в уголовном суде ставится вопрос о гражданских последствиях преступления. Постановление Уголовно-процессуального кодекса о гражданском иске в уголовном суде (ст. ст. 12—15, 327—328 УПК) исходит из того, что если деяние влечет за собой уголовно-правовые последствия — наказание, то оно всегда служит основанием и для гражданской ответственности за убытки, причиненные этим деянием. Но если действие лица дает основание для применения гражданско-правовых санкций (ввиду наличия в его составе вины в смысле гражданского права), то это само по себе еще не означает, что в данном составе наличие вины как предпосылка уголовной ответственности.

Ныне суд в своих решениях и общих указаниях неоднократно напоминает о том, что гражданская вина может быть налицо там, где нет вины уголовной¹. (На этого, в частности, исходит постановление Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г., в. 103).

Когда ставится вопрос о неосторожности (небрежности) в введении лица, то объективный критерий неосторожности, принятый в гражданском праве, может привести к иным выводам о виновности, чем субъективный критерий, принятый в уголовном праве.

9. Принцип вины как одной из предпосылок гражданской ответственности получил свое выражение (как это уже было отмечено выше) в ст. ст. 118 и 403 ГК РСФСР и в соответствующих статьях гражданских кодексов других союзных республик. В рамках этих статей разрешаются вопросы о договорной и внедоговорной ответственности независимо от того, кто является стороной в обязательстве — государственная, кооперативная или общественная организация или гражданин.

Однако, укладываясь в рамки этих статей, обязательства социалистических организаций отличаются рядом весьма важных особенностей.

Статья 118 ГК говорит об освобождении от ответственности должника при невозможности исполнения, обусловленном обстоятельством, которое он (должник) не мог предостеречь. При этом ст. 118 ГК допускает договорные отступления от выраженного в ней принципа ответственности за вину: этот последний принцип действует, «поскольку иное... не установлено договором».

Но диспозитивный характер ст. 118 ГК не получает своего продолжения в тех случаях, когда речь идет об обязательствах между социалистическими организациями.

Буржуазное обязательственное право широко допускает применение договорных условий, направленных на расширение или сужение ответственности сторон: в договорах поставки, подряда и др. обычно указывается на то, что должник освобождается в случае пожара, наводнения, засухи, овражности, на море, военных действий, «народных волнений», забастовок и т. п. Встречаются в них и так называемые «гарантийные клаузулы», в силу которых должник, наоборот, принимает на себя риск убытков, протекajú-

щих от подобных «случайных» событий. Такая «договорная свобода» или «автономия воли» сторон при заключении договора, провозглашенная еще на заре капитализма, всегда была в какой-либо юридической форме господства экономически сильной стороны над более слабой стороной — формой эксплоатации трудящихся со стороны буржуазии. Ныне эта автономия воли есть форма господства воли монополистических организаций, которые (обладав основной массой орудий производства) диктуют свою волю широким массам народа.

Совсем иное содержание имеет начало диспозитивности в договорной свободе в советском праве. Экономическую жизнь СССР составляет социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства хозяйственная жизнь СССР определяется и направляется государственными народнохозяйственными планами. В этих условиях договор и договорная свобода социалистических организаций есть одно из важных средств конкретизации мер по выполнению народнохозяйственного плана. Вместе с тем укрепление договорной дисциплины между государственными социалистическими организациями постепенно приводит к тому, что в договорах, направленных на выполнение плановых задач, не допускается введение каких-либо ограничительной ответственности за невыполнение плана. Включение в договоры между госпредприятиями каких-либо условий подобного рода, ограничивающих ответственность должника, решительно запрещено (постановление СНК СССР от 19 декабря 1933 г., ст. 26).

С другой стороны, в договорах между социалистическими организациями не могут допускаться (и, следовательно, должны быть признаны недействительными) и такие условия, которые расширяют ответственность должника за пределы того, что вытекает из ст. 118 ГК. Ответственность за пределами вины имеет место здесь лишь в тех случаях, когда они установлены законом. Договорные же «гарантийные условия», направленные на ответственность за пределами вины, по существу означают приятие на себя должником обязательства «страхового» характера. В отношениях между социалистическими организациями это означало бы нарушение государственной монополии страхования, осуществляемой Госстрахом, и противоречило бы принципу единственной правоспособности юридических лиц.

Таким образом, договорная ответственность между социалистическими организациями регулируется законами и подзаконными актами, которые не могут быть изменены договорными условиями; договор между социалистическими организациями может быть направлен не на ослабление или изменение тех начал ответственности, которые выражены в законе и в актах правительства, а на уточнение этой ответственности применительно

¹ См. определения по отдельным делам, собранные в книге Л. Майдакина. Ответственное взыскание профсоюзом и для потерпевших к предпринимателю, стр. 71, 83, 92.

и содержащей тех конкретных обязательств, которые вытекают из соответствующих плановых заданий.

В соответствии с этим в постановлениях правительства о заключении хозяйственных договоров (в частности, в постановлении Совета Министров СССР от 21 апреля 1949 г. № 1589 — СЗ СССР 1949 г. № 9, ст. 68) подчеркивается, что в генеральных, локальных и примых договорах поставки должна быть предусмотрена «материальная ответственность сторон за невыполнение договора».

10. В нашей юридической литературе ставился вопрос о том, допустима ли по советскому праву ссылка на изменившиеся обстоятельства, как на основание для прекращения договорного обязательства или для изменения судом (арбитражем) условий его выполнения.

М. М. Агарков ставит этот вопрос в своей работе «К вопросу о договорной ответственности» (Вопросы советского гражданского права, 1945, стр. 132—144) и, отвечая на него, подчеркивает, что в условиях социалистического строя вопрос о влиянии изменившихся обстоятельств на обязательства не может возникать в области социалистического хозяйства и отношений внутри социалистической собственности. С этим, конечно, следует согласиться.

Влияние изменившихся обстоятельств в отношении между социалистическими организациями должно учитываться и учитывается в плановом порядке в соответствии с основными задачами социалистического строительства.

У нас последующие изменения в экономике могут оказывать влияние на силу ранее заключенных договоров между хозяйственными организациями лишь через посредство соответствующих изменений плановых заданий путем распоряжений планово-регулирующих органов (см. в этой связи ст. 22 постановления СНК СССР от 19 декабря 1933 г.)¹. И это вытекает из того, что законности в социалистической экономике уже не является стихийной силой, управляющей общественным производством, ибо общественное производство развивается по плану.

Сущность цены на товар в социалистической экономике Советского Союза в корне и принципиально отлична от цены на товар в условиях капиталистического рынка.

У нас нет на рынке свободной игры цен, как это бывает обычно в капиталистических странах. Мы определяем цены на товары в экономике. Мы определяем цены на промышленные товары. Мы стараемся проводить политику снижения себестоимости и снижения

¹ СЗ СССР 1933 г. № 74, ст. 44.

цен на промышленные товары, стремясь сохранить стабильность цен на продукты сельского хозяйства. Разве не ясно, что таких особых и специфических порядков на рынке не бывает вообще в капиталистических странах? — это было сказано товарищем Сталиным в 1929 году.

Изменение цен на товары по постановлениям правительства вообще, как правило, не влечет за собой ни убытков, ни прибылей для государственных хозяйственных организаций. Экономия по капиталоотложениям вследствие снижения цен поступает в доход бюджета. Покрытие дополнительных расходов на капиталоотложения в результате повышения цен производится путем дополнительного отпуска средств заказчику или подрядчику. Вообще изменения в балансах хозорганов, происходящие из факта изменения цен, производятся вышестоящими органами при участии Министерства финансов в порядке государственного управления.

Из этого положения арбитражная практика делает следующие выводы в отношении обязательства поставки товаров:

а) всякого рода изменения утвержденных цен, произведенные в установленном порядке в течение срока действия обязательства поставки товаров, не являются обстоятельством, освобождающим от обязанности удовлетворения по обязательству. Повышение цен не дает права покупателю отказаться от принятия и оплаты товара;

б) при отсутствии иных указаний в постановлении об изменении цен измененные цены распространяются на весь товар, не считая к моменту введения в действие измененных цен, хотя бы часть этого товара была просрочена сдачей.

Во время войны в судебной и арбитражной практике неоднократно ставился вопрос о том, как влияет общее изменение условий на ранее заключенные обязательства, если в результате этих изменений исполнение сделалось для должника более обременительным.

В некоторых случаях должники, ссылаясь на обстоятельства военного времени, на изменения условий, ставили вопрос о том, не являются ли такие изменения основанием для прекращения обязательства.

На этот вопрос ответ был всегда отрицательный и не мог быть иным: война сама по себе обязывала каждого гражданина, каждую советскую организацию к всемерному напряжению своих сил с целью укрепления экономики нашей Родины, с целью укрепления правовых устоев Советского государства. Из этого положения исходил и народный суд в оценке тех трудностей, ко-

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 236.

може была вызвана войной (см. § 47, п. 4, где приведены соответствующие решения).

Только в условиях социалистического планового хозяйства, исключающего возможность экономических кризисов, признается договору получает твердую экономическую базу. Тем более строго относится советское право к отдельным случаям расхлябанности и недисциплинированности, выражающимся в неисполнении или невадлежащем исполнении обязательств под предлогом изменившихся обстоятельств.

11. В противуположность социалистическим условиям хозяйства в капиталистических странах господствуют стихия, анархия производства, хаотичные законы рынка.

Глубокие потрясения в экономике буржуазных стран, и их денежном обращении, наступившие там после первой мировой войны, повторяются там с кратковременными интервалами до настоящего времени. В этих условиях вопрос о влиянии изменений экономической конъюнктуры на обязательства получил особую остроту.

Во всех буржуазных правовых системах оговорка о неизменных условиях¹ после первой мировой войны сделалась одним из регулярных институтов обязательственного права и получила особенно широкую сферу применения в области торгового оборота, а также в отношениях с предприятиями «общественной подлинности».

В Германии Рейхсгерихт уже к концу первой мировой войны возводит в практику доктрину о «неизменности обстоятельств» как предпосылке будто бы всякого договора. Эта практика, противоречащая закону, вытеснила принцип строгого соблюдения договоров и привела к судебному произволу. Французские гражданские суды допускали применение оговорки о неизменных условиях в пределах, установленных специальными законами. Сюда относится закон 1918 года о праве должника по торговому сделке иступить от исполнения или отсрочить исполнение, если будет доказано, что вследствие войны выполнение договорных условий стало более обременительным, чем это можно было предвидеть при заключении договора.

Та же теория «непредвиденных» факторов легла во Францию в основу законов 1925 и 1927 гг. о рендеви договоров аренды недвижимости, но особенно широкую сферу применения она получила в административной юстиции; здесь крупные монополистические организации, занятые казенными подрядами и поставками, а также владеющие источниками снабжения населения

¹ *Clausula rebus sic stantibus* (оговорка о неизменности обстоятельств) означал, что только при неизменившихся обстоятельствах договор остается в силе.

газом, электроэнергией и пр., получив право изменять условия договоров, приспособляя их к росту цен на рабочие руки и на материалы.

В Англии¹ проблема влияния изменившихся обстоятельств на силу договоров ставится как вопрос толкования договора: по договору должник гарантирует кредитору определенный результат; если результат не наступил, если не было исполнения, то, как правило, должник обязан к денежному возмещению убытков. Но каковы пределы гарантии? В основном прецеденте по этому вопросу суд устанавливает, что договор надо трактовать, как заключенный под тем «предполагаемым условием», что в моменту исполнения определенная вещь или «определенное положение вещей» будет существовать.

Здесь суду дается широкая свобода усмотрения, ибо доктрина «предполагаемых условий» означает, что суд имеет возможность использовать толкование договора не для установления действительных намерений сторон, а в качестве юридико-технического приема для приведения в договор некоторых объективных начал, в частности для ограничения действия договора ввиду изменившихся обстоятельств после первой мировой войны. Этот именно метод был использован британским судом в ряде решений 1918—1921 гг., в которых было допущено прекращение договоров вследствие изменений экономической конъюнктуры: роста цен на материалы и на рабочие руки.

Однако все такого рода решения касаются лишь сферы крупной промышленности, крупного торгового оборота. Наряду с этим и ряде других решений призвано, что простое повышение цен, хотя бы оно было значительным и разорительным для поставщика, не освобождает последнего от поставки, ибо так называемая «commercial impossibility» (экономическая невозможность) не принимается во внимание.

Формулируя выводы практики, английский юрист Геттеридж в своем докладе на международном съезде юристов в Париже в 1937 году сказал: «Для того, чтобы договор мог продолжать выполнять свою роль, необходимо, чтобы должник не мог снять с себя свой долг только на том основании, что исполнение стало более затруднительным и более отягощающим его, нежели он это предвидел. С другой стороны, необходимо, чтобы право могло оказать свое действие, когда положение коренным образом изменилось по сравнению с моментом заключения договора». Геттеридж отмечает, что в этом вопросе гораздо легче указать эмпирически правильное решение, нежели формулировать абстрактный принцип.

¹ Л. Луид. Учение о невозможности исполнения договорных обязательств в английском праве, Ученые записки ВЮИИ, 1947, том V.

Это последнее замечание, весьма характерное для британского юридического мышления, отражает стремление судов «общего права» по возможности избегать установления общих принципов, которые связывали бы практику на будущее время.

В американской практике вопрос о влиянии изменений конъюнктуры на обязательства получил особое значение в сфере деятельности предприятий «общественной полезности», в которых заинтересован крупный капитал: вопрос о тарифах на снабжение газом, электроэнергией и т. п. — вернее, вопрос об изменении этих тарифов в соответствии с ростом индекса товарных цен — являлся особым предметом рассмотрения государственных комиссий, постановления которых могут быть обжалованы в судебном порядке.

«Суды весьма озабочены тем, чтобы охранять интересы владельцев своих капиталов и такие предприятия, от того, что суды называют конфискацией», — замечает по этому поводу Нуболам в своей книге «Money in the law» (Чикаго, 1939, стр. 267). Оказывается, что «конфискацией» или «конфискационными тарифами» в американской практике именуется также тарифы, которые не обеспечивают капиталистам «справедливой прибыли». Падение покупательной силы доллара отражается на увеличении этих тарифов, которое постоянно утверждается судом.

Таким образом, в противоположность советскому гражданскому праву капиталистическая судебная практика после первой мировой войны возродила и до сих пор сохранила применение «доктрины неизменности обстоятельств» (в различных ее вариантах) в качестве регулярного института своего гражданского права. Возрождение этого института в лице буржуазного права, после того как он в течение всего XIX в. считался окончательно изгнанным из области юриспруденции, является весьма характерным для современного глубокого упадка буржуазного правосознания. Оно знаменует собой крушение буржуазной законности.

§ 48. Исключения из принципа ответственности за вину

Рассмотрев вопросы ответственности по обязательствам в тех пределах, в каких эта ответственность основана на моменте вины и регулируется в основном ст. 118 ГК, перейдем теперь к рассмотрению тех случаев, когда должник отвечает за пределами вины. Эти случаи надлежит рассматривать как исключения из общего правила, выраженного в ст. 118 ГК. Сюда относятся: (а) ответственность по обязательствам, предметом которых являются вещи, определенные родовыми признаками (п. 1 ст. 119 ГК РСФСР и соответствующие статьи гражданских кодексов других союзных республик); (б) ответственность «за чужую вину» (п. 2 ст. 119 ГК РСФСР и соответствующие статьи гра-

жданских кодексов других союзных республик); (в) ответственность за «случай» по ст. 404 ГК, ст. 132 Кодекса торгового мореплавления, ст. 78 Воздушного кодекса и ст. ст. 63, 64 и 67 Устава железных дорог.

А. Ответственность по п. 1 ст. 119 ГК

1. По п. 1 ст. 119 — «невозможность исполнения не освобождает должника от ответственности... если предмет обязательства определен родовыми признаками и доставление имущества того же рода не стало объективно невозможным».

Редакция этой статьи требует вдумчивого толкования: что означает «объективная невозможность исполнения» в том смысле, как этот термин употреблен в п. 1 ст. 119 ГК?

В виде общего правила можно сказать, что пределы ответственности должника зависят от степени определенности предмета обязательства. Так, обязательство, направленное на индивидуально-определенную вещь, точно специфицирует объект исполнения, и поэтому случайная гибель такой вещи означает конец ответственности должника. Обязательство же, имеющее своим предметом вещи, определенные родовыми признаками, устанавливает лишь рамки (границы), в пределах которых должно произойти исполнение; в этом случае должник не освобождается от ответственности, если возникла невозможность предоставить кредитору тот именно предмет из данного рода вещей, который должником был предназначен для исполнения: например, гибель вследствие случайного пожара партии товаров (определенных родовыми признаками), выделенных постановщиком для отправки покупателю, не влечет за собой освобождения поставщика; последний должен озаботиться изготовлением другой партии товаров того же рода.

Отсюда ясно, что должник освобождается от обязанности передать кредитору вещи, определенные родовыми признаками, лишь если докажет, что данного рода вещей вовсе нет в обороте. Только тогда наступит та объективная невозможность предоставления вещей данного рода, о которой говорится в п. 1 ст. 119 ГК. Объективная невозможность исполнения имеет место, например, в случае, когда постановлением Правительства все вещи данного рода распределены между государственными хозяйственными организациями полностью так, что на долю данной организации не осталось вещей данного рода. Подобные случаи могут иметь место в условиях тех затруднений в производстве, которые были вызваны войной 1941—1945 гг.

Доказательства объективной невозможности исполнения подвергаются всегда весьма строгой оценке со стороны государственного и ведомственных арбитражей, которые стремятся к тому,

чтобы поддерживать на высоком уровне договорную дисциплину между социалистическими организациями.

Принцип, выраженный в п. 1 ст. 119 ГК, приводит к тому, что обязательство, имеющее своим предметом вещи, определенные родовыми признаками, лишь в исключительных случаях превращается в невозможность исполнения, так как доказать по оному отсутствию в обороте вещей данного рода обычно весьма трудно («рад никогда не погибает»).

Объективная невозможность исполнения может быть обусловлена не только отсутствием в обороте вещей данного рода, но и невозможностью в срок их доставить вследствие задержек в предоставлении поставщику необходимых транспортных средств. Именно этот случай имеет в виду ст. 20 постановления СНК СССР от 19 декабря 1933 г. (СЗ СССР 1933 г. № 73, ст. 445) о заключении договоров на 1934 год, в которой указано, что «за недоставку товаров поставщик отвечает лишь в пределах утвержденных в установленном порядке планов перевозок». В нашей арбитражной практике эта статья получила, однако, толкование в том смысле, что непредоставление вагонов при неплановых перевозках является единственным основанием освобождения поставщика от ответственности за недоставку товара и за недогруз. Такое толкование названной статьи выходит за пределы ее точного смысла. Непредоставление транспорта должнику для доставки товаров кредитору не является единственным случаем объективной невозможности исполнения. Приведенная практика арбитража, таким образом, расширяет ответственность поставщиков за пределами винны, возлагая на них ответственность также и за случайную невозможность поставки.

2. Из п. 1 ст. 119 ГК вытекает, что невозможность исполнения вообще не может служить основанием прекращения денежного долга. Деньги в наибольшей степени обладают свойством родовых вещей: при изъятии из обращения одних денежных знаков они заменяются другими; при переходе от одной денежной единицы к другой между ними устанавливается определенное платежное соотношение. Таким образом, все прошлые, настоящие и будущие денежные знаки объединены отношением к денежной единице и составляют один и тот же род вещей. Деньги всегда имеются в обороте и, поэтому, объективная невозможность уплаты денег в условиях нашего товарно-денежного хозяйства вообще наступить не может. Во время войны можно было говорить о временной объективной невозможности платежа, приостанавливавшей наступление просрочки должника (например, в случае перерыва почтовой и телеграфной связи между кредитором и должником, исключившей возможность перевода денег), но не о прекращении денежного долга невозможностью уплаты денег.

Положение, согласно которому денежное обязательство не может прекратиться невозможностью исполнения, едва ли когда-либо оспаривалось в нашей судебной или арбитражной практике.

Спорным в конкретном случае мог быть лишь вопрос о том, являются ли предметом данного долга индивидуально определенные денежные знаки или сумма денег. Только в первом случае возможно прекращение обязательства невозможностью исполнения (например, вследствие виновной утраты должником данных денежных знаков), во втором же случае наступление невозможности исполнения, могущей освободить должника, вовсе исключается.

Иллюстрацией может служить указанное выше определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 21 марта 1944 г. по иску дома отдыха им. Поленова Государственного Большого театра к Тульской областной конторе Госбанка о взыскании 7000 руб., внесенных домом отдыха для зачисления на его расчетный счет в Тарусское отделение Госбанка, по на означенный счет не поступивших. Решением Тульского областного суда от 6 декабря 1943 г. иск был удовлетворен. Верховный суд РСФСР 31 декабря 1943 г. отменил решение Тульского областного суда и дело передал на новое рассмотрение. В своем определении Верховный суд РСФСР указал, что при наличии ограбления нестораемого шкафа Тарусского отделения Госбанка временно захватившими город Таруссу немецкими разбойничьими войсками Госбанк не может нести ответственности за разгром Тарусского отделения вражескими войсками и за захват находившихся в нестораемом шкафу 7000 руб., поскольку все возможные в данных условиях меры к сохранению денежных сумм были со стороны банка приняты.

Рассмотрев дело по протесту Прокурора СССР, Судебная коллегия Верховного суда СССР признала приведенное выше определение Верховного суда РСФСР неправильным, отменила его и оставила в силе решение первой инстанции (Тульского областного суда). Существо мотивов заключается в следующем: денежные знаки, принятые банком для зачисления на расчетный счет клиента, обезличиваются банком, он рассчитывается ими по другим своим обязательствам, банк же становится должником клиента на соответствующую сумму по денежному обязательству; поэтому утрата банком принятых от клиента денежных знаков, независимо от того, какими обстоятельствами она вызвана, не может оказать влияния на ответственность банка по возникшему в отношении клиента денежному обязательству¹.

То, что обязательство, направленное на предоставление родовых вещей, прекращается невозможностью исполнения лишь

¹ Сборник постановлений Президиума и определений коллегий Верховного суда СССР за 1944 г., стр. 242—243.

в случае исчезновения из оборота всех вещей данного рода, само по себе еще не создает исключения из принципа ответственности за вину, а означает лишь, что обязанность должника в этих случаях шире, нежели в случае обязательств, имеющих своим объектом индивидуально определенные вещи.

Изъятие из принципа ответственности за вину, установленное в п. 1 ст. 119 ГК, заключается, в сущности говоря, лишь в том, что невозможность исполнения, существующая лишь для данного должника (и, следовательно, не носящая объективного характера), не принимается во внимание, хотя бы такая невозможность возникла без вины этого должника: отсутствие денежных средств у должника не освобождает его от ответственности, хотя бы такое отсутствие не было вызвано им его умыслом, им неосторожностью¹.

Принцип, согласно которому отсутствие денежных средств у должника не является основанием для освобождения его от ответственности, распространяется и на социалистические организации. Согласно постановлению СТО от 16 июня 1931 г. «если счета на отправленные товары не оплачены из-за отсутствия у покупателя свободного кредита или при иногороднем обороте вследствие отказа покупателя акцентовать счета по той же причине, то поставщик имеет право приостанавливать исполнение предусмотренных договором обязательств (отгрузка товаров и т. п.)» или предпринять ряд других, указанных в том же постановлении, мер в отношении такого «неисправного должника» (см. ниже § 53, п. 2).

Б. Ответственность по п. 2 ст. 119 ГК РСФСР и по соответствующим статьям гражданских кодексов других союзных республик

1. По п. 2 ст. 119 ГК невозможность исполнения не освобождает должника от ответственности, если лица, на коих в силу закона или поручения должника возложено выполнение обязательства, умышленно или неосторожно вызвали или не предотвратили обстоятельства, сделавшие исполнение невозможным.

Ответственность по п. 2 ст. 119 ГК есть ответственность не за свою собственную, а за чужую вину. Правило п. 2 ст. 119 ГК устанавливает общее начало для обязательств, возникающих из договоров и из плавных административных актов. По обязательствам из причинения вреда ответственность за «чужую вину» имеет место лишь в специальных случаях, указанных в законе.

Ответственность по п. 2 ст. 119 ГК есть ответственность за поведение другого лица, причинившего ущерб; эта ответ-

ственность наступает в случае вины этого последнего лица, без вины со стороны того лица, которое несет ответственность.

2. К случаям, предусмотренным п. 2 ст. 119 ГК, не относится ответственность за ущерб, причиненный другим лицом, но обусловленный в собственной вине и в выборе этого лица или в надзоре за ним. Например, если врач, производя хирургическую операцию, допустит к участию в ней в качестве ассистента заведомо неопытное в подобном деле лицо, то он несет ответственность за предоступный результат такого выбора своего ассистента. Если душевнобольной причинит ущерб, то за него отвечает лицо, которое обязано иметь за ним надзор. В обоих случаях налицо ответственность за собственную, а не за чужую вину: такая ответственность, обусловленная собственной виной в выборе другого лица (исполнителя обязательства) или в надзоре за другим лицом, вовсе не предполагает вину другого лица (причинителя ущерба, исполнителя обязательства), а имеет своей предпосылкой лишь противоправное поведение этого другого лица. Должник в подобных случаях освобождается от ответственности, если докажет, что с его стороны не было проявлено недостатка в осмотрительности ни в отношении выбора, ни в отношении надзора за лицом, причинившим ущерб.

3. Спорным представляется вопрос о том, можно ли в случаях, предусмотренных п. 2 ст. 119 ГК, относить те, в которых речь идет об ответственности юридического лица за неисполнение или ненадлежащее исполнение его договорного обязательства вследствие неправильных действий или упущений со стороны руководителей, рабочих или служащих этого юридического лица. По мнению М. М. Агаркова, для ответственности по п. 2 ст. 119 ГК достаточно, если исполнение соответствующих действий возложено на третье лицо «в силу закона или поручения должника», причем «это выражение означает, что исполнитель обязан был производить соответствующие действия. Например, в силу закона в выполнении обязательств госоргана участвует директор госоргана, в выполнении обязательств промышленной артели — председатель правления артели. В силу закона опекун выполняет обязательства подопечного. Термин «поручение» в ст. 119 ГК не надо понимать слишком узко. Должник отвечает не только за того, с кем он заключил договор поручения (ст. 251 ГК). Поручение в смысле ст. 119 ГК дается рабочему и служащему. Поручение в смысле ст. 119 ГК дается всякому контрагенту должника, если данный контрагент совершает действия, направленные на то, чтобы обязательство было исполнено. Например, машиностроительный завод будет отвечать перед заказчиком, хотя бы неисполнение и было вызвано неисправностью электропромышленного предприятия» (М. М. Агарков «К вопросу о договорной ответственности», см. сборник «Вопросы

¹ См. М. М. Агарков, К вопросу о договорной ответственности, Сборник «Вопросы советского гражданского права», 1945, стр. 122 и сл.

советского гражданского права», АН СССР, 1945, стр. 131). С точки зрения приведенного здесь толкования п. 2 ст. 119 ГК пункт этот обнимает также совершенно различные по своей природе случаи, как: 1) ответственность должника (например, государственной предпрития) за действия привлеченных им для исполнения договора третьих предпритий и 2) ответственность юридического лица за упущения своих служащих.

С этим нельзя согласиться. Ответственность в первом случае есть на самом деле ответственность за действия другого лица, тогда как ответственность юридического лица за неисполнение или ненадлежащее исполнение его договорных обязательств вследствие упущений со стороны служащих этого юридического лица вовсе не является ответственностью за действия другого лица. Например, если пропущен срок предъявления к акцепту и к платежу платежного требования, которое выставлено клиентом банка и передано банку на инкассо, то банк отвечает перед клиентом за неисполнение принятого на себя инкассового поручения, причем ответственность банка здесь наступает в силу его собственной (банка) вины, выразившейся в бездействии банковских служащих: ибо деятельность юридического лица вообще находит свое выражение лишь в действиях руководителей, рабочих и служащих и не может найти своего выражения в чем-либо ином¹. Поэтому нельзя согласиться с М. М. Агарковым, что неисполнение обязательства банка вследствие упущения его служащих есть случай, предусмотренный п. 2 ст. 119 ГК. Если статья на эту точку зрения, то всякий случай вины юридического лица был бы сведен к ответственности за «чужую вину» (за вину руководителей или служащих этого юридического лица) и для ответственности юридического лица за собственную вину не осталось бы места. К такому выводу должны прийти сторонники того взгляда, что юридическое лицо вообще не обладает дееспособностью. Мы стоим на иной точке зрения и полагаем, что юридическое лицо есть субъект гражданского оборота, обладающий как правоспособностью, так и собственной дееспособностью и что, следовательно, можно говорить и о собственной вине юридического лица при исполнении им своих обязательств (см. названную работу проф. С. Н. Братуся, § 33).

Отсутствие ясности в вопросе о правовой природе ответственности юридических лиц за неисполнение обязательств, вызванное упущениями их служащих, отразилось и в судебной практике.

В определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР 1939 года по иску Самтредского орска к Кутаисскому отделению Госбанка о взыскании 11 474 руб.

¹ См. С. Н. Братусь, Субъекты гражданского права, 1950, § 23, п. 10.

(Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР за 1938—1939 гг., стр. 158) рассматривался следующий случай: истец внес деньги в банк для зачисления их на свой расчетный счет, при вносе денег были нарушены правила Госбанка, которые должны быть известны клиенту и служащим банка: деньги были переданы кассиру банка, минуя контроль. Кассир принял деньги, выдал расписку. Затем деньги кассиром были растрочены. Истец требовал, чтобы соответствующая сумма была зачислена на его (истца) счет в банке. Судебная коллегия Верховного суда СССР решила дело по принципу смешанной ответственности: то обстоятельство, что деньги были внесены кассиру и им приняты, минуя контроль, является нарушением как со стороны орска, так и со стороны банка. Правильность этого конечного вывода ослабляется, однако, неудачной формулировкой мотивов определения, в которых сказано: «Банк как заниматель отвечает за выбор своих служащих, а равно за их действия, совершенные ими в пределах их компетенции. В противном случае может создаться полная безответственность банка за нарушение им самим установленных правил, что недопустимо, особенно при том значении, которое имеет Государственный банк СССР в системе социалистического хозяйства».

Правильным здесь является указание на то, что если бы Госбанк не отвечал за упущения своих служащих, допущенные ими при совершении банковских операций, то это практически означало бы полную безответственность банка за нарушение им самим установленных правил и (прибавим к этому) безответственность за нарушение принятых им на себя обязательств. Здесь, таким образом, правильно подчеркивается, что ответственность юридического лица за собственную вину всегда принимает форму ответственности его за упущение своих служащих.

Наряду с этим правильным указанием Судебная коллегия в мотивировочной части своего определения указывает, что банк «отвечает за выбор своих служащих». Это указание не только излишне — оно ослабляет значение конечного вывода: если ответственность за неправильные действия кассира имеет своей предпосылкой вину «за выбор служащего», то банк мог бы освободиться от этой ответственности, доказав, что при назначении на должность данного кассира были соблюдены все предписанные для этих случаев меры предосторожности; доказать отсутствие какой-либо вины администрации банка «при выборе» данного служащего в огромном большинстве случаев будет весьма легко, и если бы такие доказательства могли освободить банк от ответственности, то получилась бы та безответственность банка за нарушение его служащими банковских правил, которую в изложенном решении стремился предотвратить Верховный суд.

Очевидно, что Верховный суд, ссылаясь на «ответственность

банка за выбор своих служащих», имел в виду здесь установить особую презумпцию, не допускающую опровержения: смысл этой ссылки заключается в том, что банк несет безусловную (и «гарантийную») ответственность за правильное совершение его служащими банковских операций, так как он выбирает своих служащих. При таком толковании названная ссылка означает не более как новую формулировку того же указанного выше принципа, что банк, отвечая за упущения своих служащих при совершении ими банковских операций, тем самым отвечает за свою собственную вину.

4. Таким образом, ответственность по п. 2 ст. 119 ГК надо отличать: а) от ответственности за действия другого лица, когда эта ответственность обусловлена собственной виной в выборе этого лица или в надзоре за ним; б) от ответственности юридического лица за неисполнение обязательства, вызванное упущениями или иными неправильными действиями служащих этого юридического лица. В обоих случаях («а» и «б») должник отвечает не за «чужую», а за собственную вину.

В нашем гражданском обороте основной категорией случаев ответственности за «чужую вину» по п. 2 ст. 119 ГК являются случаи ответственности социалистических организаций по их договорным обязательствам, в исполнении которых принимают участие третьи организации. Сюда относятся случаи так называемых транзитных отгрузок, когда поставщик продает товар, находящийся на складе не у него, а у третьей организации, и товар отгружается этой последней организацией (по поручению поставщика) непосредственно в адрес покупателя, минуя склад поставщика. Предположим, что грузоотправитель Б., невзирая на полноту и точность указаний, полученных им своевременно от поставщика А., допустит какую-либо неправильность (например, укажет ненадлежащий адрес или допустит запоздание) при отгрузке товара в адрес покупателя В. В этом случае поставщик А. будет нести ответственность перед покупателем В. за убытки, причиненные по вине грузоотправителя Б., на основании договора поставки, заключенного между А. и В.

На аналогичных основаниях генеральный подрядчик (в области капитального строительства) отвечает перед заказчиком за работы, переданные им (генеральным подрядчиком) для выполнения субподрядчикам.

Ответственность по п. 2 ст. 119 ГК будет также иметь место в случае, если подрядчик не выполнил своего обязательства перед заказчиком вследствие перерыва в своем производстве, вызванного перебоими в снабжении его (подрядчика) электроэнергией или транспортными средствами; подрядчик в этих случаях отвечает перед своим заказчиком за последствия, причинен-

ные неисправностью его (подрядчика) контрагентов (электростанция, допустившей перерыв в подаче электроэнергии; транспортная организация, не доставившей автомашину в назначенный срок, и т. п.).

5. Ответственность должника по п. 2 ст. 119 ГК имеет место при наличии вины (умысла или неосторожности) третьего лица, на которое поручением должника или законом возложено выполнение всего обязательства или каких-либо частей данного обязательства или каких-либо подсобных операций, от которых зависит выполнение должником его обязательства перед кредитором. Ответственность по п. 2 ст. 119 ГК имеет место хотя бы при отсутствии собственной вины со стороны должника. Должник не может в этом случае освободиться от ответственности, хотя бы он доказал, что с его стороны не было вины ни в выборе исполнителя, ни в надзоре за ним. Он отвечает за «чужую» (за вину исполнителя), а не за собственную вину.

В случае, если кредитор не получил надлежащего исполнения по обязательству, он (кредитор) не обязан доказывать вину должника или исполнителя для того, чтобы получить возмещение убытков: вина должника или исполнителя обязательства в этом случае предполагается, и бремя доказывания отсутствия вины возлагается на должника. Последний для того, чтобы освободиться от ответственности по п. 2 ст. 119 ГК должен доказать отсутствие как своей собственной вины, так и отсутствия вины лица, на которое в силу закона или поручения было возложено исполнение данного обязательства в целом или в части.

6. Должник, на которого пала ответственность за вину другого лица (исполнителя) в силу п. 2 ст. 119 ГК, имеет право требования к этому последнему лицу о возмещении ему того, что он должен был уплатить своему кредитору (право регресса), поскольку иное не вытекает из отношений между должником и исполнителем. В приведенном выше (стр. 354) примере поставщик А. имеет право взыскать с грузоотправителя В. то, что ему (поставщику) пришлось уплатить покупателю В. вследствие неправильной или несвоевременной отгрузки товаров в адрес покупателя. В конечном счете ответственность за убытки несет, таким образом, виновное лицо, на которое было возложено исполнение обязательства. По справедливому замечанию М. М. Агаркова (назв. статья, стр. 130), институт ответственности за чужую вину есть юридико-технический способ возложения ответственности на действительного причинителя ущерба: «Исполнитель, за которого должник отвечает» (по п. 2 ст. 119 ГК), «в обязательственном отношении с кредитором не состоит. Если не возложить на должника ответственности за вину исполнителя, то, несмотря на неисполнение обязательства,

кредитор не получит удовлетворения». Таким образом, при надлежащем подходе к анализу п. 2 ст. 119 ГК (если рассматривать этот пункт не изолированно, а в совокупности с правами регресса, принадлежащим должнику в отношении лица, привлеченного должником для исполнения обязательства и допущенного виновное неисполнение) становится ясным, что пункт этот не только не ослабляет исходного принципа ответственности за вину, но, наоборот, направлен на укрепление этого принципа. Возложение ответственности на виновное лицо (исполнителя) здесь достигается сложным путем, посредством сочетания двух обязательственных отношений: 1) отношения по п. 2 ст. 119 ГК между кредитором и должником и 2) отношения из права регресса между должником и исполнителем обязательства. Применение такого юридико-технического способа диктуется сложностью взаимоотношений лиц, участвующих в осуществлении данной хозяйственной операции.

В. Ответственность за „случай“. Понятие „непреодолимой“ силы

1. Выше мы уже говорили о том, что должник для того, чтобы освободиться от обязательства в случае наступившей невозможности исполнения, должен доказать, что эта невозможность обусловлена обстоятельством, которого он (должник) не мог предотвратить (ст. 118 ГК). Только наличие такой невозможности означает отсутствие вины в неисполнении обязательства.

Для того, чтобы доказать отсутствие вины, не требуется установить отсутствие всякой возможной вины, что было бы неосуществимой попыткой установления бесконечного числа отрицательных фактов. Доказать отсутствие вины — значит установить ряд положительных фактов, из которых вытекает бы, что должником приняты все те меры заботливости, которые от него требовались в данных конкретных условиях.

Всякое обстоятельство (факт), обусловившее такую невозможность исполнения, которую должник не мог предотвратить надлежащей мерой своей заботливости, носит наименование «случая». Таким образом «случай» (casus) и отсутствие вины — две стороны одного и того же явления, и там, где кончается вина, там начинается случай. Поэтому принцип ответственности должника лишь при наличии вины можно иначе формулировать следующим образом: «должник не отвечает за случай»¹.

Наше законодательство знает, однако, такие виды обязательств, по которым должник отвечает за случай.

¹ См. также — о необходимости различать «случай» в изложенном здесь смысле от «случая» в юридико-философском смысле.

Согласно ст. 78 Воздушного кодекса СССР (ВК) «за причиненные при стартах, полетах и посадках смерть и телесные повреждения пассажирам гражданских воздушных судов, а также за вред лицам и имуществу, не находящимся на гражданском воздушном судне, учреждение, предприятие, организация или лицо, которое эксплуатирует гражданское воздушное судно («воздушный перевозчик»), несет имущественную ответственность по общему законодательству СССР и союзных республик, если не докажет, что вред произошел вследствие умысла или грубой неосторожности самого потерпевшего».

По этой статье воздушный перевозчик не может освободиться от ответственности, доказав, что данный ущерб вызван обстоятельствами, которые он не мог предотвратить: на воздушного перевозчика возлагается ответственность за ущерб, возникший при указанных в этой статье обстоятельствах, — хотя бы этот ущерб нельзя было вменить ему в вину; воздушный перевозчик несет, следовательно, безусловную — гарантийную — ответственность за всякий «случай».

На иных основаниях построена ответственность по ст. 404 ГК и по ст. 132 Кодекса торгового мореплавания СССР (КТМ): здесь имеет место ответственность должника за случай, но не за всякий случай.

Ст. 404 ГК предусматривает, что «лица и предприятия, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих, как-то: железные дороги, троллей, фабрично-заводские предприятия, торговцы горючими материалами, держатели диких животных, лица, возводящие строения и иные сооружения, и т. п. отвечают за вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы...».

По ст. 132 КТМ «перевозчик отвечает за вред, причиненный пассажиру во время и вследствие перевозки, в частности, за смерть и повреждение здоровья, если не докажет, что вред произошел от действия непреодолимой силы...».

Здесь так же, как и в ст. 78 ВК, предусматривается обязанность возмещения убытков без права должника освободиться от этой ответственности путем доказывания отсутствия с его стороны какой-либо вины. Однако ст. 404 ГК и ст. 132 КТМ — в отличие от ст. 78 ВК — вводят существенное ограничение ответственности за возникший вред: лица и предприятия, о которых говорится в ст. 404 ГК, и морской перевозчик по ст. 132 КТМ несут не безусловную ответственность, отвечают не за всякий «случай». Они освобождаются от ответственности, если докажут, что ущерб этот причинен такого рода обстоятельствами, которые являются «непреодолимой силой».

Таким образом, в связи с применением ст. 404 ГК и ст. 132 КТМ возникает вопрос, по какому признаку выделить из категории «случайных» обстоятельств (т. е. обстоятельств, которые не могут быть вменены в вину должнику) более узкий круг «случаев», которые обнимаются понятием «непреодолимой силы». Другими словами: чем отличается «простой случай» от «квалифицированного случая», иначе именуемого «непреодолимой силой».

2. Понятие непреодолимой силы (форс-мажора) пытались построить, отталкиваясь от идеи повышенной — по сравнению с обычным уровнем — ответственности; утверждали, что «простым случаем» является обстоятельство, непредотвратимое при обычной, «средней» заботливости; квалифицированным же случаем или непреодолимой силой надлежит считать обстоятельство, которое не может быть предотвращено при всей вообще возможной в данных условиях осмотрительности или заботливости, т. е. при максимальной, а не обычной заботливости.

Эта теория в нашей литературе защищалась М. М. Агарковым (в учебнике гражданского права для вузов, 1938, т. I, стр. 156 и т. II, стр. 404). Несколько другую формулировку та же доктрина получила в учебнике гражданского права для вузов, 1944, т. I, стр. 340: здесь М. М. Агарков указывает, что «непреодолимая сила является квалифицированным случаем, т. е. случаем, обладающим некоторыми специфическими признаками», и приходит к заключению, что «таким признаком служит неотвратимость наступления вреда. Непреодолимая сила — это такое событие, которое не может быть предотвращено никакими мерами... Установленная невозможность какими бы то ни было мерами предотвратить наступление вреда, судья должен учесть современное состояние техники и хозяйства... Для непреодолимой силы характерна невозможность предотвратить события, существующая не для данного лица, а в данном обществе вообще».

Эта доктрина непреодолимой силы в различных своих вариантах сводится к тому, что ст. 404 ГК и ст. 132 КТМ требуют не «обычной», «средней», а повышенной чрезвычайной меры заботливости, повышенного, чрезвычайного масштаба для оценки поведения должника. Но при таком понимании «непреодолимой силы» между нею и простым «случаем» не устанавливается вообще никаких границ: речь идет о различных масштабах, при помощи которых определяется наличие или отсутствие вины должника в различных обязательствах.

«Субъективизм», т. е. основанное на оценке поведения должника, на определении требуемой от него меры заботливости, — критерий для отграничения «непреодолимой силы» от простого «случая» выдвигались в буржуазном праве (теория немецкого юриста Гольдшмита). Она там была связана с доктриной о «доб-

ром отце семейства» (bonus pater familias): от должника там требуется применение не более тех усилий, которые в подобных случаях применяет «добрый отец семейства». — та ответственность, по которой должен равняться должник. Применение этой буржуазной «средней мерки» в судах капиталистических стран соответствует интересам владельцев промышленных и торговых предприятий: оно дает возможность судам во многих случаях переложить бремя убытков, причиненных этими предприятиями, на клиентуру. Для некоторых же промышленных предприятий выдвинут был критерий «повышенной» ответственности — использованный для всяческой демагогии о защите якобы интересов потребителя; на самом же деле критерий этот, весьма расплывчатый и неопределенный, давал судам вообще свободу усмотрения.

Как уже было показано выше, наше право для определения меры требуемой от должника заботливости применяет масштаб весьма дифференцированного характера: когда речь идет об обязательствах в сфере социалистического строительства, должник обязан равняться на передовых работников, на лучшее предприятие. Но если понятие вины и случая у нас разграничиваются путем применения столь дифференцированного масштаба, то различие между простым случаем и непреодолимой силой в нашем праве не может определяться различием между «средней» и «повышенной» бдительностью: ибо как нищ «средний», так и нищ «повышенный» масштабы оба относятся к тем признакам, при помощи которых различают вину и случай.

3. Понятие непреодолимой силы пытались построить, исходя из представления об особом свойстве тех препятствий, которые должны освободить должника: непреодолимая сила — это чрезвычайное явление, которое само в себе как бы заключает доказательство отсутствия всякой возможности вины должника; это — сила, возникающая вне круга деятельности данного предприятия или профессиональной деятельности данного лица; сила, в отношении этого лица имеющая «внешнее происхождение» (См. Х. И. Шварц, Значение вины в обязательстве из причинения вреда, 1939, стр. 50).

Против названной объективной теории непреодолимой силы были выставлены в нашей литературе существенные возражения. М. М. Агарков (в учебнике гражданского права для юридических вузов, 1944, т. I, стр. 340) указывает: если вред причинен «внешним случаем», то его нельзя считать причиненным той деятельностью, которая представляет повышенную опасность для окружающих. За «внешний случай» нет ответственности просто потому, что вред причинен не источником повышенной опасности, а другой силой. При таком толковании понятие непреодолимой

силы становится излишним. Выходит, что всякий вред, причиненный деятельностью источника повышенной опасности, подлежит возмещению; вред же, причиненный непреодолимой силой, вовсе не является вредом, причиненным деятельностью источника повышенной опасности. Такое понимание «непреодолимой силы» противоречит ст. 404 ГК, которая имеет в виду именно создать специальное основание для освобождения от ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности.

Критика М. М. Агаркова сводится к тому, что «объективная» теория не определяет, а уничтожает понятие непреодолимой силы. Это возражение является справедливым, если под «внешней силой» понимать единственную, исключительную причину, породившую данный результат, если непреодолимой силой считать такую внешнюю силу, которая единственно и исключительно привела к данному последствию. Из такого именно примитивного представления о «внешней силе» исходит «объективная теория» непреодолимой силы, развитая немецким юристом Экснером, и критика М. М. Агаркова, поскольку она направлена против теории Экснера, является правильной: если понимать непреодолимую силу в том смысле, как это предполагает Экснер, то понятие это действительно становится излишним; достаточно было бы сказать, что предприятие, эксплуатирующее источник повышенной опасности, отвечает за всякий причиненный им вред и не отвечает за вред, им не причиненный. Но такое понимание действия «внешней силы» несовместимо с учением о причинной связи, построенным на основе диалектического материализма.

4. Когда мы говорим о том, что данный вредоносный результат, возникший при эксплуатации «источника повышенной опасности», следует отнести за счет действия «непреодолимой силы», то мы здесь имеем в виду не изолированное действие какого-то фактора «внешнего» (по отношению к названному источнику) происхождения, а особого рода сочетание действий данного источника повышенной опасности и упомянутого «внешнего» фактора; мы имеем в виду такую связь между действием самого источника повышенной опасности, названного «внешнего» фактора и данным вредоносным результатом, которая носит характер не причинно-необходимой связи, а причинно-случайного сцепления событий.

Так, например, в рассмотренном выше (§ 48, п. 9) деле по иску Мироновой к Химзаводу Верховный суд СССР с полным основанием отверг доводы ответчика (Химзавода) о том, что пожар произошел от действия непреодолимой силы. Определение является правильным потому, что связь между событиями, причинившими гибель имущества истицы (хранение горючих мате-

риалов близ железнодорожного полотна; искра от паровоза; пожар) является связью причинно-необходимой.

Вопрос о наличии или отсутствии непреодолимой силы в деле Мироновой должен быть разрешен в зависимости от того, является ли связь между фактами, обусловившими (в своей совокупности) гибель имущества Мироновой, связью причинно-необходимой или причинно-случайной.

Если данный вредоносный результат является следствием того, что к деятельности, представляющей повышенную опасность для окружающих, присоединяется действие некоторого «внешнего», по отношению к данному источнику повышенной опасности, фактора, то необходимо различать, является ли этот вредоносный результат следствием случайного сцепления обстоятельств (тогда можно так называемая «непреодолимая сила») или следствием причинно-необходимой связи между событиями (тогда наличие либо той называемый простой случай, т. е. отсутствие вины, либо вина).

Мы, таким образом, приходим к заключению, что различение «простого случая» и «непреодолимой силы» в конечном счете базируется на различении причинно-необходимых и причинно-случайных связей, о которых мы говорили выше, в § 46. Предлагаемая здесь объективная теория непреодолимой силы является развитием взглядов, впервые изложенных Д. М. Генкиным в заседании секции гражданского права ВЮН в июне 1949 года¹.

Если различие между простым случаем и непреодолимой силой определяется различием между «необходимой» и «случайной» связью фактов, которые в своей совокупности причинили данный вредоносный результат, то из этого надо заключить, что ни одно событие нельзя при всех условиях считать непреодолимой силой. Все зависит от характера связи этого события с другими событиями — от характера (имевшего место в данном случае) сочетания этого события с действием источника повышенной опасности.

Относительность критерия непреодолимой силы правильно подчеркнута в решении Верховного суда РСФСР (1925 г.) по делу Снхлера, где сказано, что «то, что в данном месте, в одной обстановке является легко преодолимым, в другом — может быть непреодолимым»².

Многое здесь, конечно, зависит от того уровня, которого достигла в данной отрасли техника строительства, техника безопасности и т. п.: если, например, снежные завалы некогда в желтено-

¹ См. «Во Всесоюзном институте юридических наук». Обзор застывшей секции гражданского права, — «Советское государство и право», 1949, № 11, стр. 73.

² Ср. комментарий к этому решению в Учебнике гражданского права для юридических вузов, 1944, стр. 341.

дорожням деле считалась всегда «непреодолимой силой», то иныи, поскольку со снежными заносами могут справиться снегоочистители, они очень часто могут быть рассматриваемы как простой случай. Если в настоящее время приходится считаться с действием засухи на урожай хлебов, то после осуществления генерального Сталинского плана полезапитных лесонасаждений нельзя уже будет ссылаться на засуху, как на «форсмажор» (непреодолимую силу). То же можно сказать и о других стихийных бедствиях (землетрясении, действии урагана и т. д.).

5. В нашей литературе было высказано мнение, согласно которому понятия «непреодолимой силы» и «явлений стихийного порядка» не совпадают (см. С. Н. Братусь и П. Е. Орловский, «Социалистическая законность», 1942, № 11—12, стр. 11—15). Это мнение основывалось на том, что Устав железных дорог в ст. ст. 63, 64 и 68, предусматривая безусловную ответственность железных дорог за неподачу вагонов по плану и за сохранность принятого к перевозке груза и ответственность отправителя за недогруз вагонов, освобождает, однако, железную дорогу от отправителя от означенной ответственности в случае стихийных явлений, вызвавших неподачу вагонов, недогруз или гибель либо порчу груза; при этом ст. ст. 63 и 64 дают перечень явлений стихийного характера (пожар, заносы, наводнения).

До Отечественной войны 1941—1945 гг. считалось, что эти статьи дают исчерпывающий, закрытый перечень оснований, освобождающих от ответственности, и из этого в первые годы войны делали вывод, что никакие явления, вызванные военными событиями, не могут служить основанием для освобождения железной дороги от ответственности за гибель вверенного ей груза (см. С. Н. Братусь и П. Е. Орловский, назв. работа). Однако позднее в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 29 января 1942 г. о процессуальных нарушениях по делам, рассматриваемым судами на основании Устава железных дорог и Устава внутреннего водного транспорта (ст. 22) указывается, что «если ответчик ссылается на обязательства, вызванные войной, как на условие, освобождающее его от ответственности, и наличие таких обстоятельств по делу будет подтверждено, суд должен принять во внимание заявление ответчика и разрешить дело с учетом этих обстоятельств» (Сборник постановлений Пленума Верховного суда СССР с 23 июня 1941 г. по 1 марта 1942 г., стр. 33). Еще более четкое разрешение этого вопроса дано в определении 12 января 1944 г. Судебной коллегией по гражданским делам Верховного суда СССР по иску конторы снабжения Кисловодского курорта и управлению Орджоникидзевской ж. д. о взыскании стоимости недостававшего в адрес истца груза. Груз сгорел во время бомбардировки г. Москвы в ночь на 22 июля 1941 г. Судебная коллегия признала, что военные действия, влекущие

за собой невозможность исполнения договора перевозки или надлежащее исполнение его как явление непреодолимой силы (разрядка мой. — Л. Л.) должны быть отнесены к обстоятельствам, освобождающим железную дорогу от ответственности в соответствии с п. «а» ст. 68 Устава железных дорог. Таким образом, наша судебная практика установила, что перечень явлений, данный в Уставе железных дорог, не является исчерпывающим¹.

Тем самым подчеркивается, что понятие «непреодолимой силы» в нашем гражданском праве является ед и н ы м.

§ 49. Убыток, подлежащий возмещению

1. Выше мы уже говорили о тех последствиях, которые наступают в случаях, когда обязательство не исполняется должником добровольно: в этом случае суд (или арбитраж) по жалобе кредитора может принудить должника либо к так называемому «реальному исполнению», либо к уплате кредитору денежного эквивалента взамен исполнения в натуре, т. е. к возмещению убытков. Взамен или в счет возмещения убытков или наряду с возмещением убытков должник иногда обязан — в случае неисполнения договора — уплатить определенную сумму денег, зафиксированную в законе или договоре (неустойка); обязанность уплаты штрафа или неустойки имеет место лишь в том случае, если она для соответствующего случая предусмотрена в законе или договоре.

Неустойка рассмотрена в § 32 настоящего тома.

2. Как отмечено выше (§ 45), требование реального исполнения является основным средством удовлетворения кредитора в случае неисполнения обязательства или в случае возникновения обязательств из причинения другому вреда; возмещение же убытков путем уплаты денежного эквивалента рассматривается в нашем гражданском праве как суррогат реального исполнения и должно допускаться лишь в тех случаях, когда имеет место «невозможность исполнения», за которую отвечает должник (в тех случаях, когда наступила невозможность исполнения, за которую должник не отвечает, обязательство прекращается). Кредитор, не получивший исполнения по обязательству, не может отказаться от принятия реального исполнения и требовать возмещения убытков, за исключением тех случаев, когда просроченное исполнение не представляет более для него интереса. Однако бремя доказывания того, что исполнение вследствие просрочки утратило интерес для кредитора, лежит на последнем. Кредитор — социалистическая организация — может также отказаться от принятия реального исполнения, которое просрочено.

¹ См. комментарий П. Е. Орловского, Практика Верховного суда СССР по гражданским делам в условиях Отечественной войны, 1944, стр. 43.

если отпало то плановое задание, на которое направлено исполнение. Наша судебная практика относится отрицательно к тому, чтобы должнику (причинителю убытков) было предоставлено право выбора между исполнением в натуре и денежным возмещением убытков. Так, например, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в определении 1948 года по иску колхоза «Красный Октябрь» к совхозу «Энтузиаст» о возмещении убытков, причиненных погравой огорода, указала, что суд (ответчику) право возратить истцу или овощи или их стоимость» («Судебная практика», 1942, № 1, стр. 17—18). Что касается соглашения сторон о замене реального исполнения уплатой денежного эквивалента, то оно недопустимо, когда речь идет о правоотношении между социалистическими организациями, если такое соглашение противоречит плану. Таким образом, реальное исполнение и денежное возмещение убытков нельзя рассматривать как два предмета альтернативного обязательства. Вопрос о замене реального исполнения денежным возмещением убытков должен быть разрешен судом (арбитражем) и не может быть предметом выбора по усмотрению кредитора (истца) или должника (ответчика).

3. В тех случаях, когда суд (арбитраж) заменяет реальное исполнение денежным возмещением убытков, происходит изменение содержания обязательства постановлением суда или арбитража: обязанность поставить товар, выполнить заказ и т. п. заменяется обязанностью возместить убытки путем уплаты определенной суммы денег.

М. М. Агарков по этому поводу высказал мнение, что «можно было бы поставить вопрос, не происходит ли в этом случае в силу закона замена одного обязательства другим. Формально логически равноправны два ответа: а) первоначальное обязательство прекращается и заменяется новым либо б) меняется содержание обязательства. Формально логический спор между этими двумя точками зрения был бы чисто схоластическим упражнением. Если мы предпочитаем говорить, что меняется содержание обязательства, то делаем это для того, чтобы краткой формулой выразить следующее: когда вступает в действие вместо исполнения в натуре обязанность возместить убытки и обязательство вместо одного содержания получает другое, то все остальные элементы, индивидуализирующие данное обязательственное правоотношение (стороны, основание возникновения), остаются прежними. В частности, все возражения, которые должник мог иметь против требования кредитора в первоначальном его содержании остаются и при изменении содержания» («Обязательство по советскому гражданскому праву». Ученые труды ВЮОН, 1940, вып. III, стр. 46). К сказанному М. М. Агарковым надо прибавить, что замена натурального исполнения обязанностью уплатить

денежный эквивалент не затрагивает судьбы (не погашает) акцессорных обязательств, обеспечивающих исполнение: залог, поручительство, задаток остаются в силе. Поэтому мы все же считаем, что было бы неправильным в такой замене видеть прекращение обязательства натурального исполнения с заменой его новым обязательством, направленным на уплату денежной суммы; с такой позицией трудно было бы согласовать сохранение в силе всех остальных элементов, индивидуализирующих данное обязательственное правоотношение. Едва ли, поэтому, изложенный М. М. Агарковым спор является схоластическим упражнением. Это спор о юридической конструкции, с которой связаны выводы, имеющие практическое значение.

4. Институт денежного возмещения убытков, как крайнего средства исполнения обязательств, имеет своей экономической предпосылкой то, что в СССР существуют товарно-денежные отношения. Так как денежное возмещение является крайним средством исполнения и заменяет собой реальное исполнение, то отсюда ясно, что возмещение это должно быть полным. Принцип полного возмещения убытков означает, что кредитор имеет право требовать, а должник обязан уплатить такую сумму денег, которая в экономическом отношении поставила бы кредитора в положение, в котором последний находился бы, если бы обязательство было должным образом и в срок исполнено; когда же речь идет о возмещении убытков по обязательству из причинения вреда, то потерпевший — в силу этого принципа — имеет право, а причинитель обязан уплатить такую сумму денег, которая поставила бы потерпевшего в экономическом отношении в положение, в котором он (потерпевший) находился бы, если бы не было совершено данного деликта.

Начало полного возмещения убытков выражено в ст. ст. 117 и 410 ГК, где говорится о возмещении причиненных неисполнением договора или деликтом убытков, т. е. о возмещении в принципе всех причиненных убытков. Под «причиненными убытками» мы разумеем денежную оценку того ущерба, который причинен неисправным должником или делинквентом. Поставщик, не доставивший покупателю сырья, может причинить перерыв в работе и недопроизводство на предприятии покупателя; денежная оценка тех имущественных результатов, которые возникнут для покупателя в результате такого недопроизводства, причиненного поставщиком, и составит убыток покупателя. Таким образом, строго говоря, термин «причиненные убытки» является неточным, ибо неисправный должник (или правонарушитель) причиняют не убытки в денежном их выражении, а причиняют ущерб в натуральной форме, который в условиях товарно-денежных отношений может получить и получает выражение в виде денежного эквивалента убытков, подлежащего возмещению.

Говоря о том, что возмещение убытков должно быть полным, мы, таким образом, имеем в виду уплату эквивалента в с е х и в и д о в натурального ущерба, причиненного кредитору (потерпевшему), при условии такой денежной оценки этого ущерба, которая дала бы кредитору возможность полностью загладить этот ущерб в своем имуществе.

Полное возмещение убытков является основным, исходным началом нашего гражданского права. В некоторых случаях наше право по особым основаниям допускает отступления от этого начала (см. ниже), но исходным началом является возмещение полного эквивалента того имущественного ущерба, который потерпел кредитор, ибо возмещение направлено на то, чтобы полностью уничтожить все последствия вреда, причиненного неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства или деликтом. Размер полного возмещения также зависит от правильного разрешения проблемы причинной связи между неисполнением обязательства (деликтом) и тем, что последовало за этим неисполнением или деликтом. Если в вопросе о причинной связи исходить не из «правильного» — объективного — критерия, а из субъективистских представлений, то в конечном счете сумма возмещения может оказаться выведенной произвольно, неправильно.

Принцип полного возмещения причиненных убытков как исходное начало советского гражданского права нашел свое отражение в нашей судебной практике. Определением № 17 1943 года по иску Иркутского пищеппрома к колхозу «Верный путь» о взыскании убытков за гибель принятых на хранение овощей Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР отменила решение Усть-Ордынского окружного суда и определение Судебной коллегии Верховного суда РСФСР, возложив на ответчика была возложена обязанность уплатить стоимость недостающего картофеля по цене 80 коп. за килограмм. Судебная коллегия Верховного суда СССР подчеркнула: «Суд неправильно предоставил колхозу возможность рассчитаться за несданный картофель по цене 80 коп. за килограмм, так как истец по этой цене не может приобрести другой картофель взамен погибшего. Поэтому речь может идти только о взыскании недостающего картофеля в натуре или о возмещении его рыночной стоимости» (см. Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР за 1943 г., стр. 190—191; см. там же аналогичное определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР № 19, 1943 г. по иску Иркутского пищеппрома к колхозу «Наша родина»).

7 сентября 1948 г. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела протест председателя Верховного суда СССР на определение Верховного суда РСФСР и

решение народного суда Юрьев-Польского района по иску колхоза «Красный Октябрь» к совхозу «Энтузиаст» о взыскании денежного возмещения убытков, причиненных колхозу потравой, произведенной скотом совхоза. Судебная коллегия в своем определении указала, что размер ущерба, причиненного колхозу потравой, должен определяться в соответствии со стоимостью потравленных овощей по существующим рыночным ценам на день рассмотрения дела в суде. «Решение суда о взыскании с ответчика в пользу колхоза стоимости овощей по государственным ценам не возмещало колхозу причиненных убытков и, следовательно, оно нанесено с нарушением ст. ст. 403 и 410 ГК» («Судебная практика», 1949, № 1, стр. 17—18).

Постановлением Пленума Верховного суда СССР от 12 января 1945 г. о порядке разрешения исков по делам о хищениях продовольственных товаров у частных лиц было предусмотрено: «учитывая, что вследствие хищения потерпевший лишается возможности приобрести полагающиеся ему по карточке продукты по госценам, суд, в соответствии со ст. 410 ГК, определяет подлежащую взысканию стоимость продуктов по рыночным ценам» («Судебная практика», 1945, вып. 1, стр. 3).

Примером того, как наш суд проводит в жизнь принцип полного возмещения убытков, является также определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР по иску Самойленко к шахтоуправлению треста «Кадиевуголь» («Судебная практика», 1947, вып. V, стр. 21—22).

В связи с проводкой шахты с применением взрывчатых веществ жилой дом, принадлежащий Самойленко на праве личной собственности, получил серьезные повреждения. В феврале 1945 года народный суд по иску Самойленко обязал шахтоуправление либо отремонтировать дом в течение года, либо возместить Самойленко убытки в сумме 60 тыс. руб. (из расчета расходов, которые должен понести Самойленко при восстановлении дома своими средствами по рыночным ценам). Так как шахтоуправление ремонта дома к указанному сроку не произвело, то судебный исполнитель снял с расчетного счета ответчика в пользу Самойленко 60 000 руб. и Самойленко приступил к ремонту собственными силами, заключив ряд договоров с рабочими.

Решение народного суда от 6 февраля 1945 г. было отменено второй инстанцией, после чего народный суд — при новом рассмотрении дела — удовлетворил иск Самойленко лишь в размере 6901 р. 29 к. (исходя из стоимости восстановления дома по твердым ценам). В силу этого решения Самойленко должен был вернуть шахтоуправлению 53 998 р. 71 к.

По протесту Председателя Верховного суда СССР последнее решение народного суда было отменено Гражданской коллегией Верховного суда СССР, которая, ссылаясь на ст. 410 ГК, при-

знала, что поскольку шахтоуправление не воспользовалось указанием суда о восстановлении дома в натуре, оно обязано возместить причиненные Самойленко убытки в денежной сумме, так как у Самойленко нет возможности восстановить дом в натуре по твердым ценам. Поэтому у суда не было оснований выносить решение, влекущее за собой обратное иски с Самойленко 53 998 р. 71 к., ибо «обратное взыскание этих денег с Самойленко будет означать, что причиненный ему ответчиком вред остается без возмещения». Ввиду изложенного Судебная коллегия определила оставить в силе первоначальное решение народного суда от 6 февраля 1945 г. и отменила все последующие решения и определения, вынесенные по настоящему делу.

Приведенные решения показывают, как проводился в жизни принцип полного возмещения убытков в условиях Отечественной войны 1941—1945 гг. — в условиях карточной системы снабжения продовольственными и промышленными товарами, при наличии большого разрыва между государственными и рыночными ценами.

«Несмотря на условия военного времени, Советскому правительству удалось на все время войны сохранить без изменений довоенные государственные цены на нормированные товары, что было обеспечено введением карточной системы снабжения продовольственными и промышленными товарами. Однако сокращение государственной и кооперативной торговли предметами широкого потребления и увеличение спроса населения на кооперативных рынках привели к резкому повышению рыночных цен, которые в отдельные периоды были выше довоенных цен в 10—15 раз» (Из постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) о проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары от 14 декабря 1947 г. — «Известия» 15 декабря 1947 г.).

В этих условиях Верховный суд СССР в целом ряде своих определений указал, что принцип полного возмещения убытков требует исчисления последних не на базе государственных, а на базе рыночных цен.

Но условия военного времени требовали в некоторых случаях ограничения этого принципа. Так, например, постановлением от 15 апреля 1943 г. Пленум Верховного суда СССР в порядке ст. 75 Закона о судостроительстве указал судам, что «при определении сумм, подлежащих взысканию с учреждений, предприятий и организаций (в том числе с театров, гостиниц, бань, прачечных, пошивочных и пошивочных мастерских, красильен и т. п.) в возмещение ущерба, понесенного гражданами вследствие хищения, утраты или повреждения по вине ответчика вещей, сданных на хранение или для выполнения заказа, или оставленных без охраны по вине ответчика, — суды должны исходить из повышен-

ных (коммерческих) цен государственной торговли с учетом износа, если иной порядок возмещения ущерба не установлен специальными законами и постановлениями правительства» (см. Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР за 1943 г., стр. 8; ср. в этом же Сборнике определения Судебной коллегии Верховного суда СССР по применению названного постановления Пленума Верховного суда СССР, стр. 177—178).

Денежная реформа 1947 года и проведенная одновременно с ней отмена карточной системы снабжения продовольственными и промышленными товарами, отмена высоких цен по коммерческой торговле и введение единых сниженных государственных розничных цен на продовольствие и промтовары, широкое развертывание государственной и кооперативной торговли, систематическое снижение цен — все эти мероприятия, проведенные на основе неизменно растущей экономической и политической мощи Советского государства, способствовали укреплению гражданского оборота.

В настоящее время нет тех затруднений для применения принципа полного возмещения убытков, которые нашли свое отражение в приведенных выше постановлениях Пленума Верховного суда СССР 1943 года и некоторых определениях Судебной коллегии Верховного суда СССР. Ныне постановление Пленума Верховного суда СССР 1943 года о порядке возмещения ущерба учреждениями, предприятиями и организациями за хищение, утрату или повреждение сданных им вещей не имеет никакой базы для применения.

При наличии единых государственных цен и свободной государственной и кооперативной торговли, применение принципа полного возмещения убытков, выраженного в ст.ст. 117 и 410 ГК, имеет твердую экономическую базу и не встречает сейчас тех затруднений, которые возникали при наличии карточной системы распределения продуктов.

5. Принцип полного возмещения всего ущерба выражен также в ряде определений Судебной коллегии Верховного суда СССР по делам о возмещении за увечье. В частности, например, в деле гр. Новикова по его иску к заводу им. 25 Октября Судебная коллегия по гражданским делам (1939 г.) пришла к следующему заключению¹:

Гр. Новиков, работая на заводе, получил увечье вследствие того, что во время работы раскаленная окалинка попала ему в глаз, в результате чего зрение он потерял полностью, так как зрение другого глаза он потерял еще до этого случая. В связи с этим он

¹ См. Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР за 1938 г. и первое полугодие 1939 г., стр. 164.

Был признан инвалидом первой группы и ему была назначена пенсия по социальному страхованию в размере полного оклада. Решением 1938 года народный суд по иску Новикова присудил ему дополнительные ежемесячные выплаты и возмещение расходов по уходу за ним. Вторая инстанция (Горьковский областной суд) оставила в силе это решение, но Прокурор СССР его опротестовал (в порядке надзора) на том основании, что гр. Новиков, как инвалид первой группы, получает пенсию по социальному страхованию в полном размере его прежней заработной платы и тем самым материально он полностью обеспечен (ст. 413 ГК). Ввиду этого Прокурор СССР просил решение народного суда и определение областного суда отменить и дело производством прекратить.

Судебная коллегия не согласилась с протестом Прокурора СССР. На основании ч. 1 ст. 413 ГК администрация не может нести перед потерпевшим рабочим или служащим материальную ответственность, поскольку, будучи страхователем потерпевшего, предприняла внесением страховых взносов по социальному страхованию обеспечила рабочего или служащего на случай причинения ему вреда. Но это правило п. 1 ст. 413 ГК не применяется, если ущерб является результатом преступного действия или бездействия администрации; в этом случае возмещение происходит на общих основаниях ст. 410 ГК, согласно которой возмещение за вред должно выражаться в восстановлении прежнего состояния, а поскольку такое восстановление невозможно — в возмещении причиненного убытка; под возмещение же убытков подпадают также и расходы по личному обслуживанию, которые после полученного увечья принужден нести гр. Новиков и в которых у потерпевшего до наступления несчастного случая надобности не было.

б. Гражданский кодекс в ст. 117 поясняет, что под убытками (подлежащим возмещению) «разумеется как положительный ущерб и имуществу, так и упущенная выгода, возможная при обычных условиях оборота». Ст. 117 ГК помещена в разделе общих положений, касающихся всех видов обязательств; она, следовательно, относится не только к обязательствам из договоров, но и к обязательствам из правонарушений.

Положительный ущерб в имуществе — это то уменьшение в имуществе кредитора (потерпевшего), которое причинено должником (правонарушителем). Упущенная выгода — это то увеличение (увеличение) в имуществе кредитора, которое «при обычных условиях» наступило бы, если бы должник выполнил свое обязательство (или если бы не было данного правонарушения). Если, например, данное оборудование из завод во время простоя и неиспользования (моралата рабочим и пр.), являются положи-

тельным ущербом в имуществе, и неполучение ожидаемой прибыли от реализации продукции является упущенной выгодой.

Обязанность возместить упущенную выгоду вытекает из того, что наше право направлено на всемерную защиту социалистической и личной собственности. Государственная социалистическая собственность, имущество колхозов и других кооперативных и общественных организаций, равно как и благосостояние граждан, растут неуклонно вместе с укреплением экономической и политической мощи Советского государства. Наше гражданское право защищает не только наличие имущества социалистических организаций и граждан, но и то имущество, которое было бы создано и получено данной организацией, данным гражданином, если бы не было тех фактов (поведения несправных должников или правонарушений), которые являются основанием для требований о возмещении убытков. При этом, однако, закон может защищать лишь такой возможный прирост имущества, который является реальным в данных условиях социалистического строительства; гадательные расчеты не могут служить основанием для определения размера возмещения. Эту реальность упущенной выгоды имеет в виду ст. 117 ГК, когда она говорит о возмещении того, что возможно «при обычных условиях оборота».

В условиях яэпа Верховный суд РСФСР в известном решении 1924 года указал, что «толкование ст. 117 ГК губернским судом не соответствует ни смыслу, ни общим началам советского законодательства, которое преследует спекулятивный характер сделок и закрывает двери всяким сделкам просто на разницу; что ст. 117 ГК имеет, конечно, в виду совершенно конкретную выгоду, при «обычных условиях оборота», а не просто по средним ценам» (определение по иску К. П. Карпа к т-ву «Гамма», «Ежегодник Советской Юстиции», 1924, № 19/20, стр. 473). Под конкретной выгодой здесь, очевидно, имелась в виду «реальная выгода».

Наша нынешняя судебная практика весьма строго относится к доказательствам упущенной выгоды: она имеет в виду лишь такой прирост в имуществе социалистической организации, получение которого обеспечено принятыми конкретными мерами и потому представляется вполне реальным. То обстоятельство, что данная прибыль запланирована, само по себе недостаточно; необходимо, чтобы организация доказала, что она уже приняла все от нее зависящие меры к получению данного прироста в своем имуществе и что неполучение этого дохода причинено поведением должника (его неисполнением или просрочкой в исполнении). Еще большую сдержанность в этом вопросе проявляет арбитражная практика, которая в ряде своих решений обнаруживает склонность вообще отрицательного отношения к присуждению упущенной выгоды. Такое отношение к данному вопросу, по нашему мнению, не является правильным: строгое

проведение договорной дисциплины требует проведение в жизнь принципа полного возмещения всех убытков, вызванных неисполнением обязательства.

В связи с этим надо отметить, что по делам о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью, в этих случаях гражданину причитается выплата содержания, размер которого определяется на основе норм, учитывающих степень утраты трудоспособности и размеры заработка до момента получения увечья. Здесь размер выплат строится на вероятности того, что данное лицо сохранило бы свой заработок, если бы не лишилось трудоспособности. Такой расчет имеет вполне реальные основания в условиях социалистической системы хозяйства, где нет и не может быть ни экономических кризисов, ни безработицы.

7. В нашей литературе указывалось на необходимость различать убытки «прямые», наступившие непосредственно после противоправного действия (неисполнения обязательства, правонарушения), и «косвенные», более отдаленно связанные с противоправным действием. Исходя из этого различия, М. М. Агарков полагал, что возмещению подлежат только прямые, но не косвенные убытки (учебник гражданского права для юридических вузов, 1944, т. 1, стр. 380—381).

Для такого общего правила нет в нашем гражданском праве достаточных оснований: ограничение ответственности лишь так называемыми прямыми убытками является по существу отступлением от общего принципа полного возмещения убытков. Поэтому утверждение, что косвенные убытки вообще, как правило, не подлежат возмещению, противоречит нашему закону (см. выше), исходит из неправильного представления о причинной связи — из ошибочного представления о том, что из фактов, предшествующих данному результату, те, которые во времени стоят ближе к этому результату якобы всегда в большей мере способствуют наступлению этого результата, чем факты во времени более отдаленные. Такое представление о причинной связи носит механический характер и может привести практически к неправильным выводам (см. § 46). Различение убытков прямых и косвенных может иметь значение как исключение из общего правила (ср. ст. 368 ГК).

Различение убытков прямых и косвенных служило иногда основанием для неправильных выводов по вопросу о возмещении упущенной выгоды. отождествляя прямые убытки с положительным ущербом в имуществе, а косвенные убытки — с упущенной выгодой, некоторые авторы на этом основании отрицательно относились к возмещению упущенной выгоды. Такой вывод ошибочен, а именно: 1) он исходит из неправильного утверждения, что косвенные убытки якобы, как правило, не подлежат возмещению; 2) он исходит из совершенно произвольного, необоснован-

ного утверждения, что упущенная выгода всегда является явным более отдаленным следствием правонарушения или неисполнения договора, тогда как и положительный ущерб в имуществе и упущенная выгода могут при одних условиях оказаться непосредственным (прямым), а при других — более отдаленным (косвенным) результатом неправомерного действия или упущения.

8. Принцип полного возмещения убытков является исходным началом договорной и внедоговорной ответственности. Он подлежит применению, поскольку законом или подзаконным актом не установлено изъятий.

К таким изъятиям, например, относятся: ограничения ответственности по железнодорожным перевозкам согласно Уставу железных дорог (ответственность железной дороги за убытки от просрочки в доставке груза не может превышать суммы провозной платы, указанной в тарифных расчетных таблицах; ответственность железной дороги за неподачу вагонов также ограничивается определенными штрафами и т. д.); ограничения ответственности органов связи за утрату, задержку или неправильную выдачу почтовых отправлений, предусмотренные в Уставе почтовой, телеграфной, телефонной и радиосвязи; ограничения пределов ответственности поставщика электроэнергии за недопоставку электроэнергии (штрафом в кратном размере к стоимости недопоставленной энергии), установленное в соответствующем типовом договоре НКТП и др.¹

Примеры подобных ограничений принципа полного возмещения убытков, указанных в законах и подзаконных актах, можно было бы умножить. Основания этих изъятий различны. Они могут быть рассмотрены лишь в соответствующих разделах особенной части обязательственного права, посвященных отдельным видам обязательств.²

¹ См. Устав железных дорог СССР — СЗ СССР 1935 г. № 9, ст. 73; Устав почтовой, телеграфной, телефонной и радиосвязи СССР — СЗ СССР 1929 г. № 22, ст. 194.

² Г. К. Матвеев (в статье «Об определении размеров договорного убытка в отношениях между социалистическими организациями», Киевский Государственный Университет им. Т. Г. Шевченко, Юридический сборник № 3, 1948) доказывает необходимость проводить принцип полного возмещения убытков также и во взаимоотношениях между социалистическими организациями: «... пострадавший от нарушения договора кредитор может требовать от виновного несправного должника всех реально понесенных им убытков как в виде положительного ущерба, так и упущенной выгоды». Автор правильно указывает на то, что главные трудности заключаются в доказательстве размера убытков и что в отношении этих доказательств кредитору должны предъявляться строгие требования. Трудности в доказывании убытка нельзя преодолеть, следуя методу приближенных оценок, ибо он означает полное удовлетворение требований к оформлению дел об убытках в известное беспристрастное решение (ущерб «пополам»). Вместе с тем автор приводит примерный перечень наиболее существенных изъятий из принципа полного возмещения убытков.

9. При исчислении убытков существенное значение может иметь вопрос о том моменте, к которому должна быть приурочена оценка. Если, например, со дня уничтожения или повреждения вещи стоимость вещей того же рода изменилась (в результате, например, снижения соответствующих государственных цен), то возникает вопрос — следует ли присудить потерпевшему стоимость вещи на день совершения деликта или ту стоимость, которую вещь имеет в момент вынесения решения? Аналогичный вопрос может возникнуть и в случае неисполнения обязательства из договора: следует ли присудить кредитору стоимость непоставленных товаров на момент просрочки или на момент вынесения решения?

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР по иску колхоза «Красный октябрь» к совхозу «Энтузиасты» определила (1948 г.), что решение народного суда 1946 года о присуждении стоимости овощей «по рыночным ценам, существующим на день рассмотрения дела», является правильным. Такое решение вопроса вытекало из того, что «совхоз должен вернуть истцу овощи в натуре» и что выплата денежного эквивалента имеет целью предоставить истцу взамен овощей, уничтоженных по вине ответчика, необходимые средства для приобретения того же количества овощей (см. выше).

Надо признать, что это определение находится в полном соответствии со ст. 410 ГК — с принципом полного возмещения убытков. Как уже отмечалось выше, основным средством удовлетворения является возмещение в натуре; выплата же денежного эквивалента имеет своей целью предоставить кредитору необходимые средства для приобретения взамен уничтоженных по вине должника или взамен непоставленных им вещей другого же рода. Принцип полного возмещения убытков нашел четкое отражение в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 17 февраля 1948 г. (о применении постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 14 декабря 1947 г. «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары» по спорам, вытекающим из правоотношений, возникших до издания этого постановления). В п. 4 этого постановления Пленума Верховного суда СССР сказано: «Суды должны присуждать с учреждений, предприятий, организаций или граждан в возмещение стоимости определенного имущества, то при наличии данных, указывающих на явное несоответствие между ценой на имущество, существующей в момент вынесения решения, и ценой, существующей к моменту рассмотрения дела, а по делам, уже рассмотренным судами — к моменту исполнения решения — суд может по заявлению заинтересованной стороны, по представлению прокурора и по собственной инициативе в порядке ст. 185 ГК РСФСР и соответ-

ствующих статей гражданских процессуальных кодексов союзных республик определить подлежащую взысканию с ответчика сумму в соответствии со стоимостью имущества по существующим ценам («Судебная практика» 1948 г. вып. III).

10. Принцип полного возмещения убытков определяет, тем самым, ограничивает пределы возмещения; из него вытекает, что если с причиненным ущербом связано возникновение какой-либо выгоды для кредитора, то возмещение убытков определяется разницей между этим ущербом и выгодой. Кредитор в порядке возмещения убытков не должен получить необоснованной выгоды, необоснованного прироста имущества.

Из этого исходила Гражданская кассационная коллегия Верховного суда РСФСР в своем определении 1925 года по делу № 3561 («Еженедельник Советской Юстиции», 1925, № 34), где, между прочим, сказано: «Как усматривается из дела, суд в нарушение ст. 410 ГК исчислил не размер понесенных истцом убытков от пожара дома, а стоимость его восстановления», имея в виду восстановление сгоревших частей здания новыми материалами. Такое исчисление является неправильным, ибо суд «должен был внести определенную поправку на изношенность сгоревших частей строения».

11. Принцип полного возмещения убытков требует индивидуального подхода к каждому отдельному случаю: необходимо определить, какой ущерб причинен данному кредитору при данных условиях; для этого надо взвесить все обстоятельства конкретного случая. Но присуждаются лишь убытки имущественного характера. Нематериальный ущерб (вызванный, например, тем, что поврежденная вещь дорога для потерпевшего по тем воспоминаниям, которые с нею связаны) не поддается вообще денежной оценке и не может быть выражен в денежном эквиваленте¹. Поэтому не может ставиться вопрос о денежной оценке и о денежном возмещении такого вреда. В противоположность этому буржуазное право — в особенности английское право, насквозь проникнутое духом коммерциализма, — допускает денежную оценку так называемого «морального вреда». С точки зрения буржуазии ценно лишь то, что имеет меновую ценность, рыночную стоимость. И когда буржуазное право предусматривает денежное возмещение «морального вреда», то имеет в виду тот моральный вред, который способен почувствовать буржуа: супружеская неверность со стороны жены коммерсанта может, получив огласку, причинить ущерб «коммерческой репутации» этого коммерсанта; отсюда — такой «моральный» вред оценивается на деньги, и обиженный супруг получает право иска

¹ Однако при обсуждении того, не является ли неустойка чрезмерной, суд должен принять во внимание не только имущественный, но и этический вред, заслуживающий уважения. Интерес кредитора (ст. 142 ГК).

а любовнику жены (такова французская судебная практика. См. также Дженкс. Свод английского гражданского права, 1949, стр. 271). Нанесенное оскорбление словом или действием также может быть заглажено денежным возмещением (см. там же, стр. 259). Разумеется, здесь речь идет лишь об исках в среде буржуазии: за оскорбление или дурное обращение, которому хозяин (наиматель) подверг рабочего, ни один буржуазный суд не прикудит последнему какого-либо возмещения.

Выше мы уже приводили решение Верховного суда РСФСР 1924 года по делу Карна, в котором подчеркивается, что советский суд присуждает конкретные убытки и относится отрицательно к исчислению убытков по средним ценам. Этот принцип присуждения конкретных убытков, т. е. убытков, возникших для данного лица в данных конкретных условиях, строго применяется в нашей практике. Однако по сделкам внешней торговли, заключаемым нашими внешнеэкономическими организациями с иностранными фирмами, возможно применение «абстрактного» метода исчисления убытков, или, иначе говоря, присуждение так называемых абстрактных убытков, как это вообще принято в практике международной торговли, т. е. определение убытков путем исчисления разницы между ценой, указанной в данной сделке, и ценой на внешнем рынке в момент вынесения судебного или арбитражного решения.

В тех случаях, когда наш суд или арбитраж допускают применение метода абстрактных убытков, речь идет, в сущности, о применении ими обычая международной торговли¹.

12. В нашей юридической литературе высказывалась мысль о необходимости соразмерять возмещение вреда со степенью вины причинителя² (при умысле большее возмещение, чем при грубой неосторожности, а при грубой неосторожности — большее возмещение, чем при легкой неосторожности). С этим общим исходным тезисом, однако, нельзя согласиться, так как соразмерение ответственности со степенью вины противоречило бы началу полного возмещения вреда, выраженного в нашем законе (ст. ст. 117, 110 ГК), и, следовательно, чуждо нашему праву.

Попытки соразмерять пределы гражданской ответственности со степенью вины причинителя вводят в гражданско-правовые отношения чуждый им элемент уголовно-правового характера. Институт возмещения вреда не призван служить тем же целям, которым служит уголовно-правовое наказание. Разумеется, обязательность возмещения вреда, как и все институты советского

¹ О применении этих обычаев в практике Внешнеторговой Арбитражной Комиссии при Всесоюзной Торговой Палате в Москве — см. Л. А. Лукич. Международное частное право, 1949, стр. 48, 358.

² На этой точке зрения стоит, по-видимому, Х. Н. Шард. Значение вины в обязательствах из причинения вреда, 1937, стр. 37.

социалистического права, имеют воспитательное значение для граждан — воспитывают их в духе бережного отношения к социалистической собственности, чуткого отношения к человеческой личности и к личной собственности, но специфической целью гражданской ответственности, в частности обязательства возмещения вреда, причиненного неисполнением договора или деликтом, является восстановление (полное) имущественной сферы кредитора (потерпевшего), нарушенной поведением должника.

Г. М. Матвеев (Юридический Сборник Киевского Государственного университета № 2 «К вопросу о вине как основании договорной ответственности», стр. 128—129) считает, что соразмерение объема материальной ответственности со степенью вины должника могло бы иметь «несомненное воспитательное и дисциплинирующее влияние на участников договорных связей». Не предпринимая вопроса о том, в каких конкретных формах может выразиться различный объем ответственности должника при разных степенях его виновности, Г. М. Матвеев — в качестве одной из таких форм (стр. 127) — предусматривает возмещение при умысле не только положительного ущерба в имуществе, но и упущенной выгоды. Практически это означает неполное возмещение убытков при неосторожности, т. е. снижение в этих случаях ответственности за неисполнение. Мы полагаем, что такой подход способствовал бы не укреплению, а ослаблению договорной дисциплины и что только принцип полной ответственности за всякую вину соответствует началам нашего гражданского права.

13. Право кредитора на возмещение убытков, возникших вследствие неисполнения должником своего обязательства, не может быть использовано кредитором в таких целях, которые направлены на ухудшение положения должника и противоречат интересам социалистического государства. Между кредитором и должником в социалистическом государстве нет и не может быть антагонистических интересов, когда речь идет об обязательстве между социалистическими организациями и когда такое обязательство направлено на выполнение народнохозяйственного плана; в этом случае исполнение обязательства — общее дело обеих сторон (поставщика и покупателя, подрядчика и заказчика) и обе стороны обязаны принять меры к возможному избежанию или уменьшению убытков. Если, например, поставщик своевременно не отгрузил товара, необходимого покупателю для его производства, и это вызвало простой на заводе покупателя, то последний не должен бездействовать, надеясь на полное возмещение ему всех убытков; наоборот, он должен со своей стороны принять все меры к сокращению того ущерба в своем производстве, который может произтекать от несвоевременной от-

груза продавцом названных товаров; эта обязанность кредитора (покупателя) находит свое гражданско-правовое выражение в том, что кредитор не получит возмещения той части убытков, которая могла бы быть предотвращена его (кредитора) надлежащими и своевременными мероприятиями. Неприятие кредитором таких мер рассматривается как его вина (в отношении другой стороны и государства), дающая основание должнику на освобождение от ответственности или на снижение этой ответственности. Этот принцип нашел свое отражение в Гражданском кодексе: ст. 118 предусматривает освобождение должника от ответственности за неисполнение, если он докажет, что «невозможность исполнения... создавалась вследствие умысла или неосторожности кредитора». Редакция ст. 118 ГК в этой части носит неполный характер: кредитор отвечает не только за причиненную им и по его вине невозможность исполнения, но и за всякое свое неправомерное действие, которое ухудшает положение должника, как стороны в обязательстве. В частности, кредитор отвечает и за неприятие им мер к сокращению собственных убытков, вызванных неисполнением со стороны должника, ибо такая пассивность кредитора причиняет убытки должнику (создает для него опасность презумптивной ответственности перед тем же кредитором) и в случае взаимоотношений между социалистическими организациями приносит убытки Советскому государству.

Практика в изложенном здесь смысле расширила этот принцип, выраженный в ст. 118 ГК. Например, Госарбитраж при СНК СССР в 1943 году снизил сумму требования завода к поставщику угля, не отгрузившему во время партии угля названному заводу, вследствие чего на заводе произошел простой, вызвавший значительные убытки. Госарбитраж поставил вопрос о том, какие из происшедших убытков истец (завод) мог бы предотвратить путем своевременного принятия надлежащих мер.

Применительно к договору строительного подряда Госарбитраж в одном из своих решений 1940 года исходил из следующего: если неприятие мер к устранению недостатков, обнаруженных заказчиком и принимаемых им строительными работами, может повлечь дальнейшую порчу этих работ, заказчик обязан своими действиями устранить эти недостатки за счет подрядчика и несет ответственность за бездеятельность¹.

Отсюда вытекает также, что если ущерб возник для кредитора вследствие совокупного действия и обстоятельств, из которых некоторые лежат на ответственности должника, а другие на ответственности кредитора, то в соответствии с этим размер возмещения подлежит снижению; кредитор в этом случае получает

¹ «Арбитраж», 1940, № 3 стр. 30; см. И. Б. Новицкий, Учение кредитора в исполнении договорного обязательства, «Советское государство и право», 1947, № 7, стр. 32.

частичное покрытие возникших для него убытков, что и в какой мере не является умалением принципа полного возмещения убытков, ибо кредитор должен сам нести убытки, вызванные его поведением, если налицо противоправность и вина кредитора. Разумеется, при таком «распределении» убытков по началам так называемой «смешанной ответственности» нельзя требовать математически точного соразмерения этих убытков со степенью вины каждой из сторон. Такая точность практически неосуществима. Суду или арбитражу необходимо предоставить известную свободу в «распределении» убытков между лицами, которые являются сопричинителями и совиновниками в данном ущербе, с тем, чтобы были приняты во внимание все обстоятельства данного конкретного случая. Такое разложение убытков между кредитором и должником нашло свое выражение в ряде арбитражных решений.

Примером может служить следующий случай: поставщик по ошибке отгрузил подверженный скорой порче груз не в адрес покупателя, а в адрес третьей организации, а последняя, получив товар, не приняла надлежащих мер к предотвращению порчи товара; когда же груз в конце концов попал к организации покупателя, то и здесь также не было принято надлежащих мер, вследствие чего весь товар полностью сгнил. Арбитраж установил, что истец (покупатель) и оба ответчика (поставщик и третья организация) являются все трое сопричинителями и совиновниками полной гибели товара и «разложил» соответствующую сумму убытка между названными тремя организациями.

Сходным случаем смешанной ответственности кредитора и должника являются случаи «вины потерпевшего», предусмотренные ст. ст. 403 и 404 ГК, которые будут рассмотрены в части курса, посвященной обязательствам из причинения вреда.

Случаи смешанной ответственности и распределения убытков между сторонами имеют место в практике Морской Арбитражной Комиссии при Всесоюзной Торговой Палате: когда причиной столкновения судов является случай, убытки несет потерпевший; если столкновение произошло по вине одного из судов, убытки несет владелец виновного судна; если столкновение произошло по вине обоих судов, ответственность устанавливается в соответствии с долей вины каждой из сторон, а при невозможности установить эту долю, убытки распределяются поровну.

В этой практике сочетаются принцип полного возмещения убытков и принцип ответственности кредитора (потерпевшего) за собственную вину.

14. Применение изложенных начал может иногда привести к заключению, что для иска о возмещении убытков вообще нет оснований, так как кредитор (потерпевший) легко и без существенных материальных затрат имеет возможность предотвратить

убытки. В определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР 1944 года по иску Азербайджанского Совхозтреста к Азербайджанской конторе Госбанка СССР о взыскании 15 447 руб. (Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР за 1944 г., стр. 244) обсуждался следующий случай. Истец сдал ответчику в 1936 году на викассо два платежных требования к совхозам на названную сумму. Платежные требования этими совхозами оплачены не были, и Госбанк наложил на них свой штамп, превратив их в исполнительные документы. В октябре 1942 года Госбанк (ответчик) предложил истцу выставить на викассо дубликаты платежных требований, поскольку прежние платежные требования были утеряны в соответствующем отделении Сельхозбанка. Однако истец дубликатов не выставил и, взамен этого, предъявил Госбанку иск о взыскании сумм утраченных платежных требований (исходя, очевидно, из того, что Госбанк — по п. 2 ст. 119 ГК — отвечает за Сельхозбанк, утративший названные документы). Судебная коллегия решила, что Госбанк не несет ответственности за утерю исполнительных документов, которые истец имел возможность восстановить так, чтобы, выставив дубликаты платежных требований на викассо, добиться оплаты их со стороны своих должников¹.

15. Согласно ст. 411 ГК, при определении размера возмещения за вред, причиненный правонарушением, суд во всех случаях должен принять во внимание имущественное положение потерпевшего и причинившего вред. Это правило не имеет применения в тех случаях, когда потерпевшим является государственное, кооперативное или общественное учреждение, предприятие или организация (постановление Пленума Верховного суда СССР от 16 июня 1943 г. о судебной практике по искам из причинения вреда, пп. 13 и 14). При присуждении с колхоза возмещения за вред, причиненный колхознику, размер платежей определяется судом, исходя из заработка, которого лишился истец в связи с увечьем и с учетом имущественного положения потерпевшего и хозяйственной мощи колхоза не только имущественное положение колхозника, но и хозяйственную мощь колхоза (постановление Пленума Верховного суда СССР от 5 мая 1950 г. о судебной практике по гражданским колхозным делам; см. «Судебная практика», 1950, № 7).

Согласно ст. 123 ГК, порядок взыскания присужденного кредитором с должника за неисполнение или просрочку может быть определен судом в зависимости от имущественного положения должника (отсрочка или рассрочка). Ст. 123 ГК относится к об-

¹ См. также определение коллегий Верховного суда СССР по гражданским делам по иску доли межрайбазы Облаготребсоюза к отделению Госбанка («Судебная практика», 1950, № 3, стр. 41).

щим положениям нашего обязательственного права, а ст. 411 ГК лишь к обязательствам из правонарушений.

Статья эти дополняются ст. 182 ГПК, согласно которой, при постановлении решения, суд, определяя порядок исполнения решения, может отсрочить или рассрочить его исполнение, исходя из имущественного положения сторон или иных обстоятельств дела. В исключительных случаях суд может и после вынесения решения отсрочить и рассрочить исполнение решения, а также изменить способ и порядок его исполнения; суд выносит об этом определение в судебном заседании с вызовом сторон.

Основная сфера действия ст. ст. 123 и 411 ГК и ст. 182 ГПК — отношения между гражданами. Статья эти являются одним из выражений социалистического гуманизма в нашем гражданском праве.

§ 50. Вопрос о выборе оснований требования (из договора или из правонарушения)

1. В нашей судебной практике долгое время не было четкого разграничения договорной ответственности по ст. ст. 117—118 ГК и внедоговорной ответственности по ст. ст. 403—415 ГК. Это вытекало из того, что во многих случаях фактический состав дел дает повод как для предъявления требования по ст. 117 ГК, так и для предъявления требований по ст. 403 ГК.

Примером может служить дело № 76 1940 года по иску колхоза «Кзыл Пахтатор» к Мурадовым. Мурадовы получили от колхоза в пользование двух быков и во время их не возвратили; быки пропали. Судебная коллегия Верховного суда СССР определила: «поскольку Мурадовы причинили колхозу своими действиями материальный ущерб, не возвратив быков на ночь на скотный двор колхоза и не обеспечив их сохранности у себя во дворе, они обязаны в порядке ст. 403 ГК возместить этот вред»¹. Судебная коллегия могла бы, однако, мотивировать свое решение иначе: признать, что отношения колхоза и Мурадовых являются отношениями по договору имущественного найма и что Мурадовы обязаны возместить колхозу убыток по ст. ст. 117 и 174 ГК.

Другой пример: определение Судебной коллегии Верховного суда СССР по иску Исакадзе к Боржомской городской аптеке. Аптека продала истцу лекарства для лечения коров без надлежащих наставлений и предупреждений о порядке пользования лекарствами; коровы в результате неправильного применения лекарства погибли.

¹ См. Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР за 1940 г., стр. 225, 226.

Судебная коллегия и здесь ставит вопрос об убытках по ст. 403 ГК, хотя были основания для применения ст. 117 ГК (убытки нарушила свои обязательства продавщица лекарства) ¹.

В целом ряде решений ставится вопрос об ответственности лиц или учреждений за сохранность принятых ими на хранение вещей. В случае пропажи вещей суд присуждал хранителя к возмещению ущерба, ссылаясь при этом в некоторых делах на ст. 403 ГК, а в других — на ст. 117 ГК.

2. Возникает вопрос, можно ли в тех случаях, когда фактический состав дела дает повод для предъявления требования как по ст. 117 ГК, так и по ст. 403 ГК, предоставить истцу возможность предъявить любое из этих требований по своему выбору. При разрешении этого вопроса необходимо иметь в виду, что последствия договорной и внедоговорной ответственности хотя и имеют существенные черты сходства (принцип полного возмещения действует в обоих случаях), но в некоторых отношениях различны:

а) по ст. 403 должник освобождается от ответственности (полностью или частично), если пред возник вследствие умысла или грубой неосторожности самого потерпевшего; легкая неосторожность потерпевшего не влияет на ответственность причинителя; по ст. 117—118 ГК должник (полностью или частично) освобождается, если докажет, что невозможность исполнения произошла вследствие умысла или неосторожности (хотя бы и легкой неосторожности);

б) к договорной ответственности не имеют применения ст. ст. 405, 406, 411 ГК;

в) при договорной ответственности должник в виде общего правила отвечает «за чужую вину» на основаниях, изложенных в п. 2 ст. 119 ГК.

По обязательствам из причинения вреда Гражданский кодекс не устанавливает такого общего правила, а определяет такую ответственность лишь в специальных случаях (ст. 407 ГК).

Эти различия в регулировании последствий договорной и внедоговорной ответственности в значительной мере утратили бы практическое значение, если бы допустить описанный выше выбор оснований исков по усмотрению кредитора. Очевидно, что такой результат противоречил бы цели закона.

Допущение иска из внедоговорного основания при наличии полной возможности предъявить иск из договорного основания всегда приводит к неправильному выбору ответчика, как это видно, например, из определения Судебной коллегии 1945 года по иску артистов театра «Миниатюр» к Молотовскому обкому профсоюза рабочих леса и сплава («Судебная практика» 1945 г., вып. 1).

¹ См. выше, стр. 312.

В июле 1943 года Молотовский обком союза рабочих леса и сплава заключил с директором театра «Миниатюр» соглашение, по которому театр принял на себя обязательство в течение лета 1943 года провести культурное обслуживание спектаклями и концертами рабочих леса и сплава на реке Каме, а обком союза обязался предоставить для этого театру пловучий клуб-баржу с полным оборудованием и обслуживающим персоналом и, в частности, помещение для театра и проживания артистов.

Транспортно-экспедиционное обслуживание баржи было обкомом поручено такелажно-транспортной конторе «Камлессплав», которая для этого выделила судовую команду. По вине последней в сентябре 1943 года на барже вспыхнул пожар, и все имущество театра и артистов сгорело.

Судебная коллегия Верховного суда СССР (1945 г.) определила, что хотя собственником баржи являлся обком союза, но в силу сложившихся между ним и такелажно-транспортной конторой фактических отношений, последняя непосредственно распоряжалась баржей и осуществляла техническую эксплуатацию баржи, как транспортного судна. Если в результате неправильных действий или упущений экипажа на барже возник пожар, повлекший уничтожение имущества театра и артистов, обязанность возместить причиненный вред в силу ст. 403 ГК должна нести такелажно-транспортная контора, а не обком союза.

С решением этим нельзя согласиться. Между театром «Миниатюр» и обкомом союза существовали договорные отношения, и ненадлежащее обслуживание артистов, причинившее пожар и гибель их имущества, является прежде всего нарушением этих договорных отношений. Поэтому надлежащим ответчиком в данном деле являлся обком союза, с тем, что последний мог предъявить регрессный иск к такелажно-транспортной конторе. Смена оснований ответственности привело к допущению прямого иска к такелажно-транспортной конторе и к полному выпадению из данного правоотношения обкома союза, заключившего договор с театром «Миниатюр» и тем взявшего на себя ответственность перед этим театром.

По всем изложенным основаниям мы не можем согласиться с проф. Е. А. Флейшиц, утверждающей, что в подобных случаях «нет основания отказывать кредитору в праве выбора между договорной и деликтной ответственностью должника» ¹, но полагаем, что, поскольку имеются предпосылки для требования по ст. 117 ГК, требование по ст. 403 ГК и сл. не может быть предъявлено ².

¹ См. «Советское право в период Великой Отечественной войны», 1944, т. I, стр. 141.

² См. М. М. Атарков. — Сборник «Вопросы советского гражданского права», 1945, стр. 144 и сл.

3. В настоящее время смешение указанных оснований ответственности (договорной и внедоговорной), которое имело место в нашей судебной практике, должно отпасть ввиду постановления Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г. о судебной практике по искам из причинения вреда (см. Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР за 1943 г., стр. 9 и сл.), Указав на то, что по правилам ст. ст. 403—415 ГК «суды иногда разрешают споры об убытках, причиненных работниками нанимателям при исполнении служебных обязанностей (ст. ст. 83—83⁰ КЗоТ), а также споры об убытках, причиненных неисполнением обязательств (ст. 117 ГК)» и, отметив некоторые из связанных с этим ошибок, Пленум Верховного суда СССР «постановляет дать судам следующие указания: 1. Правила ст. ст. 403—415 ГК РСФСР и соответствующих статей гражданских кодексов других союзных республик должны применяться судами лишь в тех случаях, когда взыскивается возмещение за вред, возникший вне договорных отношений. Если же причиненный истцу вред возник вследствие неисполнения обязательства, принятого на себя ответчиком по договору или возложенного на него в силу закона, то ответственность за вред должна определяться или в соответствии с условиями договора, существующего между сторонами (ст. ст. 117—122 ГК РСФСР и соответствующие статьи гражданских кодексов других союзных республик) или же по правилам того закона, который регулирует данное правоотношение».

§ 51. Просрочка должника

1. Выше мы уже говорили о том, что к понятию частичного неисполнения в нашем гражданском праве относят: (1) случаи, когда обязательство исполнено ненадлежащим образом, т. е. когда исполнение является недостаточным со стороны качества или количества (например, поставщик отгрузил покупателю товары ненадлежащего качества или в недостаточном количестве), а также (2) случаи, когда обязательство исполнено должником с запозданием против срока, назначенного в законе или в договоре.

В общей части обязательственного права сформулирован ряд общих принципов, касающихся случаев несоблюдения должником срока исполнения по различного рода обязательствам: общее учение о просрочке должника изложено в ст. 121 ГК. Что же касается случаев дефектности исполнения со стороны качества или количества, то соответствующие вопросы рассматриваются не в общей части обязательственного права, а раздельно — применительно к разным видам обязательств. Целесообразность такого рассмотрения этих вопросов определяется тем, что соответствующий материал не поддается обобщению; по различным

видам обязательств возникают столь разные последствия в случае дефектности исполнения, что здесь трудно установить какие-либо единые начала.

Правда, по Гражданскому кодексу правовые последствия обнаружения продавцом недостатков в проданной вещи довольно близки к правовым последствиям обнаружения недостатков в подрядных работах (ср. ст. ст. 198 и 227 ГК), но это сходство отпадает, если от Гражданского кодекса перейти к нормам, регулирующим соответствующие вопросы в сфере взаимоотношений между социалистическими организациями: например, нормы, регулирующие последствия поставки недоброкачественной и некомплектной продукции¹, или вопросы недостачи продукции при поставке в транспортировке настолько отличны по кругу затронутых в них вопросов от норм, регулирующих вопросы о недостатках в работах по капитальному строительству, что объединение всего этого материала в общей части обязательственного права не представлялось бы возможным.

Но и в пределах материала, изложенного в гражданских кодексах союзных республик, едва ли могло бы быть плодотворным объединение в общей части обязательственного права такого различного по содержанию правового материала, как упомянутые выше нормы о недостатках исполнения по купле-продаже и подряду, с одной стороны, и нормы, касающиеся, например, дефектного исполнения комиссионером поручений комитета, с другой.

Таким образом, вопросы о дефектном исполнении обязательств могут быть рассмотрены лишь в особенной части обязательственного права (по отдельным видам обязательств).

В общей же части обязательственного права мы можем рассмотреть лишь те правовые вопросы, которые касаются нарушения должником сроков исполнения.

О значении своевременного исполнения договорных обязательств, которые опосредствуют выполнение плановых заданий, сказано выше (§ 39).

Здесь мы рассмотрим гражданско-правовые последствия несвоевременного исполнения обязательств.

2. Общие начала, регулирующие вопрос о просрочке должника, изложены в ст. 121 ГК РСФСР и в соответствующих статьях гражданских кодексов других союзных республик.

Должник признается просрочившим, если он не исполнил обязательства в установленный срок.

Просрочка должника имеет место, когда с наступлением срока не последовало исполнения по вине должника (или по вине лица,

¹ Ср. «Арбитраж в советском хозяйстве», 1948, стр. 423 и сл. и стр. 430 и сл.

за которых отвечает должник по п. 2 ст. 119). Достаточно наступления срока исполнения; не требуется, чтобы с наступлением срока было заявлено соответствующее требование со стороны кредитора (поскольку иное не вытекает из договора). По ст. 111 ГК, если срок исполнения не указан ни в законе, ни в договоре, либо если этот срок определен моментом востребования, то кредитор вправе требовать, а должник произвести исполнение немедленно. Заявление кредитором требования об исполнении предусмотрено в этой статье, является не условием наступления просрочки, а условием наступления срока исполнения.

Третьей предпосылкой наступления просрочки должника является в и а последнего: просрочка не наступает, пока исполнение не может последовать вследствие обстоятельства, за которое должник не отвечает (примечание к ст. 121 ГК). К числу обстоятельств, за которые должник не отвечает, Гражданский кодекс относит: а) невозможность исполнения, обусловленную обстоятельством, которого должник не мог предостеречь (ст. 118 ГК), и б) случаи, когда исполнение не может последовать вследствие просрочки кредитора, т. е. вследствие непринятия исполнителя со стороны кредитора или вследствие отсутствия исполнения необходимого или предусмотренного в соответствующем договоре содействия должнику в исполнении обязательства. Если срок исполнения наступил и исполнения не последовало, то вина должника предполагается, но должник может доказывать, что исполнение не имело место вследствие обстоятельства, за которое он (должник) не отвечает.

3. Просрочка исполнения со стороны должника влечет за собой следующие последствия:

а) Должник — допустивший просрочку — обязан возместить причиненные просрочкою убытки (ст. 121 ГК). При определении размера этих убытков соответственно применяются изъясленные в § 49. Возмещение убытков за просрочку не заменяет собой исполнения: кредитор вправе одновременно требовать возмещения убытков, причиненных просрочкой, и исполнения обязательства.

В договорах поставки между социалистическими организациями стороны предусматривают «санкции» за случаи просрочки и отгрузки товаров; но уплата этих «санкций» (пеней, неустоек) не заменяет собой обязанности исполнения: если покупатель не отказался от принятия товара, просроченного сдачей, то обязанность поставщика сдать товар сохраняет силу в течение всего времени, пока сохраняет силу то плановое задание, которое лежит в основании данного обязательства поставки.

По договору подряда в капитальном строительстве подрядчик за нарушение сроков, предусмотренных календарным планом строительства, уплачивает пеню в 0,05% договорной стоимости

неисполненных работ на каждый день просрочки, а при просрочке свыше 30 дней — сверх того 2% этой стоимости. В арбитражной практике по капитальному строительству установился порядок, согласно которому после взыскания этой неустойки прекращается дальнейшее начисление пени за просрочку. Практика относится отрицательно к требованиям о возмещении убытков, сверх названных санкций, и обычно ограничивается присуждением только последних. Разумеется, при этом сохраняется в силе обязанность подрядчика выполнить просроченные работы.

б) На должника возлагается ответственность за случайно наступившую после просрочки невозможность исполнения (ст. 121 ГК). Например, продавец индивидуально определенной вещи не доставил ее в срок покупателю, и после этого вещь погибла вследствие пожара, случайно возникшего на складе продавца или была похищена у продавца при обстоятельствах, которые он (продавец) не мог предвидеть. В этих случаях продавец несет ответственность за гибель или утрату вещи. Ответственность в этом случае основывается на том, что налицо в конечном счете вина должника (его просрочка), и на том, что налицо причинная связь между просрочкой должника и вредоносным результатом: если бы вещь была своевременно передана кредитору, то того факта, который имел место (гибели вещи у должника) не было бы. Некоторые из наших цивилистов¹ делают из этого обратный вывод: если должник докажет, что данный вред наступил бы и при отсутствии его просрочки (т. е. если бы он доказал, что данная вещь — будучи своевременно передана кредитору — погибла бы и у последнего), то с должника должна быть снята ответственность за этот вред. Это рассуждение исходит из субъективистских концепций о причинной связи: утверждение о том, что было бы, если бы вещь была передана кредитору, всегда носит характер большей или меньшей степени гадательности, а не достоверности; мы не можем делать из него выводов правового характера.

в) Если вследствие просрочки исполнение утратило интерес для кредитора, он может отказать принять таковое и потребовать возмещения убытков, как в случае неисполнения обязательства (ст. 121 ГК). Например, если артель по договору с профессиональной организацией обязалась изготовить плакаты, необходимые ко дню 150-летия со дня рождения А. С. Пушкина (а 6 июля 1949 г.), и не выполнила к сроку своей работы, то профсоюз может расторгнуть договор, отказаться от принятия просроченного исполнения и требовать возмещения убытков за неисполнение обязательства.

¹ М. М. Агарков, см. учебник гражданского права для вузов, 1944, с. 1, стр. 384.

Специальные правила установлены для обязательств между социалистическими организациями.

По договору поставки, при просрочке поставщика в отгрузке товара, покупатель имеет право отказаться от принятия той партии товара, слича которой просрочена, с соответствующим уведомлением об этом поставщика. Но товары, отгруженные поставщиком хотя бы с просрочкой до получения поставщиком уведомления покупателя об отказе от их приемки, должны быть приняты и оплачены покупателем; при этом покупатель сохраняет право на взыскание санкций за просрочку (ст. 11 постановления СНК СССР от 19 декабря 1933 г. «О заключении договоров на 1934 год», СЗ СССР 1933 г. № 73, ст. 445).

В практике арбитража возникали споры о том, должен ли покупатель, отказавшийся принять от поставщика просроченное исполнение, доказать, что исполнение утратило для него интерес вследствие просрочки поставщика или в этом случае достаточно одного заявления покупателя без каких-либо доказательств. Если покупатель должен подтвердить доказательствами свое утверждение, что исполнение вследствие просрочки утратило для него интерес, то арбитраж обязав проверить его доводы и при отсутствии достаточных оснований и доказательств признать их недостаточными. В 1947 году в арбитраже Центросоюза обсуждалось следующее дело. Одно из объединений Центросоюза обязалось поставить потребителю хозяйственные веревки. Товар, отгруженный со значительным опозданием против назначенного в договоре срока, не был оплачен покупателем. При рассмотрении дела покупатель сослался на то, что в результате несвоевременной отгрузки товара поставщиком, для него (покупателя) отпала выгода в товаре. Арбитраж, однако, не признал права покупателя отказаться от принятия и оплаты товара, так как покупатель лишь голосово заявил, но не доказал, что просроченное исполнение действительно утратило для него интерес. Это решение — в принципе — надо признать правильным: в отношениях между социалистическими организациями решение вопроса о том, отпала ли просроченное исполнение интерес для покупателя или нет, может основываться лишь на объективных данных (доступных проверке для арбитража), а не на произвольных или голословных заявлениях руководителей этих организаций.

Покупателю предоставляется право, взамен отказа от принятия просроченной партии товара, требовать этот недогруженный товар в следующем квартале, а на поставщика в этом случае возлагается соответствующая обязанность восполнить недогруз; при этом остаются в силе санкции, предусмотренные договором за нарушение сроков поставки (ст. 5 постановления СНК СССР от 2 декабря 1938 г. — СП СССР 1938 г. № 56, ст. 316). Эта обязанность поставщика восполнить недогруз установлена в от-

ношении предусмотренных квартальными планами снабжения фондируемых материалов и оборудования; она распространяется также на поставки товаров широкого потребления. Обязанность поставщика восполнить недогруз сохраняется в силе пока сохраняет силу плановое задание, которое лежит в основании обязательства поставки.

По договору подряда в капитальном строительстве заказчик не имеет права отказаться от приемки работ, хотя бы не законченных в сроки, предусмотренные календарным планом строительства. Последствием такой просрочки является лишь обязанность уплаты соответствующих санкций.

г) На особых основаниях определяется возмещение убытков, вызванных просрочкой в исполнении денежного обязательства. Должник, просрочивший платеж денежной суммы, обязан во всяком случае (т. е. без представления каких-либо доказательств об убытках со стороны кредитора) за время просрочки уплатить установленные проценты, если договором не установлен более высокий размер процентов (ст. 121 ГК, предложение третье). Законные проценты установлены в размере 6% годовых с суммы долга (ст. 110 ГК). Проценты должны быть уплачены за время с момента просрочки до фактического исполнения. Если кредитор имеет право на периодические платежи, то проценты причитаются в отношении каждого платежа с того дня, когда платеж должен быть совершен. По денежным обязательствам между хозяйственными организациями установлены пени за просрочку платежей в размере 0,05% за каждый просроченный день (СЗ СССР 1937 г. № 60, ст. 260).

Названная сумма процентов подлежит уплате кредитору взамен возмещения убытков, от просрочки должника, а в счет этих убытков. Поэтому кредитор имеет право требовать возмещения убытков в части, превышающей названную сумму процентов, если докажет наличие таких убытков.

4. Вопрос этот имеет значение для расчетов по денежным обязательствам, вытекающим из сделок внешней торговли. Такие обязательства, как правило, направлены на платеж иностранной валюты. В условиях капиталистического валютного кризиса и падения покупательной способности большинства капиталистических валют (американского доллара, британского фунта стерлингов, французского франка и т. п.) просрочка платежа по обязательству, выраженному в такой валюте, может принести кредитору существенные убытки. Если в промежуток времени между сроком платежа, назначенным в договоре, и моментом фактической уплаты долга произошло значительное падение покупательной силы данной иностранной валюты, то возмещение вследствие этого убыток кредитора лишь в небольшой своей части будет покрыт уплатою процентов за просрочку. Полное

возмещение убытков в этом случае может быть произведено лишь в порядке так называемой «переоценки» (валоризации) денежного обязательства; такая переоценка имеет своим результатом изменение суммы долга в соответствии с изменением покупательной способности данной иностранной валюты за время просрочки (т. е. за время от срока платежа до момента фактического платежа). Кредитор получает сумму данной иностранной валюты, которая на день фактического платежа представляет собой ту же покупательную способность, какую на день срока платежа представляли суммы иностранной валюты, указанные в договоре.

§ 52. Участие кредитора в исполнении обязательства и обязанность кредитора воспользоваться полученным исполнением

1. Из обязательства вытекают обязанности не только для должника, но и для кредитора. Кредитор обязан принять надлежащим образом предложенное ему исполнение. Он обязан — поскольку это необходимо по обстоятельствам дела — содействовать должнику в исполнении последнего обязательства. Наконец, в некоторых случаях кредитор не только имеет право, но и обязан воспользоваться полученным исполнением для достижения определенной хозяйственной цели.

Нарушение кредитором его обязанности принять предложенное ему исполнение или содействовать должнику в исполнении последнего своего обязательства в Гражданском кодексе РСФСР и в гражданских кодексах других союзных республик носит название «просрочка» со стороны кредитора». В примечаниях к ст. 122 ГК РСФСР указано: «Кредитор признается просрочившим, если он без законного основания отказывается принять исполнение или не совершает лежащих на его обязанности действий, до совершения которых должник не может исполнить своего обязательства». Таким образом, «просрочка со стороны кредитора» есть нарушение им своей обязанности принять участие в исполнении обязательства.

Обязанность кредитора участвовать в исполнении обязательства (в смысле, указанном в ст. 122 ГК) есть один из общих принципов советского обязательственного права¹.

¹ Общий принцип, выраженный в ст. 122 ГК, дополняется специальными положениями, относящимися к договору купли-продажи (ст. ст. 180, 188 ГК об обязанности покупателя принять имущество, являющееся предметом купли-продажи, в порядке (ст. 228 ГК об обязанности заказчика принять работу в соответствии с договором) и поручению (ст. 256 ГК об обязанности должника принять все, что сделано поверенным по исполнению поручения; ст. ст. 273). Все это — частные нормы, исходящие из общего принципа, выраженного в ст. 122 ГК.

Однако особенно важное значение принцип этот имеет во взаимоотношениях между социалистическими организациями. В случаях обязательств между социалистическими организациями обе стороны (поставщик и покупатель, подрядчик и заказчик и т. п.) находятся в положении сотрудничества, направленного на достижение определенной цели. Это с особой наглядностью выступает в тех случаях, когда обязательство вытекает из договора или административного акта и когда им обеспечивается выполнение определенного планового задания. В этих случаях не может вызвать никаких сомнений, что как должник, так и кредитор в одинаковой мере являются участниками выполнения названного задания и что возложенные на каждого из них обязательства, направленные на выполнение данного задания, являются не только их взаимными обязательствами (по отношению друг к другу), но и обязательствами каждого из них перед государством.

В арбитражной практике отказ заказчика или покупателя принять заказанную продукцию или купленный товар рассматриваются как попытка одностороннего расторжения договора, что является прямым нарушением действующего законодательства (см. постановление СНК СССР от 19 декабря 1933 г. — СЗ СССР 1933 г. № 73, ст. 445).

Обязанность кредитора принять исполнение в некоторых случаях взаимоотношений между социалистическими организациями сохраняет силу даже при наличии просрочки должника. Так, по договору поставки между социалистическими организациями покупатель имеет право отказаться от принятия той партии товара, сдача которой просрочена, с соответствующим уведомлением об этом поставщика; но товары, отгруженные поставщиком по железной дороге или внутреннему водному пути до уведомления покупателя об отказе от их приемки, должны быть приняты и оплачены покупателем¹.

По договору подряда в капитальном строительстве заказчик не имеет права отказаться от приемки работ, хотя бы не заключенных в сроки, предусмотренные календарным планом строительства.

2. Как уже отмечено выше, кредитор не только обязан принять предложенное ему исполнение, но он должен активно содействовать должнику в исполнении последнего своего обязательства. И эта обязанность кредитора также имеет первостепенное значение прежде всего во взаимоотношениях между социалистическими организациями, в особенности по тем обязательствам, которые направлены на выполнение плановых заданий или таковы или иначе связаны с выполнением этих заданий. Кредитор со-

¹ См. выше о просрочке должника и ее последствиях.

зачин, покупатель) нарушает эту свою обязанность, если он не сделает приготовлений, необходимых для того, чтобы должник мог исполнить свое обязательство, например, не озаботится своевременной подачей транспорта на станцию железной дороги для того, чтобы принять груз; не доставит подрядчику необходимых материалов для изготовления заказа, если последний должен быть изготовлен из материалов заказчика — из так называемого «давильческого сырья»; не пошлет своего приемщика в то место, где назначена сдача-приемка предмета обязательства; или — в случае денежных расчетов — задержит выписку счетов, на основании которых должник обязан совершить уплату долга; и т. п.

Во многих «Основных условиях» поставки товаров между социалистическими организациями детально регламентируется вопрос об обязанности покупателя оказать содействие поставщику в осуществлении поставки с тем, чтобы по возможности обеспечить поставщику процесс сдачи товаров и гарантировать для него такую сдачу без превышения тех затрат, которые вытекают для него из обязательства поставки или из нормальных условий поставки. С этой целью в «Основных условиях» предусматриваются нормы времени, потребного для сдачи товаров, например, устанавливается нормальный срок, в течение которого покупатель должен освободить автомашину поставщика, доставившего ему товар, срок для разгрузки и т. п.¹ От выполнения всех этих условий зависит соблюдение режима экономии в расходовании государственных средств, а также обеспечение сохранности социалистической собственности, которая передается одной социалистической организацией другой. Отсюда ясно, почему обязанность кредитора — социалистической организации оказать содействие должнику — другой социалистической организации в исполнении последней своего обязательства подлежит рассматривать не только как долг одной из сторон обязательства в отношении другой стороны, но и как долг организации кредитора перед государством.

3. Социалистическая организация, заключившая с другой социалистической организацией договор поставки или подряда, обязана не только участвовать в исполнении этого обязательства, но и воспользоваться полученным исполнением для соответствующей цели. Эта обязанность нашла свое отражение в многочисленных решениях арбитража. Так, например, Госарбитраж при СНК СССР в одном из своих решений 1938 года отказал заказчику в присуждении санкций за недогрузку части заказного заводского оборудования, ибо заказчик не использовал даже той части оборудования, которая ранее ему

была поставлена. Эта ранее поставленная часть оборудования продолжала лежать на строительной площадке заказчика в не-смонтированном виде вследствие того, что не был достроен корпус завода, для которого это оборудование предназначалось. Истец (заказчик), сорвав сроки своих строительных работ и не использовав по своей вине (имеется в виду вина перед государством, — Л. Л.) своевременно поставленное ему оборудование, требует уплаты санкций за непередачу ему той части оборудования, которая, если бы она и была поставлена, осталась бы неиспользованной по вине того же истца; исходя из этого и приняв во внимание, что данное оборудование (недогруженное истцу) было передано подрядчиком другим потребителям первоочередного значения, Госарбитраж отказал истцу в присуждении санкций («Арбитраж», 1938, № 4, стр. 21).

Вопрос о юридической природе обязанности кредитора воспользоваться исполнением, полученным по обязательству, нашел в нашей юридической литературе детальный разработку. М. М. Агарков¹, И. Б. Новицкий² и З. И. Шкундин³ отмечали, что кредитор обязан воспользоваться исполнением, произведенным должником, лишь в том случае, если к этому есть специальные основания, например, в силу планового задания, установленного для кредитора. По общему правилу, если кредитор и обязан воспользоваться исполнением, полученным от должника, то эта обязанность лежит на нем не в отношении должника. Обязанность воспользоваться исполнением, произведенным должником, является для учреждения, предприятия или организации лишь частью его обязанности выполнить план, т. е. обязанностью перед Советским государством. Выполнение этой обязанности перед государством обеспечивается нормами административного права. Материальные ресурсы, поступающие в плановое распределение, получают определенное условное назначение. Организации, которым эти материальные ресурсы отпускаются, обязаны обеспечить выполнение заданий плана, т. е. обязаны использовать выделенные им товары для цели, указанной в плане.

Для контроля за целевым использованием организациями-потребителями отпускаемых им товаров, существуют специальные отраслевые инспекции. Арбитражная практика рассматривает сделки, нарушающие принципы использования товаров в соответствии с их плановым назначением, как сделки незаконные

¹ М. М. Агарков, Обязательство в советском гражданском праве, 1940, стр. 65—66.

² И. Б. Новицкий, Участие кредитора в исполнении договорного обязательства, «Советское государство и право», № 7, 1947, стр. 27.

³ З. И. Шкундин, Обязательство поставки товаров в советском праве, 1948, стр. 190 и сл.

или взысканные. Но практика наша рассматривает целевое использование покупателем поставленного ему товара не только как его обязанность перед государством, но и как его обязанность в отношении продавца. Обязанность использования поставленных товаров по их целевому назначению регулируется в договорных условиях между сторонами в поставке. В некоторых случаях «Основные условия поставки» предусматривают право поставщика проверять фактическое использование товара в предприятиях покупателя (путем посылки туда специальных инспекторов). Таким образом, и обязанности кредитора (покупателя, заказчика) воспользоваться исполнением, полученным от должника (поставщика, подрядчика), сочетаются вопросы гражданского и вопросы административного права.

4. В виде общего правила можно сказать, что в обязательствах с участием на одной или обеих сторонах граждан нет оснований ставить вопрос об обязанности кредитора использовать вещь, составляющую предмет обязательства. Так, например, поширочная мастерская («ателье») не может оправдать просрочку в исполнении заказа тем, что заказанное платье не могло бы быть использовано (или не было бы использовано) заказчиком, если бы оно было изготовлено в срок. В подобных случаях использованные вещи, составляющие предмет обязательства, не может рассматриваться как обязанность заказчика.

5. Просрочка кредитора, т. е. неприятие им исполнения без законного основания или несовершение кредитором лежащих на его обязанности действий, до совершения которых должник не может исполнить своего обязательства, влечет за собой определенные правовые последствия. В Гражданском кодексе РСФСР (ст. 122 и в соответствующих статьях гражданских кодексов союзных республик) предусмотрено: «Просрочка со стороны кредитора в принятии причитающегося по договору дает право должнику на возмещение причиненных просрочкой убытков и освобождает его от ответственности за последующую невозможность исполнения, кроме случаев умысла и грубой неосторожности. По денежному процентному долгу должник не обязан платить процентов за время просрочки кредитора».

Статья эта подлежит в одном отношении распространительному толкованию: указанные в ней последствия наступают не только если просрочка кредитора выразилась в неприятии или в несвоевременном принятии причитающегося по договору, но и в несовершении кредитором лежащих на его обязанности действий, до совершения которых должник не может исполнить своего обязательства. Такое толкование вытекает из сопоставления этой статьи с примечанием к ней, в котором дано определение убытков и «просрочки кредитора».

С другой стороны, ст. 122 ГК подлежит ограничительному толкованию: предусмотренные в ней последствия наступают лишь, если просрочка кредитора является виновной. Такое толкование вытекает: а) из сопоставления ст. 122 ГК со ст. 118 ГК, которая предусматривает, что должник освобождается от ответственности за неисполнение, если докажет, что невозможность исполнения создалась вследствие умысла или неосторожности кредитора и не освобождается от исполнения при отсутствии такой вины кредитора (очевидно, что умысел или неосторожность кредитора могут выразить прежде всего в виновном неприятии исполнения или виновном неоказании содействия должнику), б) из сопоставления ст. 122 со ст. 114 ГК, которая различает случаи неприятия исполнения кредитором без вины с его стороны (например, при недееспособности кредитора) от случаев «просрочки кредитора». Но основное значение для такого ограничительного толкования ст. 122 ГК имеют общие начала нашего гражданского права, в силу которых обязанность возмещения вреда возлагается на причинителя лишь, если пред причинен им виновно.

Однако, если будет установлен факт неприятия кредитором предложенного ему исполнения или факт несовершения кредитором лежащих на его обязанности действий, до совершения которых должник не может исполнить своего обязательства, то виновность кредитора (его «просрочка») предполагается; кредитор в этом случае несет бремя доказывания: он может доказывать, что неприятие им исполнения или неоказание им должнику содействия в исполнении произошли по обстоятельствам, которые он (кредитор) не мог предотвратить. Если невиновность кредитора в «просрочке» будет доказана, то последствия, указанные в ст. 122 ГК, не наступают.

Однако даже и в этом случае (т. е. при отсутствии вины кредитора) на должника не могут быть возложены какие-либо дополнительные обязательства, не предусмотренные договором. Например, в этом случае должник по денежному обязательству не обязан по наступлении срока платежа продолжать начисление процентов на денежный долг; хранитель вещей по договору поклада и в этом случае имеет право на дополнительную уплату за продолжающееся хранение вещей и т. п.

6. Из текста ст. 122 ГК вытекает также, что в случае просрочки кредитора в принятии исполнения должник не отвечает за последовавшую после этой просрочки невозможность исполнения, если эта невозможность является случайной или даже если она вызвана легкой неосторожностью должника. Например, если после наступления просрочки кредитора вещь погибла, то должник обязан возместить соответствующие убытки кредитору, лишь если гибель вещи вызвана его умыслом или грубой не-

невозможности. Такое ограничение ответственности не может, однако, помешать применению в тех случаях, когда предметом обязательства является социалистическая собственность; в этих случаях должник отвечает и за свою легкую неосторожность, вызванную невозможностью исполнения обязательства.

За этим последним исключением все правила ст. 122 ГК и другие нормы кредитора имеют значение общих принципов нашего гражданского права: они распространяются как на обязательства между гражданами, так и на обязательства с участием на одной или обеих сторонах социалистических организаций, поскольку здесь не вытекает из специальных законов или договорных условий.

Общие санкции, предусмотренные в ст. 122 ГК, применяются востановку, поскольку они не заменены санкциями специального характера, предусмотренными в специальных законах или в данном договоре.

Так востановленном СНК СССР от 26 февраля 1938 г. «Об улучшении проектного и сметного дела и об упорядочении финансовых строительства»¹ (см. прил. Правила о подрядных договорах по строительству, ст. 34) предусматривается, что при задержке заказчиком против установленных сроков передачи подрядчику рабочих чертежей и прочих документов, передачи фондов или материалов и оборудования в натуре, согласно договору, передачи участка для строительства или площадки для начала работ, подрядчик имеет право получить от заказчика со стоимости задержанных работ пеню и неустойку в определенных размерах.

Это востановление устанавливает штрафные санкции на случай просрочки заказчика (кредитора) в совершении действий, необходимых для того, чтобы должник (подрядчик) мог исполнить свои обязательства. Возникает вопрос, может ли подрядчик в этом случае исходить с заказчика возмещения своих убытков, которые не покрыты указанными пенями и неустойками? Или указанные пеня и неустойки исключают вообще применение санкций, предусмотренных в ст. 122 ГК? Арбитражная практика, повидимому, склоняется к этому последнему выводу.

В значительном числе «Основных условий» поставки между социалистическими организациями содержатся пункты, в которых предусматриваются санкции в случае отказа покупателя принять исполнение и содействовать исполнению со стороны поставщика. Так, например, при поставке молочных продуктов, если покупатель товара с предприятия поставщика производится транс-

¹ СП СССР 1938 г. № 2, ст. 58. См. также постановление СНК СССР от 3 октября 1940 г. (СП СССР 1940 г. № 27, ст. 636) об условиях поставки товаров для экспорта, стст. 53 и 54.

портом покупателя, последний обязан обеспечивать надлежащее санитарное — гигиеническое состояние своего транспорта, извозного перевозкой молока, молпродуктов и тары.

В «Правилах о подрядных договорах по строительству» предусматриваются сроки приемки заказчиком законченных объектов строительства и санкции за задержку начала приема.

Предусмотренные в ст. 122 ГК санкции не применяются, если кредитор по закону или в силу подзаконного акта имел право отказать в принятии исполнения, т. е. если отказ в принятии исполнения со стороны кредитора не является противоправным.

В этой связи следует отметить специальную норму (ст. 33 постановления СНК СССР от 3 октября 1940 г. — СП СССР 1940 г. № 27, ст. 636) об условиях поставки товаров для экспорта. Названная норма предусматривает санкции на случай непринятия экспортным объединением от своих поставщиков товаров, завезенных и изготовленных для экспорта (пени, неустойки, возмещение убытков). Однако «экспортное объединение не несет ответственности за отказ от принятия сданного ему товара, если экспорт этого товара будет запрещен».

§ 53. Взаимная обусловленность исполнения обеих сторон и последствия неисполнения в двусторонних договорах

1. Двусторонним признается договор, по которому обе стороны взаимно принимают из себя обязательства (примечание к ст. 139 ГК). Взаимность означает, что исполнение одной стороны обусловлено исполнением другой стороны: в двустороннем договоре каждая сторона вправе отказываться противной стороне в удовлетворении до получения встречного удовлетворения, если из закона, договора или существа правоотношения не следует обязанность одной стороны исполнить свое обязательство раньше другой (ст. 139 ГК).

Согласно ст. 188 ГК, в договоре купли-продажи действия обеих сторон (покупателя и продавца) должны быть совершены одновременно, поскольку из обязательства не вытекает иное.

Из взаимной обусловленности исполнения обеих сторон Гражданский кодекс делает ряд выводов, касающихся невозможности исполнения по двусторонним договорам.

Если в двустороннем договоре исполнение стало невозможным для одной из сторон вследствие обстоятельства, за которое ни одна, ни другая сторона не отвечает, она, при отсутствии в законе или договоре иных постановлений, не вправе требовать от другой стороны удовлетворения по договору. Каждая из сторон вправе требовать от контрагента возврата всего, что она исполнила, не получив соответствующего встречного удовлетворения (ст. 144 ГК).

Если в двустороннем договоре исполнение стало невозможным для одной стороны в силу обстоятельства, за которое она отвечает, другая сторона, при отсутствии в законе или договоре иных предусмотренных, имеет право отступить от договора и взыскать причиненные неисполнением убытки (ст. 145 ГК).

Если в двустороннем договоре исполнение стало невозможным для одной стороны вследствие обстоятельства, за которое отвечает другая сторона, первая сохраняет право на встречное удовлетворение с зачетом выгод, сберегаемых или приобретаемых ею вследствие освобождения от обязательства (ст. 146 ГК).

2. Применение начала взаимности исполнения обязательства обеих сторон в двусторонних договорах между социалистическими организациями — при поставке товаров, подрядных работах по капитальному строительству и в других случаях — связано с рядом существенных особенностей, вытекающих: во первых — из того, что обязательства эти направлены на выполнение плановых заданий, и во вторых — из порядка денежных расчетов между социалистическими организациями.

Одновременность исполнения обязательства обеих сторон здесь исключается уже вследствие того, что платежи между этими организациями производятся не путем передачи наличных денег, а посредством перечисления денежных сумм с банковского счета должника (покупателя, заказчика) на банковский счет кредитора (поставщика, подрядчика); при этом согласно существующим правилам расчетов Госбанка (равно как и так называемые «спецназначе банки», финансирующие расходы по капитальному строительству) производят такие перечисления, как правило, лишь на основании документов, удостоверяющих, что исполнены соответствующего обязательства поставщика (отгрузка товара в адрес покупателя) или подрядчика (производство работы) уже последовало; наиболее употребительные формы расчетов по поставке товаров или по производству капитальных работ (акцептная форма, аккредитивная форма) связаны с необходимостью для поставщика (или подрядчика) первым исполнить свое обязательство перед покупателем (заказчиком) и исключают для поставщика или подрядчика возможность требовать одновременного исполнения обязательств обеих сторон. Такой порядок расчетов, при котором платежи в огромном большинстве случаев совершаются за уже отгруженный товар или произведенную работу, дает возможность Госбанку и спецбанкам контролировать выполнение плановых заданий по товарообороту и капитальному строительству.

Важный характер обязательств обеих сторон по договору поставки между социалистическими организациями находят, однако, свое выражение в некоторых санкциях, которые постав-

щик вправе применить по отношению к покупателю в случае неоплаты последним отгруженного товара.

В ст. 1 Постановления Совета Труда и Обороне от 16 июня 1931 г. (о порядке применения системы кредитования, установленной постановлениями СНК СССР от 14 января и 26 марта 1931 г.)¹ предусмотрено: если счета на отправляемые товары не оплачены из-за отсутствия у покупателя свободного кредита или при одностороннем обороте вследствие отказа покупателя акцептовать счета по этой же причине, поставщик имеет право: а) приостанавливать исполнение предусмотренных договором обязательств (погрузка товаров и т. п.), пока плательщик не представит справки банка о наличии у него свободного кредита; б) отказываться от сдачи неисправному плательщику того количества товара, которое было ему отправлено, по им не получено из-за отсутствия свободного кредита; в) отказываться от сдачи неаккуратному плательщику того количества товара, отгрузка которого была приостановлена. Постановление это издано «в целях укрепления договорной и финансовой дисциплины». Социалистическая система хозяйства исключает возможность неоплаты счетов хозоргана вследствие неосостоятельности. Задолженность хозоргана всегда будет погашена, но необходимо создать определенные санкции против расхлябанности и отсутствия дисциплины, которые изредка еще встречаются в деле своевременной оплаты счетов.

Постановление СТО от 16 июня 1931 г. установило возможность для поставщика применить к неисправному плательщику-покупателю так называемые товарные санкции, заключающиеся в праве поставщика прекратить или ограничить дальнейшую отгрузку товара.

Ныне в ряде случаев первоочередное значение получает другой вид санкций: изменение формы расчета в случае неисправности плательщика (право поставщика перевести покупателя на аккредитивную форму расчета).

Значение этого изменения формы расчетов, предусмотренного в некоторых «Основных условиях поставки» заключается в следующем: обычно при расчетах поставщика с иногородним покупателем платежи производятся в так называемой «акцептной форме»: поставщик, отгрузив товар, выписывает на покупателя платежное требование, которое акцептируется покупателем и оплачивается учреждением банка в месте нахождения покупателя за счет имеющихся на расчетном счете покупателя денежных средств. При этой форме расчетов поставщик, отгружая товар, может и не знать, имеются ли в банке свободные кредиты для оплаты этого товара.

¹ СЗ СССР 1931 г. № 40, ст. 282.

После того, как поставщик перевел неисправного плательщика с акцептной стороны на аккредитивную форму расчетов, меняется следующий порядок: на основании поручения, полученного от покупателя, учреждение банка, обслуживающее покупателя, «выставляет аккредитив», т. е. дает приказ учреждению банка, обслуживающему поставщика, произвести оплату выпущенных поставщиком счетов-фактур на отгруженный товар. Выставление аккредитива производится учреждениями банка только после того, как будут выделены суммы, необходимые для выполнения аккредитивного поручения. Таким образом, при аккредитивной форме расчетов поставщик — до отгрузки товара — имеет возможность удостовериться в том, что в банке (по месту нахождения предприятия поставщика) имеются суммы, специально предназначенные для оплаты товара.

Изложенные санкции, применяемые против неисправных плательщиков, являются выражением начала взаимности исполнения двусторонних договоров между социалистическими организациями, обеспечивая права поставщика, как хозяйственной организации, на случай задержки покупателем платежей, «Основные условия поставки» вместе с тем исходят из того, что использование поставщиками этих прав должно сочетаться с мерами, направленными на выполнение плановых заданий, осуществлению которых служит данный договор поставки товаров.

Постановлениями Правительства для отдельных случаев предусматривается, что просрочка платежа со стороны покупателя не должна служить основанием прекращения поставщиком дальнейшей отгрузки товаров (ст. 40 Условий поставки товаров для экспорта, утвержденных СНК СССР 3 октября 1940 г., СП СССР 1940 г. № 27, ст. 636).

Глава VIII

ПРЕКРАЩЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

§ 54. Прекращение обязательства исполнением (п. «а» ст. 129 ГК)

1. Обязательство прекращается надлежащим (по качеству и количеству) и своевременным (в установленный срок) исполнением того действия, на которое направлено данное обязательство. Исполнение обязательства есть нормальный, основной способ его прекращения.

Должник не только обязан, но и имеет право освободиться от обязательства путем его исполнения.

В соответствии с этим ст. 114 ГК предусматривает, что в случае отсутствия кредитора, уклонения его от принятия исполнения или иной просрочки с его стороны, а также недееспособности, при отсутствии представителя, уполномоченного и согласного принять исполнение, должник может ввести причитающееся с него в нотариальную контору, о чем нотариальная контора извещает кредитора повесткой или публикацией. Но этот порядок освобождения должника от обязательства применим только в тех случаях, когда предметом обязательства являются деньги или ценные бумаги. Нотариальный орган, не входя в проверку основания взыска, принимает деньги и ценные бумаги, вносит их в свой депозит и объявляет о сделанном взносе кредитору, а по акке последнего выдает ему деньги и ценные бумаги.

Аналогичный порядок предусмотрен также в законодательстве других союзных республик.

2. Факт исполнения, освобождающего должника и прекращающего обязательство, может быть удостоверен путем составления соответствующего документа.

По обязательствам между социалистическими организациями в «Основных условиях поставки», в правилах о подрядных работах и т. п. предусматривается составление соответствующих актов сдачи-приемки, в которых находят отражение действия сторон по исполнению и принятию исполнения. По безналичным расчетам между этими организациями совершение платежей удостоверяется банковскими выписками из соответствующих расчетных счетов.

В инструкциях о производстве операций по вкладам и текущим счетам граждан в банках и сберкассах определен порядок записи операций по выдаче и принятию денежных сумм и ценностей, и указано, какие именно документы служат для доказательства произведенного платежа и погашения обязательства.

В тех случаях, когда для удостоверения факта исполнения и прекращения обязательства нет иных указаний в законе, подзаконном акте или договоре, должник, производя исполнение, может требовать выдачи ему соответствующей расписки — «квитанции». Должник может даже задерживать исполнение, если кредитор или лицо, назначенное для принятия исполнения, отказывается в выдаче квитанции. Такой отказ со стороны кредитора или лица, уполномоченного им на принятие исполнения, надлежит рассматривать как случай просрочки кредитора (ст. 122 ГК).

§ 55. Зачет (п. «б» ст. 129 ГК)

Статья 129 ГК содержит указавия, что обязательство прекращается полностью или частично зачетом встречного однородного требования, срок которому наступил.

Зачетом называется сделка, посредством которой из двух встречных однородных по предмету обязательств одно — меньшее по сумме — погашается полностью, а другое — большее по сумме — прекращается в части, равной меньшему требованию; если же оба обязательства по сумме равны, то оба они полностью погашаются зачетом.

Два обязательства признаются встречными, если лицо, являющееся кредитором по одному из них, является должником по другому, а лицо, являющееся должником по первому обязательству, является кредитором по второму.

Однородными являются обязательства, направленные на выдачу в е ш е й, определенных одними и теми же родовыми признаками; таковы, например, два обязательства, оба направленные на поставку пшеницы одного и того же качества. Зачет невозможен в отношении обязательств, не имеющих своим предметом вещь; например, он невозможен, когда речь идет о взаимном предоставлении одинаковых услуг.

Хотя по закону (п. «б» ст. 129 ГК) зачет возможен в отношении взаимных и однородных обязательств, имеющих своим предметом любые вещи, определенные родовыми признаками, но практически он встречается лишь как способ погашения денежных обязательств.

Зачет приводит к тому, что два обязательства погашаются посредством одного платежа; в случае же равенства сумм обоих обязательств, для их погашения зачетом вовсе не требуется совершения платежей.

Поэтому зачет, когда налицо все необходимые для него предпосылки, нельзя назвать «заменой исполнения», а надо его считать видом и способом исполнения обязательства и притом надлежащим способом исполнения денежных обязательств.

2. Для зачета недостаточно лишь одного того факта, что два взаимных и однородных требования противостоят друг другу, как годные для зачета. Зачет не происходит автоматически. Наличие условий, требуемых ст. 129 ГК, является необходимой предпосылкой для совершения сделки, именуемой зачетом. Эта сделка может быть договором о зачете между двумя сторонами, но достаточно и одностороннего волеизъявления одной из сторон.

Должник, к которому предъявлено требование, может предъявить к зачету другое, встречное и однородное, требование, если это зачитываемое (предъявляемое к зачету) требование является таким, которое может быть осуществлено помимо воли другой стороны.

Поэтому необходимо, чтобы по предъявляемому к зачету требованию (обязательству) наступил срок исполнения или чтобы предъявляемое к зачету требование (обязательство) было бесспорным (т. е. таким, по которому кредитор вправе требовать, а должник обязан произвести исполнение немедленно — ст. 111 ГК).

Отсюда ясно также, что не может быть предъявлено к зачету требование из обязательства, по которому истекла исковая давность.

Предъявление к зачету требования есть способ платежа по другому — встречному — обязательству. Поэтому зачетом можно погасить встречное обязательство, по которому срок не наступил, только в том случае, если должник по этому встречному обязательству вправе чинить исполнение досрочно (ст. 112 ГК), или, иначе говоря, если кредитор обязан принять досрочное исполнение по этому обязательству.

3. Зачет, произведенный по заявлению одной стороны, действует с того момента, когда налицо все условия для зачета, требуемые по п. «б» ст. 129 ГК. Заявление о зачете является способом привести зачет в действие, но оно не является способом определения момента, с которого происходит действие зачета (как это правильно отмечено было М. М. А г а р к о в ы м, Гражданское право, учебник, 1944, т. I, стр. 389). Поэтому, например, начисление процентов по погашенному зачетом обязательству прекращается с момента, когда наступили все условия для зачета, предусмотренные в законе, а не с момента, когда сделано было заявление о зачете. Заявление о зачете, следовательно, имеет обратное действие.

Отсюда вытекает также, что при ликвидации предприятия заявление о зачете может быть принято от кредитора этого пред-

принята, являющийся одновременно должником данного предприятия, если только условия для зачета наступили до принятия ликвидационным органом постановления о ликвидации данного предприятия: ибо в этом случае момент погашения обеих встречных требований считается наступившим до ликвидации.

Если же наступление условий для зачета относится ко времени после принятия постановления о ликвидации, то зачет не может иметь места: кредитор ликвидируемой организации, являющийся одновременно должником, в порядке зачета получил бы полное удовлетворение своей претензии, что при недостаточности имущества предприятия для полного погашения всех кредиторских претензий, было бы нарушением принципа соразмерности в удовлетворении этих претензий и противоречило бы порядку, установленному ст. 266 ГК.

О зачете претензий при ликвидации предприятий трактует постановление 47 Пленума Верховного суда СССР от 7 июня 1943 г. (Сборник действующих постановлений Пленума и директивных писем Верховного суда СССР за 1941 г., стр. 110). На вопрос о том, подлежат ли зачету при ликвидации предприятий и акционерных обществ кредиторские претензии должников ликвидируемых предприятий и акционерных обществ и возможно ли сальдирование взаимных расчетов по таким требованиям вне порядка очередности, Пленум Верховного суда СССР ответил утвердительно; единственное ограничение, которое указано в этом постановлении, заключается в условии, чтобы кредиторская претензия, предъявленная к зачету, не перешла к должнику ликвидируемого предприятия или акционерного общества от третьего лица.

Таким образом, из приведенного постановления Пленума Верховного суда СССР вытекает допустимость зачета и в тех случаях, когда условия для него наступили после начала ликвидации — с чем едва ли можно согласиться.

4. Заявление о зачете не может быть противопоставлено требованию о выплате алиментов, так как таким путем алиментное обязательство оказалось бы погашенным без достижения его цели (предоставления содержания).

5. Зачет между социалистическими организациями в форме так называемого разового зачета применяется в тех случаях, когда у одного хозяйственного органа имеются встречные требования к другому, не вытекающие из постоянных хозяйственных взаимоотношений с ним.¹ Организация А., обязанная произвести платеж в пользу организации Б. путем безналичного расчета через банк, может совершить этот платеж посредством разового зачета, если она (А.) имеет к организации Б. встречную претензию, под-

тверждаемую бесспорными платежными документами, кассовым исполнительным листом, приказом арбитража, акцептованным платежным требованием, платежным требованием, предъявленным к оплате в безакцептном порядке, и т. п. Порядок производства разовых зачетов определен в инструкции Госбанка СССР от 21 февраля 1938 г. («Бюллетень Финансового и Хозяйственного Законодательства», 1938, № 10, стр. 5).

6. Элемент зачета содержится также в расчетах, основанных на договоре корреспондентности, по которому стороны взаимны обязуются заносить на единый счет — корреспондентный счет — свои требования друг к другу с тем, что сторона, оказавшаяся должником при заключении счета, обязана уплатить другой стороне образовавшуюся разницу (сальдо). Сальдо, выведенное одной стороной и признанное или не оспоренное в течение определенного и законного срока другой стороной, погашает все взаимные требования, внесенные в корреспондентный счет. Таким образом, признанное сальдо по корреспондентному счету является одним из способов прекращения обязательства, близких к зачету, но все же отличающимся от последнего: при зачете большее по сумме требование погашается в части, равной сумме меньшего — встречного требования, а в остаточной сумме — продолжает существовать; признание же сальдо, основанное на договоре корреспондентности, создает новое обязательство, заменяющее собой все обязательства,шедшие свое отражение в корреспондентном счете.

Одним из частных случаев корреспондентных отношений является отношение между социалистическими организациями по договору о периодических расчетах по сальдо. Такой способ расчета применяется при постоянных хозяйственных отношениях между двумя хозяйственными органами, имеющими взаимные расчеты.

Отношения по договору корреспондентности регулируются постановлением ЦИК и СНК СССР от 23 июля 1930 г. (СЗ СССР 1930 г. № 38, ст. 409). Периодические расчеты по сальдо между хозяйственными органами регулируются названным постановлением о корреспондентности и Положением Госбанка о периодических расчетах по сальдо («Бюллетень Финансового и Хозяйственного Законодательства», 1938, № 60).

§ 56. Прекращение или изменение обязательства в случае прекращения или изменения планового задания, лежащего в основании данного обязательства

Изменение или прекращение обязательства, в основе которого лежит определенное плановое задание, имеет место в случаях, когда компетентный орган государства изменяет или отменяет это плановое задание. Вследствие этого, например, обязательство поставки фондируемой продукции прекращается, когда истекает

¹ См. И. Рудыкин, Основы кредитного дела, 1946, стр. 130 и сл.

срок действия фонда, на основе которого это обязательство возникло.

Если стороны заключили договор, имеющий своим основанием конкретное плановое задание, то изменение этого задания влечет за собой соответственные изменения договора, а отмена задания — расторжение договора. Порядок такого изменения или расторжения договора указан в ст. 2 Правил рассмотрения и разрешения имущественных споров органами государственного арбитража, где предусматривается: «Органы Госарбитража разрешают имущественные споры, руководствуясь директивами партии и правительства, законами, распоряжениями центральных и местных органов власти, утвержденными планами и заключенными хозорганами договорами. — В случае несоответствия договора законам и утвержденным в установленном порядке планам, Госарбитраж обязан, независимо от требований, заявленных сторонами, разрешить спор на основе законов и планов и одновременно привести договор в соответствие с директивами, законами и планами. В случае невозможности привести договор в соответствие с принятыми правительством планами и постановлениями (договор на строительство, не имеющий титулов; договор, влекущий за собой внеплановое использование фондов и т. п.), договор должен быть расторгнут Госарбитражем» (см. «Арбитраж в советском хозяйстве», 1948, стр. 199).

Стороны, заключающие договор на основе планового задания, также несут обязанность — при изменении этих заданий — привести договор в соответствие с этими изменениями. (См. об этом ст. ст. 9 и 22 постановления СНК СССР от 19 декабря 1933 г. о заключении договоров на 1934 год — СЗ СССР 1933 г. № 73, ст. 445).

§ 57. Прекращение обязательства невозможностью исполнения

Как уже указано выше, невозможность исполнения сама по себе не является основанием для освобождения должника от ответственности; она лишь приводит к изменению формы ответственности: требование исполнить обязательство в натуре заменяется требованием уплаты денежного эквивалента (возмещение убытков, вызванных тем, что исполнение в натуре не последовало).

Для того, чтобы невозможность исполнения освободила должника от обязательства, должник должен доказать, что невозможность исполнения обусловлена обстоятельством, которого должник не мог предотвратить (ст. 118 ГК).

В соответствии с этим п. «д» ст. 129 ГК предусматривает, что обязательство прекращается невозможностью исполнения, за которую должник не несет ответственности (ст. 118 ГК).

§ 58. Прекращение обязательства соглашением сторон

Прекращение обязательства соглашением сторон (предусмотренное п. «г» ст. 129 ГК) имеет место, например, в тех случаях, когда стороны соглашаются прекратить обязательственные отношения, освободив должника от исполнения.

Прекращение обязательства соглашением сторон без исполнения не может иметь места, когда речь идет об обязательстве между социалистическими организациями, а основе которого лежит плановое задание: ибо план — это закон, обязательный для обеих сторон. Но и тогда, когда в обязательстве должником является гражданин, а кредитором социалистическая организация, отказ последней от права требования, как правило, не имеет юридической силы: такой отказ означал бы, что организация не получит денежных средств или иного имущества, поступление которого предусмотрено планом ее хозяйственной деятельности; освобождение должника от обязанности передать социалистической организации ту или иную ценность приводило бы в подобных случаях к разбазариванию социалистической собственности, к нетрудовому обогащению физического лица за счет государства или кооперативно-колхозной организации.

Сказанное является общим правилом, из которого необходимо допустить ряд исключений:

а) соглашение сторон о расторжении обязательства, в основе которого лежит плановое задание, не только допускается, но предписано действующим правом тогда, когда данное плановое задание отменено компетентным планово-регулирующим органом государства (см. выше, § 56);

б) когда в основе обязательства между социалистическими организациями не лежит плановое задание, обязательство может быть прекращено без исполнения, если такое прекращение не нарушает финансовой дисциплины. В некоторых подобных случаях прекращение обязательства соглашением сторон диктуется соображениями хозрасчета и целесообразного использования социалистической собственности. Например, предприятие заключило договор найма помещения для устройства вечеров, позднее выясняется: предприятие получает собственное помещение для этой цели; договор может быть расторгнут;

в) когда кредитором по обязательству является социалистическая организация, а должником физическое лицо, то прекращение обязательства соглашением сторон может иметь место, поскольку это не нарушает финансовой дисциплины и не противоречит плану;

г) обязательство, имеющее своим кредитором гражданина, в некоторых случаях не может быть прекращено соглашением

сторон. Так, не имеет силы подобное соглашение по обязательству, направленному на уплату алиментов. Это обязательство, основанное на законе, имеет целью закрепить за определенными лицами право получать содержание от других, определенных в законе, лиц. Соглашение, направленное на отмену такого обязательства, следует считать недействительным, так как оно совершено с целью, противной закону (ст. 30 ГК).

§ 59. Новация

Одним из случаев прекращения обязательства соглашением сторон является так называемая новация. Пункт «г» ст. 129 ГК предусматривает, что обязательство прекращается заключением нового договора, долженствующего заменить прежний. Способ прекращения обязательства, именуемый новацией, близок к так называемой замене исполнения (см. выше). Однако замена исполнения освобождает должника от обязательства так, как если бы должник исполнил то действие, которое составляет содержание обязательства; при новации же должник освобождается от старого обязательства тем, что взамен его принимает на себя новое обязательство. От новации следует отличать также изменение содержания старого обязательства, путем введения в него каких-либо изменений или дополнений, касающихся, например, сроков исполнения или предмета исполнения, с тем, что старое обязательство сохраняет свою силу.

Из того, что новация прекращает старое обязательство, заменяя его новым, следует сделать ряд выводов.

Правотношения, добавочные (акцессорные) к старому обязательству, обеспечивающие исполнение по этому обязательству (залог, поручительство) прекращаются вместе с прекращением старого обязательства; по новому обязательству должник не может против требований кредитора приводить возражения, вытекающие из старого обязательства.

Однако новация предполагает наличие старого обязательства, которое заменяется новым обязательством. В порядке новации возникает новый долг как замена старого. Новация предполагает действительность старого обязательства: если старое обязательство будет признано недействительным по ст. 30 или по ст. 31 ГК, то и новое обязательство тем самым будет признано недействительным.

Гражданский кодекс указывает на частный случай новации в ст. 209 ГК: стороны могут облечь в форму заемного обязательства всякий долг, возникающий из купли-продажи, найма имущества или другого основания. В таком случае применяются пра-

Новация денежного долга может иметь место также путем выдачи должником кредитору векселя или чека из суммы данного денежного долга, взамен уплаты наличных денег. Однако само по себе принятие кредитором векселя или чека не создает новации денежного долга: вексель или чек, если нет иного соглашения сторон, считается выданным и принятым для получения платежа, а не взамен платежа. Поэтому например, если по сделке завершенной торговли поставщик принял от покупателя вексель, то долг из данной сделки купли-продажи будет считаться погашенным лишь в момент платежа по векселю, а не в момент выдачи векселя.

Новация является одним из элементов контокоррентного отношения. Когда одна из сторон по контокорренту делает другой стороне заявление о признании сальдо, выведенного при заключении счета другой стороной, то таким признанием все взаимные требования обеих сторон, занесенные в контокоррентный счет, погашаются и заменяются одним требованием той стороны, в пользу которой выведено сальдо. Однако надо признать, что в случае признания выведенного сальдо производится замена нескольких взаимных требований, а не одного требования, как при простой новации; кроме того, в случаях признания нулевого сальдо все обязательства, занесенные в контокоррентный счет, погашаются без замены их новым обязательством; в последнем случае, таким образом, не происходит вовсе никакой новации.

§ 60. Случай прекращения обязательства смертью кредитора или должника

1. Со смертью кредитора или должника обязательство, как правило, не прекращается; права и обязанности по обязательству — в виде общего правила — являются объектами наследования и, как таковые, переходят на наследников. Однако кредиторы наследодателя обязаны заявить свои претензии под страхом утраты требования в течение 6 месяцев со дня открытия наследства. Наследники же, принявшие наследство, а равно и органы государства или организации, к которым перешло выморочное имущество, отвечают по долгам, обременяющим наследство, лишь в пределах действительной стоимости наследственного имущества. Эти принципы, выраженные в ст. 434 ГК, нашли свое отражение также в судебной практике (см., например, определение Судебной коллегии Верховного суда СССР по гражданским делам 1940 года по иску артели «Пятилетка» к Л. Амбарзумян — Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР за 1940 г., стр. 236).

Таким образом, смерть должника вместе своим наследником прекращение обязательства, если кредитор в течение 6 месяцев

со дня открытия наследства не зачит своего требования. Если же требование будет заявлено, то оно сохраняет силу лишь в пределах действительной стоимости наследственного имущества, а в остальной части превращается.

2. Не могут вовсе быть объектом наследования права и обязанности, носящие строго личный характер, т. е. такие, которые связаны с личными качествами должника или кредитора. Вследствие этого, например, смерть поверенного или смерть доверителя прекращает обязательства из договора поручения (ст. 260 ГК); обязательство автора написать научное или литературное произведение прекращается с его смертью и не переходит на наследников автора.

Особые правила действуют в отношении обязательств по уплате алиментов. Алиментное обязательство установлено законом ввиду определенных родственных или иных отношений между данными лицами. Поэтому смерть лица, в пользу которого установлены алименты, а равно и смерть лица, обязанного выплачивать алименты, прекращает обязательство, за исключением случаев, указанных в ст. 42/2 КЗоБСО РСФСР и в соответствующих статьях гражданских кодексов других союзных республик.

§ 61. Прекращение обязательства совпадением кредитора и должника в одном лице

1. Пункт «в» ст. 129 ГК предусматривает, что обязательство прекращается полностью или частично совпадением должника и кредитора в одном лице.

Основным случаем такого совпадения является наследование. Если между наследодателем и наследником существовали отношения кредитора и должника (наследник был должником наследодателя или наследодатель — должником наследника), то обязательство прекращается в момент открытия наследства при условии его принятия; ибо никто не может быть своим собственным кредитором или своим собственным должником. Возможно, однако, что совпадение в одном лице должника и кредитора приводит не к полному, а к частичному прекращению обязательства. Если, например, наследодатель оставил после себя двух наследников — Петра и Ивана, — которые наследуют в равных долях и из которых один, скажем Петр, был должником наследодателя в сумме 1000 руб., то половина долга погашается совпадением Петра в лице Петра, а другая половина долга сохранится: Иван, как приемник наследодателя в половинной доле наследства, станет кредитором Петра в сумме 500 руб.

Прекращение обязательства совпадением сторон в одном лице имеет место в случае слияния в одну организацию двух организаций, между которыми были долговые отношения.

2. Пункт «в» ст. 129 ГК РСФСР не имеет применения к требованиям, вытекающим из ценных бумаг; если, например, предъявительская или ордерная ценная бумага перейдет в собственность лица, являющегося должником по бумаге, то требование из бумаги к должнику — разумеется — не может быть заявлено. Но обязательство в этом случае не прекращается совпадением сторон в одном лице: ценная бумага, хотя она и перешла во владение того лица, которое является должником по этой бумаге, — все же продолжает находиться в обращении. Бумага и вытекающее из нее обязательственное право требования могут быть предметом сделок со стороны лица, являющегося одновременно и собственником бумаги и должником по бумаге. Если бумага перейдет к другому лицу, то требование может быть заявлено.

§ 62. Другие случаи прекращения обязательства

Прекращение обязательства односторонним волеизъявлением кредитора или должника вообще не допускается. Однако из этого правила установлены отдельные исключения (например, ст. 23), пп. «а» и «в» ст. 260 ГК).

ЛИТЕРАТУРА КО ВТОРОЙ ЧАСТИ

а) Руководящая

Маркс, Капитал, т. I, гл. 2, Процесс обмена, Маркс и Энгельс, Соч., т. XVII (особенно стр. 95 о значении договора в капиталистической эпохе).

Энгельс, «Анти-Дюринг», гл. XI, Нравственность и право, Свобода и необходимость, Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV (см. стр. 114 о свободе воли).
Энгельс, Диалектика природы, 1948 г., «Случайность и необходимость» стр. 174 и сл., «Причинность» (стр. 184—185).

Ленин, Что такое «зрелый марксизм» и как они воюют против социал-демократов, Соч., т. I (см. стр. 77).

Ленин, Экономическое содержание марксизма, Соч., т. I (см. стр. 292 о свободе воли).

Ленин, Письмо П. А. Богданову, Соч., т. XXI (см. стр. 415 о вине и ответственности).

Ленин, Философские тетради (стр. 275).

Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, 1946.

Сталин, Соч., т. 5, стр. 125.

Сталин, О правом уклоне в ВКП(б), Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 263 (о товарообороте).

Сталин, Итоги первой пятилетки, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 389—390 (о товарообороте).

Сталин, Отчетный доклад XVII съезду партии, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 481 (о товарообороте).

Сталин, Новая обстановка — новые задачи, Вопросы ленинизма, изд. 11-е.

В. М. Молотов, В борьбе за социализм, 1935, стр. 258.

б) Специальная

М. М. Агарков, Обязательство в советском гражданском праве, 1940, стр. 44—60.

М. М. Агарков, К вопросу о договорной ответственности, «Вопросы советского гражданского права», 1945.

М. М. Агарков, Обязательства из причинения вреда, «Проблемы индивидуального права», 1939, № 1.

Б. С. Антислов, К вопросу о понятии и значении причинной связи в гражданском праве, «Труды научной сессии ВЮЭН», 1946 г.

Х. Э. Бехтесвайден, Договор поставки и борьба за качество продукции, 1941.

А. В. Бенедиктов, Договорная дисциплина в промышленности, 1935.

Е. А. Грамс, Правона охрана интересов покупателя в розничной торговле, Научные записки Института им. Плеханова, 1940, вып. 24.

Д. М. Геник, Великая Отечественная война и вопросы гражданского права, Ученые записки, 1945, вып. III.

Д. М. Геник, В. И. Серебровский и Г. К. Москаленко, Судебная практика по гражданским делам в период войны, 1943, стр. 4.

Д. А. Луца, Договорная ответственность, сборник «Советское право в период Великой Отечественной войны», 1947, т. I.

Г. К. Матвеев, Об определении размеров договорных убытков и споров между социалистическими организациями, Юридический сборник Киевского Государственного университета, 1948, № 3.

Г. К. Матвеев, К вопросу о вине как основании договорной ответственности (назв. сборник, 1948, № 2).

И. Б. Новицкий, Реальное исполнение обязательств, Труды научной сессии Всесоюзного Института Юридических наук, 1946.

И. Б. Новицкий, Уставе кредитора в исполнении договорного обязательства, «Советское государство и право», 1947, № 7.

П. Е. Орловский, Практика Верховного суда СССР по гражданским делам в условиях войны, 1944.

А. А. Пионтковский, Причинная связь в праве, Ученые записки ВЮЭН и ВЮА, 1949.

Х. И. Шаарц, Значение вины в обязательствах из причинных вреда, 1939.

Э. И. Шкундин, Обязательство поставки товаров в советском праве, 1948.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Введение

1. Очерк развития советского обязательственного права	5
2. Действующее советское законодательство об обязательствах	22
3. Состояние научной разработки советского обязательственного права	25

Глава I

Понятие обязательства

4. Определение обязательства. Обязательственное право в системе внутрештатных прав	33
5. Содержание обязательства	52
6. Идея в обязательстве	60
7. Связи обязательства	65

Глава II

Основания возникновения обязательства

8. Классификация оснований возникновения обязательства	71
9. Обязательства на основе актов планирования и регулирования народного хозяйства, оформленные договорами	78
10. Обязательства на основе актов планирования и регулирования народного хозяйства, не требующие оформления договорами	89
11. Понятие о договоре	94
12. Договор в буржуазном праве	104
13. Содержание договора	109
А. Взаимность и законность содержания	109
Б. Определенность содержания договора	112
14. Обязательства родовые и альтернативные	115
А. Родовые обязательства	115
Б. Альтернативные обязательства	122
15. Договоры взаимные и безвозмездные; односторонние и двусторонние; договоры, порождающие обязательство только после передачи вещи контрагентом другому лицу, и договоры, возникающие независимо от этого; договоры дарения и прилюдные	129
16. Договоры в пользу третьего лица	138
17. Превариционный договор	143
18. Вексельные договоры	148
19. Особенности заключения договоров между социалистическими организациями. Преддоговорный арбитраж	165
20. Сделки договорных отношений между социалистическими организациями	168
21. Определение договора	176
22. Обязательства из односторонних юридических актов	183

§ 23. Причинение вреда как основание обязательства	190
§ 24. Неоснованное приобретение выгоды как основание обязательства	197
§ 25. Обязательства из фактов, специально указанных в законе	199

Обязательства в обязательстве

§ 26. Обязательства солидарные	202
§ 27. Солидарность в отношении должников	208
§ 28. Солидарность на стороне кредиторов	216

Глава IV

Перемена лиц в обязательстве

§ 29. Уступка права требования	220
§ 30. Принятие на себя долга другого лица (перевод долга)	228

Глава V

Обеспечение договоров

§ 31. Общие замечания	233
§ 32. Неустойка	234
§ 33. Задаток	240
§ 34. Залоговое право	242
§ 35. Поручительство	253
Литература к первой части	260

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава VI

Исполнение обязательства

§ 36. Вводные замечания	270
§ 37. Предмет исполнения и замена исполнителя	272
§ 38. Качество исполнения	273
§ 39. Срок исполнения	277
§ 40. Место исполнения	280
§ 41. Способы исполнения	284
§ 42. Личное исполнение должником своего обязательства и исполнение третьим лицом	285
§ 43. Исполнение кредитором. Исполнение третьему лицу	288

Глава VII

Последствия неисполнения обязательства

§ 44. Вводные замечания	291
§ 45. Требование реального исполнения обязательства	292
§ 46. Причинная связь между поведением лица и предположимым результатом как предпосылка ответственности за вред	296
§ 47. Вина как одна из предпосылок ответственности за неисполнение обязательства и за причинение вреда	299

§ 28. Исключения из правил о А. Ответственности Б. Ответственности за статьи гражданских В. Ответственность за	340 347 351 355 363
§ 29. Ущерб, подлежащий возмещению	364
§ 30. Возникновение и содержание обязательств	381
§ 31. Прострочка должника	384
§ 32. Уплата кредитора и исполнение должника возмещаются полученным в счет и	390
§ 33. Ответственность за неисполнение обязательств обусловленность исполнения обязательств наименование в двусторонних договорах	397

В Л Е Н И Е

Глава VIII

Прекращение обязательства

§ 54. Прекращение обязательства исполнением (и. с. ст. 129 ГК)	401
§ 55. Зачет (и. с. ст. 129 ГК)	402
§ 56. Прекращение или изменение обязательства в случае прекращения или изменения алиментного обязательства, лежащего в основании данного обя- зательства	405
§ 57. Прекращение обязательства невозможностью исполнения	406
§ 58. Прекращение обязательства соглашением сторон	407
§ 59. Новация	408
§ 60. Случай прекращения обязательства смертью кредитора или долж- ника	409
§ 61. Прекращение обязательства ликвидацией кредитора и должника в одном лице	410
§ 62. Другие случаи прекращения обязательства	411
Литература ко второй части	412

Редактор *М. Е. Козин*

Художник *П. Ф. Белов*

Техн. редактор *А. Н. Макарова*

Сдано в набор 29/VI 1959 г.

Подписано к печати 8/IX 1959 г.

Формат 88 x 107/16 в 13 бумажных листах

26 печатных листов

Уч.-изд. л. 27,11

А-63477

Зап. 1773

В печ. л. 42 868 зн.

Тираж 10 000

Цена 14 р. 50 к.